

**ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК**

ISSN 2225-7314

№ 13

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

**АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ**

2018

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 13

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2018

Учредитель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
П.С. Краснов, кандидат философских наук (главный редактор),
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук, доцент,
А.К. Салмин, доктор исторических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор

Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник

Чебоксары, 2018. № 13

Научный журнал

Основан в феврале 2006 г.

Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2018

© Редакция журнала «Чувашский гуманитарный вестник» (составитель), 2018

УДК 903

ЧГВ, 2018 г., № 13
© А.Ю. Березин

КУЛЬТ КОНЯ И МИРОВОГО ДРЕВА В ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЯХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

В статье рассмотрен космогонический мир тюркских народов Поволжья, где культ жертвенного коня является частью представлений о мировом древе и веры в верховное божество. Дана интерпретация культовых вещей Волжской Болгарии. Исследованы обряды, связанные с культом жертвенного коня и священного дерева на древних чувашских святилищах. Проанализированы мифологические мотивы, связанные с жертвенным конем, мировым древом, образами верховного бога *Тенгри (Турӑ)* и богини земного начала и плодородия *Умай (Ама)* в чувашской традиционной вышивке.

Ключевые слова: археологические памятники, культ жертвенного коня, мировое древо, верховный бог *Тенгри*, богиня *Умай*, Волжская Болгария, верования чувашей, святилища, вышивка.

Задачей настоящего исследования является анализ археологических комплексов: погребений, поселений, святилищ, а также отдельных находок, в которых прослеживаются следы культа жертвенного коня и других религиозных представлений, связанных с ним.

В археологической литературе существуют два подхода к интерпретации зооморфных культов. Археолог О.В. Данилов считает, что вся жизнь на ранних ступенях развития человечества была пронизана религиозными представлениями¹. В данном аспекте все археологические артефакты, на которых изображены животные и растения, являются культовыми. Животные и растения сами также связываются с определенными религиозными, тотемическими и мифологическими представлениями. С.П. Нестеров считает, что «в свете философско-религиоведческого определения понятия “культ религиозный” под “культом коня” нужно понимать тотемические представления о коне или те религиозные воззрения, в которых конь является

Александр Юрьевич Березин – младший научный сотрудник секции археологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: terra3@inbox.ru.

объектом культа». Вместе с тем изображения коней, инкарнация богов в коня или конь как атрибут божества не являются определением культа. Он отметил, что у тюркских народов «лошадь была лишь продуктом ритуального обмена, и порой не единственным. Жертвоприношение коня кому-либо, под которым чаще и подразумевается культ коня, культом на самом деле не является. Оно, как и любое жертвоприношение, – лишь составная часть его»². С последними утверждениями не согласен К.А. Руденко. Он считает, что «на территории Среднего Поволжья и Прикамья культ коня выступал как системообразующий элемент целостного образа Мира и Вселенной». По его мнению, у народов Поволжья образ коня выступал как сложный символ, отражающий религиозные представления о мироздании, социальный статус человека, владеющего конем, элемент культуры и т.д. Это представление имело отображение в ритуалах, элементах одежды и было связано со всей жизнью человека, его основными переходами от рождения до смерти. Образ коня можно видеть в детских игрушках, подвесках, игральных костях, замках и т.д., вплоть до погребения вместе с конем³. На наш взгляд, археологи О.В. Данилов и К.А. Руденко выражают целостное понимание проявления культа в археологических источниках.

В Поволжье культ коня особенно ярко проявляется в погребальных комплексах на ранних стадиях формирования Болгарского государства. К.А. Руденко отмечает, что в Поволжье и Предуралье во второй половине I тысячелетия н.э. «в погребальной обрядности населения, жившего здесь, появляется своеобразный культ, существенной частью которого было захоронение части или полной туши коня». Если в I тысячелетии н.э. культ коня в погребальной практике населения Среднего Поволжья был «привнесенным элементом» культуры этнических традиций разных народов, то в первой половине II тысячелетия н.э. конские комплексы в захоронениях кочевого населения, как правило, отражали тюркскую погребальную традицию, являясь при этом показателем социального статуса умершего⁴.

Конские комплексы являются частью сложного представления о загробном мире. Так, среди раннеболгарских (болгаро-салтовских⁵) могильников VIII–IX вв. в погребальном обряде отмечается культ коня (рис. 1). На I Большетарханском могильнике, по описанию их исследователей, большинство могил содержало кости животных, преимущественно лошади. Череп и кости ног коня располагались над покойным и вне гробовища, поперек или вдоль могил, как правило, в мужских погребениях. Жертвенный конь в представлениях ранних болгар должен был сопровождать мужчин в загробный мир. Иногда кости животных в могилах являлись свидетельством погребальной пищи для покойника. Присутствие коня в погребении, по всей видимости, было показателем высокого социального статуса человека, а также проявлением тех или иных культурных (этнических) традиций.

Культ жертвенного коня ярко выражен в болгарских могильниках IX – первой четверти X в. Анализируя обряд захоронений на Танкеевском могильнике, Е.А. Халикова отмечает, что погребения с конем располага-

ются довольно равномерно на всей вскрытой площади могильника. На могильнике были зафиксированы остатки языческого жертвоприношения, встреченные вне погребений в верхних слоях. Такие жертвоприношения были поминальными обрядами, совершавшимися после захоронения близких людей. Среди остатков жертвенных животных преобладают кости лошади (ноги, черепа и челюсти) (рис. 1: 2). По определению А.Г. Петренко, возраст лошадей, как правило, старше 10 лет. Отмечаются 32 погребальных комплекса, состоящие из черепа и костей ног лошади, положенные, возможно, вместе со шкурой⁶. Одна из важных традиций погребального обряда Танкеевского могильника – захоронение мужчин вместе с конем (рис. 1: 3). Поскольку возраст коней в среднем от 2,5 до 7 лет, можно говорить о том, что это были взрослые, но не старые лошади, вероятно верховые.

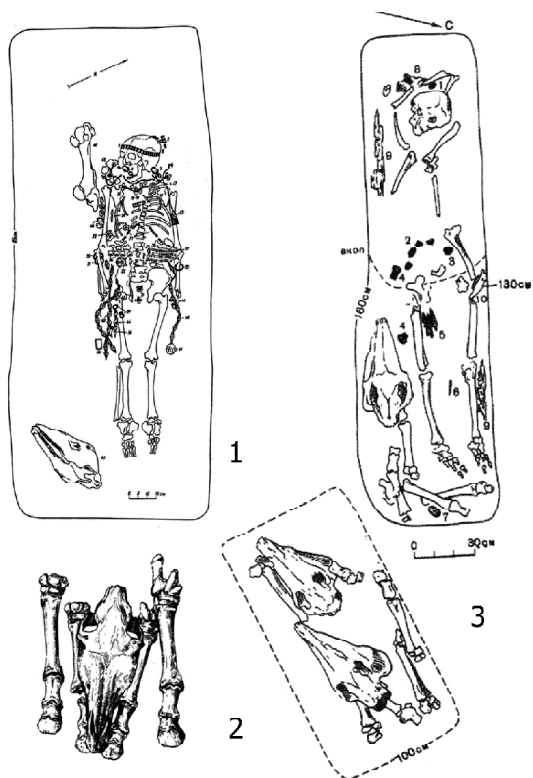

Рис. 1. Погребения с конем: 1 – Большетиганский могильник (по К.А. Руденко); 2 – поминальное захоронение свернутой шкуры с костями ног и головы лошади (по А.Г. Петренко); 3 – Танкеевский могильник (по К.А. Руденко и Е.А. Халиковой)

Таким образом, на Танкеевском могильнике зафиксированы два обряда, связанные с культом коня: в одном случае мужчину-воина отправляли в загробный мир вместе с его конем, в другом – лошадей приносили в жертву в качестве поминального подношения усопшим соплеменникам. Жертвенная лошадь в захоронении должна была служить проводником своему хозяину для перемещения в загробный мир и исправно помогать ему там, так же как при жизни. Этнографические записи так описывают обряд захоронения тюрок с конем. Покойника-мужчину всегда везли на его лошади до могилы. Вместе с покойником погребали его лошадь, которую забивали у могилы. Похоронив умершего, объезжали это место три раза по солнцу, каждый раз как бы замыкая круг. Могилу посещали на третий, седьмой, сороковой дни и через год, устраивая тризны по умершему. На поминках приносились в жертву разные животные, а лошадь – обязательно через год. Шкуру лошади вместе с головой поднимали на длинных шестах рядом с могилой⁷.

Характерная особенность мужских погребений с конем на Танкеевском могильнике – это выделение в ногах погребенного расширенной части могилы, своеобразной ниши-подбоя. В нее укладывались шкура с головой, передними и задними ногами лошади. По мнению исследователей, появление ниш-подбоев со стороны ног погребенного связано у протоболгарского населения с влиянием угорского компонента⁸. Начало этих контактов относят к гуннскому времени⁹. Эта традиция просматривается в захоронениях в Танкеевском и Большетиганском могильниках и в некоторых погребениях Большетарханского могильника. Также известны примеры захоронений целых костяков коней или их частей (череп, костей ног) с подбоями, сделанными в торцевых стенках могильных ям в некоторых протоболгарских захоронениях в Придонечье¹⁰. Нередко в этих подбоях клали лошадь со сбруей или только сбрую. Аналогии захоронения коней в ногах умершего перпендикулярно его телу имеются в погребениях венгров в Панонии¹¹. Подобные традиции отмечены в протоболгарских могильниках салтово-маяцкой культуры Среднедонецкого степного региона¹², а также на Южном Урале в погребениях турбаслинской культуры, происхождение которых связывают с тюркскими племенами¹³.

В поволжских средневековых памятниках видим смешение двух культурных традиций. Для тюркских погребений характерно размещение останков коня вдоль тела умершего, а в угорских погребениях останки коня размещаются, как правило, в ногах умершего в виде компактно сложенных черепа и костей ног, возможно, свернутых в шкуру.

В этой связи интересны наблюдения Ибн Фадлана за обычаем захоронения коня или его частей у огузов: «Если кто-нибудь из них умирает, они роют ему большую могилу в форме дома, одевают его в его [собственную] куртку, [опоясывают его] его [собственным] поясом, [дают ему] его лук, вкладывают ему в руку деревянную чашку с вином, кладут рядом с ним деревянный сосуд [с едой]. Они приносят всё его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом [покойника] усаживают в [этом доме]. Они покрывают [могилу] настилом, над которым устраивают нечто наподобие юрты из глины. Затем они берут его коней, неважно, сколько их – сто или двести голов, убивают их всех до единого и съедают их мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. Поистине они нацепляют все [что осталось от коней] на деревянные жерди и говорят: “Это его лошади, на которых он въедет в рай”. Если [умерший когда-либо] убил человека и был известным воином, то они вырезают деревянные фигурки по числу убитых им [врагов], устанавливают их на его могиле и говорят: “Вот его слуги, которые будут служить ему в раю”. Иногда же они откладывают убийство коней на день или на два. Тогда приходит к ним какой-нибудь старик из их старейшин и говорит: “Я видел такого-то (то есть умершего) во сне, и он сказал мне: “Видишь, мои товарищи уже обогнали меня, подошвы моих ног потрескались в попытке догнать их, а я не могу их догнать и остался один”. Затем они идут к коням, убивают их и раскладывают их вокруг

его могилы. Когда проходит один или два дня, этот старик приходит к ним и говорит: “Я видел такого-то во сне, и он сказал мне: “Сообщи моим домочадцам и моим товарищам, что я догнал тех, которые ушли раньше меня и что я избавился от усталости”»¹⁴.

Культ жертвенного коня, кроме погребальных комплексов, прослеживается в материальной культуре средневековых городов. На городище Биляр в ранних болгарских слоях, относящихся к X в., Ф.Ш. Хузин выделяет салтово-маяцкие компоненты в градостроительстве, планиграфии домов, керамике и граффити. Он выделяет находку – точильный брусок из сланца (рис. 2), где с одной стороны изображена фигура лошади, а с другой – «елочка» – мировое древо. По его мнению, этот рисунок лошади имеет «почти абсолютные аналогии» с рисунками на каменных блоках крепостной стены Маяцкого городища¹⁵. С.А. Плетнева, описывая рисунки на стенах Маяцкого городища, в свою очередь отмечает, что сходные сюжеты и стилистические приемы сближают эти рисунки с распространенными в средневековой евразийской степи изображениями, но особенно они близки к коллекциям рисунков из Плиски и Преслава Дунайской Болгарии¹⁶. Сюжетные линии на сланцевых брусках совпадают с таковыми на игральных костях (астрагалах) из городища Биляр и имеют аналогии в рисунках на костях из Дунайской Болгарии, Саркела, Подонья и др. Считается, что подобные знаки олицетворяют вертикальное и горизонтальное строение мира, мировое древо и в языческих представлениях служат проводниками в этот сложно устроенный мир. Связь верхнего, среднего и нижнего миров передавалась с помощью мирового древа¹⁷. Подобные предметы, в частности точильный брусок из Биляра, очевидно, не были бытовыми, так как имели сакральный смысл, что говорит об их религиозном назначении, они могли служить жертвенной или ритуальной вещью.

Среди болгарских памятников известны языческие культовые объекты. Так, при раскопках Тигашевского городища Г.А. Федоровым-Давыдовым были описаны два хронологически преемственных святилища конца IX–XI в.¹⁸ Главная площадка раннего святилища была укреплена оградой и двумя рвами. В центре располагался основной объект – «храм»-полужемлянка и жертвенные ямы, в которых были найдены черепа лошади и коровы. На полу землянки найдены кости нижней части ног лошади в анатомической последовательности. На площадке городища обнаружены ямы с останками жертвенных животных. С обрядами связаны находки на святилище глиняных фигурок лошади, медведя, овцы и птиц. Позднее на месте

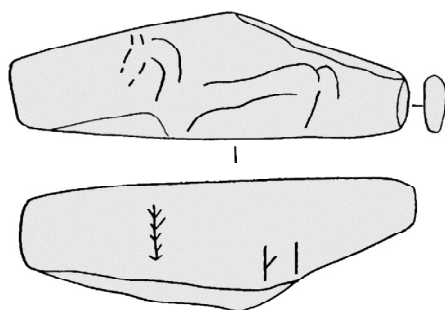

Рис. 2. Точильный брусок из сланца с изображениями лошади и мирового древа из городища Биляр (по Ф.Ш. Хузину)

землянки было сооружено большое кострище, оставившее пятно прокала на глиняной подсыпке. На рубеже X–XI вв. здесь было возведено второе святилище, окружённое прямоугольным деревянным забором с одним входом с южной стороны. В центре святилища была обнаружена прямоугольная яма (размером 1,6 × 0,75 м), ориентированная с севера на юг. В северной части были сооружены восемь ступеней, ведущих к основанию большого деревянного столба (идола, по Г.А. Федорову-Давыдову). Столб был врыт на глубину 2,25 м от древней дневной поверхности и имел основание 65 см. В верху столба был клиновидный вырез, видимо, для соединения с другой составной частью. Это сооружение – своеобразная ось мира, имеющая основание глубоко в земле, существующая в мире людей и устремленная ввысь, в небеса, – олицетворяло мировое дерево. Рядом со святилищем в одной из жертвенных ям найдены череп с костями четырех ног лошади. Г.А. Федоров-Давыдов считал, что кости лошади оказались в яме спустя некоторое время, когда шкура лошади с головой и ногами была вывешена на святилище после обряда жертвоприношения¹⁹. Он также предположил, что первое святилище связано с племенными культурами болгарского населения, а второе – с персонифицированным богом, покровителем княжеской власти.

Культ жертвенного коня, прослеженный в могильниках и святилищах средневекового населения Волжской Болгарии, вероятно, трансформируясь, сохранился у чувашей. Венгерский этнограф Д. Месарош в начале XX в. писал о лошади: «...любимое животное чувашей. Ей даже приписывают духов (*вите хуци, вусни*), любящих лошадь так же, как и люди. Духи кормят лошадей, ухаживают за ними, заплетают им гриву»²⁰. Он отмечает, что кобыла часто служила в качестве жертвенного животного, приносимого богу на коллективных молениях (*учук*) и на поминках (*пумилкке*) в честь умершего²¹.

При изучении древних чувашских святилищ археологами рассмотрены комплексы находок, свидетельствующих о культе жертвенного коня. Практически на всех памятниках мы видим один повторяющийся сюжет – останки лошади, вероятно, со шкурой у жертвенного дерева. На Шинерпосинском болгаро-чувашском святилище XII–XIX вв. в центре восточного края площадки были обнаружены кости черепов и зубы двух лошадей. Один череп принадлежал молодой особи возрастом до 2 лет, второй – старой, с сильно стертными зубами²².

На Тувсинском святилище, расположенном на высоком мысу левого коренного берега р. Большой Цивиль, были найдены кремневые отщепы, кости, зубы и фрагменты трех черепов лошадей. Черепа и нижние челюсти располагались в почвенном слое на небольшом расстоянии друг от друга. Вероятно, во время церемоний шкуры лошадей с головами были растянуты на жердях, прислоненных к священному дереву. В центре площадки мыса выявлены пятно прокала и угольки от большого кострища со слоем из плотного скопления обожженных костей животных, среди которых найдена се-

ребряная монета-чешуйка конца XVII в. Исследование костей показало, что они принадлежали небольшим малорослым и, вероятно, грацильным (степного типа) животным, сходным с лошадьми, изученными на селищах Волжской Болгарии домонгольского периода. Памятник датирован исследователями второй половиной XVII – началом XVIII в.²³

На Девлетгильдинском святилище XVIII–XIX вв. в Мариинско-Посадском районе археологами обнаружены следы святилища, огороженного забором, и сооружения. Здесь неглубоко в почвенном слое найдены два черепа и кости ног лошадей²⁴. При раскопках Сендимиркинского могильника в Вурнарском районе в верхних слоях также обнаружены следы чувашского святилища. Изучены остатки ограды, столбовых и жертвенных ям. Удалось выявить тонкую прослойку из кальцинированных костей, а также зафиксировать зубы и фрагменты черепа лошади. Монеты, найденные здесь, позволили датировать святилище XVII–XIX вв.²⁵

У многих тюркских народов, сохранивших языческую веру, в ряду жертвенных животных лошадь играет особую, почетную роль в ритуалах. Если останки других жертвенных животных, используемых в культовых обрядах и тризнах, полностью сжигались в костре, то шкура лошади с головой и нижними частями ног часто вывешивалась на всеобщее обозрение. Иногда шкура надевалась на специальную жердь, примыкающую к священному дереву. По данным археологии, на чувашских святилищах, вероятно, останки жертвенного коня в виде шкуры с головой и ногами также растягивали у священного дерева.

Как считают многие исследователи, обряд жертвоприношения коня у мирового древа – *arbor mundi*, «космическое» дерево, «ось мира» (*axis mundi*), «мировой столп», «мировая гора» – является очень древним ритуалом, когда вместо человеческих жертв начали приносить в жертву самых дорогих для человека животных – коней (*asvamedha*; на индоевропейском языке *asvattha* – столп, к которому привязывается лошадь, предназначенная для жертвы)²⁶. Мировое дерево – это мифологический образ, символизирующий столп или вертикальную ось, связанный с космогоническими представлениями многих народов, особенно восходящих к праиндоевропейскому единству. Изображение дерева – его веток, ствола и корней – как нельзя лучше подходит для отображения трехчленной структуры мира. Через мировое дерево происходит вертикальная связь с верхним, средним и нижним мирами²⁷. Жертвенный конь в этой системе занимает средний мир, поэтому изображается в средней части композиции, у ствола дерева. Предполагается, что на археологических памятниках II–I тысячелетий до н.э. из Центральной Азии образ коня у жертвенного дерева был заимствован древними тюрками от племен индоевропейских народов²⁸.

Встречающиеся на петроглифах изображения коней, привязанных к жертвенному столбу, трактуются как кони у мирового древа. Такие композиции (рис. 3) известны на писаницах в Минусинской котловине в Тепсейских скалах, относящихся к карасукской эпохе бронзового века. Обычно

Рис. 3. На-
скальное
изображение
коней
у жертвенного
столба –
мирового древа
(по С.П. Нес-
терову)

сюжет изображения складывается из пары противостоящих коней и столба (столпа) с раздвоенной верхушкой между ними. Этот сюжет сохранился в этнографических параллелях многих поволжских народов в традиционной вышивке. Образы мирового древа и жертвенных животных появляются в традиционной вышивке у марийцев²⁹ и ярко отображены у чувашей, сохранивших языческие священные рощи и святилища.

В традиционной нагрудной вышивке женского чувашского костюма *кёске* (рис. 4) обычно размещается узор, заключенный в квадрат. Сама композиция состоит из четырех одинаковых сюжетов. Расположены они по кругу как зеркальное отражение верха и низа, правого и левого. Форма круга нередко подчеркивалась дополнительными элементами, или квадратная композиция размещалась в виде ромба. Повторяющиеся сюжеты крестообразно разделены по граням квадрата главными элементами композиции – священными деревьями. В центральной части всей композиции вновь отображаются квадраты с заключенными в них равноконечными крестами. Азербайджанский ученый З.Г. Гасанов, исследуя крестообразный орнамент на богатом археологическом материале, пришел к выводу, что у тюркских народов крест, заключенный внутри квадрата или круга, олицетворяет представления о центре мира, или космической пуповине. Он считает, что орнамент из треугольников или зигзагов, как правило, олицетворяет средний мир, то есть землю и человека, которые являются объектами среднего мира³⁰.

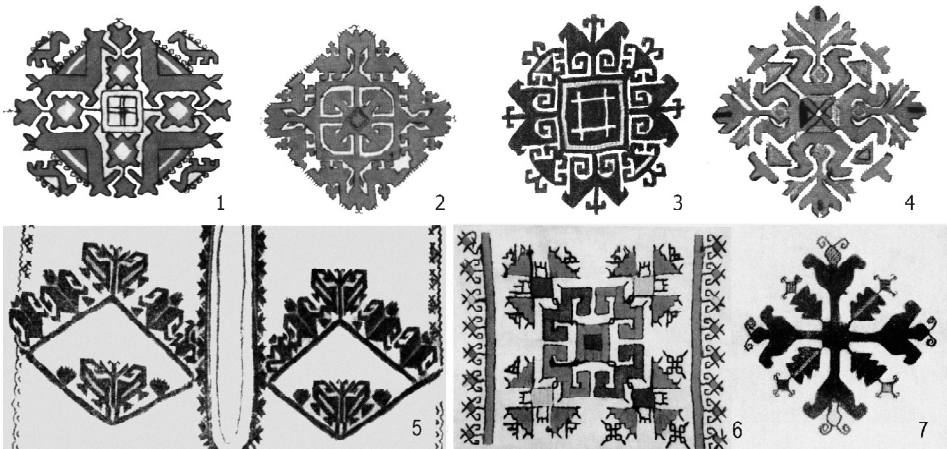

Рис. 4. Традиционная чувашская нагрудная вышивка на женских рубашках *кёске* и *пуштер* из Чувашии (1–6) и Татарстана (7) (по Г.А. Никитину, Т.А. Крюкову)

В нагрудной вышивке *кёске* изображен центр мира, и с ним тесно связаны основные элементы. Мировое древо чаще всего исходит от средней линии граней квадрата с крестом – центра мира. Изображение жертвенных животных (лошадей, птиц и др.) часто заключено в орнамент в виде треугольников, олицетворяющих средний мир. Антропоморфные фигуры божеств расположены чаще по углам внутреннего квадрата или на наклонных гранях композиции. Углы ассоциируются с вершинами гор верхнего мира. Таким образом, можно предположить, что на сюжетных композициях нагрудной вышивки *кёске* отображается космогоническая модель мира. В них вместе связаны мифологические представления о верховных божествах, центре мира, мировом древе, жертвенных конях, птицах и других животных. Емкое плоскостное изображение чувашской вышивки моделируется в объемную трехмерную структуру мира с горизонтальными и вертикальными координатами, согласно древним религиозным представлениям многих тюркских народов.

Изображения жертвенных животных в виде протомов, повернутых в сторону друг от друга, встречаются среди средневековых археологических материалов (рис. 5). Эти фигуры, по мнению М.Г. Худякова, отражают диаметрально противоположные понятия: «солнце», «свет», «жизнь» – с одной стороны, «подземный мир», «мрак», «смерть» – с другой³¹, т.е. дуалистические представления – о добре и зле, чистоте и нечисти. Плоские коньковые шумящие подвески известны из погребений раннеболгарского Танкеевского могильника³². Известны подобные изделия из Большетиганского могильника, городов Болгар и Биляр. Считается, что такие подвески имели магическое значение и могли функционировать широко в течение длительного времени³³. Они возникли в результате взаимовлияния тюркского и финно-угорского компонентов и получили широкое распространение.

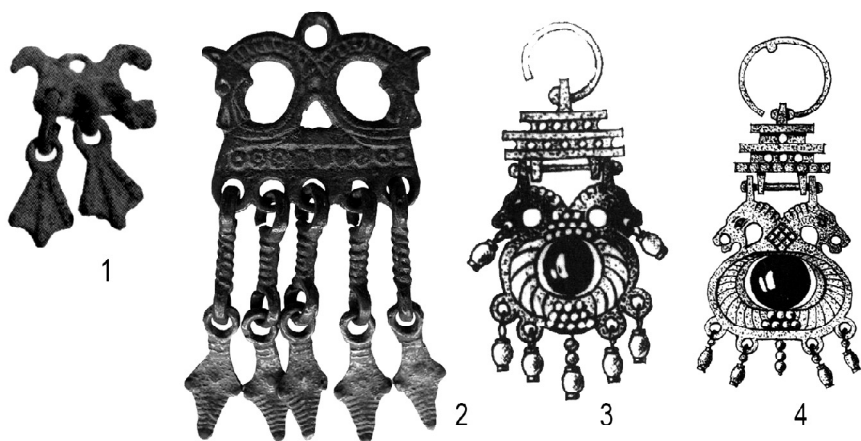

Рис. 5. Изделия с изображением протомов лошадей: 1 – коньковая подвеска из г. Болгар; 2 – финно-угорская коньковая подвеска из Камского региона; 3, 4 – серьги из Волжской Болгарии (по Ф.Х. Валееву, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой)

Протомы с изображениями лошадей, иногда схематичными, часто встречаются в сюжетах традиционной чувашской вышивки. Такие изображения лошадей создают единую композицию с мировым деревом и обращены к Божественным антропоморфным образам. Изучая Сулекские писаницы в Хакасии, И.Л. Кызласов отметил, что, по крайней мере, к периоду VI–VIII вв. у тюркоговорящих обществ божества стали приобретать антропоморфный облик³⁴. Ему также удалось обосновать религиозный иконографический образ древнетюркских божеств *Тенгри* и *Умай* с трехрогими тиарами на голове, унаследовавших сасанидские образы Древнего Ирана. В иранском искусстве Божественную сущность олицетворяли фронтально развернутые рога горного барана на шлемах и коронах. Вероятно, и в чувашской традиционной вышивке образы верховных божеств изображались в стилизованных двух- или трехрогих тиарах (рис. 4: 2–7).

На наш взгляд, в чувашской вышивке может быть заключен сюжетный образ «брачного союза» верховного бога *Турь* (*Тенгри*) и богини плодородия *Умай* рядом с протомами коней, изображенных как одно целое со священным деревом (рис. 4: 3, 5, 6). В чувашской мифологии доподлинно неизвестно, какое женское божество является супругой бога *Турь*, но есть упоминания³⁵. Наиболее вероятно, что женой бога *Турь* является богиня земли *Ама*³⁶. В этой связи интересна композиция вышивки рубахи чувашской девушки середины XIX в. (рис. 4: 5)³⁷. Эта редкая вышивка показывает реалистичный трехмерный сюжет. Мы видим ромб, верхние грани которого образуют мировую гору, на вершине которой мировое дерево с приподнятыми от «земли» священными (мировыми) конями. На нижних гранях этой композиции среднего мира жертвенные кони как бы подвешены на шестах у священного дерева. На склонах горы изображены две отдельные сцены. На одной стороне горы – две сидящие рядом антропоморфные фигуры: мужского образа бога *Тенгри* (*Турь*), на голове которого двурогая тиара, и женского образа богини *Умай* (*Ама*) с трехрогой тиарой. На другой стороне можно видеть богиню *Умай* (*Ама*) с ребенком. В мифологии тюркских народов *Умай* выступает как покровительница детей³⁸, так же как и богиня *Ама* в образе женщины-матери. Интересен треугольный объект, изображенный в вышивке возле ног женского божества. Треугольник – символ богини *Умай* (*Ама*), и, возможно, в вышивке он представляет кусок глины (ила), из которого, как сказано в мифологических текстах, сотворен (слеπлен) земной мир или даже вся Вселенная.

Подобные иконографические сюжеты бога *Тенгри* и богини *Умай* встречаются на писаницах, погребальных камнях и на культовых изделиях VI–VIII вв. раннетюркских археологических памятников Средней Азии и упоминаются в древних текстах³⁹. Не исключено, что некоторые подобные сюжеты с сидящими мужчиной и женщиной в трехрогой тиаре являются изображениями знатных правителей⁴⁰. Однако следует от-

метить, что подобная иконография тюркских правителей подчеркивает их Божественное подобие. И нет никаких сомнений в том, что птичий силуэт с личиной в трехрогой тиаре на многочисленных культовых предметах не что иное, как устоявшаяся иконография богини *Умай*⁴¹. В тех случаях, когда на чувашской вышивке иконография Божественных образов сильно стилизована, то лики антропоморфных фигур выделяются между собой светлым и темным оттенками, а сама стилизация подчеркивает женское и мужское начала (рис. 5: 3, 6, 7). Есть в чувашских вышивках стилизованные изображения богини *Умай* (*Ама*) рядом с протомами уточек, которые объединяют центр мира и росток священного дерева, проросшего из семени (рис. 5: 4). Вероятно, что изображение ростков священных деревьев в виде проросших семян как символа сохранения и продолжения священных рощ – распространенная тема в чувашской вышивке (рис. 5: 1, 4). Всадник на коне у мирового дерева в некоторых чувашских вышивках, вероятно, также представляет образ верховного бога или правителя людей.

Образ мирового дерева и богини *Умай* можно встретить и на редких примерах шитья Волжской Болгарии. Интересен женский головной убор из захоронения № 89 мавзолея некрополя XIV в. из г. Болгар. Погребение было совершено по языческому обряду. Усопшая лежала на спине, с руками на груди, в гробу из досок⁴². Искусствоведы Ю.В. Федотова, Г.Ф. Валеева-Сулейманова и М.Ю. Визгалова описывают, что в могиле обнаружены остатки шелковых тканей и частично сохранившийся комплекс головного убора с золотым шитьем. Эта находка шитья является уникальной для памятников средневекового искусства и остается пока «единственным подлинным элементом болгарской одежды, входящим в комплекс праздничного костюма молодой женщины»⁴³. На головном уборе с золотым шитьем – тюрбане (сурбане) – изображен стилизованный орнамент в виде чередующихся мотивов мирового дерева и женского образа, возможно относящегося к богине *Умай*. В вышивке часть элементов узора стилизована под желуди дуба. «Желудеобразный» мотив считается характерным для болгарского искусства. Исследователи данного головного убора пришли к выводу, что сильная стилизация языческих образов под растительный орнамент, вероятно, связана с влиянием ислама⁴⁴. Это захоронение еще раз показывает, что язычество не было «забыто» в болгарскую эпоху и имело место среди знати в золотоордынское время.

В книге о происхождении чувашского народа В.Ф. Каховский полагает, что *Тенгри* был верховным богом болгар и савир⁴⁵. В древних источниках II–X вв. сообщается, что малочисленные народы, обитавшие около Кавказских гор: савиры, гунны и другие тюркоязычные племена – почитали бога Тенгри-хана⁴⁶. У тюркских народов Поволжья верховный бог *Тенгри* произносится: у татар и башкир – *Тэнгри*, у чувашей – *Турй*. У тюркологов имеются основания для предположения о наличии генетической связи

предков чувашей с древними хунну и позднее гуннами и савирами⁴⁷. Как мы уже писали, у гуннов были огромные священные деревья, вблизи которых проводились обряды жертвоприношения богу Тенгри-хану. У казахов есть предание, что на стыке миров протекает мировая река [возможно, р. Терек на Северном Кавказе]. На ее берегу возвышается древо жизни – Байтерек (казах. *бәйтерек* «тополь», «опора, защитник»), корнями удерживающее землю, а кроной подпирающее небо⁴⁸. Название священного дерева *Байтерек* складывается из *бай* (тюрк. *bәu* «властитель») и *терек* (тюрк. «тополь»). На чувашском языке тополь – *тирек*. К самым большим деревьям тугайных⁴⁹ лесов среднеазиатского и закавказского происхождения относится тополь разнолистный, или тополь евфратский, или тополь закавказский и др.; все они имеют общее название *туранга* (Turanga Vge). Туранга (казах. *Турангыл*) – священное дерево у многих тюркских народов, об этом дереве сложены легенды и предания.

У тюркских народов бытуют предания о Тенгри-хане⁵⁰. Исследователь М.И. Артамонов приводит рассказ о миссии албанского епископа Исраеля, в нем говорится о религии гуннов⁵¹. У гуннов пользуется почитанием бог *Тенгри-хан* (*Тангри-хан*), который соответствует владыке неба и земли, представляющемуся в образе исполина. Гунны одинаково почитали солнце, луну, огонь и воду. Тенгри-хану посвящаются большие деревья, особенно почитают один дуб, где приносятся в жертву кони. Кровь жертвенной лошади проливалась вокруг священного дерева, а ее голову и шкуру вешали на сучья⁵².

Можно высказать гипотезу, что небесный бог *Тура* (*Турӑ*) был связан с большими деревьями, таким деревом в прошлом у гуннов мог быть тополь *туранга*. Дерево *туранга* своим могучим, корявым, дуплистым видом, своей кроной и разнолистной листвой напоминает дуб и иву-ветлу, издревле почитаемые у чувашского народа. Самое большое дерево на р. Терек – тополь-туранга. Можно предположить, что у чувашей названия тополя (*тирек*) и бога (*Турӑ*) связаны, эти понятия появились у предков чувашского народа на Северном Кавказе. Интересно, что с древнего литературного языка санскрит, бытовавшего на севере Индии, *туранга* переводится как «лошадь»⁵³. *Туранга* упоминается в индуистской мифологии IX–XVI вв. в контексте о небесных желтых конях, которые описаны в песнях «Шримад Бхагаватам»⁵⁴.

Культ коня становится более понятным и выразительным, если рассматривать археологические источники как целостные сюжетные композиции, отражающие мифологические, религиозные и космогонические представления древних народов. В результате нашего исследования мы выяснили, что культ коня у тюркских народов Поволжья тесно переплетается с представлениями о мировом древе, великом боге *Тенгри* (*Турӑ*) и богине плодородия *Умай* (*Ама*). Символ жертвенного коня у мирового древа – проявление древнейших традиций, уходящих корнями к бронзовому веку. Прототюрки наследовали и развили индоиранские представления

об устройстве мира. На заре Болгарского государства в Поволжье сосуществовали общности разноэтничного населения с взаимным наследованием общекультурных компонентов и религиозных представлений, что прослеживается в погребальных обрядах и вещественном материале.

Чуваши как потомки болгар сохранили часть древнетюркских языческих представлений о мировом древе и небесном боге *Тенгри (Турй)*, богине *Умай (Ама)* и другие тенгрианские мифологические представления. Чуваши в недалеком прошлом в религиозных обрядах совершали жертвоприношения коней и других животных у священных деревьев. Чувашская традиционная вышивка сохранила отголоски мифологических образов и сюжетов своих предков.

Археологические материалы дают достаточную базу для изучения духовной и религиозной культур средневекового населения Поволжья. В Волжской Болгарии как в полиэтничном обществе сосуществовало несколько религиозных учений. Тенгрианство являлось наиболее древним и исконным для тюркских народов. Эта вера была понятна и большому кругу финно-угорского населения, о чем свидетельствует синкретизм культовых вещей разных народов Волжской Болгарии. Татарские исследователи отмечают, что языческие религии в Волжской Болгарии отсутствуют как целостное мировоззрение и бытуют лишь в форме пережитков в народной и элитарной культуре⁵⁵. Наши исследования еще раз ставят под сомнение категоричность и ограниченность подобных суждений. Осмысление религиозных верований тюркских народов Поволжья в разные исторические эпохи может быть осуществлено только совместными усилиями археологов, этнографов, искусствоведов, фольклористов и языковедов.

Литература, источники и примечания

¹ Данилов О.В. Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья / ред.-сост. А.Г. Иванов, Д.Ю. Ефремова; Нац. музей РМЭ им. Т. Евсеева. Йошкар-Ола, 2016. С. 8.

² Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. С. 91, 117.

³ Руденко К.А. Конские захоронения и культ коня в Среднем Поволжье и Предуралье во второй половине I – первой половине II тыс. н.э.: к постановке проблемы // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии / под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Азбука, 2008. С. 147.

⁴ Руденко К.А. Конские захоронения ... С. 147.

⁵ Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. 2. Казань: Заман, 2014. 528 с.

⁶ Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 84–85.

⁷ Бисенбаев А.К. Мифы древних тюрков. Алматы, 2007. 129 с.

⁸ Казаков Е.П. Об одном из вариантов культа коня в средневековых памятниках Евразии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1981. С. 66; Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 83.

⁹ Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи

Европы в эпоху Средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001. С. 203; *Тортика А.А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – первая четверть X в.). Харьков: ХГАК, 2006. С. 106, 107.

¹⁰ *Аксенов В.С.* К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника // *Вісник ХДУ.* № 396. Харків, 1997. С. 31–37; *Иченская О.В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // *Древности Среднего Поднепровья.* Киев: Наукова думка, 1981. С. 80–96.

¹¹ *Балинд Ч.* Погребения с конем у венгров в IX–XI вв. // *Проблемы археологии и древней истории угров.* М.: Наука, 1972. С. 181.

¹² *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999. С. 77.

¹³ *Мажитов Н.А.* Южный Урал в IX – начале X в. // *Степи Евразии в эпоху Средневековья* / отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 80–82.

¹⁴ Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара // [Ахмад ибн Фадлан] *Книга Ахмада ибн Фадлана* / пер. с араб. и примеч. В.С. Кулешова. М.: Изд. дом Марджани, 2016. С. 29.

¹⁵ *Хузин Ф.Ш.* Салтовский компонент в культуре населения раннего Булгара (Биллярского городища) // *Ранние болгары в Восточной Европе.* Казань, 1989. С. 68–69.

¹⁶ *Плетнева С.А.* Рисунки на стенах Маяцкого городища // *Маяцкое городище.* М.: Наука, 1984. С. 90.

¹⁷ *Нахапетян В.Е.* О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // *Ранние болгары в Восточной Европе.* Казань, 1989. С. 78, 88. Рис. 2.

¹⁸ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // *Материалы и исследования по археологии СССР.* М., 1962. № 11. С. 49–89.

¹⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Курганы, идолы, монеты. М., 1968. Т. 4. С. 19–20.

²⁰ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

²¹ Там же. С. 80.

²² *Харитонова В.Г.* Отчет об археологических разведках в Чебоксарском районе Чувашской Республики в 2012 г. // *Архив ИА РАН.* Р-1; *Березина Н.С.* Отчет об археологических раскопках на Шинерпосинском святилище в Чебоксарском районе Чувашской Республики в 2014 г. // *Архив ИА РАН.* Р-1; *Березина Н.С., Харитонова В.Г., Ефремова Д.Ю.* Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // *Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября–2013 г.).* Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 56–65.

²³ *Березин А.Ю.* Отчет о результатах археологической разведки на территории Чебоксарского и Цивильского районов Чувашской Республики в 2008 г. // *Архив ИА РАН; Разведки в Цивильском и Чебоксарском районах Чувашской Республики* / А.Ю. Березин, Н.С. Березина, М.Ш. Галимова, Е.П. Михайлов, О.В. Лощманова, Н.С. Мясников // *Археологические открытия 2008 года* / отв. ред. Н.В. Лопатин. М., 2011. С. 339–340; *Березин А.Ю.* Новые археологические памятники в Чебоксарском и Цивильском районах (по материалам разведок 2008 года) // *Чувашская археология.* Чебоксары, 2012. Вып. 1. С. 294–302.

²⁴ *Березина Н.С.* Отчет об археологических разведках, проведенных на территории Мариинско-Посадского, Моргаушского, Цивильского районов Чувашской Республики, Дрожжановского района Республики Татарстан в 2013–2014 гг. // *Архив ИА РАН; Мясников Н.С.* Отчет об археологических раскопках Девлетгильдинского святилища в Мариинско-Посадском районе Чувашской Республики в 2015 г. // *Архив ИА РАН.*

²⁵ *Березина Н.С., Мясников Н.С.* Отчет об археологических раскопках Сендими́ркинского могильника в Вурнарском районе Чувашской Республики в 2014 г. // *Архив ИА РАН.*

²⁶ *Иванов В.В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva «конь» // *Проблемы истории языков и культуры народов Индии.* 1974. С. 92; *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. С. 265.

²⁷ *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // *Sign Systems Studies*. 1971. Т. 5. № 284. С. 9–62; *Топоров В.* Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Litres, 2018. Т. 1. 448 с.; Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.

²⁸ *Иванов В.В.* Опыт ... С. 92; *Шер Я.А.* Петроглифы ... С. 144. Рис. 69. С. 147. Рис. 72. С. 265–270; *Нестеров С.П.* Конь в культах ... С. 111.

²⁹ *Охотина Н.М.* Культ коня в поздний период марийского язычества (XVIII – начало XX века) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 2 (1). С. 195–200.

³⁰ *Гасанов З.Г.* Социально-культурные ценности скифов: древних ашгузов /ишгузов /гузов. Астана, 2013. С. 259.

³¹ *Худяков М.Г.* Культ коня в Прикамье // *Известия ГАИМК*. 1933. Вып. 100. С. 251–279.

³² *Казаков Е.П.* Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*. Казань, 1971. С. 114. Табл. XI, 5, 6.

³³ *Голубева Л.А.* Коньковые подвески Верхнего Прикамья // *Советская археология*. 1966. № 3. С. 88. Рис. 7, 16.

³⁴ *Кызласов И.Л.* Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 4. С. 39.

³⁵ *Салмин А.К., Арутюнов С.А.* Система верований чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 26.

³⁶ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959. С. 19–20.

³⁷ *Никитин Г.А., Крюкова Т.А.* Чувашское народное изобразительное искусство. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 24. Рис. 7.

³⁸ *Потанов Л.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // *Тюркологический сборник*, 1972. М., 1973. С. 266–268.

³⁹ *Худяков Ю.С.* Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства номадов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего Средневековья // *Древности Сибири и Центральной Азии*. Горно-Алтайск, 2010. № 3 (15). С. 93–103.

⁴⁰ Там же. С. 102, 103.

⁴¹ *Король Г.Г.* Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюрвтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // *Народы и религии Евразии*. 2017. № 8 (8). С. 47–63.

⁴² *Лазукин А.В.* Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // *Поволжская археология*. 2014. № 2. С. 145–164.

⁴³ *Федотова Ю.В., Валеева-Сулейманова Г.Ф., Визгалова М.Ю.* Головной убор из погребения женщины XIV в. на территории г. Болгара (тюрбан с золотым шитьем и сетчатым покрывалом) // *Поволжская археология*. 2017. № 2 (20). С. 224. Рис. 3, 5.

⁴⁴ Там же. С. 227–228.

⁴⁵ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 285.

⁴⁶ *Кесарийский Прокотий.* Война с готами / пер. С.П. Кондратьева. М.: Наука, 1950. С. 407.

⁴⁷ *Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 41–44.

⁴⁸ *Бисенбаев А.К.* Мифы древних тюрков. Алматы: Ан-Арыс, 2008. 120 с.

⁴⁹ Тугайные леса, тугай (тюрк.) – разновидность пойменных лесов, возникающая по берегам непересыхающих рек Средней и Центральной Азии, таких как Сырдарья, Амударья, а также в предгорьях и сухих степях Евразии, например вдоль рек Терек, Кура и др.

⁵⁰ *Шаманов И.М.* Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // *Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии*. Черкесск, 1982. С. 157.

⁵¹ *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 187.

⁵² *Каганкатвази М.* История агван. СПб.: Императ. акад. наук, 1861. С. 200.

⁵³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / под ред. К.К. Арсентьева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Семеновская типолитогр. И.А. Ефрона, 1902. Т. 34 (67). С. 84.

⁵⁴ Шримад Бхагаватам. Песнь первая – десятая. Перевод с санскрита и комментарии Шри Шримад Ач Бхактиведанта Свами Прабхупада Дваракы. М., 1989. Т. 96.

⁵⁵ *Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л.* Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // *Филология и культура*. 2013. № 1. С. 215.

A.Y. Berezin

THE CULT OF HORSE AND WORLD TREE IN TRADITIONAL CULTURAL BELIEFS OF TURKIC PEOPLES OF THE VOLGA REGION (BY THE MATERIALS OF ARCHEOLOGICAL MONUMENTS)

The article considers cosmogonic world of the Volga region Turkic peoples in which the cult of the sacrificial horse is a part of beliefs of the world tree and worshipping of the supreme deity. It gives interpretation of ceremonial items of Volga Bulgaria. The article explores ceremonies referring to the cult of the sacrificial horse and the sacred tree performed at the Chuvash sanctuaries. It analyzes mythological grounds connected to the sacrificial horse, the world tree, images of the supreme deity Tengri (Tura in Chuvash language) and the goddess Umay (Ама in Chuvash language) of the earth principality and fertility in Chuvash traditional embroidery.

Keywords: archeological monuments, cult of the sacrificial horse, the world tree, supreme deity Tengri, goddess Umay, Volga Bulgaria, beliefs of Chuvash people, sanctuaries, embroidery.

УДК 94(470)“.../05”

ЧГВ, 2018 г., № 13
© А.Р. Мухамадеев

СПОСОБЫ И НОРМЫ БРАКОСОЧЕТАНИЯ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

Автор статьи на основе исторических источников делает попытку выявить способы приобретения невесты, правовые основания и запреты для вступления в брак, правила уплаты за невесту выкупа и другие обычаи, связанные с бракосочетанием. Данные письменных источников подтверждаются этнографическим материалом, который показывает не только параллели, но и преемственность брачных традиций волжских болгар с чувашами и казанскими татарами.

Ключевые слова: волжские болгары, чувашаи, татары, сватовство, брачный договор, бракосочетание, калым, свадьба, экзогамия.

Цель настоящей статьи – показать давние традиции и принципы бракосочетания, восходящие к болгарскому периоду. В связи с этим ставятся задачи выявления на основании источников общих правил и особенностей сватовства как брачного договора, способов приобретения невесты. Также рассматриваются причины запретов на вступление в брак, принцип экзогамии. Освещаются условия, правовые и традиционные основания для вступления в брак. Богатый историко-этнографический материал, примененный автором статьи, стал дополнительным доказательством и существенно обогатил ее содержание.

Правила и принципы сватовства и бракосочетания чувашей и казанских татар имеют древние корни. Более или менее прямую преемственность мы можем наблюдать с болгарского периода. В целом же, нормы, регламентирующие порядок вступления в брак в болгарском обществе, были весьма сходны с подобными нормами многих тюркских народов, не только современными им, но и бытовавшими в разные периоды.

Семья у волжских болгар доисламского периода создавалась в результате церемонии бракосочетания (свадьбы, женитьбы). Сообщение Ибн

Алмаз Раисович Мухамадеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: almazrm42@mail.ru.

Фадлана не оставляет сомнений в том, что волжские болгары устраивали полноценные свадьбы. При этом правитель болгар получал от этих свадеб положенные ему подношения, исходя из размеров пиршества¹. Несмотря на то что мед (медовый напиток) или скот, выручаемые правителем от болгарских свадеб, тракуются как налоги, одновременно они похожи на подношения, «подарки» с целью получения разрешения и благословения бракосочетания со стороны властей. Вместе с тем свадьба, в отличие от бракосочетания мусульманского образца, не имела религиозный оттенок, а была специальным торжественным актом соединения двух людей в целях создания новой семьи². На сегодняшний день это обстоятельство более характерно для чувашской свадьбы, чем для татарской, так как последняя насквозь пропитана исламскими предписаниями.

Инициатива сватовства у древних тюрков принадлежала мужчинам³. Впрочем, способы приобретения невест у тюрков, в том числе у болгар, не исчерпывались только сватовством. Обратимся к этнографическому материалу. Н.В. Никольский выявил следующие исторически сложившиеся формы заключения брака у чувашей XIX – начала XX в.: «1) по предварительному согласию и договору с невестой и ее родителями, 2) женитьбы через похищение невесты. Сватун договаривается относительно калыма»⁴.

Г. Ахмеров, изучавший историю семейно-брачных взаимоотношений и свадебных обрядов казанских татар, указывал на три способа приобретения невесты: 1) похищение путем насильственным, то есть против воли как самой девушки, так и ее родных; 2) добровольный уход девушки из родительского дома к жениху – по обоюдному с ним соглашению, но без ведома и согласия родителей; 3) в порядке обыкновенного сватовства, по воле и предварительному соглашению родителей сторон. При этом исследователь отмечал, что как способы приобретения невесты, так и свадебные обычаи татар представляют резкие отличия от обычаев и обрядов прочих их соплеменников и имеют большое сходство с обрядами чувашей, черемис (мари. – *А.М.*), мордвы и вотяков (удмуртов. – *А.М.*), что указывает на их близкое соседство с древних времен и взаимное влияние⁵.

Неизвестный автор «Булгарийа» (истории Булгара начиная с основания государства Волжской Болгарии до создания Казанского ханства) сообщает, что если молодой человек хотел жениться на девушке, то он непременно должен был просить разрешения у ее родителей. Независимо от того, любила она потенциального жениха или нет, девушка могла выйти замуж только с согласия родителей⁶.

Сватовство – древний брачный договор, весьма практиковавшийся у большинства народов мира с некоторыми разновидностями и вариантами. Среди тюрков был распространен и обычай сватовства малолетних или еще даже не родившихся детей, что дает возможность применить этот обычай и к волжским болгарам языческого периода. Так, большинство вариантов тюркского лиро-эпического сказания «Кузы-курпяч и Баян-сылу», происхождение которого отнесено примерно к X в., начинается с того, что

во время охоты двое друзей договариваются о женитьбе своих будущих детей в случае, если у одного из них родится сын, а у другого дочь. В целом, этот мотив сватовства малолетних или еще не родившихся детей также является международным, но более характерен для фольклора тюркоязычных народов. Исследователи утверждают, что подобный обычай существовал в среде казанских татар⁷.

Против воли своей матери Кузы женился на Баян-сылу, несмотря на то, что их разлучили еще в малолетстве и они даже не знали имени друг друга. Это объясняется тем, что отец Кузы перед гибелью договорился с отцом девушки Кара-ханом женить своего сына на его дочери. Нарушение его последней воли, завещания было бы оскорблением памяти отца, кощунством. Беспрекословное выполнение заветов предков явилось одним из важнейших условий возникновения и формирования многих обрядов и обычаев, которые со временем превратились в неписанные нормы права. Изначально зарождение и закрепление подобного закона были связаны с древнейшими представлениями людей, со страхом перед умершими, с почитанием культа предков. Преодолевая труднейшие преграды, Кузы всю жизнь борется за выполнение желания отца и требований древнего обычая. Желание родителей женить Кузы на Баян основывалось, по мнению ученых, и на стремлении к объединению родов, созданию крупных племенных образований⁸.

Изложенное позволяет понять, что поступки героя не столько мотивированы чувством привязанности или любви к невесте, сколько определяются требованиями норм обычного права, условиями древних обычаев и обрядов, социально-экономическими причинами, особенностями семейно-брачных и родственных отношений⁹.

В преданиях балкарцев, являющихся, по мнению некоторых ученых, потомками так называемых «черных болгар», оставшихся после хазарского нашествия на приазовскую Великую Болгарию на территории Северного Кавказа, также имеются свидетельства о наличии у болгар брачного договора. В сказании «Два парня» двое мужчин, у одного из которых был сын, а у другого дочь, намеревались заключить между собой брачный договор. Однако незадолго до этого умирает отец парня, и сторона девушки заключает договор с другим парнем. В первую брачную ночь девушка сообщает новому жениху о своем обещании первому парню, после чего жених отводит ее к нему, но последний решает вернуть жениху невесту нетронутый¹⁰. Факт возвращения невесты вторым женихом первому парню по ее требованию говорит об авторитете брачного договора (пусть даже несостоявшегося), попытке восстановить справедливость и закон¹¹.

В татарской версии Алпамыш, чтобы выбраться из заключения, обещает дочери враждебного хана Кылтапа, бросившего его в зиндан, жениться на ней. Однако, после того как с ее помощью выбирается из зиндана, Алпамыш тайно сбегает из дворца хана Кылтапа и направляется к жене Сандугач¹². Здесь мы видим отголоски пусть вынужденного, но устного

брачного договора, который заключается непосредственно между женихом и невестой, при котором не учитывается мнение родителей. Надо думать, что обман Алпамыша и его побег «из-под венца» — это наслоение, связанное с сюжетной линией эпоса¹³.

Бракосочетания, как правило, приурочивались к определенным календарным датам. Позже свадебные обряды казанских татар, например, были тесно связаны с празднованием джиенов, проводившихся до наступления важных сельскохозяйственных работ. Молодежные гуляния проходили на лугах или лесных опушках. Татарский этнограф Г.М. Хисамутдинов, обстоятельно изучивший происхождение джиенов и их значение в семейно-общественном быту казанских татар, подчеркивает, что первое знакомство по древнему обычаю должно было состояться именно во время джиена. В целях восстановления более древнего значения джиенов ученый провел специальные историко-этнографические исследования, позволившие ему выдвинуть положение о том, что в далеком прошлом джиены «составляли коллективы людей, связанных между собой родственными узами, общностью территории и хозяйства». Как предполагает Г.М. Хисамутдинов, джиенные округа существовали уже в болгарский период, джиенный порядок организации населения пришел в край вместе с древними тюркскими племенами, представлявшими тогда кочевые объединения¹⁴.

В историко-этнографической литературе отмечалось, что для чувашей и казанских татар были характерны обычаи, запрещавшие брачные связи односельчан в пределах семи поколений¹⁵. Если учитывать существование у казанских татар экзогамии в отношении родственных семейных групп, становится ясно, что проведение джиена способствовало установлению брачных связей вне пределов родного селения или определенной группы деревень. Надо предполагать, что выбор брачного партнера за пределами своей деревни как важный элемент фамильно-родовой экзогамии существовал и в болгарский период.

Экзогамия – явление, распространенное в брачно-семейных отношениях многих народов, в том числе и древних тюрков. Нормы обычного права тюркских народов Сибири и Средней Азии, например, предписывают брак вне своего рода. У казахов, по сообщению М. Ауэзова, брак допускается только при отсутствии кровного родства до седьмого предка. По свидетельству казахского просветителя Алтын-Сарина, знатные ордынцы (то есть родовая аристократия казахов) всегда старались сватать за сына дочь таких же знатных лиц, только совершенно другого рода¹⁶. Относительно социальной принадлежности как критерия при выборе партнера у казанских татар историко-этнографические исследования показывают, что выбор, как правило, ограничивался лицами своего социального круга.

Одним из основных условий бракосочетания являлась уплата выкупа за невесту, называемого у тюрков «калым». Про обычай женитьбы у тюрков-гузов Фадлан говорил следующее: «...если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи – или дочь его, или его сестру,

или кого-либо из тех, кем он распоряжается, – за столько-то хорезмийских одежд и если он заплатит это, то он везет ее к себе. Иногда калымом бывают верблюды, или лошади, или что-либо другое. И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласилась ее “опекун”. А если он уплатит это ему, то идет, не стесняясь, пока не войдет в жилище, в котором она находится, и не возьмет ее в присутствии ее отца, ее матери и ее братьев, и они ему в этом не препятствуют»¹⁷.

В целом обычай платить калым существовал у многих народов, как мусульман, так и язычников. Гардизи говорит о традициях мадьяр, к тому времени язычников: «Относительно сватовства у них есть следующий обычай. Сватаясь на какой-либо женщине, жених уплачивает калым из большего или меньшего количества лошадей, сообразно своему богатству. Во время переговоров о калыме отец невесты приводит отца жениха в свой дом, собирает все, что у него есть из мехов, горносталя, бобра, белки, куницы, лисицы... он выбирает 10 мехов, свертывает их на ровном месте, привязывает их к лошади отца жениха и отпускает последнего домой. Тот присылает за невестой условленный калым из лошадей, денег и товаров; тогда ту женщину приводят к нему в дом»¹⁸.

Калым как обязательный атрибут и часть бракосочетания сохранялся в брачно-семейном праве казанских татар до недавнего времени. При этом материальный взнос жениха в большинстве случаев так и продолжал называться (*калым, калын*), тогда как в мусульманской традиции его принято называть «махр». Как показывает богатый этнографический материал XIX–XX вв., у казанских татар диапазон даров со стороны жениха был довольно разнообразным, кроме денег, это могли быть скот, одежда, обувь, украшения, продукты питания, предметы быта и т.д. При разводе средства, поступившие в виде калыма, становились предметом раздела имущества между супругами.

«...Родители или вместо их ближние сродники девок даром замуж не выдают, но по татарскому обыкновению за вывод ее платит жених несколько денег, что у татар *калым*, у черемисов *олон*, у чуваш *голон окси*... – свидетельствует об обычаях народов Казанской губернии XVIII в. Г.Ф. Миллер. – Таких выводных денег дается много или мало, смотря по красоте, богатству и знати невесты; или у жениха уже много жен есть или было; а больше смотрят на богатство, сколько отцы или сродники за невестою дают приданого... Ежели кто сверх первой жены похочет взять другую, то отцы, опасаясь будущего между женами ревнования, дочерей своих выдают неохотно и того ради просят за них дороже. Равным же образом, когда у кого несколько жен умерло, то не меньше же имеют опасения в случае смерти о наследниках. Первого обыкновения наипаче держатся черемисы, а последнего вотяки»¹⁹. Относительно чувашей XIX – начала XX в. Н.В. Никольский писал, что калым являлся не только стоимостью женщины, но и гарантией личных и имущественных прав. При деспотичном обращении мужа жена может уйти от него, забрав все свое имущество, движимое и недвижимое²⁰.

В кипчакской версии Алпамыша ханы условились обручить своих детей до их рождения, но один хан умер, а другой отказался выдать дочь за сироту. После этого Барсын велит будущему мужу «подарить что-нибудь» ее родителям, то есть заплатить калым. Но мать, отец, брат поочередно не принимают подарков; брат поясняет: «Ты вышла замуж по своим расчетам»²¹. Кроме уплаты калыма, здесь описаны и другие немаловажные условия и традиции бракосочетания: сватовство малолетних, то есть брачный договор между родителями, способ приобретения невесты и проч. Невеста выходит замуж «по своим расчетам», то есть по обоюдному согласию с женихом уходит к нему, когда не учитываются другие традиционные факторы и условия.

Касааясь правовых оснований для вступления в брак и способов сватовства у волжских болгар, П.В. Денисов ссылается на сообщение ал-Гарнати, который говорит об обычае набрасывать женихом на голову понравившейся девушки (до замужества они ходили с открытой головой. – А.М.) покрывало (головной убор), после чего она становилась супругой. Этот обычай до последнего времени бытовал и среди дунайских болгар и венгров. Согласно ссылке П.В. Денисова, цитата арабского путешественника им взята из сборника мусульманских писателей, опубликованных А.Я. Гаркави²². Как известно, указанный труд охватывает свидетельства мусульманских писателей с VII по X в., тогда как ал-Гарнати посещал Волжскую Болгарию намного позже – в XII в. Нами не найдено в трудах ал-Гарнати этих сведений. Возможно, автор в данном случае имеет в виду другой источник, или же им допущена опечатка.

Вместе с тем высказывание П.В. Денисова относительно замужних женщин-болгарок, обязанных ходить с покрытой головой, не лишено оснований. Этнографы подтверждают, что у определенных групп населения Среднего Поволжья нечто подобное сохранилось практически до настоящего времени. Еще в начале XX в. у кряшен бытовал такой обычай, как избегание (*оялу*), включавший в себя целую серию запретов. Один из таких запретов – жена не могла показаться перед родственниками мужа с непокрытой головой²³.

Таким образом, мы можем констатировать, что чувашаи и казанские татары имеют давние традиции и принципы бракосочетания, восходящие к болгарскому периоду. Некоторые из них дошли до сегодняшних дней. Существовало несколько исторически сложившихся способов приобретения невесты, включая обычное сватовство. Как правило, заключался брачный договор, со всеми вытекающими отсюда последствиями (калым, приданое и т.д.). Сватовство могло производиться и в отношении несовершеннолетних детей. Семья создавалась в результате торжественного бракосочетания (свадьбы). Свадебные пиры по существу были не религиозными актами, а фиксацией создания новой семьи.

Литература и источники

¹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та им. М. Горького, 1956. С. 136.

- ² Мухаммадеев А.Р. К вопросу о семейно-брачных отношениях волжских болгар доисламского периода // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 21.
- ³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Тов-во «Клышников – Комаров и К^о», 1993. С. 73.
- ⁴ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Тип. О.Г. Люстрицкой, 1908. С. 85.
- ⁵ Ахмеров Г.Н. Избранные труды. Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. С. 191–192.
- ⁶ Франк Аллен Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань: Рос. ислам. ун-т, 2008. С. 197.
- ⁷ Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. С. 173.
- ⁸ Там же. С. 176–177.
- ⁹ Мухаммадеев А.Р. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁰ Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору / под ред. А.Ю. Бозиева. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. С. 107–108.
- ¹¹ Мухаммадеев А.Р. Указ. соч. С. 24.
- ¹² Алпамша / Борынгы татар әдәбияте. Казан: Татарстан китапнәшрияте, 1963. С. 42.
- ¹³ Мухаммадеев А.Р. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁴ Татары Среднего Поволжья и Приуралья: монография / Н.И. Воробьев [и др.]; отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. С. 119, 202.
- ¹⁵ Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. С. 133.
- ¹⁶ Цит. по: Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 219.
- ¹⁷ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. С. 216.
- ¹⁸ Цит. по: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенег, русы, славяне. М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1967. С. 57.
- ¹⁹ Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 69–70.
- ²⁰ Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 101.
- ²¹ Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. С. 85–86.
- ²² Денисов П.В. Указ. соч. С. 41.
- ²³ Этнография татарского народа: учеб. пособие / ред. Д.М. Исхаков. Казань: Магариф, 2004. С. 119.

A.R. Mukhamadeev

WAYS AND NORMS OF WEDDING CEREMONIES OF THE VOLGA BULGARS DURING PRE-ISLAMIC PERIOD

Based on historical sources the author of the article attempts to bring to light the ways of bride purchasing, legal basis and prohibitions concerning marriage, rules of paying the bride price and other traditional customs referring to wedding ceremonies. Information from written sources is confirmed by ethnographical material which demonstrates both correlation and continuity of wedding traditions of Volga Bulgars with Chuvash and Kazan Tatars.

Keywords: Volga Bulgars, the Chuvash, Tatars, marriage proposal, pre-marriage legal agreement, wedding, bride price, marriage, exogamy.

УДК 94(470.344)“18/19”+347(470.344)“18/19”

ЧГВ, 2018 г., № 13
© Д.В. Егоров

**ВОЛОСТНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО
ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ЭТНОПРАВОВЫЕ
И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

В статье исследованы особенности волостного судопроизводства чувашей во второй половине XIX – начале XX в. по материалам Казанской и Симбирской губерний. Проанализированы процедуры возбуждения, рассмотрения, разрешения и исполнения судебных дел, доказательная база и система санкций. Этноправовая и процессуальная специфика прослежена по судебно-следственным материалам волостной юстиции, нормативно-правовым актам 1861, 1889 и 1912 гг. и статистическим данным. Приведены примеры разбирательства гражданских и уголовных дел в суде. Выявлены проблемы и недостатки волостного судопроизводства.

Ключевые слова: волостное судопроизводство, волостной суд, чувашаи, обычай, закон, судебное дело, расследование, доказательство, наказание.

Процессы модернизации, происходившие во второй половине XIX в. в Российской империи, глубоко затронули судебную систему. В ходе реформ Александра II многонациональное крестьянство страны попало под юрисдикцию нового локального судебного института – волостного суда, нормативно-правовой базой которого являлись как законы, так и санкционированные государством нормы обычного права. Подобный правовой дуализм с превалированием обычая как источника права красной нитью проходит через всю область крестьянских правоотношений поволжских народов пореформенного периода. В этой связи выявление специфики волостного судопроизводства вызывает существенный научный интерес для историко-правовой науки, в особенности для юридической антропологии. Исследование приобретает особую актуальность и значимость в связи с тем, что волостной суд является судебным институтом, регулировавшим юридические отношения основной массы населения государства – крестьянства. Без должного осмысления деятельности

Дмитрий Владимирович Егоров – кандидат исторических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: egorov2202@mail.ru.

этого органа невозможно представить целостную картину отечественной судебно-правовой системы.

Хронологические границы настоящей статьи включают отрезок времени с 1861 по 1917 г., то есть период существования волостного суда. Территориально работа охватывает уезды Казанской и Симбирской губерний. Основное население названных полиэтнических и поликонфессиональных российских административно-территориальных единиц составляли русские, чувашаи, татары, марийцы, мордва и удмурты.

В основу исследования легли документальные материалы, отложившиеся в фондах волостных судов и правлений, мировых посредников и уездных по крестьянским делам присутствий, регулирующие деятельность волостной юстиции законодательные акты, а также сообщения и наблюдения с мест современников, содержащиеся в рукописном собрании профессора Н.В. Никольского в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Особенно ценны как исторический источник судебно-следственные материалы волостных судов, в которых содержатся приговоры по гражданским и уголовным делам. Эти документы проливают свет на ход расследования правонарушений и практиковавшуюся систему наказаний. Они отражают также бытовавшие в среде крестьянства обычно-правовые нормы, многогранную жизнь общины и отдельных крестьянских семей.

Рассматриваемой теме в отечественной историографии посвящено солидное число исследований. Основательностью подхода к предмету анализа отличаются труды М.И. Зарудного, И.Л. Шрага, Н.В. Калачова, П. Скоробогатого, А.А. Леонтьева, В.В. Тенишева, П.Н. Зырянова, Т.А. Тарабановой, Л.И. Земцова, В.Б. Безгина, Т.В. Шатковской и др., посвященные волостной юстиции русского крестьянства различных губерний Российской империи¹. Данная тема также попала в поле зрения зарубежных ученых Дж. Бурбанка² и Г. Попкина³. Юридическая практика волостных судов Казанской и Симбирской губерний была частично затронута в работах Н.В. Никольского⁴, В.К. Магницкого⁵, Н.П. Денисовой⁶, Г.А. Николаева⁷ и др. Исследование особенностей крестьянской юстиции, права и обычаев в деятельности волостных судов Казанской губернии было предпринято И.Н. Скуратовой⁸.

В последние годы изучение данной темы обрело второе дыхание. Появились новые работы как обобщающего, так и локального плана⁹. Вместе с тем комплексный анализ волостного судопроизводства чувашей в представленных нами хронологических и территориальных рамках отсутствует. Малоизученность научной проблемы диктует необходимость дальнейшего анализа и осмысления ряда процессуальных вопросов волостной юстиции историками, этнологами, юристами и другими специалистами-гуманитариями.

Состав, юрисдикция, нормативная база волостного суда, исторический портрет волостного судьи по материалам Казанской и Симбирской

губерний нами уже изучались¹⁰. В данной статье автор преследует цель проанализировать этноправовые и процессуальные особенности волостного судопроизводства – нормы и принципы, определяющие порядок деятельности волостного суда при осуществлении правосудия, процедуры возбуждения, рассмотрения и разрешения дел.

Основы волостного судебного процесса можно проследить по трем нормативно-правовым актам: «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. (далее – Общее положение 1861 г.), «Временным правилам о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. (далее – Временные правила 1889 г.) и «Временным правилам о волостном суде в местностях, в которых введен в действие закон о преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г. (далее – Временные правила 1912 г.).

По реформе 1861 г. волостной суд собирался через каждые две недели, по возможности по воскресеньям¹¹. Судя по закону 1889 г., названный судебный институт должен был заседать не менее двух раз в месяц, преимущественно по воскресным и другим праздничным дням¹². В случае нужды волостной старшина созывал суд и чаще, и не только по воскресеньям. Периодичность проведения заседаний находилась под контролем вышестоящих судебных инстанций. Так, в ответ на предписание Ядринского уездного по крестьянским делам присутствия о назначении сроков заседаний волостного суда на первое полугодие 1891 г. не менее одного раза в каждые две недели тораевский волостной старшина предоставил рапорт: «Во исполнение предписания от 9 января за № 22 имею честь донести уездному присутствию, что заседания здешнего волостного суда в течение 1 полугодия 1891 г. назначены в две недели раз по пятницам, а именно в следующие числа: 4 и 18 января, 1 и 15 февраля, 1, 15 и 29 марта, 12 и 26 апреля, 10 и 24 мая и 7 и 21 июня»¹³.

Необходимость проведения судебных заседаний не менее двух раз в месяц была прописана и в законе 1912 г., однако в случае назначения дела на воскресенье или праздничный день судебный процесс должен был начинаться после окончания богослужения¹⁴. Следует отметить, что в отличие от нормативных актов 1861 и 1889 гг. волостной суд с 1912 г. созывался не волостным старшиной, а председателем суда.

Все дела, поступавшие в крестьянский суд, должны были фиксироваться в специальной книге решений. По закону 1861 г. делопроизводством должен был заниматься волостной писарь, по закону 1889 г. – один из волостных судей либо писарь, по закону 1912 г. – секретарь волостного суда, назначавшийся мировым судьей. За его деятельностью должен был наблюдать председатель. В книге волостного суда фиксировались даты начала и завершения процесса, нумерация листов следственной деятельности, социальная принадлежность, имена и фамилии истцов, ответчиков, свидетелей, их показания с представленными доказательствами вины или не-

виновности, судебный приговор, отметка об исполнении решения. В конце дела ставились подписи (и/или печати) председателя суда, волостных судей, волостного писаря (или делопроизводителя). В случае неграмотности участников процесса по их личной просьбе подписывался грамотный человек. Неграмотные волостные судьи прикладывали свои печати или призывали образованных. В зависимости от характера тяжбы и проступка дело длилось от нескольких недель до нескольких лет. В таком случае один гражданский или уголовный процесс мог вестись разными судебскими коллегиями.

Общее положение 1861 г. регламентировало словесное разбирательство дела по жалобе потерпевшего или его родителей, требованию волостной и сельской администрации или извещению свидетелей правонарушения¹⁵. Согласно Временным правилам 1889 г., волостной суд приступал к судебному разбирательству по письменной либо словесной просьбе или жалобе, принесенной суду, волостному старшине или земскому начальнику, а также по сообщениям полиции, сельских и других властей¹⁶. Судья по закону 1912 г., для инициирования дела требовались просьба, жалоба, сообщение полиции или местной администрации¹⁷. Следует подчеркнуть, что истцы и ответчики сами представляли и вели свои дела. Как таковых адвокатов в волостном суде не было.

В день судебного заседания все участники процесса должны были явиться лично¹⁸. С этой целью истцам, ответчикам и свидетелям выписывалась персональная повестка о явке в суд за подписями волостных старшины и писаря, с указанием даты и времени заседания, предмета тяжбы или проступка. Ответственным за ее вручение, как правило, являлся сельский староста. При получении повестки крестьяне должны были расписаться на одном из ее экземпляров. Это служило весомым аргументом для назначения судебных санкций за неявку или принятия приговора¹⁹.

В связи с отсутствием подсудимого²⁰, свидетелей²¹ волостные судьи, как правило, откладывали дело или же принимали заочное решение (обычно в пользу истца)²². При отсутствии обвиняемого служители Фемиды могли назначить его привод через волостного старшину²³. Вместе с тем судьям предоставлялось право наложить штраф за неявку на заседание без уважительной причины²⁴. Так, в 1881 г. Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии постановил взыскать с крестьянина д. Шибачево Данилы Романова штраф за неявку в суд в сумме 1 руб. 50 коп. и перечислить на счет волости²⁵. В 1908 г. подобное взыскание в сумме 25 коп. (в случае несостоятельности к уплате – арест на один день) было наложено на крестьян д. Верхние Мочары Ядринского уезда Казанской губернии Митрофана Васильева и Ивана Егорова, не явившихся в суд в качестве свидетелей. Как ни странно, через семь месяцев они были выдержаны под арестом²⁶. Интересно отметить, что подобные санкции стали своеобразной традицией Ядринского волостного суда, что было обус-

ловлено существенной значимостью свидетелей в разрешении дел и распространённостью их неявки в суд без уважительной причины²⁷.

Согласно Временным правилам 1912 г., суд взыскивал в пользу мирских капиталов волости от 25 коп. до 3 руб.²⁸ В 1916 г. Большеатархановский волостной суд Симбирского уезда одноименной губернии приговорил крестьян с. Кадышево Михаила Бычкова и Андрея Липкина к взысканию по 25 коп. за неявку в суд по повестке в качестве свидетелей по делу о конфискации земли²⁹. Если причина, по которой крестьяне отсутствовали на заседании суда, признавалась уважительной, то штраф аннулировался³⁰.

Тяжущиеся лица, проживающие за пределами волости на расстоянии 15 и более вёрст от здания суда, а также имеющие уважительные причины отсутствия на заседаниях, имели право заменить себя представителем из числа «своих родных, домашних или односельцев». Истцы-потерпевшие могли представить вместо себя управляющих, приказчиков, старост либо оставить суду письменное заявление³¹. Так, в 1911 г. крестьянин с. Янгильдино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Михаил Орлов, подавший иск о взыскании денег с односельчанина Ивана Толстова за скошенное сено, пояснил, что не имеет возможности присутствовать на назначенном судебном заседании «по причине неотложных домашних дел» и в связи с поступлением на действительную службу своим представителем в суде по указанному делу назначает родного брата Кузьму Орлова³². В 1916 г. крестьянин д. Верхние Тарханы Симбирского уезда одноименной губернии Яков Розанов передал Большеатархановскому волостному суду доверенность на родного отца Степана Розанова с правом присутствия последнего на волостном суде в качестве истца по делу о взыскании 33 руб. 75 коп. с местного крестьянина Алексея Захарова, добавив: «...в случае постановления решать не в мою пользу, то доверяю ему, родному отцу Розанову, получать с решения копию и подавать апелляционную жалобу куда следует на основании законных, спорить и прекословить не буду, в том и подписуюсь»³³.

Руководство судебным процессом возлагалось на председателя суда. Он открывал и закрывал заседания, следил за соблюдением дисциплины участниками процесса. По закону 1912 г. председатель мог оштрафовать нарушителей судебного порядка на сумму от 25 коп. до 1 руб. в пользу мирского капитала волости либо удалить из заседания, а лиц, подведомственных крестьянскому общественному управлению, подвергнуть аресту до 24 часов³⁴. На заседании Новомамеевского волостного суда Цивильского уезда Казанской губернии 29 июня 1891 г. в связи с неудовлетворением иска крестьянка с. Ачакасы Василиса Андреева, обратившись ко всему составу судей, публично заявила: «Вы спили с ответчика, а потому так и решили». Судьи классифицировали данный проступок как оскорбление суда и решили привлечь ее к ответственности. Правда, до судебного разбирательства истица не дожила³⁵. Безусловно, санкции по отношению к нару-

шителям дисциплины, а также обидчикам судей поддерживали авторитет и статус служителей правосудия.

В ходе судопроизводства волостные судьи стремились разобрать все обстоятельства преступного деяния, допросить необходимых фигурантов дела, свидетелей, выявить доказательную базу совершенного правонарушения. Если во время тяжбы служители Фемиды не могли прийти к единогласному решению, то приговор выносился большинством голосов, а при разделении голосов поровну – согласно мнению председателя суда³⁶.

Судьи могли производить следственные действия по проступкам в присутствии двух или более свидетелей-домохозяев. Осмотр местности по гражданским делам проводился лишь по просьбе истца и ответчика³⁷. Законы 1889 и 1912 гг. предоставили судьям возможность в случае необходимости производить не только осмотр местности, но и обыск и выемку у обвиняемых³⁸. Согласно Временным правилам 1912 г., судьи сами производили предварительное расследование преступлений или поручали это местной администрации, полиции³⁹. С целью выяснения обстоятельств драк и побоев, виновности ответчиков служители Фемиды обращались к земским врачам или фельдшерам для медицинского освидетельствования сторон на состояние здоровья, степень полученных травм и увечий⁴⁰.

Основными доказательствами по раскрытию правонарушений являлись: чистосердечное признание подсудимого, свидетельские показания, письменные документы, следы и вещественные улики, найденные в ходе обыска, знаки собственности⁴¹. Важно подчеркнуть, что в ходе судебного разбирательства и назначения возможных наказаний судьи учитывали репутацию человека: его порядочность, честность, трудолюбие и социальный статус, часто не обращая внимания на тяжесть совершенного деяния. Добродетельное поведение ответчика в повседневной жизни могло стать причиной отказа в удовлетворении иска, в том числе и по уголовным делам⁴². Личные качества участников судебного процесса, их поведение в обществе и семье, экономическое положение нередко выяснялись на заседании суда благодаря показаниям сельского старосты, хорошо знающего каждого члена сельского общества.

Несомненно, чистосердечное признание подсудимого становилось неопровержимым доказательством совершенного правонарушения⁴³. В качестве примера приведем выдержки из материалов одного из волостных судов: «Мещанин г. Цивильска Федор Иванов Чернов словесно заявил, что он в прошлом 1882 году, в декабре месяце, продал крестьянину д. Средние Байдуши Антону Филиппову один стог сена в округленности в 9 сажений ценою за 39 руб., в числе которых получил только 30 руб.; а остальные деньги, 9 руб., по его требованию и по настоящее время не уплачивает... Волостные судьи Степан Никитин, Семен Никифоров и Тит Кондратьев постановили: за сознанием ответчиком Филипповым себя должным 9 руб. мещанину Федору Чернову взыскать с первого и удовлетворить последнего»⁴⁴. Судебные решения, основанные лишь на признании ответчика,

далеко не редкость. После признания в содеянном волостные судьи могли назначить более мягкое наказание либо и вовсе примирить тяжущихся.

Крестьянский суд, как правило, принимал решения исходя из показаний свидетелей⁴⁵. Наиболее ярким примером вынесения приговора по свидетельским показаниям является дело Аликовского волостного суда Ядринского уезда Казанской губернии о взыскании крестьянином д. Егоркино Игнатием Ивановым с однодеревенца Матвея Иванова полузагона земли (1893 г.). Судья по материалам процесса, истец в доказательство самовольного вспахивания земли ответчиком привел двух свидетелей, лишь один из которых подтвердил принадлежность участка И. Иванову. Ответчик М. Иванов признал, что вспахал и засеял ползагона земли просителя, объяснив, что ранее истец воспользовался половиной его загона. Все четыре свидетеля обвиняемого подтвердили, что спорная земля является собственностью Матвея Иванова. Таким образом, исходя из показаний большинства очевидцев со стороны ответчика судьи приняли решение в иске «по неосновательности отказать»⁴⁶.

В соответствии со ст. 24 Временных правил 1889 г., свидетели должны были являться в суд лично. Лица, проживающие за пределами волости и на расстоянии 15 и более верст от места нахождения волостного суда, а также имеющие другие уважительные причины, препятствующие их личной явке в суд, допрашивались в городских поселениях полицией (по Временным правилам 1912 г. – местным волостным судьей), в селениях – волостным старшиной (по закону 1912 г. – местным председателем волостного суда), а письменные свидетельские показания доставлялись в суд⁴⁷. Закон 1912 г. ввел весьма важную норму допроса во время судебного заседания: каждый свидетель должен был давать показания отдельно от других⁴⁸. Таким образом, судьи имели возможность сравнить все ответы и факты, выявить противоречия и установить истину.

Особым доверием и преференцией пользовались очевидцы, слышущие порядочным поведением, имеющие безупречную репутацию в обществе, не состоящие с заинтересованными в деле лицами в родственных или дружеских связях⁴⁹. Важность искренности и правдивости их слов в ходе разбирательства очевидна – именно от них главным образом зависела справедливость окончательного решения по делу и судьба ответчика.

Для возбуждения дела закон требовал со стороны потерпевшего письменного иска на гербовой бумаге. «При поголовной безграмотности населения – требование стеснительное, но обиженный и сейчас, когда можно подавать словесные жалобы, скачет в город и пишет кляузу, уплачивая за нее от 1,5–3 руб. серебром, не считая полулитров, которые сопьет, также сочиняя жалобу»⁵⁰, – констатировал этнограф и юрист В.К. Магницкий. За написание документов грамотные крестьяне требовали существенный гонорар. А услуги волостного писаря были не из дешевых⁵¹. Крестьянин, подавший судебный иск, был убежден, что обидчика засадят в тюрьму. Как

ни странно, в этом документе не всегда приводились доказательства виновности, главной целью потерпевших было его составление. Крестьяне брали с собой копию искового заявления и во время следствия показывали ее как неопровержимый факт вины злоумышленника. При попытке забрать копию и приложить ее к делу потерпевшие начинали суетиться, считая себя обезоруженными, старались во что бы то ни стало сохранить свой экземпляр⁵².

Записи, внесенные в специальную книгу сделок и договоров при волостном правлении, либо их засвидетельствованные копии, согласно крестьянской реформе 1861 г., в спорных ситуациях имели силу судебного доказательства⁵³. Для легитимности документа были достаточны словесное объявление о заключенной сделке в присутствии двух или более свидетелей и подписи сторон⁵⁴.

Особую роль в судебных процессах играли духовные завещания, признаваемые российским законодательством в качестве официального документа. Письменные имущественные распоряжения на случай смерти, составленные при свидетелях, как правило, исполнялись наследниками. Однако словесное завещание отца иногда оспаривалось, несмотря на значимость поучительных слов главы семьи среди чувашей. Суд редко признавал словесные распоряжения в качестве доказательства причастности к собственности. Как только дело доходило до раздела имущества, споры и разногласия членов семьи по поводу наследства часто приводили до разбирательства в волостных правлениях и судах⁵⁵. В 1866 г. ответчик по делу о разделе собственности несовершеннолетний крестьянин с. Янгильдино Спиридон Степанов в качестве доказательства права владения движимым и недвижимым имуществом умершего отца предоставил в Янгильдинский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии духовное завещание. Однако в ходе судебного-следственных действий оказалось, что оно было составлено местным священником Георгием Аристовским без соблюдения законов: не были привлечены свидетели, подпись составителя в документе отсутствовала, к тому же завещание было написано после смерти отца. Учитывая эти обстоятельства, волостной суд не признал легитимность документа. В связи с неподсудностью дело было передано в Козьмодемьянский уездный суд для разбирательства уголовного преступления – подлога духовного завещания⁵⁶.

В последней трети XIX в. письменные документы стали восприниматься населением как один из значимых видов доказательств. Причина тому – предоставление крестьянам в ходе реформ 1860-х гг. общегражданских прав, возможности выступать в качестве юридических лиц, владеть собственностью. Гражданская дееспособность и развитие капиталистических отношений в деревне привели к увеличению количества различного рода сделок и договоров. В процессе судебного разбирательства крестьяне все чаще стали оперировать письменными актами с печатью. Так, в 1883 г. Шихазанский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии,

учитывая наличие расписки у потерпевшего Тимофея Александрова, приговорил взыскать с ответчика Самсона Игнатьева за нарушение договора 9 руб. – деньги, которые были выплачены ему за аренду земли⁵⁷. В 1890 г. Хомбуть-Батыревский волостной суд Буинского уезда Симбирской губернии на основании письменного договора подряда постановил взыскать 38 руб. с крестьянина д. Арайкасы Курмышского уезда Егора Роскова в пользу крестьян д. Ибреси Николая и Семена Петровых, Луки Леонтьева за порубку и вывоз елового леса (325 деревьев). Ответчик отказался от дачи показаний, покинув зал суда со словами: «Не хочу судиться». Апелляционный иск на решение волостного суда в Буинское уездное по крестьянским делам присутствие не был удовлетворен⁵⁸.

Немаловажную роль в судебных процессах играли и вещественные доказательства. В 1873 г. потерпевший, крестьянин д. Акмурзино Цивильского уезда Казанской губернии Иван Кондратьев, представил на Акулевском волостном суде Чебоксарского уезда Казанской губернии выдернутый с его головы клочок волос. Судьи приговорили виновных крестьян д. Байсубаково к аресту при волостном правлении: Якова Иванова – на 3 суток, Давыда Анисимова – на 1 сутки⁵⁹. В деле Сиделевского волостного суда Цивильского уезда Казанской губернии 1891 г. по обвинению крестьянина с. Шихазаны Максима Матвеева в употреблении неверных весов фигурировали вещественные доказательства – весы и черепок от разбитой посуды, сданные на хранение в местное волостное правление⁶⁰. Вместе с тем подобные дела исключительны. Это обусловлено тем, что вещественные доказательства выявлялись сельским старостой совместно с понятыми в ходе дознания и не приносились в суд, материалы же расследования, как правило, озвучивались на суде лично старостой.

Особым видом доказательства принадлежности имущества какому-либо лицу являлись народные знаки собственности, которые в судебной практике были равносильны юридическим актам. Если из стада украли овцу, корову или иное животное, то пастух являлся главным свидетелем на суде, доказывающим принадлежность опознанного у кого-нибудь чужого животного известному домохозяину путем определения его меты. Если скотина пала или была зарезана, пастух в доказательство своей правоты представлял владельцу шкуру и ухо животного, где чаще всего и находилась мета. Согласно народным воззрениям, изменение и порча знаков собственности без оснований являлись преступлением⁶¹.

В случаях сомнительности доказательной базы, нанесения неумышленного или случайного ущерба крестьяне стремились заключить мировую сделку по принципу «грех пополам». При таком раскладе вина и правовые последствия за совершенное правонарушение ложились на обе стороны конфликта. Ответчик, как правило, присуждался к оплате истцу половины требуемой им цены за утраченное или испорченное имущество или половины стоимости предмета, о котором шел спор. В 1873 г. Шихазанский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии присудил «грех пополам»

по делу о «непослушании и оскорблении словами» Алексея Андреева своей матери, крестьянки д. Шихазаны Матрены Матвеевой, а также взыскании денег за пользование ее лошадьми. По решению суда была заключена мировая сделка с условием дележа денежных средств поровну между матерью и сыном за использование скотины⁶². Приведем аналогичное судебное решение. В 1895 г. крестьянин д. Хозанкино Курмышского уезда Симбирской губернии Андрей Павлов обратился в суд с иском о присуждении ему половины стоимости лошади (13 руб.) с однодеревенца Михаила Алексева в связи с гибелью животного в ходе перевозки мочала. Приняв во внимание признание сторон, добровольность предоставления владельцем скотины в пользование, отсутствие умышленных действий со стороны ответчика, Атаевский волостной суд Курмышского уезда полностью удовлетворил иск⁶³.

В судебной практике масса гражданских и уголовных дел, разбираемых волостными судами, не доходила до своего логичного завершения и назначения той или иной санкции. Основаниями для прекращения дела, судя по документам, являлись примирение⁶⁴, неявка в суд истца⁶⁵, неподсудность⁶⁶, несовершеннолетие истца⁶⁷, «неосновательность» обвинений⁶⁸, недоказанность вины подсудимого⁶⁹, смерть ответчика⁷⁰ или истца⁷¹.

Помимо архивных материалов, подтверждением вышеизложенных фактов служат данные статистики. Так, в 1898 г. в волостных судах Казанской губернии было рассмотрено 53 357 дел (33 303 гражданских и 20 054 уголовных), из них: разрешено – 28 563 (17 735 и 10 828), а прекращено – 24 794 (15 568 и 9 226). Дела были прекращены по разным формальным причинам: из-за неявки истца – 14 173 (9 151 гражданское и 5 022 уголовных дела), в связи с примирением сторон – 9 913 дел, по неподсудности – 708⁷² (см. табл. 1).

Таблица 1

Количество дел, рассмотренных волостными судами
Казанской губернии в течение 1898 г.

Название уезда	Разрешено		Прекращено					
			по неподсудности		за примирением сторон		за неявкой истца или обвинителя	
	гражд.	угол.	гражд.	угол.	гражд.	угол.	гражд.	угол.
Казанский	1084	985	41	67	396	432	431	453
Козьмодемьянский	739	443	10	15	303	125	341	184
Лаишевский	1829	1305	46	59	697	470	956	627
Мамадышский	876	934	12	67	600	535	251	216
Свияжский	1171	885	19	25	267	166	583	424
Спасский	1805	1160	6	31	378	242	1004	526
Тетюшский	1535	821	23	34	545	321	981	448
Царевококшайский	1152	629	34	15	346	185	342	186
Цивильский	1001	616	12	15	418	188	395	216
Чебоксарский	948	485	17	20	404	279	655	321
Чистопольский	3750	1918	26	57	1291	675	2107	1091
Ядринский	1845	647	23	34	503	147	1105	330
Итого	17735	10828	269	439	6148	3765	9151	5022

Из приведенных в таблице данных следует, что 46,5 % дел, рассматриваемых судьями, было прекращено во время судебных заседаний. При этом большинство дел (57 %) было окончено в связи с неявкой в суд истца, 40 % – заключением мировой сделки, и лишь 3 % – по неподсудности. Стало быть, примирением завершилось примерно 19 % дел из всех рассмотренных судами деяний. Вышеприведенные материалы также свидетельствуют о превалировании гражданских судебных процессов (62 %) над уголовными. Следует обратить внимание и на соотношение дел, оконченных в связи с примирением сторон: 6 148 гражданских и 3 765 уголовных⁷³, что составляет 62 и 38 % мировых сделок соответственно. Таким образом, масса дел волостных судов оканчивалась примирением истца и ответчика, даже в случае совершения уголовного преступления.

Согласно отчету Тораевского волостного суда Ядринского уезда Казанской губернии за 1903 г., из поступивших в судебное производство 296 гражданских и 100 уголовных дел было разрешено соответственно 114 и 36, а остальные дела были прекращены в связи с примирением сторон (102 и 38), неявкой истца (72 и 24) и неподсудностью (4 и 0). Несколько тяжб и проступков остались нерешенными. Материалы свидетельствуют о том, что 35 % дел завершилось миром⁷⁴.

Если принять во внимание то обстоятельство, что большинство случаев неявки в суд истцов могло быть вызвано примирением сторон, то процент завершенных по мировой сделке дел будет существенно выше. И это лишь официальные данные, ведь масса дел не доходила до разбирательства в волостной юстиции. В 1895 г. Чуратчинский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии в связи с неявкой истца принял решение «не разбирать и производством прекратить» дело о взыскании 6 руб. 50 коп. с крестьянина с. Чурачики Евграфа Иванова в пользу крестьянина д. Новое Булдеево Федота Андреева. В ходе разбирательства сельский староста заявил суду, что истец не явился из-за примирения с ответчиком⁷⁵.

Волостной суд, контролируемый вышестоящими инстанциями, был заинтересован в примирении сторон, так как это облегчало его работу, частично решало проблему с массовым скоплением дел и их неисполнением. Вместе с тем неразрешенные судебные тяжбы, а также поданные апелляции создавали дополнительные трудности для суда, главным образом для писаря-делопроизводителя: необходимо было готовить и отправлять повестки в суд истцам, ответчикам, свидетелям и должностным лицам, фиксировать приговоры, реализовывать назначенные санкции, затягивающиеся иногда до нескольких лет, вести переписку с различными судебными инстанциями, заполнять документы, ведомости, жалобы и прошения.

Американский историк Д. Бурбанк справедливо полагает, что волостные суды Российской империи «служили связующим звеном между сельским населением и государством в наиболее важных и положительных аспектах жизни сельского населения – разрешении мирным путем конфликтов о собственности и наказании за маловажные преступления и проступки»⁷⁶.

Примилив истца и ответчика, судьи не только избавляли крестьян от судебной волокиты, возможных наказаний и обид, но и сохраняли мирную, спокойную, рабочую атмосферу среди односельчан, гармонию в семье, создавали условия для будущего сотрудничества участников судебного процесса в различных сферах. Мировая сделка, сопровождавшаяся возмещением ущерба потерпевшей стороне, воспринималась крестьянством как наиболее справедливое разрешение судебной тяжбы. По мнению Л.И. Земцова, «примирение было не христианским прощением, а трезвым расчетом необходимого возмещения убытков тем, кто признавался виновным»⁷⁷.

Необходимо подчеркнуть, что сами волостные судьи в начале судебного заседания пытались склонить стороны к примирению⁷⁸. Данное обстоятельство было отражено как в Общем положении 1861 г., так и во Временных правилах 1889 и 1912 гг.⁷⁹ Порой судьи после примирения делали внушение нарушителям, чтобы они в будущем воздерживались от «противозаконных поступков»⁸⁰. В 1909 г. крестьянка д. Пиделей Ядринского уезда Казанской губернии Анастасия Артемьева обратилась в Балдаевский волостной суд с иском о привлечении к уголовной ответственности ее мужа и снохи за нанесение тяжких телесных повреждений («кулаками и пинками ног и тасканиями за волосы...»). Однако вскоре истица заявила, что у нее после избиения были только синяки, которые прошли, и попросила производство дела прекратить в связи с примирением с обидчиками, чем и завершилось дело⁸¹.

Очевидно, семейные конфликты не доходили до разбирательства в волостных судах из-за возможной дискредитации семьи перед миром, неспособной самостоятельно разрешить возникший спор. Чувашская семья, являясь консервативным и замкнутым социальным институтом, не позволяла посторонним вмешиваться в личное семейное пространство. Однако с развитием капиталистических отношений, совершенствованием законодательства, увеличением количества семейных разделов, демократизацией крестьянского социума и определенной трансформацией правосознания во второй половине XIX – начале XX в. члены семьи для достижения справедливости и защиты от личных и имущественных притеснений нередко стали обращаться в официальный суд.

Волостные судьи, как выборные представители крестьянства, осознавали важность поддержания мира и атмосферы доверия как в обществе, так и в семье, сохранения счастливых, крепких и экономически самостоятельных семей. В связи с этим служители правосудия стремились примирить конфликтующие стороны в ходе заседаний, возместив ущерб потерпевшим, урегулировать проблемы по обычаю, совести и справедливости.

В практике волостных судов встречаются дела об обязательствах содержания, совместного проживания членов семьи, выделения им средств на пропитание. Такие процессы завершались, как правило, удовлетворением исков. В 1895 г. Чуратчинский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии разбирал дело «об обязанности крестьянина д. Новое Булдеево

Архипа Еремеева содержать свою жену Анастасию Филиппову». Истица на суде заявила, что ее супруг и свекровь Анна отказываются от ее содержания и выгоняют из дома. Ответчики не признали вину и констатировали самовольный отказ А. Филипповой от совместного проживания и ежедневный уход из дома после работы, что подтвердили и свидетели. Несмотря на это, суд обязал Архипа Еремеева содержать свою супругу⁸².

Нормативная база принятия решений волостными судами включала в себя как нормативно-правовые акты, так и обычаи. Российское законодательство предоставило судьям право выносить решения на основании обычно-правовых норм, в особенности в делах по наследованию и разделу крестьянской собственности⁸³. Это обстоятельство отразилось и в самих решениях волостных судов: судьи принимали постановления «основываясь на местных своих обычаях и убеждениях»⁸⁴. В начале XX в. предлагалось даже кодифицировать обычное право. В частности, эту идею поддерживал Симбирский губернский комитет, однако осознавал возможные трудности ее реализации в силу разнообразия существующих обычаев⁸⁵.

Таким образом, крестьянские обычаи и правовые воззрения стали транслироваться в государственном суде. Практика применения судьями обычно-правовых норм приводила к формированию судебного прецедента по аналогичным делам. Сохранение обычая как источника права в официальном суде было детерминировано не только его широким применением в общине, но и, вероятно, необходимостью постепенной адаптации крестьянства к государственным законам, процессуальному праву.

В судебных приговорах часто встречаются ссылки на статьи Общего положения 1861 г., Временных правил 1889 г., «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г., «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. и др. Следовательно, судьи принимали решения по тем или иным делам не только на основании норм обычного права, но и законов. В частности, во Временных правилах 1912 г. сказано, что при разрешении уголовных дел волостной суд должен руководствоваться постановлениями «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (издания 1885 г.)⁸⁶.

Отсутствие общепринятого критерия для вынесения решений суда являлось одним из существенных недостатков волостного судопроизводства. Судьи, опираясь на статьи в законах, а также нормы обычного права, могли произвольно трактовать правонарушения и назначать разные приговоры по аналогичным делам. В ходе принятия судебного решения они не всегда верно оперировали нормативно-правовыми актами, регулирующими волостную юстицию. Так, в 1895 г. волостные судьи приговорили 18-летнего крестьянина д. Серткасы Цивильского уезда Казанской губернии Михаила Дмитриева к аресту на 7 дней за кражу кожаного кошелька с деньгами в сумме 20 коп. в церковной караулке у крестьянина Семена Михайлова. Между тем Временные правила о волостном суде за совершение подобно-

го преступления предусматривали арест от 15 до 30 дней (за менее тяжкие правонарушения – до 15 дней)⁸⁷.

Более того, служители правосудия редко классифицировали рассматриваемые ими дела на гражданские (споры и тяжбы) и уголовные (проступки), в случае же их выделения в отдельные процессы допускали ошибки ввиду своей безграмотности, квалифицируя некоторые гражданские дела в качестве уголовных и наоборот. Так, в книгу Сиделевского волостного правления Цивильского уезда Казанской губернии на записку решений волостного и третейского судов по гражданским делам было включено дело о краже поросенка⁸⁸, Янгильдинского волостного правления Козьмодемьянского уезда Казанской губернии – о краже сена⁸⁹. В числе дел, рассматриваемых Янтиковским волостным судом Цивильского уезда Казанской губернии в 1912–1913 гг., иски о возвращении «одного душевого надела земли» квалифицированы как гражданские, так и уголовные дела⁹⁰.

В архивных фондах волостной юстиции встречаются эпизоды назначения судьями ареста и телесных наказаний за гражданские нарушения и возмещения ущерба – за уголовные. Так, в 1885 г. Сиделевский волостной суд Цивильского уезда Казанской губернии приговорил крестьянина д. Биболдино Андрея Иванова за кошение сена и увоз 2,5 копен с лугов крестьянина Николая Архипова к 15 ударам розог и взысканию 3 руб. 25 коп. за сено. Не случайно это решение было отменено Цивильским уездным по крестьянским делам присутствием⁹¹. В 1891 г. в Шибылгинском волостном суде Цивильского уезда Казанской губернии разбиралось дело о краже соломы. Следствие выяснило, что крестьянин д. Малые Кибечи Григорий Михайлов украл около 5 пудов соломы у крестьянина Осипа Федотова. Волостной суд, не найдя в этом деле «признаков уголовного проступка», приняв во внимание желание подсудимого возместить материальный ущерб, постановил взыскать с Григория Михайлова 75 коп.⁹²

Незнание и непонимание чувашскими крестьянами законов усугубляло их положение, создавало условия для вымогательства и взяточничества судебных чиновников, формировало правовой нигилизм в социуме. В связи с различными злоупотреблениями волостных судей⁹³ и писарей⁹⁴ волостной суд, несмотря на выборность и крестьянское происхождение блюстителей правосудия, медленно завоевывал авторитет в сельском обществе. Негативное отношение населения к официальной юстиции было обусловлено также существенными финансовыми затратами на судопроизводство, давлением на суд зажиточной верхушки и мироедов, неоперативностью. В подтверждение названного тезиса можно привести многочисленные чувашские пословицы: *Сут шинчи – вут шинчи* «На суде, как на огне»; *Сут умне тӓриччен тан пӓр сине тӓр* «Чем встать перед судом, встань на ровный лед»; *Сут шинчи – такана шинчи шыв* «На суде, как вода в корыте»; *Сут тенкелӗ хытӓ тесӗ* «Говорят, скамья суда жёсткая»; *Сут серепи – эрешмен карти: сук сын сакланать, тӓян сын хӓтӓлать* «Судебный силоч что паутина: бедный попадетя, богатый увильнет»; *Сут*

таврашпе тус тытан та, килна ан кйтарт «Если заведешь дружбу с кем-либо из суда, не показывай своего дома»⁹⁵ и др.

Вместе с тем народное доверие к волостной юстиции стало повышаться в конце XIX – начале XX в., что выразилось в росте активности населения в обращении к ней, трансформации правосознания, усилении роли закона в крестьянской среде. Волостной суд превратился во вторую судебную инстанцию – апелляционный орган по несправедливым приговорам общинных судов. Сельчане стали подавать иски даже по самым незначительным делам⁹⁶. Если раньше стороны предпочитали заключать мировую сделку как по гражданским, так и по уголовным процессам, то на рубеже веков волостные суды были переполнены делами о нанесенных побоях и оскорблениях⁹⁷. Распространенность судебных исков по поводу личных обид, затрагивающих честь и достоинство человека, свидетельствует о высокой степени правовой культуры крестьянства в начале XX в.

В этом отношении определенный интерес представляет доклад чувашского священника прихода с. Мусирма Цивильского уезда Казанской губернии Даниила Филимонова благочинному Виктору Ильинскому. Наряду с «утешительными фактами» религиозной жизни чувашей, автор отметил «возмутительные» эпизоды их гражданско-нравственных отношений в конце 1880-х гг.: «...зимою из деревни Кудесняр, имеющей около 1000 душ жителей обоего пола, в каждую пятницу были вызываемы на волостной суд по 30–50 человек – одни в качестве обвиняемых и ответчиков, другие в качестве потерпевших и истцов, а третьи свидетелями. На волостном суде дела решались большею частью ничем, другие на волостной суд вовсе не заходили, свои неудовольствия решали в кабаке без суда посредством водки. Из всего этого в конце концов выгоду получали кабатчик и волостной писарь. То же происходило и в деревне Новых Щелканах. Ныне отличилось в этом отношении село Мусирма. Около винной лавки, открытой в Мусирме цивильским купцом Шимовым, ежедневно по вечерам собирались обыватели для выпивки и расходились по домам пьяные и озлобленные, потому что эти сборища их часто оканчивались бранью и даже дракой»⁹⁸.

Значимым институтом волостной юстиции являлась система наказаний. Санкции, назначаемые общинными судами, отличались от наказаний официального волостного суда. Самыми эффективными мерами обуздания правонарушителей в общине были народное осуждение и порицание, публичные порки и позорящие наказания. Социально опасные крестьяне подвергались крайней мере – удалению из общины и деревни. Одним из традиционных наказаний было «спивание с виновного» – винный штраф в размере, как правило, ведра или полуведра водки/вина (с возмещением потерпевшему нанесенного ущерба). К числу самых серьезных и действенных наказаний крестьяне относили человеческое проклятие.

Согласно Общему положению 1861 г., волостные суды по своему усмотрению могли применять следующие наказания по отношению к нару-

шителям: отдача в работы до шести дней, штраф до трех рублей, арест до семи дней и телесное наказание до 20 ударов розгами⁹⁹. По Временным правилам 1889 г. юрисдикция волостного суда расширилась: он мог назначить выговор в присутствии суда, денежное взыскание от 25 коп. до 30 руб., арест до 15 дней (за совершение кражи, мошенничество и присвоение чужого имущества – до 30 дней), наказание розгами до 20 ударов¹⁰⁰. Временные правила 1912 г. предоставили судьям право применять арест до одного месяца и штраф до 100 руб. Более строгие санкции за совершение тяжких преступлений применялись мировыми судьями¹⁰¹.

Следует отметить, что вместе с расширением юрисдикции волостного суда и ужесточением санкций по закону 1889 г. усилился контроль за судопроизводством со стороны администрации. Местный земский начальник, представитель дворянского сословия, не менее двух раз в год был обязан производить ревизию волостных судов. Он мог приостановить решение суда в связи с неподсудностью или вынесением незаконного приговора и представить материалы в уездный съезд¹⁰². Несмотря на сужение юрисдикции волостной юстиции по Временным правилам 1912 г., суды освобождались от административной опеки и вводились в общую сеть судебных установлений. В обязанность мирового судьи (профессионального юриста) входила ежегодная ревизия волостных судов своего участка и выявление нарушений¹⁰³.

В примечании к ст. 102 Общего положения 1861 г. дана ссылка на правила по назначению наказаний, определенные сельским судебным уставом для государственных крестьян, включенные в Свод законов Российской империи (издания 1857 г., т. XII, ч. 2, ст. 440–536). Согласно названному закону, судьи должны были выявлять обстоятельства, смягчающие (возраст правонарушителя менее 15 и более 70 лет, совершение по неосторожности, явка с повинной) и отягчающие степень вины преступника (особая жестокость, наличие тяжких последствий). Необходимая оборона, «случайность», психическая болезнь, прощение потерпевшим виновного, истечение срока давности, смерть нарушителя могли стать причинами прекращения дела¹⁰⁴. Весьма ярким примером, иллюстрирующим вынесение судебного приговора с учетом отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, является дело Шихазанского волостного суда Цивильского уезда Казанской губернии 1866 г. По материалам производства, судьи признали виновными крестьянина д. Атнашево Романа Антонова и его сына Степана в краже двенадцати овец и на основании ст. 328–329 Сельского судебного устава Р. Антонова подвергли 20 ударам розгами и взысканию за каждую овцу по 2 руб. серебром, а несовершеннолетнего сына – аресту на трое суток при волостном правлении¹⁰⁵. Несомненно, самое строгое телесное наказание и денежный штраф были назначены в связи с наличием тяжких последствий от совершения крупной кражи, а легкий арест – в связи с несовершеннолетием подсудимого. Однако волостные судьи в силу своей неграмотности часто квалифицировали правонарушения неверно.

Стоит отметить, что состояние опьянения не оправдывало подсудимого. В 1892 г. свидетельским показанием на суде было установлено, что запасной рядовой д. Мукаринкасы Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Федор Никифоров выбил два оконных стекла трактирного заведения купца Булыгина. Обвиняемый пояснил, что «он был пьян и ничего не помнит». По решению Сюддырского волостного суда Козьмодемьянского уезда хулиган был приговорен к аресту на трое суток¹⁰⁶. Нетрезвость сторон в ходе совершения правонарушений могла стать причиной неудовлетворения иска и прекращения судебного дела. В 1884 г. в питейном заведении с. Ишаки Козьмодемьянского уезда местный крестьянин Степан Степанов нанес побои односельчанину Игнатию Андрееву за сказанные им слова: «Кто будет держать скотину летом на своем загоне, то тому кормить пастухов». Свидетели подтвердили ругань, нанесение удара ответчиком и констатировали алкогольное опьянение сторон, в связи с чем Янгильдинский волостной суд решил оставить жалобу «без последствий»¹⁰⁷.

Срок давности преступлений был предусмотрен законом 1889 г. Правонарушители освобождались от возможных санкций, если с момента совершения кражи, мошенничества, присвоения чужого имущества до установления виновного прошло два года, а в случае совершения других правонарушений – шесть месяцев¹⁰⁸.

Архивные документы, посвященные волостному судопроизводству чувашей Казанской и Симбирской губерний, свидетельствуют, что за совершение правонарушений волостной суд, как правило, назначал штрафные санкции¹⁰⁹, арест¹¹⁰ и телесное наказание¹¹¹.

Во второй половине XIX – начале XX в. весьма распространенным видом наказания стал денежный штраф в пользу мирского капитала или потерпевшего. Приведем пример наложения судом штрафных санкций. В 1911 г. общественный скот потравил целый участок картофеля у крестьянина с. Полянки Ядринского уезда Казанской губернии Василия Клочкова. При разбирательстве оказалось, что причиной тому явилась неисправность городьбы. На семью Караевых, которая должна была следить за оградой, был подан иск с требованием возмещения ущерба в сумме 12 руб. Слободо-Стрелецкий волостной суд Ядринского уезда Казанской губернии после опроса всех свидетелей и подсчета убытков по средней стоимости картофеля признал вину ответчиков и назначил штраф в пользу истца в размере 5 руб.¹¹²

При различных взысканиях размер денежного штрафа определялся состоятельностью виновного, его семейным положением и повинностями¹¹³. Если приговоренный волостным судом за проступок к взысканию оказывался несостоятельным к его уплате, то штраф заменялся согласно постановлению суда арестом или отдачей на общественные работы. Интересно отметить, что один день ареста или общественных работ был равноценен двум рублям штрафа¹¹⁴. Так, по приговору Сенгилеевского волостного суда Сенгилеевского уезда Симбирской губернии 1896 г. на виновного в потраве

конопли пастуха с. Елаур Сергея Чебоксарова было наложено взыскание 10 руб., в случае же несостоятельности штраф можно было заменить арестом на 5 суток при волостном правлении¹¹⁵. Однако виновные, боясь материального ущерба, стремились по возможности заменить штраф арестом, который отбывали при волостном правлении¹¹⁶. Денежные взыскания, налагаемые за проступки приговорами волостных судов, обращались в пользу мирских сумм той волости, где производился суд¹¹⁷.

Согласно ст. 38 Временных правил 1889 г., к аресту или наказанию розгами подвергались лица, совершившие кражу, мошенничество, присвоение чужого имущества, нарушение условий найма, мотовство и пьянство, приведшие к расстройству хозяйства¹¹⁸. Судьи назначали простой или строгий арест – с содержанием на хлебе и воде. В 1891 г. Сюндырский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии приговорил крестьянина д. Важуково Степана Захарова за обвешивание при торговле продуктами питания на Покровском базаре к аресту на 7 суток¹¹⁹. В 1914 г. Тархановский волостной суд Буинского уезда Симбирской губернии постановил татарских крестьян д. Шихирданы за кражу двух еловых балок у чувашского крестьянина д. Полевые Бикшихи Сергея Афанасьева подвергнуть аресту на 15 суток¹²⁰.

Судя по документам, оскорбление чести и достоинства личности, нанесение побоев также могли быть причинами назначения ареста. В 1895 г. Атаевский волостной суд Курмышского уезда Симбирской губернии постановил подвергнуть крестьянина д. Арайкасы Василия Филиппова аресту на 3 суток за оскорбление словом «арестант» запасного унтер-офицера Василия Семенова¹²¹. В 1908 г. крестьяне с. Янгильдино Козьмодемьянского уезда Казанской губернии Николай и Михаил Константиновы нанесли побои и легкие раны ножом односельчанам Матвею и Ивану Яковлевым. Волостной суд приговорил преступников к строгому аресту при волостном правлении на 10 суток¹²².

К лишению свободы судьи приговаривали также крестьян, совершивших противоправные действия в отношении должностных лиц при исполнении ими своих обязанностей. Так, в 1895 г. в ходе сбора податей в Чурачической волости Цивильского уезда Казанской губернии между сборщиком податей Василием Павловым, сельским старостой Ларионом Ивановым с одной стороны и крестьянином Гурием Петровым с другой произошел конфликт, который дошел до судебного разбирательства. Свидетельские показания сводились к тому, что рассерженный на обвиняемого сборщик податей ударил его, а ответчик в свою очередь нанес удар сборщику и толкнул разнимающего их старосту. Гурий Петров, не признав вину, пояснил суду, что должностные лица придрались к нему из-за нехватки мелочи в ходе уплаты податей и стали избивать, однако он смог сдержать их за руки. Несмотря на инициирование конфликта и рукоприкладства со стороны сборщика податей, Чураччинский волостной суд приговорил крестьянина Гурия Петрова к аресту на 3 суток¹²³.

Согласно Временным правилам 1889 г., волостной суд мог отсрочить арест до шести месяцев в связи с наличием у подсудимого «особо уважительных причин», однако только с разрешения земского начальника. При обстоятельствах, смягчающих вину правонарушителя, судьи могли назначить денежное взыскание вместо ареста или выговор вместо штрафа¹²⁴. Отсрочка ареста до шести месяцев была предусмотрена и по закону 1912 г., однако требовалось разрешение мирового судьи¹²⁵.

Обычно наказания, вынесенные волостными судами, приводились в исполнение зимой. Отношение некоторых крестьян к аресту, отбываемому в это время года, было равнодушным. «Не все ли равно, дома сидеть или здесь, теперь и дома никакой работы нет», – констатировали арестанты. Однако основная масса населения все же боялась и старалась избежать лишения свободы¹²⁶. Если правонарушитель при отбывании ареста работал на волостное правление (колол дрова, чистил двор, возил воду, топил баню и т.д.), то ему убавляли срок наказания – один день работы засчитывался за два дня. К тому же он не лишался голоса в общественных делах¹²⁷.

Во второй половине XIX в. волостная юстиция широко применяла телесные наказания исходя из тяжести преступлений. Согласно народному правосознанию, порка розгами являлась эффективной мерой предотвращения правонарушений. Обычно судьи применяли телесное наказание за воровство, побои, оскорбление, непочитание родителей, пьянство и неисправный платеж податей. Так, в 1885 г. Козьмодемьянский волостной суд Козьмодемьянского уезда Казанской губернии назначил крестьянину с. Покровское Антону Матвееву наказание в 5 ударов розгами за постоянное пьянство и нерадивость к хозяйству¹²⁸. По решению Хомбуть-Батыревского волостного суда Буинского уезда Симбирской губернии 1890 г. крестьянин с. Хомбуть-Батырево Николай Козьмин был приговорен к 15 ударам розгами за кражу полузагона засеянного ячменя¹²⁹.

Общее положение 1861 г. освобождало от экзекуции отдельную категорию лиц: крестьян, достигших 60-летнего возраста; сельских и волостных должностных лиц во время осуществления ими служебных обязанностей и безусловно исполняющих свои должности; крестьян, окончивших курс в уездных училищах, земледельческих и высших учебных заведениях¹³⁰. 6 августа 1861 г. от порки были освобождены также женщины, достигшие 50-летнего возраста; выпускницы учебных заведений; находящиеся в должности повивальные бабки, смотрительницы больниц, сельских училищ и школ; члены семей сельских старост и волостных старшин¹³¹. По закону 1889 г., телесное наказание по приговору суда могло исполняться лишь с разрешения земского начальника, который мог заменить его на штраф до 30 руб. либо строгий арест до 15 суток. Порка стала применяться по отношению к рецидивистам, совершившим аналогичное правонарушение до истечения года или нескольких преступлений, за которые предусмотрен арест либо более строгое наказание¹³².

В начале XX в. местные комитеты губерний Европейской России единогласно выступили против применения телесного наказания¹³³. По мнению А.А. Риттиха, оно стало опасным орудием произвола: наказанный розгами человек становился до тупости безразличным либо озлобленным и жесточенным¹³⁴. К тому же он лишался общественных прав и не имел голоса в мирских органах власти¹³⁵. В конце XIX в. под воздействием политики государства по искоренению телесного наказания, в связи с негативным отношением населения к нему, повышением чувства собственного достоинства крестьян волостные суды все реже стали применять экзекуции в качестве наказания, а в 1904 г. они были законодательно отменены.

Скрупулезное исследование судебно-следственных материалов волостной юстиции показывает, что общественные работы как вид наказания за совершение различных правонарушений в среде крестьянства применялись редко. В качестве примера подобной санкции приведем дело Янгильдинского волостного суда Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. В 1884 г. за нанесение оскорблений и грубое поведение по отношению к сельскому старосте с. Янгильдино Варламу Николаеву судьи приговорили десятника Ивана Андреева к общественным работам на 3 дня при волостном правлении – очистке навоза во дворе и на улице, закапыванию ям и выравниванию земли¹³⁶. В 1890 г. Хомбусь-Батыревский волостной суд Буинского уезда Симбирской губернии приговорил крестьянку д. Кошмаш-Тойси Марью Ефимову за «захват вещей» Архипа Захарова к денежному взысканию и общественным работам на 6 дней¹³⁷.

Выговор в присутствии суда – весьма редкая санкция волостной юстиции. Приведем примечательный пример подобного наказания 1866 г., не предусмотренного Общим положением о крестьянах 1861 г. Крестьянин с. Шихазаны Цивильского уезда Казанской губернии Федор Афанасьев был обвинен в нанесении личной обиды в пьяном виде снохе Дарье Петровой и супруге боцмана Евгении Егоровой «разными скверно-матерскими словами». Во время судебного заседания ответчик попросил прощения в присутствии истиц за совершенный проступок. Ввиду прощения женщинами обидчика Шихазанский волостной суд объявил Ф. Афанасьеву словесный выговор «со внушением на будущее время быть со всеми снисходительней и вести себя добропорядочно»¹³⁸.

Согласно закону 1861 г., решения, принимаемые волостными судьями в рамках своих компетенций, считались окончательными и не могли быть обжалованы¹³⁹. В случае превышения судьями полномочий, определенных в законе, приговоры могли быть отменены местным уездным съездом мировых посредников (в 1861–1874 гг.) и уездным по крестьянским делам присутствием (в 1874–1889 гг.). По закону 1889 г. появились процедуры апелляции в уездный съезд земских начальников и кассации в губернское по крестьянским делам присутствие. Приговор волостного суда мог быть обжалован в течение 30 дней со дня его оглашения¹⁴⁰. Согласно Временным правилам 1912 г., апелляционной инстанцией волостного суда

являлся верхний сельский суд, состоявший из участкового мирового судьи и председателей волостного суда, кассационной – мировой съезд. Решение суда можно было обжаловать в течение 30 дней по гражданским и 14 дней по уголовным делам¹⁴¹. Для подачи апелляции требовалась копия приговора. Законы 1889 и 1912 гг. гарантировали крестьянам возможность ее получения совершенно бесплатно¹⁴².

В 1875 г. крестьянин д. Вторые Тойси Чебоксарского уезда Казанской губернии Алексей Михайлов подал апелляцию на решение Воскресенского волостного суда о взыскании с него 25 руб. в пользу однодеревенца Федота Антонова за кражу разного имущества мельницы на сумму 14 руб. 27 коп., находя его неправильным, так как судьями не были опрошены свидетели со стороны ответчика. А. Михайлов пояснил, что подобное решение было принято в связи с отказом дать взятку волостным судьям («по одному рублю»), что мог подтвердить крестьянин Василий Федотов. Судьи не признали обвинения в свой адрес. Между тем свидетель показал, что «судья Семенов, обращаясь к крестьянину Михайлову, сказал “рублей шесть”, но к чему относились эти слова... не знает и не слышал». Чебоксарское по крестьянским делам присутствие, ознакомившись с обстоятельствами дела, показаниями сторон и свидетелей, посчитало, что «при наличии такого неясного показания свидетеля Федотова нельзя прийти к убеждению, что волостные судьи Семенов и Кузьмин действительно покушались совершить преступление – лихоимство, и нет возможности привлечь их к суду»¹⁴³. Следует отметить, что обвинительный вердикт в отношении блюстителей правосудия в чувашских уездах исследуемых губерний был редким исключением.

Приговоры волостного суда, судя по реформе 1861 г., приводились в исполнение сельским старостой или помощником волостного старшины, если волость состояла из одного сельского общества¹⁴⁴. Согласно Временным правилам 1889 г., решение волостного суда приводилось в исполнение волостным старшиной¹⁴⁵. Закон 1912 г. предоставил право исполнять судебный приговор после его вступления в законную силу председателю волостного суда, который мог обратиться за содействием к волостным и сельским должностным лицам или к полиции. Важно подчеркнуть, что приговор по уголовному делу исполнялся немедленно, а по гражданскому – по просьбе истца¹⁴⁶.

Волостной старшина вел специальный журнал по исполнению решений волостного суда, в котором были представлены порядковый номер, номер из книги решений, дата приговора, фамилия, имя и отчество ответчика и взыскателя, сумма гражданского иска, назначенное уголовное наказание (телесное, арест и штраф), принятые меры и отметка об исполнении решения¹⁴⁷.

Медлительность в исполнении судебных решений является существенным недостатком крестьянского суда. Эта проблема вызывала критику даже у вышестоящих органов юстиции. Так, в 1911 г. Казанское губер-

ское присутствие направило официальное письмо земскому начальнику 2-го участка Цивильского уезда Казанской губернии: «Усмастривая из представленных Вами 22 января за № 54 сведений медленность в исполнении решений волостных судов вверенного Вам участка губернское присутствие предлагает Вам, милостивый государь, принять меры к скорейшему приведению в исполнение указанных решений»¹⁴⁸. В 1913 г. земскому начальнику 2-го участка Чебоксарского уезда Казанской губернии было направлено аналогичное письмо, в котором было указано «немедленно принять самые энергичные и настойчивые меры к своевременному приведению решений волостных судов в исполнение и ни в коем случае не допускать массового скопления неисполненных решений»¹⁴⁹.

Земские начальники в свою очередь писали грозные письма волостным правлениям: «...оставление без исполнения вошедших в законную силу решений волостных судов в течение целого ряда лет равносильно лишению правосудия и что при таком положении дела население, конечно, теряет уважение и доверие к волостному суду, и поэтому надлежит принять самые решительные меры к тому, чтобы должностные лица волостного и сельского управления без всякого промедления исполняли вошедшие в законную силу решения волостных судов, и впредь иметь за этим действительный и строжайший надзор, контролируя старшин и старост на местах, с предупреждением их о служебной ответственности пред законом и материальной пред истцами, несущими ущерб от неисполнения постановленных в их пользу решений, а тех должностных лиц, которые будут замечены в бездействии, привлекать к ответственности в дисциплинарном порядке»¹⁵⁰. В 1909 г. земский начальник 1-го участка Цивильского уезда Казанской губернии обрушился с критикой на чурачикского волостного старшину, обвинив его в «полнейшей небрежности в составлении сведений» и пригрозив увольнением. Недоумение вызывает объяснение старшины о неисполнении гражданских судебных решений в течение нескольких лет в связи с необходимостью уборки хлеба, тем более что приговоры были приняты «до права пользования землею или усадьбами местами», а также предоставление ответчикам отсрочек по уплате взысканных денег без согласия истцов¹⁵¹.

В данном проблемно-тематическом русле весьма показательным делом Акулевского волостного суда Чебоксарского уезда Казанской губернии о «самоуправстве и нанесении истязания», начатое в ноябре 1872 г. по иску крестьянки д. Байбахтино Цивильского уезда Устиньи Ивановой. Судя по судебно-следственным материалам, истица подкупила ответчиков, крестьян-однодеревенцев Лаврентия Александрова, Павла Лукина и Илью Леонтьева, четвертью вина, чтобы последние не донесли волостному правлению о совершенной ею краже. Как ни странно, одним из свидетелей подкупа являлся сельский староста Петр Макаров. Вместе с тем крестьяне, несмотря на угощение, устроили самосуд – привязали воровку к перекладине за ее косу. При этом данное самоуправство не было подтверждено

показаниями свидетелей. 9 марта 1873 г. волостной суд на основании показаний истицы Устины Ивановой, отказавшейся от мировой сделки, и крестьян д. Байбахтино удовлетворил иск – постановил взыскать с подсудимых 2 руб. – стоимость спиртного. Однако приговор был исполнен помощником волостного старшины лишь через четыре года, в октябре 1877 г.¹⁵² Особое удивление вызывает затяжное исполнение судебного решения Янгильдинского волостного суда Козьмодемьянского уезда Казанской губернии о взыскании 50 коп. со сборщика податей с. Янгильдино Капитона Осипова за неявку в суд в качестве ответчика по делу о нанесении побоев запасному рядовому Никите Степанову: штраф по приговору от 12 июня 1884 г. был взыскан и записан в кассовую книгу волости лишь 25 октября 1888 г.¹⁵³

Следует отметить, что даже сами истцы вынуждены были напоминать органам волостной юстиции и их должностным лицам о необходимости скорейшей реализации решения. Тем более от этого нередко зависели их жизнь и благополучие. В 1898 г. крестьянка д. Искеево-Яндуши Цивильского уезда Казанской губернии, вдова Анна Ларионова, находясь в крайне тяжелом материальном положении, обратилась в Чуратчинский волостной суд с заявлением и прошением в кратчайшие сроки поручить местному волостному старшине «безотлагательно приступить к приведению в исполнение» решения суда, т.е. взыскивать с родного сына Трофима Тихонова по 3 руб. ежемесячно в течение 5 лет на содержание и пропитание (с заведением особой книги с записью даты и суммы взыскания), в случае отказа – предоставить ей дом со всеми строениями, оставшийся после смерти мужа, и возложить на сельского старосту надзорные функции за имуществом до полной его передачи истице¹⁵⁴.

Неоперативность в исполнении судебных приговоров детерминирована несостоятельностью осужденных, длительным отсутствием ответчиков по месту жительства, временной отлучкой в связи с профессиональной деятельностью, дальнейшим рассмотрением дела в апелляционных инстанциях, недобросовестной деятельностью должностных лиц – исполнителей решения и др. Реализация принятого решения затягивалась чаще всего из-за отсутствия финансовых и материальных средств у ответчика. В связи с этим местной власти приходилось производить опись его имущества, выявлять и продавать движимую собственность на публичных торгах в счет погашения судебного взыскания. Необходимо особо подчеркнуть, что недвижимое имущество крестьян не могло быть продано в счет оплаты денежных санкций. Однако это требование не всегда выполнялось¹⁵⁵.

Обычно волостной старшина или его помощник в ходе оценки и описи имущества осужденного в присутствии свидетелей указывали на возможность выставления на продажу домашней скотины (чаще всего овец) и птицы¹⁵⁶. В качестве примера приведем постановление Тораевского волостного суда Ядринского уезда Казанской губернии (21 марта 1891 г.), при-

нятого в отношении крестьянина д. Анаткасы Андрея Кириллова в связи с неуплатой 10 руб. в пользу «одногожителя» Арсентия Филиппова и невыдачей двух пудов гороха жителю деревни Селиверсту Николаеву по решению Тораевского волостного суда от 27 мая и 3 августа 1890 г. соответственно: «Из имущества означуемого на обороте сего постановления назначить в продажу куриц, гусей и ягнят, но так как суммы, вырученной от продажи означенного имущества, недостаточно на пополнение взыскания, то поручить волостному старшине на остальное взыскание составить акт несостоятельности Андрея Кириллова, копию с которых и выдать просителям. Продажу же произвести 30 марта 1891 г.»¹⁵⁷

Для составления акта о несостоятельности волостной старшина должен был осмотреть движимую и недвижимую собственность ответчика в присутствии свидетелей, удостовериться в его неплатежеспособности, выявить отсутствие имущества для продажи во избежание разорения хозяйства¹⁵⁸. Например, старшина Ядринского волостного правления Ядринского уезда Казанской губернии составил указанный акт после описи и оценки имущества крестьянина д. Чебаково Михаила Парфенова, осужденного в 1908 г. к взысканию 1 руб. 44 коп., установив у него наличие избы (40 руб.), сарая (30 руб.), амбара (25 руб.), лошади (20 руб.), коровы (15 руб.), телеги с колесами (3 руб.), сохи (1 руб. 50 коп.), бороны (30 коп.) и заключив, что «из описанного имущества без разорения хозяйства к продаже ничего не оказалось»¹⁵⁹.

Осознавая тяжелое материальное положение ответчика, хозяйственные трудности, некоторые крестьяне заключали мировую сделку с виновным без взысканий, с обязательством оплаты меньшей суммы денег либо с отсрочкой платежей. Для этого истец должен был предоставить волостному правлению расписку о продлении срока выплаты по решению волостного суда с указанием даты и денежной суммы. Иногда подобное примирение с обязательством возвращения долга в оговоренный срок заключалось между сторонами во время судебного заседания¹⁶⁰. Немаловажным фактором для выплаты долга, назначенных судом взысканий или возмещения убытков являлась сезонность. Крестьяне учитывали экономическую ситуацию семьи и возможность улучшения ее материального положения в период уборки урожая. В связи с этим истцы шли навстречу ответчикам, перенося на осень обязательства по уплате основной суммы долга¹⁶¹.

Таким образом, волостной сословный суд, рассматривавший правоотношения основной массы населения – крестьянства, являлся значимым регулятором общественных отношений и институтом разрешения различных правовых коллизий в чувашской деревне. Волостное судопроизводство имело ряд специфических черт: формальность и государственная регламентация; состязательность и публичное словесное разбирательство; обеспечение личной явки в суд участников процесса; возможность волостных судей производить следственные действия, обыски и изъятия веществен-

ных доказательств у обвиняемых; применение обычая и закона в качестве нормативно-правовой базы; склонение сторон к примирению как по гражданским, так и уголовным делам; вынесение решений главным образом на основании свидетельских показаний; постепенное повышение значимости письменных документов как доказательной базы; назначение штрафов, арестов и телесных наказаний в качестве основных санкций; широкое применение процедуры апелляции. Сохранение особого судопроизводства с правом применения обычаев в судебной практике усугубляло сословную и правовую обособленность крестьянства.

К числу важнейших проблем, возникавших в процессе судебного разбирательства и препятствовавших эффективному функционированию волостного суда, следует отнести превалирующую юридическую безграмотность судейской коллегии; отсутствие профессионализма судей в квалификации гражданских и уголовных дел и назначении наказаний; произвольную трактовку правонарушений в связи с отсутствием единого критерия для постановки судебных решений; субъективные начала – вынесение приговоров по репутации и статусу человека, а также по формуле «грех пополам»; медлительное исполнение судебных вердиктов; зависимость суда от контролирующих инстанций и должностных лиц; злоупотребления судебных чиновников.

В целом, решения волостного суда отражали уровень правосознания и характер правоотношений чувашей Казанской и Симбирской губерний в исследуемый период. Через волостное судопроизводство крестьяне стали приобщаться к правовой культуре, отстаивать свои права на суде, разбираться в ряде юридических тонкостей и процедур, привлекать разнообразные доказательства по делу, ссылаться на нормы обычного и государственного права. В конце XIX – начале XX в., с принятием нормативно-правовых актов 1889 и 1912 гг., произошла формализация процессуальной составляющей волостной юстиции и повысилась значимость позитивного права. Таким образом, благодаря волостному судопроизводству крестьяне постепенно интегрировались в правовое пространство страны.

Литература и источники

¹ *Зарудный М.И.* Законы и жизнь: итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874; *Шраг И.* Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний. М., 1877; *Калачов Н.В.* О волостных и сельских судах в древней и нынешней России // Сборник государственных знаний / под ред. В.П. Безобразова. СПб., 1880. Т. 8. С. 128–148; *Скоробогатый П.* Устройство крестьянских судов // Юридический вестник. 1880. № 6. С. 309–346; *Его же.* Устройство крестьянских судов (окончание) // Юридический вестник. 1880. № 7. С. 486–516; *Леонтьев А.А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб., 1895; *Его же.* Суд и его независимость. Издание редакции журнала «Русское богатство». СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова, 1905; *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту: свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева. Брянск, 1907; *Зырянов П.Н.* Обычное гражданское право в пореформенной общине // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6: Проблемы истории русской общины. С. 91–101; *Тарабанова Т.А.* Состав волостных судов // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 1993. № 2.

С. 45–54; *Её же*. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2; *Земцов Л.И.* Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX в. Воронеж, 2002; *Его же*. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007; *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов, 2004; *Его же*. Крестьянский самосуд и семейная расправа (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152–157; *Его же*. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12 (20). С. 1–31; *Шатковская Т.В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 96–106; *Её же*. Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д, 2000 и др.

² *Бурбанк Д.* Правовая культура, гражданство и крестьянская юриспруденция // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 269–299; *Её же*. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188–196.

³ *Popkins G.* Code versus Custom? Norms and Tactics in Peasant Volost Court Appeals, 1889–1917 // *The Russian Review*. 2000. № 59.

⁴ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья тип. губ. совета, 1919.

⁵ *Магницкий В.К.* Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-ом (следственном) участке Чебоксарского уезда // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 517. Л. 327–428.

⁶ *Денисова Н.П.* Административно-фискальные и правовые функции общины у чувашей (XIX – начало XX в.) // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1984. С. 46–71; *Её же*. Семья в обычном праве чувашей // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары, 1986. С. 112–144; *Её же*. Обычное право чувашской крестьянской общины // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987. С. 76–100.

⁷ *Николаев Г.А.* Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016; *Его же*. Крестьянство Среднего Поволжья в противостоянии с властью (1906–1917 гг.): социально-психологический аспект // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21–23 мая 2003 г.) / отв. ред. В.А. Юрченко; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2004. С. 499–505; *Его же*. К проблеме хулиганства в средневожской деревне начала XX века // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: Материалы II Всероссийской (X Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2008 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2009. С. 212–220 и др.

⁸ *Скуратова И.Н.* Право и обычай в регулировании деятельности волостных судов Российской империи (на примере волостного суда Казанской губернии 1861–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

⁹ *Гибадатов У.И., Глушаченко С.Б.* Волостные суды в Башкирии // История государства и права. 2009. № 8. С. 14–18; *Тараканова Н.Г.* Противоречия крестьянской волостной юстиции в России второй половины XIX – начала XX в. // История государства и права. 2011. № 18. С. 41–45; *Баринов В.В.* Система органов волостной юстиции на территории Республики Мордовия в конце XIX – начале XX века (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // Российский научный мир. 2013. № 1 (1). С. 24–36; *Степанова С.О.* Развитие волостного суда в Российской империи в пореформенный период // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 2. С. 58–70; *Мартышкин В.Н.* Деятельность института волостного судопроизводства в пореформенной России: к 150-летию принятия судебных уставов

1864 г. // Евразийская адвокатура. 2014. № 3 (10). С. 33–37; *Шишкарёва Т.Н.* Деятельность волостных судов в 1861–1889 гг. в Курской губернии // *Перспективы науки*. 2014. № 1 (52). С. 26–30; *Менищиков И.С.* Волостной суд как хранитель традиционных норм поведения в русской деревне // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики*. 2016. № 6 (68): в 2 ч. Ч. 1. С. 119–124; *Сорокин А.А.* Крестьянский волостной суд Российской империи в оценках общественности конца XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 417. С. 147–154; *Скрябин И.В.* Волостной суд в русской деревне во второй половине XIX в. // *Ленинградский юридический журнал*. 2018. № 1 (51). С. 58–63 и др.

¹⁰ *Егоров Д.В.* Исторический портрет волостного судьи // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2015. Вып. 4 (31). С. 120–128; *Его же.* Волостная юстиция в жизни чувашского крестьянства // *Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рожд. П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.)*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 64–74 и др.

¹¹ Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // *Российское законодательство X–XX веков*. М.: Юрид. лит., 1989. Т. 7: Документы крестьянской реформы. С. 57.

¹² Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // *Полное собрание законов Российской империи*. 1889. СПб., 1891. Т. 9. С. 528–529.

¹³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 572. Оп. 1. Д. 3. Л. 4–4 об.

¹⁴ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда 15 июня 1912 г. СПб., 1913. С. 52.

¹⁵ Общее положение о крестьянах ... С. 59.

¹⁶ Временные правила о волостном суде ... С. 530.

¹⁷ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 58.

¹⁸ Временные правила о волостном суде ... С. 530; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 58–59.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об., 14 об.; Ф. 572. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об.

²⁰ Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 2; ГИА ЧР. Ф. 138. Оп. 1. Д. 13. Л. 76; Ф. 66. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

²¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 565. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 19; ГИА ЧР. Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. Л. 26; Ф. 342. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об. – 8 об.

²² ГИА ЧР. Ф. 43. Оп. 1. Д. 7. Л. 326 об.; Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 4; Ф. 138. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; Ф. 572. Оп. 1. Д. 4. Л. 43 об.; Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 21 об. – 22; ГАУО. Ф. 240. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 165 об.

²³ ГИА ЧР. Ф. 66. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

²⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 14; Ф. 132. Оп. 1. Д. 212. Л. 26; Д. 217. Л. 2; Ф. 135. Оп. 2. Ч. II. Д. 33. Л. 1; ГА РМЭ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 2.

²⁵ ГА РМЭ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 10.

²⁶ ГИА ЧР. Ф. 574. Оп. 1. Д. 16. Л. 83–84.

²⁷ Там же. Л. 86, 88, 90, 92, 94, 103 и др.

²⁸ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 60.

²⁹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1166. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13.

³⁰ ГИА ЧР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.

³¹ Временные правила о волостном суде ... С. 530; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 59.

³² ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 161. Л. 6 об. – 7.

³³ ГАУО. Ф. 565. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 15–15 об.

³⁴ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 52.

³⁵ ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–5 об.

- ³⁶ Временные правила о волостном суде ... С. 529; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 52.
- ³⁷ Общее положение о крестьянах ... С. 59.
- ³⁸ Временные правила о волостном суде... С. 531; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда... С. 60.
- ³⁹ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 58.
- ⁴⁰ ГАУО. Ф. 594. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1–1 об.; ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–8 об.
- ⁴¹ *Егоров Д.В.* Исторический портрет волостного судьи. С. 124.
- ⁴² ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 38 об. –39.
- ⁴³ НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8 об.; ГИА ЧР. Ф. 575. Оп. 1. Д. 8. Л. 22 об. –23.
- ⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 217. Л. 3 об. –4.
- ⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. С. 223; Ед. хр. 177. С. 574; ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 219. Л. 64 об.; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об. –6; *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 75.
- ⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. –4.
- ⁴⁷ Временные правила о волостном суде ... С. 530; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 59.
- ⁴⁸ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 59–60.
- ⁴⁹ НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Д. 35. Л. 41 об.; ГА РМЭ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1–2.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 4. Л. 140 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 10. Л. 177 об.
- ⁵² *Магницкий В.К.* Этнографический очерк преступлений ... Л. 392–393.
- ⁵³ Общее положение о крестьянах ... С. 56–57; ГА РМЭ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1; ГИА ЧР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2 об.
- ⁵⁴ Общее положение о крестьянах ... С. 56.
- ⁵⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. С. 65–66; Ед. хр. 285. С. 323; ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 31 об. –33.
- ⁵⁶ ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–7.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 217. Л. 13 об. –14 об.
- ⁵⁸ НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 12–13 об.
- ⁵⁹ ГИА ЧР. Ф. 576. Оп. 1. Д. 1. Л. 18 об. –19.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
- ⁶¹ *Соловьев Е.Т.* Гражданское право: Очерки народного юридического быта. Казань: Тип. губ. правления, 1893. Вып. 2. С. 44–45; *Его же.* О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего быта: археологический очерк. Казань: Тип. губ. правления, 1885. С. 96, 98, 126.
- ⁶² ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 204. Л. 51 об. –54.
- ⁶³ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 82–82 об.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 8. Л. 14; Ф. 133. Оп. 1. Д. 45. Л. 5–5 об.; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 18 об. –19; Ф. 522. Оп. 1. Д. 1. Л. 30 об. –31; Ф. 570. Оп. 1. Д. 21. Л. 38 об.; ГА РМЭ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 11 и др.
- ⁶⁵ ГИА ЧР. Ф. 131. Оп. 1. Д. 4. Л. 52; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 7; Ф. 522. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 75 об.; ГАУО. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 28 об. и др.
- ⁶⁶ ГИА ЧР. Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 5 об.; Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. Л. 52; Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 56 и др.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 212. Л. 15.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.; Ф. 130. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.; Ф. 566. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. –4.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 13. Л. 112; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 31; Ф. 342. Оп. 1. Д. 1. Л. 14, 102; Ф. 522. Оп. 1. Д. 1. Л. 64, 103 об.; Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- ⁷¹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 22. Л. 107.
- ⁷² Обзор Казанской губернии за 1898 г. Казань, 1899. С. 107.
- ⁷³ Там же.

- ⁷⁴ ГИА ЧР. Ф. 572. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 75 об. –76.
- ⁷⁶ Бурбанк Д. Правовая реформа и правовая культура ... С. 195.
- ⁷⁷ Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половине 70-х годов XIX века ... С. 8.
- ⁷⁸ ГА РМЭ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 8; ГИА ЧР. Ф. 131. Оп. 1. Д. 2. Л. 142, Д. 25. Л. 56; Ф. 132. Оп. 1. Д. 217. Л. 14; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ⁷⁹ Общее положение о крестьянах ... С. 59; Временные правила о волостном суде ... С. 531; Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда ... С. 60.
- ⁸⁰ ГА РМЭ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 42.
- ⁸¹ ГИА ЧР. Ф. 137. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–15 об.
- ⁸² Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 19 об. –20.
- ⁸³ Общее положение о крестьянах ... С. 59; Временные правила о волостном суде ... С. 531; Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда ... С. 60.
- ⁸⁴ ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 26. Л. 15; Д. 28. Л. 9, 77.
- ⁸⁵ Риттих А.А. Крестьянский правопорядок: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. С. 357.
- ⁸⁶ Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда ... С. 60.
- ⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 110 об. –112; Временные правила о волостном суде ... С. 531.
- ⁸⁸ ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 217. Л. 63 об. –65.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об. –4 об.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1058. Л. 1; Д. 1188. Л. 1; Д. 1216. Л. 1.
- ⁹¹ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 219. Л. 84 об. –85 об.
- ⁹² Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
- ⁹³ Там же. Ф. 132. Оп. 1. Д. 11. Л. 4; Ф. 17. Оп. 1. Д. 47. Л. 1; Ф. 18. Оп. 1. Д. 549. Л. 1; ГА РМЭ. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 1–15; НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 51 об. –55 об.; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 595–597.
- ⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, Д. 116. Л. 15; Ф. 17. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, Д. 291. Л. 1; ГА РМЭ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 1 и др.
- ⁹⁵ Никольский Н.В. О пословицах чувашского народа // Ученые записки / ЧНИИ. Чебоксары, 1958. Вып. 18. С. 10; Чăваш халăх пултарулахĕ. Вагтисен сáмахĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. С. 261–262; НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 203. С. 170–171.
- ⁹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 10; Ед. хр. 218. С. 44, 134; Ед. хр. 268. С. 255.
- ⁹⁷ Там же. Ед. хр. 174. С. 284; Обзор Казанской губернии за 1908 г. Казань, 1910. С. 83–84; ГИА ЧР. Ф. 572. Оп. 1. Д. 17. Л. 4 об.; Ф. 574. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8; Ф. 577. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–18.
- ⁹⁸ ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–24 об.
- ⁹⁹ Общее положение о крестьянах ... С. 58–59.
- ¹⁰⁰ Временные правила о волостном суде ... С. 531.
- ¹⁰¹ Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда ... С. 57; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. / сост. Н.С. Таганцев. СПб., 1902. С. 117–411.
- ¹⁰² Временные правила о волостном суде ... С. 529–530.
- ¹⁰³ Васильев А.А. Закон о преобразовании местного суда ... С. 54.
- ¹⁰⁴ Российское законодательство. Т. 7. С. 95.
- ¹⁰⁵ ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 200. Л. 32 об. –33.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2.
- ¹⁰⁷ Там же. Ф. 577. Оп. 1. Д. 29. Л. 2 об. –3 об.
- ¹⁰⁸ Временные правила о волостном суде ... С. 532.
- ¹⁰⁹ ГИА ЧР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 7. Л. 328; Ф. 138. Оп. 1. Д. 13. Л. 6; Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об. –4 об.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 16 об.; Ф. 138. Оп. 1. Д. 13. Л. 7; Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об., 25 об.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 46. Л. 6; НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Д. 35. Л. 51.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 25. Л. 56; Ф. 577. Оп. 1. Д. 29. Л. 9 об. –10.

- ¹¹² ГИА ЧР. Ф. 569. Оп. 1. Д. 15. Л. 8–9.
- ¹¹³ *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш. С. 71.
- ¹¹⁴ Временные правила о волостном суде ... С. 532; ГИА ЧР. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 68–69, 97–97 об.
- ¹¹⁵ ГАУО. Ф. 594. Оп. 1. Ед. хр. 160. Л. 1–10.
- ¹¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 668; Отд. I. Ед. хр. 179. С. 14; Ед. хр. 215. С. 349–350; ГИА ЧР. Ф. 519. Оп. 1. Д. 29. Л. 25 об.; Ф. 570. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об. –2.
- ¹¹⁷ Временные правила о волостном суде ... С. 532; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 61.
- ¹¹⁸ Временные правила о волостном суде ... С. 532.
- ¹¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 130. Оп. 1. Д. 464. Л. 1–5.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 507. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ¹²¹ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–18 об.
- ¹²² Там же. Ф. 577. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–5.
- ¹²³ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 17 об. –18.
- ¹²⁴ Временные правила о волостном суде ... С. 531–532.
- ¹²⁵ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 61.
- ¹²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 668; *Магницкий В.К.* Этнографический очерк преступлений ... Л. 423.
- ¹²⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 14; Ед. хр. 177. С. 668–669.
- ¹²⁸ ГА РМЭ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 10 об. –11.
- ¹²⁹ НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–6 об.
- ¹³⁰ Общее положение о крестьянах ... С. 59.
- ¹³¹ Российское законодательство. Т. 7. С. 96.
- ¹³² Временные правила о волостном суде ... С. 531–532.
- ¹³³ *Риттих А.А.* Крестьянское дело: краткий свод трудов местных комитетов (по отделам свода: «Крестьянское землепользование» и «Крестьянский правопорядок»). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. С. 12.
- ¹³⁴ *Риттих А.А.* Крестьянский правопорядок ... С. 77.
- ¹³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 14.
- ¹³⁶ ГИА ЧР. Ф. 577. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об. –5.
- ¹³⁷ НА РТ. Ф. 989. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.
- ¹³⁸ ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 200. Л. 21–22.
- ¹³⁹ Общее положение о крестьянах ... С. 60.
- ¹⁴⁰ Временные правила о волостном суде ... С. 531; ГИА ЧР. Ф. 132. Оп. 1. Д. 217. Л. 14; Ф. 335. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.
- ¹⁴¹ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 53–54, 61.
- ¹⁴² Временные правила о волостном суде ... С. 531; *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 61.
- ¹⁴³ ГИА ЧР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–6 об.
- ¹⁴⁴ Общее положение о крестьянах ... С. 60.
- ¹⁴⁵ Временные правила о волостном суде ... С. 531.
- ¹⁴⁶ *Васильев А.А.* Закон о преобразовании местного суда ... С. 61.
- ¹⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об. –2.
- ¹⁴⁸ Там же. Ф. 131. Оп. 1. Д. 28. Л. 15.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. 576. Оп. 1. Д. 66. Л. 29–29 об.
- ¹⁵⁰ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 82. Л. 23–23 об.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 43–43 об.
- ¹⁵² Там же. Ф. 576. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об. –13.
- ¹⁵³ Там же. Ф. 577. Оп. 1. Д. 29. Л. 6 об. –7.
- ¹⁵⁴ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 15. Л. 47–48.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 16. Л. 210–218, 245.
- ¹⁵⁶ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–34, 38–38 об.; Д. 119. Л. 36 об. –37.
- ¹⁵⁷ Там же. Ф. 572. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 23–27 об., 32–33 об.

¹⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 570. Оп. 1. Д. 51. Л. 9–9 об.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 16. Л. 34–35.

¹⁶⁰ Там же. Ф. 570. Оп. 1. Д. 13. Л. 30; Ф. 572. Оп. 1. Д. 3. Л. 21; Ф. 574. Оп. 1. Д. 16. Л. 26, 30.

¹⁶¹ Там же. Ф. 577. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об.

D.V. Egorov

ETHNOLEGAL AND PROCEDURAL PECULIARITIES OF THE VOLOST LEGAL PROCEEDINGS OF THE CHUVASHES IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND THE EARLY 20TH CENTURIES

The article explores peculiarities of the volost legal proceedings of the Chuvashes in the second half of the 19th and the early 20th centuries by materials of the Kazan province and Simbirsk province. Analyzed are the procedures of filing, investigating, resolving, and executing a lawsuit, body of evidence and sanctions system. Ethnolegal and procedural peculiarities are traced by court documents and evidence of the volost judicial system; regulatory legal acts dated 1861, 1889, and 1912; and statistics. Given are the examples of civil and criminal cases litigation. Issues and drawbacks of the volost legal proceedings are revealed.

Keywords: volost legal proceedings, volost court, the Chuvash, custom, law, lawsuit, investigation, evidence, punishment.

УДК 271.2-234“185/190”-512.111

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМИССИИ
ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО
ОБЩЕСТВА ПО ПЕРЕВОДУ И ИЗДАНИЮ
КНИГ НА ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ***

ЧГВ, 2018 г., № 13

© Р.Р. Исхаков

В статье проанализирована деятельность Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия Православного миссионерского общества по переводу и изданию книг на чувашском языке во второй половине XIX – начале XX в. Приводятся сведения о конкретных результатах этой работы – количестве и репертуаре чувашских изданий. Данные материалы позволяют оценить вклад этого миссионерского института в развитие религиозно-просветительского движения чувашского народа в дореволюционный период.

Ключевые слова: чувашская книга, православные просветители, переводная литература, И.Я. Яковлев, Н.И. Ильминский.

Истоки традиции переложения христианских текстов на языки народов России лежат в просветительской деятельности первых славянских святителей Кирилла и Мефодия, продолжателями дела которых в России стали такие выдающиеся русские подвижники и проповедники, как Стефан Великопермский, архимандрит Макарий (Глухарев), митрополит Иннокентий (Попов) и др. Важнейшим этапом в становлении традиции переводов православных религиозных текстов на языки нерусских народов Волго-Уралья и в формировании у них кириллической письменной традиции стал пореформенный период, когда в результате глубоких социально-экономических и культурных изменений, происходивших в стране, сложились условия для внедрения в практику деятельности миссионеров новых реформаторских идей, в том числе и в сфере передачи текстов Священного Писания, а также совершения богослужения на тюркских и финно-угорских языках. Эти явления совпали с зародившимся среди поволжских «инородцев» просветительским движением, желанием нерус-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

Радик Равильевич Исхаков – кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; e-mail: ishakovist@gmail.com.

ских народов культурной модернизации общества и появлением в их среде прослойки сельской интеллигенции, ставшей главным актором этих процессов. Целью данной статьи является изучение и репрезентация деятельности по переводу и изданию книг на чувашском языке во второй половине XIX – начале XX в. Переводческой комиссии Православного миссионерского общества. В рамках решения поставленной задачи были рассмотрены становление и развитие этого религиозно-просветительского института, показана методика переводческой деятельности, выявлены количество и репертуар ее чувашских изданий.

Эпоха Великих реформ 1860–1870 гг. стала временем масштабной трансформации религиозно-просветительского движения Русской православной церкви (РПЦ). Благодаря демократизации миссионерских учреждений, привлечению в эти органы мирян происходит настоящий расцвет православного миссионерства. Само понятие религиозного просветительства, по словам И.А. Зеткиной, начало рассматриваться русской интеллигенцией в традициях византийских миссионеров, которые стремились перенести в сознание и души обращенных слово Божие и комплекс современных знаний. Произошло расширение этого понятия до глобального социокультурного феномена¹.

Новые миссионерские институты РПЦ, значительный рост которых отмечается в середине 1860-х гг., строились на качественно новых принципах, основывающихся на идеях христианского просветительства с новым взглядом на цели миссионерского служения. Эти организации объединяли наиболее ревностных последователей православия, большинство из которых было светскими людьми, искренне ратовавшими за распространение христианства. 16 июля 1865 г. барнаульским купцом А.Г. Мальковым при поддержке архимандрита Владимира (Попова) в Санкт-Петербурге было учреждено «Миссионерское общество»². Основной целью этого миссионерского объединения признавалось «распространение православного христианства между язычниками в пределах империи и соседних стран, а также между нехристианами»³. Появление данного общества, членами которого стали представители царской семьи и высшего руководства страны, послужило толчком к созданию миссионерских организаций в других регионах страны.

19 марта 1867 г. Миссионерским обществом было разослано обращение поволжским и сибирским епархиям с предложением открыть отделения общества в регионах, для усиления проповеднической деятельности среди местных «иноверцев»⁴. Руководство Казанской епархии, которое в это время было озабочено проблемой борьбы с усиливающимся процессом отпадения крещеных татар в ислам, отнеслось с большим вниманием к данной инициативе, решив организовать в Казани новую миссионерскую организацию. 4 октября (день обретения мощей святителя Гурия) 1867 г. под председательством архиепископа Антония (Амфитеатрова) было торжественно открыто «Церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе»⁵.

После реорганизации в конце 1869 г. Миссионерского общества (теперь оно начало именоваться Православным миссионерским обществом – ПМО) и принятия в 1870 г. нового устава происходит значительное увеличение его отделений в регионах империи⁶. Из Петербурга общество было переведено в Москву под управление московского митрополита, ему был придан статус всероссийского распорядительного миссионерского органа, курирующего все миссионерские организации РПЦ в пределах империи (кроме Кавказа), в Японии, Корее и Аляске. В немалой степени стремительному увеличению комитетов ПМО способствовало распоряжение Священного синода, предписывающее местной духовной власти всесторонне участвовать в организации этих учреждений, ставя «дело об открытии миссионерских комитетов на первую очередь в ряду прочих епархиальных дел»⁷.

28 мая 1870 г. открылся комитет ПМО в Вятской, 28 февраля 1871 г. – в Самарской⁸, 23 ноября 1872 г. – в Пермской⁹, 7 декабря 1875 г. – в Симбирской, 14 мая 1878 г. – в Нижегородской и Уфимской епархиях¹⁰. Наряду с повсеместной организацией комитетов происходит реорганизация и подчинение совету ПМО ранее созданных миссионерских учреждений. Только Братству св. Гурия благодаря содействию казанского архиепископа Антония и обер-прокурора Синода Д.А. Толстого удалось отстоять свою относительную самостоятельность. В правовом отношении оно было приравнено к комитету ПМО¹¹.

Основными направлениями деятельности этих миссионерских объединений стали организация и финансирование миссионерской деятельности среди местного нерусского населения, открытие конфессиональных школ, церквей, финансовая поддержка православных неопитов, священников, занимающихся христианско-просветительской деятельностью среди прихожан. Особое внимание было обращено на переводы и издание православной религиозной литературы на языках нерусских народов, что было необходимым условием для организации богослужения и знакомства местного населения с внутренним содержанием православного вероучения. Основным миссионерским институтом, взявшим на себя это направление деятельности, стало Братство св. Гурия. К этому времени в Казани сложилась самодеятельная школа миссионерского ориентализма, в Казанской духовной академии (КазДА) действовали единственные в синодальной образовательной системе востоковедческие отделения – противомусульманское (тюркских и семитских языков) и противобуддийское (монгольских языков), открытые в 1854 г., имелись квалифицированные кадры миссионеров-переводчиков.

Вскоре после создания Братства св. Гурия ее совет решает организовать особую комиссию, которая взяла бы на себя просмотр и цензуру переводов, появляющихся на языках народов Волго-Уралья, а также самостоятельное издание трудов, составленных ее сотрудниками. Данную инициативу поддержал казанский архиепископ Антоний, обратившийся в начале 1868 г. в Синод с ходатайством по этому вопросу. 18 марта 1868 г. это предложение было высочайше утверждено. Первоначально у Переводческой

комиссии не было как четкой структуры деятельности, так и определенного штата сотрудников. Переводы и их корректура осуществлялись узким кругом энтузиастов из числа профессоров-востоковедов КазДА и священнослужителей. В 1869 г. по инициативе председателя Братства св. Гурия, попечителя Казанского учебного округа (КУО) П.Д. Шестакова эта комиссия начала действовать как официальная организация при братстве, во главе с Н.И. Ильминским¹².

Выбор Н.И. Ильминского руководителем комиссии был не случаен. К этому времени он заявил о себе как серьезном ученом-востоковеде, основателе казанской миссионерской школы тюркологии, идеологе нового религиозно-просветительского движения, впоследствии ставшего известным как «система Ильминского». В ходе своего знакомства с прежней постановкой проповеднической деятельности, изучения жизни и религиозных верований нерусских народов он пришел к выводу о необходимости кардинальных изменений в сфере миссионерского движения РПЦ. В ряде своих работ¹³ он высказал принципиально новые взгляды на задачи православной миссии, получившие поддержку руководства страны. Основной идеей Н.И. Ильминского был отказ от жесткой привязки христианизации к этнической унификации. Во многом по причине боязни потерять свое культурное и этническое своеобразие, традиционный уклад жизни с восприятием «русской» веры православие вплоть до 1860 г. так и не смогло стать «своей» религиозной традицией для большинства крещеных нерусских народов региона. Понимая это, Н.И. Ильминский предложил идею «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля. Подчеркивая эту идею, он писал в одной из своих ранних работ: «Надо всегда внушать татарам (имеются в виду крещеные татары. – *Р.И.*), что наша вера отнюдь не посягает на их народность; что она не русская, а всемирная, святая, Христова»¹⁴. Миссионером-просветителем была разработана концепция «духовного обрусения инородцев», ввода богослужения на местных языках, создания национальных кадров православного духовенства. Решение сложных миссионерско-просветительских задач Ильминский считал возможным только на основе родного языка. «Кто говорит с инородцем на их родном языке, – писал он, – того они легко понимают и могут убеждаться его доказательствами, потому что вместе со словами он употребляет их же элементы мысли»¹⁵.

Н.И. Ильминский лаконично выразил основную суть своей системы в широко известной триаде, сформулированной в его письме к обер-прокурору К.П. Победоносцеву: «Мои снаряды – инородческие книги, инородческое богослужение, инородческий причт церковный со священником во главе»¹⁶. Таким образом, переводы и издание религиозных текстов являлись базисом системы, необходимым условием для развития новых подходов в христианско-просветительской деятельности среди народов Волго-Уралья. Ильминский особо подчеркивал, что глубокое проникновение

христианства в сознание народа было возможно лишь при условии, когда «кинородцы» начали бы понимать его внутреннее содержание. Для этого было необходимо сделать доступным богослужение, перевести его на понятный для прихожан язык. Для совершения богослужения Н.И. Ильминским была разработана методика транслитерации православных текстов на татарский язык на основе кириллического алфавита. Хотя практика переводов религиозной литературы с использованием кириллицы на языки нерусских народов была не нова и занимала важное место в истории православного проповедничества, восходившего к традиции Стефана Великопермского, именно Н.И. Ильминскому удалось создать научно-методическую базу для создания новых алфавитов «бесписьменных» народов и переводов православных богослужебных книг на эти языки. Принципы, которые были положены в основу переводов, – в этимологическом и синтаксическом отношении следовать законам народной речи, использовать русские слова для обозначения собственных имен, употреблять русские буквы при обозначении звуков языка – стали теоретическим фундаментом деятельности Переводческой комиссии. Опыт транслитерации татарского языка на основе русского алфавита, первоначально задумывавшейся Н.И. Ильминским с чисто утилитарными целями, в дальнейшем был распространен на языки других коренных народов Поволжья и Сибири, стал, по мнению канадского исследователя У. Доулера, не только основой языковой политики российского правительства в восточных пределах государства, но и протечей аналогичной политики в других европейских империях¹⁷.

Важное место в продукции Переводческой комиссии Братства св. Гургия занимали чувашские издания. Работа по переводам на чувашский язык усилилась и дала конкретные результаты, когда в конце 1867 г. в состав комиссии вошел известный ученый-чувашевед, инспектор чувашских школ Казанской губернии Н.И. Золотницкий. Благодаря наличию в Казани крупных научных центров по изучению татарского языка (Казанская духовная академия – КазДА, Казанский университет) в составе Переводческой комиссии были хорошие специалисты в области татарского языкознания – профессора КазДА Н.И. Ильминский, Е.А. Малов, практикант татарского языка В.Т. Тимофеев. Кроме того, с 1863 г. в городе действовало специальное учебное заведение миссионерской направленности – Казанская центральная крещенотатарская школа (КЦКТШ), ученики и преподавательский состав которой, как природные носители языка, активно участвовали в переводческой деятельности, корректировали тексты, делая их понятными для широкого круга сельского населения. Благодаря этому к концу 1860-х гг. была налажена планомерная работа по переводу и изданию разнообразной религиозной и учебной литературы на татарском кириллическом алфавите. Чувашским переводчикам, не имевшим такой научной базы и сложившихся переводческих институтов, пришлось начинать свою работу с «чистого листа».

Для того чтобы облегчить работу переводчиков, по инициативе Н.И. Ильминского в Казань начинают приглашать учителей миссионер-

ских школ из числа чувашей. В 1868 г. для помощи Золотницкому в работе над чувашскими переводами был командирован учитель Кошлоушского училища М. Дмитриев, в 1870 г. – учитель Большеяльчикской школы Братства св. Гурия В. Васильев. Учителя принимали всестороннее участие в подготовке новых изданий, исправляли неточности в переводах Священного Писания, совершенствовались свои познания в области церковного пения¹⁸. Наряду с М. Дмитриевым и В. Васильевым посильную помощь в переводах на чувашский язык оказывал ученик КЦКТШ С. Тимрясов, происшедший из чувашей Чистопольского уезда Казанской губернии, в совершенстве владевший как чувашским, так и татарским языком¹⁹.

С 1870 г. наряду с группой Н.И. Золотницкого формируется новая школа чувашских переводчиков, под руководством чувашского просветителя и религиозного деятеля И.Я. Яковлева. Поступив в Казанский университет, И.Я. Яковлев сближается с Н.И. Ильминским, начинает самостоятельно переводить учебную и религиозную литературу на чувашский язык, разрабатывает новый чувашский алфавит на основе кириллицы²⁰. После окончания в 1875 г. Казанского университета и назначения на должность инспектора чувашских школ КУО у И.Я. Яковлева появилась возможность полностью сосредоточиться на проектах в области школьного и религиозного просвещения соплеменников. Фактически с этого времени группа Яковлева берет на себя основную часть работы по переводам на чувашский язык, а созданный в 1871 г. И.Я. Яковлевым кириллический алфавит становится основой чувашской письменной традиции. Признавая это, Н.И. Ильминский писал в 1875 г.: «...он (И.Я. Яковлев. – *Р.И.*) приобрел полную опытность в переводах, которыми занимается постоянно с особой ревностью. Он со своей школой (речь идет о Симбирской чувашской учительской школе. – *Р.И.*), без сомнения, и на будущее время будет главным деятелем переводов на чувашский язык, что и свойственно ему по его родственному отношению к чувашам и официальному отношению к образованию чуваш. Присовокуплю к этому, что, искренне сочувствуя трудам Н.И. Золотницкого и ценя их значение для науки, я все-таки, сравнительно с его переводами, нахожу более правильными переводы г. Яковлева»²¹. Центром переводов на чувашский язык стал г. Симбирск, где с 1875 г. официально открылась Симбирская чувашская учительская школа, директором которой был назначен И.Я. Яковлев.

Практически сразу после выхода в свет первых чувашских книг в адрес церковной администрации, Братства св. Гурия, Министерства народного просвещения (МНП) начинают поступать жалобы от православного духовенства, увидевшего в данных изданиях «вред» и «принижение» православия²². Несмотря на это противодействие, с 1867 по 1877 г. Переводческой комиссией на чувашском языке было издано 14 названий книг, среди которых: «Календарь на чувашском языке» (1867, 1874), «Букварь для чувашских детей» (1867, 1870, 1875; 1 200 экз.), «Молитвенник» (1870, 1871; 1 200 экз.), «Два поучения в день Вознесения и Сошествия Св. Духа» (1870; 1 200 экз.), «Почтение в день Богоявления Господня» (1871; 1 200 экз.), «Христос вос-

кресе! Объяснение праздника Пасхи – в виде стеной таблицы» (1871; 1 200 экз.), «Начальное учение о православной христианской вере» (1873; 1 200 экз.), «Пасхальная служба» (1873; 2 000 экз.), «Евангелие от Матфея» (2 000 экз.), «Жития святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа, казанских чудотворцев, с прибавлением сведений об Авраамии, мученике болгарском» (1874; 1 200 экз.), «Евангелие от Марка и Луки» (1875; 2 000 экз.), «Учение пред Св. крещением» (1876; 1 200 экз.), «Поучение о поклонении Богу» (1876; 1 200 экз.), «Священная история Ветхого и Нового Завета» (1876; 1 200 экз.). Общий тираж этих изданий, по неполным данным, составил 18 тыс. экз.²³

Значительное расширение деятельности Переводческой комиссии и репертуара выпускаемой ею книжной продукции происходит после официального признания системы Н.И. Ильминского основным методом религиозного и школьного просвещения крещеных нерусских народов Восточной России, законодательно закрепленным в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 26 марта 1870 г.²⁴ Для подготовки квалифицированных педагогических кадров для учебных заведений, работавших по новой системе, в 1872 г. была учреждена Казанская учительская (инородческая) семинария (КУС), директором которой был назначен Н.И. Ильминский²⁵. В нее могли поступать, наряду с русскими, представители коренных народов России, назначавшиеся после окончания курса учителями в народные училища²⁶. При семинарии были организованы 4 образцовые начальные школы (чувашская, черемисская, мордовская, вотская). Эти школы должны были готовить будущих семинаристов, в них проходили педагогическую практику воспитанники старших классов КУС²⁷.

Переводы становятся важной составляющей подготовки и обучения семинаристов. Благодаря этому воспитанники КУС, становясь учителями и священнослужителями, имели возможность продолжить эту работу, применить на практике свои знания в области переложения текстов Священного Писания. Так формировалось новое поколение переводчиков и деятелей зарождающейся литературы нерусских народов Волго-Уралья.

КУС играла заметную роль и в централизованном распространении изданий Переводческой комиссии. При семинарии был создан основной книжный склад, где все желающие могли приобрести религиозно-нравственную и учебную литературу. Книги распространялись также посредством приезжающих в семинарию учителей и родителей школьников, самих учеников.

В 1875 г. Переводческая комиссия при Братстве св. Гурия была напрямую подчинена Православному миссионерскому обществу²⁸. В связи с этим на комиссию²⁹ были возложены дополнительные обязанности. Она стала курировать печать, цензуру и переводы православных книг на языках всех нерусских народов Восточной России. Несмотря на подчинение ПМО, Переводческая комиссия фактически являлась самостоятельным учреждением. Непосредственное руководство ее деятельностью осуществлялось Н.И. Ильминским. Ему предоставлялись широкие полномочия,

в том числе право приглашать в состав комиссии сотрудников, оплачивать их работу. Для членов Переводческой комиссии предусматривалось ежегодное жалование в размере 300 руб.³⁰

К началу 1880-х гг. можно говорить о складывании четкой, субординированной системы деятельности сотрудников Переводческой комиссии. Первоначально черновой текст, составленный переводчиком, рассматривался и апробировался в центральных миссионерских школах, где учащиеся и педагогический состав отмечали недостатки рукописной работы. После нескольких проверок и корректуры он поступал в Казань в Переводческую комиссию для дополнительной редакции и цензуры. Первое издание книги, как правило, печаталось весьма ограниченным тиражом и предназначалось не для массового читателя, а для узкого круга лиц – сельских священнослужителей и учителей миссионерских школ, которые должны были дополнительно проверить и исправить работу. Только после этого перевод издавался большим тиражом для распространения в народе³¹.

Исходя из отчетов ПМО и Переводческой комиссии можно сделать вывод, что в разные годы ее расходы на перевод и издание книг на языках народов России, Ближнего и Дальнего Востока варьировались от 5 до 20 тыс. руб. В частности, в 1905–1907 гг. из субсидий, выделенных ПМО, Братством св. Гурия, Самарским епархиальным Алексеевским братством, и средств, полученных с продажи книжной продукции, было израсходовано 20 591 руб.³² Такая же разнонаправленная динамика отмечается в сведениях о количестве изданных в разные годы книг – от нескольких десятков до сотен тысяч экземпляров.

Большинство изданий Переводческой комиссии раздавалось бесплатно православному духовенству нерусских приходов, рассылалось в начальные школы. Кроме миссионерских учебных заведений, они стали применяться в образовательном процессе земских и министерских училищ. Для более широкого распространения переводов в поволжских епархиях были введены должности книгоношей, создавались книжные склады, заведование которыми поручалось местным священнослужителям.

По количеству названий книг и общему тиражу среди изданий Переводческой комиссии лидировали чувашские переводы. Всего с 1877 по 1905 г., по неполным данным, на чувашском языке было опубликовано 130 наименований книжной продукции общим тиражом 670 440 экз. (см. табл. 1).

В репертуаре работ на чувашском языке основное место занимали произведения религиозно-нравственного и богослужебного характера (108 изд., 83 %). Большими тиражами печатались учебные пособия (7 изд.; 5 %). Среди них – наиболее популярная чувашская книга дореволюционного периода «Букварь для чуваш», в рассматриваемое время выдержавшая 12 изданий общим тиражом 88 050 экз. В числе других работ можно выделить брошюры по профилактике инфекционных заболеваний (4 изд.; 4 %), пропаганде здорового образа жизни (4 изд.; 4,2 %) и грамотности (1 изд.), развитию агрономии и сельского хозяйства (2 изд.) и др.

**Список изданий на чувашском языке Переводческой комиссии
Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия с 1877 по 1905 г.³³**

№ п/п	Название	Год издания	Общий тираж, экз.
1	2	3	4
1	Главные церковные праздники Господни и Богородичны	1877, 1882, 1890	9 200
2	Чин исповедания и како причащати больного	1878, 1884	1 800
3	Рассказы из русской истории	1879, 1882	5 400
4	Евангелие от Матфея	1879	5 000
5	Житие св. апостолов Петра и Павла и св. Николая, мирликийского чудотворца	1879	1 200
6	Пасхальная служба	1879, 1882, 1883	5 200
7	Евангелие от Иоанна	1880	1 200
8	Букварь для чуваш	1880, 1883, 1884, 1885, 1886, 1888, 1891, 1899, 1893, 1897, 1898, 1904	88 050
9	Священная история Ветхого и Нового Завета	1882, 1883, 1885, 1887, 1890, 1893, 1895, 1896	29 050
10	Молитвенник	1883, 1885, 1897, 1898, 1903, 1904	25 650
11	Церковные службы	1883	3 000
12	Часослов	1884	3 000
13	Требник	1885	2 000
14	Всенощное бдение и литургия св. Иоанна Златоустого	1885, 1893	5 200
15	Хоровые церковные песнопения	1888, 1898, 1904	4 500
16	Октоих учебный, содержащий воскресную службу 8-ми гласов	1888	3 000
17	О загробной жизни	1889, 1890, 1891, 1896	12 450
18	В память девятисотлетия крещения Руси. Житие св. равноапостольного князя Владимира	1889	3 000
19	О превосходстве христианства пред магометанством	1890	3 000
20	Поучение против чувашского языческого общественного жертвенного моления	1890, 1892	6 400
21	Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна	1890, 1895	7 600
22	Бог и Его отношение к роду человеческому	1891	3 000
23	Об ангелах и злых духах	1891, 1892, 1897	11 000
24	Поучение против пьянства	1892	3 000
25	Училище благочестия	1892	3 000
26	Первоначальный учебник русского языка	1892, 1893, 1895, 1897, 1898	24 000
27	«Береженого Бог бережет». Наставления, как уберечься от заболевания холерою	1892	5 000
28	Учение благочестия. Книга 2-я	1893	5 000
29	Указание пути в Царствие Небесное – книга 1-я. Царство Небесное	1893	5 000
30	Три поучения из творений св. Тихона Задонского	1893	5 000
31	Указание пути в Царствие Небесное – книга 2-я. Жизнь и страдания Иисуса Христа	1893	5 000

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4
32	Указание пути в Царствие Небесное – книга 3-я. Путь в Царство Небесное	1893, 1894	10 000
33	Хоровые церковные песнопения. Выпуск 1-й. Литургия, целебные пения, венчание и панихида	1893	8 000
34	Указание пути в Царствие Небесное – книга 4-я. О Святом Духе	1894	6 000
35	Указание пути в Царствие Небесное – книга 5-я. Наставление идущих по пути в Царствие Небесное	1894	5 000
36	8 поучений, извлеченных из троицких листов	1894	10 800
37	Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки	1894, 1904	10 000
38	О церкви и церковном богослужении	1894, 1897	13 000
39	Хоровые церковные песнопения. Выпуск 2-й. Всенощное бдение	1894, 1900	3 000
40	Хоровые церковные песнопения. Выпуск 3-й. Песнопения великопостные и пасхальные	1894, 1900	3 000
41	Св. Стефан Пермский	1894	3 000
42	Молебное пение на Новый год	1894	1 200
43	Поминовение усопших	1894	3 000
44	Рассказы из церковной истории по книге деяний св. апостолов	1894	3 000
45	Рассказы из житий святых и статьи назидательного содержания	1894, 1897	7 400
46	О христианской любви по учению православной церкви	1894	3 000
47	Рассказ о болезни и смерти государя императора Александра III и о вступлении на престол императора Николая II	1894	1 200
48	Житие и страдания св. великомученика Пантелеимона	1894	1 200
49	О святой чудотворной иконе св. Николая, находящейся в храме села Ишак Козьмодемьянского уезда	1894, 1896	6 000
50	О храме Божиим	1895	5 000
51	Последование молебного пения	1896	1 200
52	Книга Иисуса, сына Сирахова, Иова, Иисуса Навина, Товита, Руфа и первая Маккавейская	1896	1 500
53	Житие св. Германа, свияжского чудотворца	1896	с.н.
54	Священное коронование русских царей и цариц и чин миропомазания их при венчании на царство	1896	3 000
55	Св. Стефан Великопермский и его просветительно-миссионерская деятельность	1896	3 000
56	Святые семь отроков	1897	5 000
57	Польза грамотности	1897	3 000
58	Рассказы из житий святых. Книжки 2 и 3	1897	6 000
59	Как бедный человек может помогать своим ближним	1897	3 000
60	Житие святого Алексия, человека Божия	1897	3 000
61	Советы матерям при оспопрививании детям	1897	3 000
62	О посте	1897	3 200
63	Рассказы из житий святых, книжка 4	1897	5 000
64	Рассказы из житий святых, книжка 5	1897	5 090
65	Житие Марии Египетской	1897	3 000
66	Суждение о том, что мы, согрешившие чрез Адама, спасаемся чрез Иисуса Христа	1897	2 400

Таблица 1 (продолжение)

1	2	3	4
67	Житие Симеона Столпника	1897	2 400
68	Страдание и чудеса святого великомученика Димитрия Солунского, святого великомученика Димитрия Мироточивого	1897	5 000
69	Поучение об истинной вере епископа Гурия Самарского	1897	3 000
70	Пустынница	1897	5 000
71	Наставление в Законе Божиим архиепископа Агафодора	1897, 1901	3 500
72	Страдания и чудеса Св. Дмитрия Солунского	1897	5 000
73	Равноапостольная Ольга	1898	10 000
74	Православный воин, воин Божий	1898	10 000
75	Сошествие Христа Спасителя в ад	1898	10 000
76	Самая легкая заповедь	1898	10 000
77	Слово о пьяницах	1898	10 000
78	Храм Божий, источник благословений Божиих	1898	10 000
79	Не бойся: я с тобою	1898	10 000
80	Духовный пастырь	1898	5 000
81	Беседы на молитву Господню	1898	5 000
82	О христианской любви	1898	5 000
83	Последование ко Святому причащению	1898	1 200
84	Беседы на 10 заповедей	1898	5 000
85	Беседы и поучения	1898	5 000
86	О святых иконах	1898	5 000
87	Глазная болезнь трахома	1898	10 000
88	О святой православной вере: три поучения высокопреосвященнейшего Арсения	1898	2 200
89	Вино – яд	1898	3 000
90	О чуме	1898	3 200
91	Св. пророк Илья	1899	3 000
92	О единой истинной вере в Бога и ложных верованиях	1900	с.н.
93	Песнопения на всенощном бдении и литургии	1900	с.н.
94	Великий канон св. Андрея Критского	1902	с.н.
95	Краткие рассказы из Священной истории	1903, 1904	3 000
96	Евангелие и Деяния св. апостол[ов]	1904	с.н.
97	Послания апостол[ов] и откровение Иоанна Богослова (пробное издание)	1904	150
98	Акафист Иисусу Сладчайшему	1904	2 400
99	Житие святого благоверного князя Александра Невского	1904	3 600
100	Житие святого Димитрия Ростовского	1904	3 600
101	Жатва	1904	1 200
102	Императорское православное палестинское общество	1904	с.н.
103	Беседа и Святая земля	1904	с.н.
104	Св. равноапостольный князь Владимир	1904	3 600
105	Проповедь о блудном сыне	1904	1 200
106	Болезни на грехи	1904	3 600
107	Сергий Радонежский	1904	3 600
108	Поучение в день Покрова Пресвятой Богородицы	с.н.	1 200
109	<i>Пульшић</i>	1904	2 400
110	О христианской брачной жизни	1904	2 400
111	Небесные сполучники брачного союза	1904	1 200
112	Завтра приду	1904	1 200

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4
113	Ходите во свете	1904	1 200
114	Урожайный год	1904	2 400
115	Поучение о значении посещения храма Божия	1904	1 200
116	Акафист Божией Матери	1904	2 400
117	О войне и грамотности	1904	3 000
118	Учите детей жить по-божьему	1904	1 200
119	Житие преп. Марии Египетской	1904	3 600
120	Житие св. Петра, бывшего мытарем	1904	2 400
121	Не обижайте сирот	1904	1 200
122	Освящение чувашского Александро-Невского монастыря	1904	3 500
123	Избранные жития: февраль и март	1904	3 000
124	Бог – защитник угнетенных	1904	3 000
125	Последование во Св. Пасху	1904	с.н.
126	Поучения и речи к сельским жителям при их работах	1904	2 400
127	Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадский)	1904	3 600
128	Житие и страдание священномученика папы римского Климента	1904	2 400
129	Канонник	1904	3 600
130	Житие святые мученицы Пелагии	1904	2 400
	Итого		670 440

Одним из факторов быстрого роста книгопечатания переводной литературы на чувашском языке был их высокий спрос среди чувашей. Массовое внедрение системы начального образования на родном языке привело к быстрому увеличению количества грамотного сельского населения и, как следствие, настоящему буму издательской деятельности, обозначившемуся в конце XIX – начале XX в.³⁴

Основная часть чувашских изданий Переводческой комиссии была подготовлена в Симбирской чувашской учительской школе, под общей редакцией И.Я. Яковлева. Наряду с Симбирском в начале XX в. переводческая деятельность на чувашском языке была налажена учениками Яковлева в Самаре, где действовала Переводческая подкомиссия ПМО. С 1903 г. чувашскими переводами начинает заниматься в Казани известный чувашский этнограф и педагог Н.В. Никольский, в это время работавший преподавателем чувашского языка и этнографии на миссионерских курсах при КазДА и секретарем Переводческой комиссии.

Большинство чувашских книг издавалось в типографиях Казани (типографии Казанского университета, В.М. Ключникова, Центральная типография и др.), а также в Симбирске (типографии А.Т. Токарева, губернского правления и др.). Книгопечатание осуществлялось из средств разных общественных и государственных организаций и частных лиц – ПМО и его региональных комитетов, Братства св. Гурия, Британского Библейского общества, МНП, православного духовенства.

Революционные события 1905–1907 гг. стали важной вехой в истории многонационального населения Волго-Уральского региона. Первая русская революция привела к демократизации и либерализации внутренней полити-

ки государства – народам России были предоставлены небывалые доселе свободы, позволившие им более полно развивать свою национальную культуру. Стремительные изменения, происходившие в стране, способствовали росту самосознания нерусского населения. Именно с этого времени можно начать отсчет их светского по духу и национального по содержанию просветительского движения.

Это оказало существенное влияние на развитие письменной и литературной традиции народов Волго-Уралья. В данное время отмечается расширение репертуара книжной продукции на языках местных нерусских народов, происходит становление новых жанров в литературе – появляются первые драматические произведения, пьесы, поэмы, романы. Крупнейшим культурным центром нового просветительского движения продолжает оставаться Казань. Именно здесь начинает свой путь основная часть нового поколения творческой интеллигенции, большинство ее представителей было выпускниками казанских педагогических учебных заведений. В 1905–1907 гг. заявляют о себе такие видные деятели печатного слова, как основатель марийской литературы С.Г. Чавайн, марийские писатели, поэты и переводчики В.М. Васильев, П.П. Глезденев, Г.Г. Кармазин, Ф.А. Букетов, Н.С. Мухин, М.С. Герасимов-Микай, А.Ф. Конаков, выдающиеся чувашские поэты К.В. Иванов, М.К. Кузьмин (Сеспель), ученый-этнограф, историк и переводчик Н.В. Никольский, удмуртский педагог и переводчик И.С. Михеев и др. Пристальное внимание к национальным языкам, определенная «мода» на этнический дискурс в художественном творчестве были связаны с подъемом самосознания нерусских народов. Росту востребованности произведений на родном языке способствовало появление многочисленной прослойки сельской и городской интеллигенции, интересовавшейся культурой родного народа, повышением грамотности населения.

Данные процессы, связанные с эмансипацией общественного и культурно-просветительского движения, не могли не сказаться на деятельности Переводческой комиссии. К этому времени в структуре комиссии происходят существенные изменения. Ключевую роль в ее деятельности начинают играть представители нерусских народов. В начале XX в. среди духовной и светской «инородческой» интеллигенции появляются талантливые лингвисты-переводчики, многие из которых имели высшее образование и прошли серьезную научную и практическую подготовку. Фактически можно говорить о том, что внутри комиссии сформировались национальные школы переводчиков.

Другим важным фактором, оказывавшим влияние на деятельность комиссии, стала утрата ею монополии на перевод и издание книг на кириллических алфавитах нерусских народов Волго-Уралья. Ослабление государственной цензуры в области книгопечатания и появление светской творческой интеллигенции позволили расширить репертуар книг на нерусских языках, а также реализовывать частные издательские проекты. Кроме того, после Первой русской революции при учебных округах создаются новые переводческие центры, осуществлявшие централизованный перевод и из-

дания учебных и методических пособий для школ нерусских народов. Это привело к снижению роли Переводческой комиссии и, как следствие, уменьшению денежных субсидий, выделяемых на ее деятельность. В результате происходит снижение количества выпускаемых книг. В отчете Переводческой комиссии за 1906 г. отмечалось: «...к сожалению, изготовляя переводы, комиссия постоянно испытывала большую нужду в денежных средствах: почти $\frac{2}{3}$ ее переводов остаются в рукописях, ожидая издателей»³⁵.

Несмотря на эти сложности, комиссия сохраняла статус основного центра по составлению и изданию книг для крещеных нерусских народов Волго-Уральского региона. Об этом свидетельствуют и статистические данные.

С 1905 по 1911 г. на чувашском языке были изданы 143 книги, тиражом не менее 326 120 экз., из которых 119 (83 %) изданий имели религиозно-нравственное содержание (см. табл. 2). Среди других работ – издания по гигиене и профилактике болезней (3 изд.; 2 %), сельскому хозяйству и животноводству (2 изд.), а также посвященные политической пропаганде (3 изд.; 2 %) и войне со странами Тройственного союза (3 изд.; 2 %), учебные пособия (6 изд.; 4 %), брошюры против пьянства (5 изд.; 3 %) и др. В числе чувашских книг были как переиздания переводов предшествующего времени, так и новые работы.

Таблица 2

Список изданий на чувашском языке Переводческой комиссии
Православного миссионерского общества при Братстве св. Гурия с 1905 по 1914 г.³⁶

№ п/п	Название	Год издания	Общий тираж, экз.
1	2	3	4
1	Житие преподобного отца нашего Ипполита, исповедника игумена Студийского	1905	2 400
2	Житие преподобного Феодосия Печерского	1905	2 400
3	Житие и страдание святого священномученика папы Киприана и святых мученицы Иустины девицы	1905	2 400
4	Последование во святую и великую неделю Пасхи	1905, 1906	3 550
5	Житие и страдания славные великомученицы Ирины	1905	2 400
6	Избранные жития святых	1905	3 000
7	Христос грешную душу к себе призывает	с.н.	1 200
8	Как стоят в церкви Божией	1905	3 000
9	Что такое Масленица?	1905	3 000
10	Страдание святого апостола Анании	1905	3 000
11	Что сокращает нашу жизнь?	1905	2 000
12	Юный царь-избранник	1906	3 000
13	Житие и страдание св. апостола Иакова	с.н.	3 000
14	Лучше здесь накажи, Господи	с.н.	3 000
15	Земледелец	1905	3 000
16	Христианские добродетели: вера, надежда и любовь	1905	3 000
17	Последование молебного пения, певаемого во время бездождия	1905	3 000
18	Четыре путевода добра жизни: страх Божий, мудрость, трезвость, труд	1905	3 000
19	Доброжелатель	1905, 1912	13 000
20	Псалтирь	1905	11 000

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4
21	Часослов. 4-е издание	1905	4 000
22	Всенощное бдение и литургия святого Иоанна Златоустого. 3-е издание	1905	4 050
23	Китай	1905	3 000
24	Требник на чувашском. Часть 1-я	1905	2 000
25	Октоих, содержащий в себе воскресную службу 8 гласов. Издание 3-е	1906	4 100
26	Молитвенник	1906	1 200
27	Последование св. литургии Василия Великого и Григория Двоеслова	1906	1 200
28	Краткие рассказы из Священной истории	1906	2 600
29	Парастас	1906	500
30	Наставление на законе Божиим епископа Агафодора	1906, 1911, 1914	20 000
31	Первоначальный учебник русского языка для чуваш	1906, 1911	6 200
32	Сказание о Седмиозерной иконе Божией Матери (на средства Седмиозерной пустыни)	1906	1 200
33	Накануне Св. причащения (на средства Н.Е. Ефремова)	1906	1 200
34	Слова, речи и поучения на разные случаи (на средства И.К. Кузьмина)	1906	1 200
35	Требник. 2-я часть	1906	3 000
36	Слово на Обрезание Господне (на средства Седмиозерной пустыни)	1907	1 200
37	Молитва по определению Святейшего синода от 20 февраля 1908 г. за № 1190, произносимая в церквях после литургии в воскресные и праздничные дни	1907	1 200
38	Службы Страшной седмицы. Послание св. апостол и Апокалипсис	1907	3 200
39	Евангельская история о Боге Сыне, поплатившемся нашего ради спасения, епископа Феофания	1907	с.н.
40	Скорбь христианина	1908	1 100
41	О жизни на небе и жизни на земле	1908	1 200
42	Против срамословия	1908	600
43	Беседа о молитве утренней	1908	600
44	Беседа о молитве вечерней	1908	600
45	Сказание о заступлении Божией Матери за несправедно обидимую жену (на средства псаломщика М.Н. Николаева)	с.н.	1 200
46	Хоровые церковные песнопения на чувашском языке (3 вып. в 1 кн.)	с.н.	2 400
47	Жизнь святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии (на средства диакона В. Полякова)	1909	1 200
48	Святые жены-благовестницы (на средства священника С.В. Васильева)	1909	1 200
49	Многострадальный Иов	1909	1 200
50	Мудрый царь Соломон	1909	1 200
51	Сборник поучений на воскресные дни и двенадцатые празд- ники (на средства Н.В. Никольского)	1910	1 200
52	Служба святителям Христовым Гурию, Варсонофию, просве- тителям казанским (издана на средства сотрудника Братства св. Гурия Н.П. Обрампальской), с изображением святителей	1910	1 200
53	Добротельные женщины (на средства диакона Н. Бекренева)	1910	1 200
54	Беседа христианина с мусульманином о вере	1910	1 200
55	Макарий, архиепископ томский. Простые речи о великих делах Божиих, на русском и чувашском языках	1910	1 200

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4
56	Житие св. Николая Чудотворца	1910, 1911	2 400
57	Закон Божий. Рассказы из Священной истории и молитвы. Ч. 1. Для младших отделений училищ	с.н.	2 000
58	Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (на средства Библейского общества)	1910	10 000
59	Книга для духовно-нравственного чтения и первоначального наставления в Законе Божиим протоиереем Афинского	1911	5 000
60	Букварь для чуваш	1911	5 000
61	Акафист Покрову Пресвятые Богородицы	1911, 1913	8 200
62	Объяснение православного богослужения	1911	1 000
63	Глазная болезнь трахома. 3-е изд.	1912	5 500
64	Первая книга для чтения после букваря. Изд. 2-е	1912	5 000
65	Толстой Л.Н. Первая и вторая книги для чтения. Изд. 3-е	1912	6 000
66	Толстой Л.Н., гр. Третья и четвертая книги для чтения. Изд. 2-е	1911	5 000
67	О загробной жизни по учению Православной церкви. 5-е изд.	1912	5 000
68	Фабиола, или Древние христиане	1912	1 200
69	Новый букварь для чуваш с присоединением русской азбуки для совместного обучения чтению и письму. С рисунками и образцами письма	1912, 1913	8 020
70	Акафист св. Христову Николаю	1912	1 200
71	Святые мученицы Кириакия, Калерия и Мария	1912	1 200
72	Товит и Товия	1912	1 200
73	Святитель Тихон, амафунтский чудотворец	1912	1 200
74	Акафист святому великомученику и целителю Пантелеймену	1912	1 500
75	Святой Алексей, митрополит московский	1912	1 200
76	Как христиане должны вести себя в семье и обществе	1912	1 200
77	Кокель Г.А., священник. Две беседы с прихожанами: 1) Жизнь человека на земле или на небе? 2) Оставьте сквернословие	1912	1 200
78	<i>Мухаммад пѣлѣт сине кайса килнѣ сул</i>	1912	5 000
79	Служба святителю Николаю Чудотворцу	1913	2 200
80	Служба святому великомученику и целителю Пантелеймену	1913	2 000
81	Сборник проповедей на двенадцатые праздники и дни великих святых. Вып. 3-й. Под ред. Н.В. Никольского и на его же средства	–	1 200
82	Иудиф	1913	1 200
83	Как воспитывать детей	1913	1 200
84	Как должен жить христианин	1913	1 200
85	Как приготовиться к Великому посту, как надо каяться во грехах	1913	1 200
86	Княжны-подвижницы	1913	1 200
87	«У меня нет одежды, не пойду в церковь»	1913	1 200
88	Святая мученица Трифена	1913	1 200
89	Святой Филарет Милостивый	1913	1 100
90	Страдания преподобного Михаила Черноризца	1913	1 200
91	Житие преподобного отца нашего Михаила, исповедника	1913	1 200
92	Святой Иоасаф, белгородский чудотворец	1913	1 200
93	Преподобный Корприй (9 июля)	1913	2 200
94	Преподобная Мария Египетская учит нас покаянию	1913	2 200
95	Святые: Иоанн Креститель, апостолы Петр и Павел, пророки Илия и Елисей (проповеди на 24, 29 июня и 20 июля)	1913	1 200
96	Жития святых: великомученицы Анастасии, св. Поплии, преп. Таисии, св. Пелагеи, муч. Домники	1913	1 200
97	Святой архистратиг Михаил и прочие бесплотные силы	1913	1 200

Таблица 2 (продолжение)

1	2	3	4
98	Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа (16 авг.)	1913	1 200
99	Святой Василий Великий (1 янв.)	1913	1 200
100	Милость Божия чувашам – переселенцам Сибири (на средства Н.В. Никольского)	1913	1 200
101	Житие святого Евфимия	1913	1 200
102	Святитель Ермоген, патриарх московский и всея Руси	1913	1 200
103	История нашего спасения в Господе Иисусе Христе	1913	1 200
104	Воскресение Христово (Пасха)	1913	2 000
105	Вознесение Господне	–	1 200
106	Сошествие Святого Духа на апостолов	1913	1 200
107	Рождество Пресвятые Богородицы	1913	1 200
108	Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. С рисунком	1913	1 200
109	Рождество Христово (25 дек.)	1913	1 200
110	Крещение Господне (6 янв.)	1913	1 200
111	Сретение Господне (2 февр.)	1913	1 200
112	Благовещение (25 марта)	1913	2 200
113	Успение Божией Матери (15 авг.)	1913	1 200
114	Боже, царя храни!	1913	2 400
115	Покровский И.М. Казань и казанцы в истории воцарения дома Романовых на русском царском престоле. С 2 портретами	1913	1 200
116	Житие святого равноапостольного царя Константина и святой матери его Елены	1913	1 200
117	Успенский Ф.П. 1600-летняя годовщина отмены гонений на христианскую веру	1913	600
118	Поучения протоиерея Н. Воронцова, священника Н. Троицкого и статья профессора, священника Ф. Успенского в 1600-летнюю годовщину издания «Миланского эдикта» (14 сентября 1913 г.)	1913	900
119	Святой мученик Никон	1913	1 200
120	За императора и за люди против супостатов во время брани моления, яже подобает глаголати на вечерни, на утрени и литургии	1914	1 200
121	Служба святому благоверному князю Александру Невскому, во иноцех Алексию	1914	1 200
122	Акафист святому благоверному великому князю Александру Невскому, в иноцех Алексию	1914	1 200
123	Чин благословения в путешествие	1914	1 200
124	Беседа о земной жизни Господа Иисуса Христа и Святой земле Палестине. Издание Уфимского отдела православного палестинского общества	1914	1 200
125	Наставление против ворожбы	1914	1 200
126	Память блаженной Таисии, 9 мая	1914	1 200
127	Святые мученики Петр, Дионисий, Андрей, Павел, Христина, Иракий, Павлин и Венедикт (18 мая)	1914	1 200
128	Страдание святой мученицы Александры (память 18 мая)	1914	1 200
129	Святая Евфросиния	1914	1 200
130	Лучше иди в дом плача, чем в дом веселия (против пьянства)	1914	1 800
131	Слово о пьяницах	1914	1 800
132	Война с Германией и Австрией	1914	5 000
133	Война с Австрией, Германией и Турцией. 1. Долг наш за кровь братскую; 2. 3 месяца войны. С картой	1914	2 000

Таблица 2 (окончание)

1	2	3	4
134	На исполнителей закона благословение Божие, на нарушителей проклятие Его	1914	1 200
135	О воспитании детей	1914	1 200
136	Вина, которой нельзя простить (на средства свящ. А.И. Иванова)	1914	1 200
137	Вред от пьянства (на средства свящ. А.И. Иванова)	1914	1 200
138	Обещание не пить водки (на средства свящ. А.И. Иванова)	1914	1 200
139	Отрезвитесь (на средства А.И. Иванова)	1914	1 200
140	Франкфурт М.Л. Воспитание телят (издание Самарского губернского земства)	1914	с.н.
141	Т.К.К. О Боге, Творце Вселенной, Промыслителе и Спасителе человека (издание Романа Абрамова)	1914	2 000
142	Беседа о смерти детей в младенческом возрасте, нечаянно приспанных и мертворожденных	1914	1 200
143	Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним. 2-я часть (изд. П.В. Пазухина)	1914	1 000
Итого			326 120

Чувашские переводы готовились в Симбирске под руководством И.Я. Яковлева (переводчики – священники М.П. Петров, В.Н. Никифоров, И. Дормидонтов, учителя И. Степанов, Ф. Данилов и др.), в Казани под общей редакцией Н.В. Никольского (диакон Т.Ф. Федоров, учителя Н.К. Кузьмин, Н.Е. Ефремов, Ф.И. Иванов и др.) и в Самаре. В 1910 г. по инициативе самарских членов комиссии для консолидации усилий и выработки единых методических подходов в переложении текстов на чувашский язык был созван съезд чувашских переводчиков³⁷.

Подводя итог полувековой деятельности Переводческой комиссии, отметим ее исключительную роль в развитии культуры и просвещения чувашского народа. Миссионеры-переводчики оказали заметное влияние на формирование чувашской письменной традиции, их просветительская работа привела к настоящей культурной мобилизации чувашского социума, позволила чувашам безболезненно интегрироваться в российское культурно-информационное пространство и стать полноценными субъектами мировой цивилизации. Исключительна роль миссионеров-переводчиков в приобщении чувашей к православию. Благодаря переводам, сделанным на понятном народном языке, они получили возможность познакомиться с внутренним содержанием христианства, услышать богослужение на родном языке. Это стало главным фактором их быстрой христианизации, формирования у них особых моделей бытового православия и православной конфессиональной идентичности. Богатое письменное наследие, оставленное представителями миссионерской школы востоковедения, является важным источником по народному языку тюркских и финно-угорских народов Волго-Уралья, требующим дальнейшего всестороннего изучения.

Литература, источники и примечания

- ¹ *Зеткина И.А.* Национальное просветительство Поволжья // Педагогика. 2002. № 8. С. 61.
- ² Новое миссионерское общество в России. СПб., 1865. С. 3.
- ³ Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего правительствующего синода графа Д. Толстого о деятельности Православного духовного ведомства с июня 1865 г. по январь 1866 г. СПб., 1866. С. 21.
- ⁴ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 10. Оп. 5. Д. 881. Л. 1–2.
- ⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 17.
- ⁶ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего правительствующего синода за 1869 год. СПб., 1870. С. 87.
- ⁷ *Никольский Н.В.* Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905. С. 35.
- ⁸ Отчет Православного миссионерского общества за 1870. М., 1871. С. 12–13.
- ⁹ Отчет Православного миссионерского общества за 1872. М., 1873. С. 40.
- ¹⁰ Отчет Православного миссионерского общества за 1878. М., 1879. С. 36.
- ¹¹ Отчет Православного миссионерского общества за 1870. С. 43–44.
- ¹² *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования, 1867–1892. Казань, 1892. С. 120–121.
- ¹³ Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX в.: сб. материалов и документов / сост., авт. вступ. ст., примеч., научно-справочного аппарата Р.Р. Исаков. Казань, 2011. С. 71–115, 118–165, 170–174.
- ¹⁴ Там же. С. 142.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1898. С. 178.
- ¹⁷ *Dowler W.* Classroom and Empire The politics and scalloping Eastern nationalities 1860–1917. Toronto, 2001. P. 153–154.
- ¹⁸ *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты: биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 6.
- ¹⁹ *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. С. 136.
- ²⁰ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 1997. С. 197–199.
- ²¹ Записка Н.И. Ильминского о Переводческой комиссии // Отчет о деятельности Братства св. Гурия за десятый братский год, от 4-го октября 1876 года по 20-е октября 1877 года. Казань, 1878. С. 66.
- ²² *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. С. 136–138.
- ²³ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев поволжских, сибирских и кавказских, с 1862 г. по май месяц 1910 г. Казань, 1911. С. 30.
- ²⁴ Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч. 1. Законоположения и распоряжения о начальных народных училищах в губерниях, в коих введены земские учреждения. СПб., 1882. С. 42–45.
- ²⁵ Акт открытия Казанской учительской семинарии. Казань, 1872. С. 1.
- ²⁶ ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9.
- ²⁷ *Чекменева Т.М.* Казанская «инородческая» учительская семинария и ее роль в просвещении нерусских народов Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1985. С. 22.
- ²⁸ Отчет о деятельности Братства святителя Гурия от 4 октября 1875 года по 4 октября 1876 года. Казань, 1876. С. 33.
- ²⁹ Как официальная организация Переводческая комиссия Православного миссионерского общества, учрежденная при Братстве св. Гурия, начала действовать с 1876 г.
- ³⁰ *Машанов М.А.* Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. С. 125.

³¹ *Никольский Н.В.* Переводческая комиссия в Казани и ее просветительская деятельность среди инородцев. Казань, 1905. С. 10.

³² Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, с 1 мая 1895 г. по 1 октября 1897 г. Казань, 1897. С. 28–31.

³³ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев поволжских, сибирских и кавказских, с 1862 г. по май месяц 1910 г. С. 30–38.

³⁴ *Гусаров Ю.В.* Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2016. С. 6. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 23).

³⁵ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани, за 1906 г. Казань, 1907. С. 2.

³⁶ Хронологический каталог изданий Православного миссионерского общества на русском языке и на языках инородцев поволжских, сибирских и кавказских, с 1862 г. по май месяц 1910 г. С. 38–41; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. Казань, 1911. С. 5–6; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1911–1912 г. Казань, 1913. С. 7–9; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1913 г. Казань, 1914. С. 9–14; Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1914 г. Казань, 1915. С. 9–11.

³⁷ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани в 1876 г., за 1910–1911 г. С. 5.

R.R. Ishakov

THE ACTIVITIES OF THE TRANSLATION COMMISSION OF THE ORTHODOX MISSIONARY SOCIETY TO TRANSLATE AND PUBLISH BOOKS IN THE CHUVASH LANGUAGE

The article analyzes the activities of the St. Gurias Community Translation Commission at the Orthodox Missionary Society to translate and publish books in the Chuvash language in the second half of the 19th – early 20th centuries. Provided is the information about the specific results of this work – the number and repertoire of Chuvash publications. These materials allow evaluating the contribution of this missionary institution to the development of the religious and educational movement of the Chuvash people in the pre-revolutionary period.

Keywords: Chuvash book, Orthodox enlighteners, translated literature, I.Y. Yakovlev, N.I. Ilminsky.

УДК 001.89(470.344)“1930/1933”

ЧГВ, 2018 г., № 13

© Е.В. Касимов

**ЧУВАШСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ:
ОТ СОЗДАНИЯ ДО РЕОРГАНИЗАЦИИ
(1930–1933 ГГ.)**

В статье рассматривается деятельность Чувашского комплексного научно-исследовательского института, образованного в августе 1930 г. и реорганизованного через три года в несколько самостоятельных исследовательских институтов. В первую очередь показываются проблемы и трудности, с которыми пришлось столкнуться при организации главного научного центра Чувашии.

Ключевые слова: Чувашская АССР, Чувашский комплексный научно-исследовательский институт, чувашеведение, аспирантура.

Современный Чувашский государственный институт гуманитарных наук является ведущим центром изучения чувашской истории и культуры. Наряду с составом высокопрофессиональных, квалифицированных работников имеется развитая инфраструктура: научная библиотека, научный архив, редакционно-издательский отдел и др. Однако все это возникло не сразу, и первое десятилетие созданного в 1930 г. научного учреждения прошло под знаком постоянных реорганизаций и структурных изменений. В настоящей статье рассматриваются первые годы существования научно-исследовательского института.

Нельзя сказать, что данный период деятельности института не освещен в историографии. Уже в 1933 г. увидел свет труд заместителя директора и ученого секретаря института И.Е. Ефимова «Научно-исследовательская работа в Чувашии», в котором проанализирована работа отделов и секций института в 1931–1932 гг.

К 30-летию образования Чувашской автономной области была опубликована обстоятельная статья известного чувашского историка середины XX в. П.Г. Григорьева «Научно-исследовательская работа в Чувашии за

Евгений Витальевич Касимов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: kasimov-evg@yandex.ru.

30 лет (краткий обзор)». В ней представлена и краткая история института: когда был образован, какие перед ним ставились задачи, какие включал секторы, секции и кабинеты¹.

К 50-летию и 70-летию института были опубликованы солидные монографические издания. В книге А.В. Изоркина и А.Е. Горшкова подробно рассказывается о предыстории института: показано, как развивались научные исследования в 1920-е гг., охарактеризована деятельность комплексных экспедиций Академии наук СССР в Чувашии и Совета науки и культуры². Несколько страниц посвящено Чувашскому комплексному научно-исследовательскому институту и выделившемуся из него Научно-исследовательскому институту социально-культурного строительства: кратко охарактеризованы причины реорганизаций первой половины 1930-х гг. и основные итоги деятельности. Самые общие сведения о структуре института и деятельности его секторов приведены в книге «Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1930–2000», подготовленной к 70-летию института³. К 85-летию юбилею института увидело свет справочное издание в виде сжатого очерка об основных вехах в развитии института⁴.

О некоторых первых сотрудниках института можно найти информацию в справочном издании «Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930–2005)», опубликованном к 75-летию. Директору института в 1930–1933 гг. М.С. Сергееву посвящен очерк Ф.Н. Козлова⁵.

Тем не менее можно со всей определенностью отметить, что данная тема изучена слабо и в ранней истории института до сих пор остается много «белых пятен». Учитывая юбилейный характер многих трудов, основное внимание исследователи обращали на положительные результаты деятельности института, его успехи и достижения, лишь во вторую очередь – на некоторые сложности в работе, с которыми пришлось столкнуться новому научному центру. Именно поэтому в настоящей статье акцент сделан на освещении основных проблем и трудностей в деятельности Чувашского комплексного научно-исследовательского института.

На рубеже 1920–1930-х гг. во внутренней политике Советского государства произошел «коренной перелом». Идеи нэпа оказались окончательно отброшены, началось осуществление форсированной индустриализации и сплошной коллективизации. Наука должна была встать на рельсы решения задач «социалистического строительства», всемерно способствуя радикальным преобразованиям как в промышленности и сельском хозяйстве, так и в духовной сфере (борьба с религиозным влиянием и т.п.). Так, Совнарком Чувашской АССР, обращаясь в марте 1931 г. в Совнарком РСФСР с просьбой включить Чувашский научно-исследовательский институт в общую сеть научно-исследовательских учреждений РСФСР, приводил следующие обоснования создания особого научного центра в автономии: «Чувашская республика имеет громадные резервы естественных богатств:

в виде лесов с большим запасом высокосортного дуба... фосфоритов, сланцев, торфа и др., которые используются чрезвычайно мало, и их исследование и изучение совершенно не организовано... В Чувашской республике строится и пущен в эксплуатацию ряд крупных промышленных предприятий... В области сельского хозяйства текущим годом на основе коллективизации и усиления технического перевооружения сельского хозяйства поставлена задача превращения Чувашской республики из района потребляющего в район производящий путем подъема урожайности и форсированного развития животноводства, превращая его в основную отрасль сельского хозяйства Чувашии. Все эти задачи социалистического строительства требуют максимального развития и усиления научно-исследовательской работы по отдельным отраслям народного хозяйства в целях ускорения темпов социалистической переделки сельского хозяйства Чувашской республики и развития промышленности, всемерно и рационально используя ее естественные богатства...» При этом особо подчеркивалось, что «ведущаяся в Чувашской республике местными научными обществами и исследовательскими центрами научно-исследовательская работа совершенно не удовлетворяет конкретным потребностям социалистического строительства»⁶. Так же, в соответствии с духом времени, создание института связывалось с необходимостью решительной борьбы на основе идей марксизма-ленинизма с теориями так называемых «буржуазных националистов», «левых» и «правых» оппортунистов и др., поскольку «колоссальные успехи социалистического строительства вызывают все возрастающее бешеное сопротивление отживающих классов» и «в связи с этим обострилась борьба и на фронте исследовательской работы»⁷.

Кроме того, появились определенные предпосылки для перехода научно-исследовательских работ на новый уровень. В соответствии с постановлением Совнаркома Чувашской АССР от 22 ноября 1928 г. в Чебоксарах начала работать Чувашская центральная научная библиотека, постепенно расширявшая свои фонды⁸. В 1930 г. в Чебоксарах открылся Чувашский педагогический институт, положивший начало подготовке специалистов высокой квалификации, решался вопрос об организации сельскохозяйственного вуза. Считалось, что проблема с научными кадрами стала менее острой по сравнению с серединой 1920-х гг. В это же время во многих национальных республиках и областях СССР начали образовываться комплексные научно-исследовательские институты, изучавшие историю, культуру, производительные силы этих территорий.

При создании краеведческого научно-исследовательского института предполагалось, что все работы прикладного и экспериментального характера должны быть изъяты из-под его ведения и переданы соответствующим ведомствам под руководство специальных центральных институтов. Необходимость этого объяснялась тем, что, с одной стороны, при Госплане Чувашской АССР была создана специальная ячейка по планированию науки и культуры, а также выделен отдельный работник по производитель-

ным силам, а с другой стороны – по линии центральных наркоматов организовывались мощные научные учреждения, которые своей деятельностью должны были охватить и места⁹.

17 августа 1930 г. секретариат Чувашского обкома ВКП(б) обсудил состояние научно-исследовательской работы в республике и постановил реорганизовать Чувашский совет науки и культуры¹⁰ в научно-исследовательский институт¹¹. Отмечая, что «Совет науки и культуры по своему строению и проделанной работе не отвечает требованиям народного хозяйства ЧАССР», Совнарком Чувашской АССР 18 августа 1930 г. реорганизовал его в Чувашский научно-исследовательский институт (ЧНИИ)¹², хотя в документах название «Совет науки и культуры» использовалось и позже, по крайней мере до октября 1930 г.¹³

Институт создавался с целью «непосредственного участия в социалистическом строительстве Чувашской АССР и ускорении его темпов», перед ним ставились следующие основные задачи: «изучение естественных богатств края, его экономики, культуры и быта населения, выполнение научно-исследовательских работ в соответствии с планами хозяйственного и культурного строительства края, подготовка научных кадров, популяризация новейших достижений науки и техники и содействие введению их в практику социалистического строительства в Чувашской АССР»¹⁴.

Во главе вновь образованного института до октября 1930 г. по-прежнему оставался ученый секретарь Совета науки и культуры Михаил Степанович Евграфов. Но с 9 сентября по 15 октября 1930 г. он находился в очередном отпуске, будучи одновременно командирован в Москву в Наркомпрос РСФСР «для выяснения вопросов в связи с организацией Чувашского научно-исследовательского института»¹⁵. В период его отсутствия обязанности директора исполнял научный сотрудник института, языковед Ф.Т. Тимофеев. В октябре 1930 г. директором института был назначен бывший нарком просвещения Чувашской АССР Михаил Сергеевич Сергеев, однако он долгое время находился в командировке и к своим непосредственным обязанностям приступил только в начале 1931 г.

Первоначально комплектование штатов велось М.С. Евграфовым. В частности, сохранилась его переписка со студентом Тимирязевской академии А. Байдугановым¹⁶. Но результаты были скромными: лишь в октябре 1930 г. Наркомпросом Чувашской АССР на работу в институт в качестве научного сотрудника языка и литературы был направлен Ф.С. Мещенатов¹⁷. В письме от 29 октября 1930 г. Ф.Т. Тимофееву, остававшемуся исполнять обязанности директора, М.С. Евграфов отмечал: «Мне опять приходится выезжать в длительную командировку. Очень жаль, что до выезда не удалось сколотить вчерне аппарат института, а сделать это хотелось очень»¹⁸. В конце ноября 1929 г. М.С. Евграфов уволился из института, сосредоточившись на работе в Госплане¹⁹. Ф.Т. Тимофеев исполнял обязанности директора института с конца октября до середины ноября 1930 г. и с конца декабря 1930 г. по январь 1931 г. Во второй поло-

вине ноября – декабре 1930 г. обязанности директора исполнял антрополог Л.К. Корнилов²⁰.

С большим трудом удалось буквально «наскрести» кадры сотрудников института, закрыв к концу 1930 г. основные штатные единицы, и то почти исключительно по социально-гуманитарному направлению, тогда как наиболее актуальные с точки зрения текущей внутренней политики (то есть связанные с народным хозяйством Чувашии, проведением коллективизации и индустриализации) должности оказались вакантными. Для большей наглядности состав первых научных сотрудников института представим в виде таблицы, указав время их принятия на работу.

Таблица 1

Научные сотрудники Чувашского НИИ на конец 1930 г.

Должность по штатному расписанию	ФИО и занимаемая должность
Зав. отделом промышленности и экономики (1 ст.)	–
Зав. кабинетом недр, вод и лесов (1 ст.)	–
Научный сотрудник – лесовод (1 ст.)	Научный сотрудник кабинета почвоведения С.Т. Матвеев (с 15 декабря, по совместительству ²²)
Зав. отделом сельского хозяйства и сотрудник по организации хозяйств (1 ст.)	–
Зав. кабинетом почвоведения и химизации (1 ст.)	Зав. кабинетом почв И.И. Орлов (с 1 декабря, по совместительству ²³)
Живописовед (2 ст.)	–
Историк (0,5 ст.)	П.В. Озеров (с 1 декабря, по совместительству ²⁴)
Зав. кабинетом языка и литературы (1 ст.)	Ф.С. Меценатов (с 8 октября, зав. кабинетом – с 12 ноября)
Языковед (1 ст.)	Ф.Т. Тимофеев ²⁵
Сотрудник по ИЗО (0,5 ст.)	М.С. Спиридонов
Сотрудник по социальной гигиене (1 ст.)	Л.К. Корнилов
Зав. кабинетом педагого-педологическим (0,5 ст.)	Зав. кабинетом педологии М.Е. Ефимов (с 12 ноября, по совместительству)
Педолог (1 ст.)	Психотехник П.П. Юркин (с 12 ноября, по совместительству)
Директор научной библиотеки ²⁶ (1 ст.)	И.С. Семёнов
Итого: 13,5 ставки	Итого: 7,5 ставки

Поскольку штаты института постоянно менялись и зависели от организационной структуры учреждения, то прежде всего рассмотрим ее трансформацию в течение 1930–1933 гг. Сразу же следует отметить, что организационное оформление института, как и в случае с Чувашским советом науки и культуры, затянулось на продолжительный период. Долгое время ЧНИИ действовал на основании «Временного положения». Рассмотрев данное Положение в апреле 1931 г., сектор науки Наркомата просвещения РСФСР пришел к выводу, что оно «нуждается в коренном исправлении». В частности, критику вызвало двойное соподчинение научного учреждения: предусматривалось его нахождение при Совнаркоме Чувашской АССР, с оставлением руководства за Наркоматом просвещения Чувашской АССР.

Сектор науки высказывался за оставление института только в ведении Наркомпроса. Также критиковалось, что фактически Общество изучения Чувашской АССР входило в состав института и находилось в подчиненном от него положении, тогда как в соответствии с постановлениями IV Всероссийской краеведческой конференции краеведческие общества предусматривалось реорганизовать в областные и республиканские бюро краеведения, которые могли работать в контакте с местными научно-исследовательскими институтами, но не сливаться с ними²⁷. Также Главнаука и Госплан РСФСР поручили продумать и проработать некоторые пункты Положения, в том числе уточнить термины. Предлагались два варианта: сектор – отдел – кабинет и отдел – секция – кабинет. Кроме того, выражалось пожелание включить в Положение особым параграфом пункт «Об институте аспирантуры»²⁸.

Ряд заседаний и совещаний по обсуждению Положения прошел в институте в июле 1931 г. По их результатам было принято решение поставить перед органами власти вопрос о необходимости передачи местных комплексных институтов из ведения Наркомата просвещения РСФСР в ведение Госплана РСФСР, а также «просить правительство с начала 1932 года передать под непосредственное руководство ЧНИИ Центральный чувашский музей и чувашские опытные станции»²⁹. По словам директора института М.С. Сергеева, подчинение института Наркомату просвещения РСФСР было совершенно ненормальным явлением, поскольку от этого «страдает не только общеметодологическое руководство, но и финансирование». Заведующий средневожским сектором Института по изучению народов СССР Академии наук М.Г. Худяков считал необходимым «изъять Чувашский НИИ из ведения сектора науки НКП РСФСР и передать в ведение Ученого комитета при ВЦИКе»³⁰.

В августе 1931 г. отрицательный отзыв о Положении дал Наркомат юстиции Чувашской АССР, вернув его на доработку. Отмечалось, что по закону во главе организации может быть только один ответственный орган управления: либо единоличное управление (директор), либо коллективное (правление), тогда как проектом предусматривались два органа управления – директор и правление, причем последнее как совещательный орган, наряду с еще одним таким органом – советом института. Также предлагалось дополнить Положение перечислением прав юридического лица³¹. Замечания по проекту дала и особая комиссия Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции Чувашской АССР, обследовавшая ЧНИИ. Она отметила, что проект Положения об институте местами сформулирован нечетко, что по проекту институт тяготеет к Наркомату просвещения, хотя он является комплексным научно-исследовательским институтом. Сектор сельского хозяйства, по ее мнению, следовало бы реорганизовать в самостоятельный научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства³².

И лишь 15 сентября 1931 г., спустя более чем год после образования ЧНИИ, Положение о нем было наконец-то утверждено Совнаркомом Чу-

вашской АССР. Согласно документу, Чувашский научно-исследовательский институт находился в непосредственном ведении Совнаркома Чувашской АССР и под общим руководством Наркомпроса РСФСР. Перед институтом ставились задачи:

«а) изучение естественных богатств, экономики, культуры и быта населения Чувашской АССР;

б) проведение научно-исследовательских работ, вызываемых планами хозяйственного и культурного строительства Чувашии;

в) согласование и увязка всей научно-исследовательской деятельности, ведущейся на территории Чувашской АССР;

г) подготовка научных кадров и повышение квалификации лиц, занимающихся научной работой или практической деятельностью в области хозяйственного и культурного строительства;

д) популяризация достижений науки и техники и проведения их в практику хозяйственного и культурного строительства;

е) развитие краеведческой работы и вовлечение широких масс трудящихся в исследовательскую работу»³³.

Согласно Положению, ЧНИИ являлся комплексным институтом и состоял из следующих секторов и секций:

а) сектор промышленности и экономики с секциями: 1) технико-экономической, 2) недр и вод, 3) лесного хозяйства, 4) энергетики и 5) химико-техническая лаборатория;

б) сектор сельского хозяйства с секциями: 1) сельскохозяйственной экономики и организации социалистического земледелия, 2) почвоведения и химизации сельского хозяйства, 3) животноводства, 4) растениеводства и 5) агрохимическая лаборатория;

в) сектор научной педагогики с секциями: 1) педологии, 2) педологии с педологической лабораторией, 3) деткомдвижения (то есть детского коммунистического движения, связанного с организацией пионерской и комсомольской работы в школе);

г) сектор культуры и быта с секциями: 1) истории, 2) быта, 3) социальной гигиены, 4) чувашского языка и литературы, 5) искусств;

д) научная библиотека (на правах сектора)³⁴.

Также при секторах могли создаваться кабинеты, лаборатории, постоянные и временные комиссии. Во главе сектора стоял заведующий, при котором состоял совет сектора из заведующих секций и представителей заинтересованных ведомств и организаций³⁵.

Во главе института стоял директор, при нем состояли правление и совет института с правами совещательных органов. Для ведения руководства научной работой секторов, научной подготовкой практикантов и аспирантов и секций, научной переписки, составления планов работ, отчетов, докладов в институте учреждалась должность ученого секретаря. В правление института входили директор (в качестве председателя) и ученый секретарь института, по одному представителю от Наркомпроса, Наркомата

земледелия, ЦСНХ и от аспирантов. Правление должно было рассматривать сметы, планы и отчеты по работам института, заслушивать доклады о работе отдельных секторов, секций и аспирантов, рассматривать вопросы организационного порядка, вносимые директором и советом института. Последний организовывался «для всестороннего обсуждения вопросов научно-исследовательской работы института» и должен был рассматривать планы работ института и его структурных подразделений, отдельные научные труды института, а также другие вопросы, вносимые на обсуждение директором и правлением института. Он был намного шире по составу, чем правление института, и должен был включать не только представителей наркоматов, но и представителей рабочих, колхозников, высших учебных заведений, заведующих секторами, секциями и лабораториями института. Заседания совета должны были проводиться не реже двух раз в год, а принятые им постановления выносились на утверждение правления³⁶.

Институт должен был работать по плану, согласованному с наркоматами и утвержденному Совнаркомом Чувашской АССР. Он пользовался правами юридического лица. Его бюджет складывался из средств, отпускаемых по госбюджету, из специальных средств и из средств государственных, хозяйственных и общественных учреждений и организаций, отпускаемых институту на договорных началах³⁷.

Уже в мае 1932 г. постановлением Совнаркома Чувашской АССР в Положение были внесены серьезные изменения, связанные с организацией управления институтом. Вместо правления и совета института с правами совещательных органов создавался ученый совет в составе ученого секретаря (председатель совета), заведующих секторами и представителей Госплана, ЧСПС и аспирантуры. Ученый совет должен был собираться не реже одного раза в месяц и рассматривать:

«а) планы и результаты научно-исследовательских работ секторов и секций института и других научно-исследовательских учреждений, работающих в Чувашской АССР;

б) научные труды отдельных научных работников;

в) доклады и планы наркоматов и хозяйственных организаций о научно-исследовательских работах по своему ведомству;

г) вопросы организации и руководства аспирантурой;

д) вопросы издательства научных трудов и

е) другие вопросы научно-исследовательского характера по заданиям правительственных органов, а также выдвигаемые отдельными работниками научные проблемы». Его постановления утверждались директором института³⁸.

Но проблемы с выработкой и утверждением Положения были не самыми серьезными, гораздо больше на деятельности института сказывались проблемы отсутствия помещений и квалифицированных сотрудников. Первоначально, вплоть до апреля 1931 г., институт помещался в одной небольшой комнате вместе с читальней-библиотекой в Доме работников

просвещения³⁹. В одном из документов так характеризуется бедственная ситуация с помещениями: «В институте должны быть организованы кабинеты по языку и литературе, истории, социальной гигиене, педологии и педагогике, по изобразительным искусствам, изучению лесов, имеются соответствующие им научные работники, но нет помещения не только для оборудования кабинета, но даже простого угла, чтобы им работать в самом институте. По этой причине все научные работники работают дома у себя на квартире. Необходимо также организовать кабинеты по экономике, по животноводству, растениеводству, по организации хозяйств, но нет помещения и для них. Отсутствие помещения очень скверно влияет на работу института и его развитие. Между прочим, часть научных работников только потому и не идет на службу в институт, что считает его беспризорным учреждением, в котором, если туда и поступить, все равно нет возможности вести хотя бы минимально удовлетворительную работу. За неимением помещения имущество и имеющаяся литература кабинета находятся частью в Госплане, частью в НКПросе, на шкафах и на подоконниках, частью в канцелярии института, тоже на подоконниках и на шкафах»⁴⁰.

Только в сентябре 1931 г. институт получил в свое ведение дом под номером 6 по улице Чернышевского, который, правда, требовал капитального ремонта. В конце 1931 г. – первой половине 1932 г. данный ремонт был проведен. Поскольку средств было выделено мало, ремонт осуществлялся за счет операционных расходов (на сумму 30 тыс. руб.), во многом из-за этого сложилось критическое положение с бюджетом: к середине августа 1932 г. операционные расходы, предусмотренные в бюджете на год, были израсходованы почти на 90 %⁴¹. Институт ходатайствовал о передаче в ведение ЧНИИ дома 8 по улице Чернышевского, находящегося во дворе института, но ему в этом Чебоксарским горсоветом было отказано «ввиду невозможности из-за отсутствия свободной жилой площади переселить жильцов из дома № 8 в другой дом»⁴².

В январе 1932 г. руководством ЧНИИ сообщалось: «...за неимением помещений юридически существующие лаборатории почти что не приступили к работам. Между тем от лабораторий зависит большая часть работы института»⁴³. Соответственно, сотрудникам НИИ приходилось работать по анализам в химической лаборатории Чувашского пединститута в свободное от занятий время⁴⁴. И смешно, и грустно читать отчет лаборанта почвенно-агрохимической лаборатории института М.С. Вошинской о работе, проделанной с 20 января по 13 июля 1931 г. Из 18 пунктов отчета 11 посвящены описанию заказов на реактивы, приборы, оборудование для лаборатории. Еще 4 пункта связаны с приемом полученного оборудования. Оставшиеся три пункта: составление списка необходимой литературы, проведение инвентаризации и (наконец-то) проведение анализов (один пункт из 18). И, как апофеоз, постскриптум к отчету: «Остальное время ушло и уходит на беготню по различным учреждениям (очень часто безрезультатно)»⁴⁵.

Чрезвычайно острой на протяжении всего периода существования комплексного ЧНИИ оставалась проблема заполнения штатных единиц института квалифицированными работниками, имеющими высшее образование и владеющими чувашским языком. Отдельные секции и кабинеты существовали лишь на бумаге, работа в них не велась из-за отсутствия достаточного количества сотрудников. К примеру, в отчете по итогам 1931 г. отмечалось:

– «Кабинет недр и вод при секции промышленности и экономики института фактически существует и работает лишь с апреля месяца сего 1931 года, имея лишь одного заведующего кабинетом, вместо двух предусмотренных штатных должностей. Поэтому институт работу по кабинету недр и вод вел через экспедиции, привлекая силы НРГРУ и Казанского института...»;

– «Кабинет экономики в работе сектора должен был сыграть ведущую роль, но за неимением штатного сотрудника работа самостоятельно по кабинету не велась. Предусмотренные вопросы по их плану прорабатывались соответствующими секциями института или институтом в целом, или же соответствующими заинтересованными учреждениями и организациями (Госплан, отдельные лица по договорам с ЧНИИ и др. организациями)»;

– «Лесная секция института фактически начала работать лишь с марта сего 1931 г., имея в своем штате одного лесоведа. Поэтому институт работы по лесному хозяйству и лесной промышленности вел через экспедиции, привлекая силы Казанского лесотехнического института»;

– «К налаживанию работы сектора сельского хозяйства приступлено в марте 1931 года. За неимением работников до июня месяца работу в должной степени развернуть не удалось... К данному времени [15 ноября. – *Е.К.*] аппарат сектора доведен до 4-х штатных единиц, но ни один еще из работников сектора не прошел еще аспирантуру»⁴⁶.

Такие главные звенья в работе института, как сектор сельского хозяйства с секциями экономики, животноводства, химизации и почвоведения и растениеводства и сектор промышленности и экономики с секцией лесного хозяйства, кабинетами экономики и недр и вод, к началу 1932 г. не имели руководителей – заведующих⁴⁷.

Такая же острая ситуация с кадрами наблюдалась и в дальнейшем. Например, в ноябре 1932 г. ученый секретарь института И.Е. Ефимов на ученом совете говорил о том, что не укомплектован сектор педагогики, со стороны заведующего сектором осуществляется недостаточное руководство, и ставился вопрос даже о ликвидации данного сектора и создании его при Чувашском пединституте, а также о выделении сектора в самостоятельный институт⁴⁸.

Нехватка квалифицированных кадров во многом была связана с низкой заработной платой (по сравнению с Госпланом, наркоматами и другими государственными учреждениями) и отсутствием квартир для работников. Так, в июне 1932 г. на заседании дирекции обсуждался вопрос о том, что

уже в течение продолжительного времени Чебоксарским горсоветом выполняется решение правительства Чувашской АССР о предоставлении институту трех комнат для научных работников и что ряд квалифицированных научных работников, не имея квартир, не может приступить к выполнению своих обязанностей⁴⁹.

Вместе с тем поиск подходящих квалифицированных кадров всегда был в центре внимания руководства института. В первую очередь старались приглашать чувашей – выпускников центральных вузов, получавших специальную стипендию от Наркомата просвещения Чувашской АССР. При этом говорилось о возможности совмещения работы с преподаванием в Педагогическом или Сельскохозяйственном институте⁵⁰. В обком партии и правительственные учреждения направлялись заявки-требования откомандировать определенных специалистов. Так, в начальный период формирования института во второй половине 1930 г. его руководство безуспешно настаивало на немедленной переброске на работу в институт С.И. Андреева, И.А. Афанасьева, М.Д. Данилова, Г.И. Иванова, возмущаясь тем, что «из окончивших аспирантуру никто не прибывает»⁵¹. Весной – летом 1931 г. руководство института неоднократно обращалось в учебные заведения страны, союзные наркоматы, Чувашское представительство при ВЦИК с просьбой прислать выпускников – специалистов в области сельского хозяйства⁵².

Несмотря на это, в постановлении объединенного заседания ОКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ ЧАССР от 10 сентября 1931 г. по докладу об итогах обследования ЧНИИ давалась отрицательная оценка дирекции института в данном вопросе: «Штат работников ин[ститу]та не укомплектован, а из имеющихся работников не все имеют достаточную квалификацию, опыт работы и необходимую марксистско-ленинскую подготовку для ведения самостоятельной научно-исследовательской работы. В целях покрытия потребности в кадрах, подготовки их и повышения квалификации имеющихся, решительных мероприятий со стороны ин[ститу]та не проводилось»⁵³.

По состоянию на 1 декабря 1931 г. в ЧНИИ работали 24 научных сотрудника, в том числе 14 сотрудников первого разряда (могли самостоятельно вести научные изыскания, руководить аспирантами) и 10 сотрудников второго разряда (выполняли вспомогательную научную и лабораторную работу). 20 чел. были чувашами, 3 – русскими. 4 сотрудника прошли через аспирантуру, 18 чел. окончили вузы и втузы, 2 научных сотрудника не имели высшего образования. У 14 научных сотрудников стаж научной работы был менее 1 года, у 4 – до 3 лет, у 2 – до 5 лет и у 4 чел. – выше 5 лет. 8 сотрудников параллельно занимались педагогической работой. Членами ВКП(б) были 3 научных сотрудника, членами ВЛКСМ – 4, остальные являлись беспартийными⁵⁴.

В середине октября 1932 г. разряды научных сотрудников института были пересмотрены, в результате чего один работник был зачислен действительным научным сотрудником, 7 чел. – научными сотрудниками

первого разряда, 21 чел. – научными сотрудниками второго разряда, а остальные работники зачислены в административно-технический состав⁵⁵.

Список сотрудников ЧНИИ по состоянию на 1 апреля 1933 г. с указанием занимаемых должностей представлен в таблице 2. По нему можно судить о сложившейся за полтора года структуре института и основных направлениях его деятельности (названия должностей даны в соответствии с документом).

Таблица 2

Список сотрудников Чувашского научно-исследовательского института на 1 апреля 1933 г.⁵⁶

ФИО	Занимаемая должность	Месячный оклад, руб.	Ставка
Управление			
Сергеев М.С.	Директор	350	1
Ефимов И.Е.	Зам. директора	325	1
Андреев А.А.	Управляющий делами	175	1
Степанов Е.С.	Счетовод	175	
Самойлов Я.Г.	Завхоз	125	1
Мастаченко Р.С.	Чертежник	160	1
Филимонова	Технический служащий	40	1
Крылов Г.	Делопроизводитель	64	1
Абакаев В.В.	Технический секретарь по изданию	140	1
Степанова В.Г.	Машинистка	100	1
Алексеев И.А.	Конюх, дворник	52	1
Сектор промышленности и экономики			
Николаев А.Н.	Энергетик	250	1
Науменко К.С.	Техник	300	1
Петров С.П.	Старший экономист	150	1/2
Улитин А.И.	Геодезист	165	1/2
Иванова М.И.	Зав. сектором	300	1
Науменко Т.Н.	Коллектор	120	1
Петрова Л.М.	Лаборантка	120	1
Васильева М.В.	Зав. лабораторией	200	1
Демидов Н.Г.	Прораб	200	1
Горшенева А.	Лаборантка	120	1
Фогинская З.	Коллектор	120	1
Сидоров М.С.	Старший бурмастер	175	1
Лесной сектор			
Яковлев М.Я.	Лесовод	300	1/2
Захаров П.И.	Зав. сектором	300	1/2
Сектор культуры и быта соц./рек			
Тимофеев Ф.Т.	Зав. сектором	300	1
Спиридонов М.С.	Искусствовед	215	1
Иванов А.И.	Историк	100	1/2
Кузнецов И.Д.	Историк	150	1/2
Григорьев П.Г.	Историк	300	1
Долгов В.А.	Историк	250	1
Данилов М.Д.	Терминолог	200	1
Лебедев А.А.	Антирелигиозник	200	1

Таблица 2 (окончание)

Сектор марксистско-ленинской педагогики			
Меценатов Н.С.	Зав. сектором	300	1
Трофимов А.Т.	Педагог	100	1/2
Чупраков А.Т.	Педагог	100	1
Другие секции			
Бугров ⁵⁷	Зав. сектором	150	1/2
Львова А.Н.	Зоолог	200	1
Аспирантура			
Ивлев Д.О.	Руководитель	150	1/2
Научная библиотека			
Семенов И.С.	Директор	215	1
Рыбникова	Библиотекарь	100	1
Белова А.В.	Библиотекарь	100	1
Сергеева М.П.	Библиотекарь	100	1
Рябова	Технический служащий	40	1
Центральное бюро краеведения			
Яковлев В.Я.	Ответственный секретарь	200	1

Наблюдалась высокая текучесть штатных сотрудников. К примеру, 27 ноября 1930 г. научным сотрудником по сельскому хозяйству по его собственному заявлению был принят И.Т. Тимофеев, а 17 декабря того же года он уволился в связи с принятием на работу в Наркомзем Чувашской АССР⁵⁸. Научным сотрудником и заведующим кабинетом почвоведения с 1 декабря 1930 г. был назначен по совместительству ассистент Чувашского пединститута И.И. Орлов. По его личному заявлению с 1 августа 1931 г. он был освобожден от занимаемой должности, оставшись в качестве внештатного сотрудника, оплачиваемого сдельно. Научный сотрудник по истории И.Т. Тихонов проработал в институте с 22 сентября по 27 октября 1931 г., после чего перешел на работу в Чувашский центральный музей. Сотрудник бюро массового опытничества В.В. Васильев проработал постоянным сотрудником института только с 1 января по 31 марта 1932 г., после чего уволился. Научный сотрудник и заведующий секцией по массовому опытничеству Е.Н. Ошкаркова проработала на постоянной основе в институте с 1 января по 29 сентября 1932 г., также уволилась по собственному желанию. 23 января 1932 г. был издан приказ о назначении агронома Ф.Т. Михайлова временно исполняющим дела и обязанности инструктора в бюро по массовым опытам. Через пять дней появился новый приказ, по которому он увольнялся по собственному желанию с того же дня, 23 января 1932 г.⁵⁹ Очень большой была текучесть кадров среди лаборантов, агрономов, инструкторов, землеустроителей, чертежников и т.п.

Перестановки в штатном составе сотрудников института происходили и в связи с сокращением бюджета института. По этой причине научный

сотрудник по кабинету изобразительных искусств М.С. Спиридонов в марте 1931 г. был переведен на половину ставки, а в июне 1931 г. освобожден от занимаемой должности с оставлением на должности внештатного сотрудника. Научный сотрудник по истории П.В. Озеров и научный сотрудник по языку и литературе Ф.С. Меценатов в марте 1931 г. были переведены на сдельную оплату труда⁶⁰.

Нередки были случаи увольнения работников по инициативе руководства института за невыполнение должностных обязанностей. Так, в январе 1932 г. был уволен временно исполняющий дела заведующего сектором сельского хозяйства К.С. Миролубов. Основаниями для увольнения послужили «невнимательное отношение к своей работе, срыв работы с/х сектора ин[ститу]та (публичный доклад по плану в С/х институте, доклад в НКЗеме), несвоевременное выполнение заданий ин[ститу]та по ряду вопросов и нетактичное отношение к работникам ин[ститу]та и НКЗема, проведение в своей практической и теоретической работе оппортунистических взглядов»⁶¹. 13 июня 1932 г. был издан приказ об увольнении гидролога Г.М. Максимова и почвоведа А.Т. Трофимовой «за систематический срыв работ по плану, несмотря на неоднократные замечания, за сознательное игнорирование указаний дирекций ин[ститу]та, за полное отсутствие участия в общественной работе»⁶². Доцент Чувашского сельскохозяйственного института М.А. Лурье, назначенный в ноябре 1931 г. научным сотрудником секции экономики по совместительству, уже в конце января 1932 г. был снят с занимаемой должности «за невыполнение ряда заданий по плану института», входивших в круг его обязанностей⁶³. П.А. Александров, работавший с мая 1932 г. в качестве заведующего секцией экономического районирования Чувашской АССР, а затем научным сотрудником и временно исполняющим дела заведующего сектором промышленности и экономики, заместителем директора по административно-хозяйственной части, был уволен в марте 1933 г. «за систематическое невыполнение поручений дирекции ин[ститу]та и за несерьезное отношение к своим служебным обязанностям»⁶⁴.

Отдельно можно выделить проблему с завхозами, свидетельствующую о трудностях в организационном становлении института (низкие зарплаты, наличие большого объема работ, требующих решения): с августа 1931 г. по октябрь 1932 г. сменилось пять завхозов, причем двое были уволены с формулировками «за систематическое появление на занятия в ин[ститу]т в пьяном виде» и «за халатное отношение к своим обязанностям, за систематическое уклонение в исполнении полученных заданий вообще, за несоответствие своему назначению»⁶⁵.

Чтобы смягчить проблему дефицита кадров как в самом научном учреждении, так и в республике в целом, осенью 1932 г. в институте была организована аспирантура для подготовки специалистов по ряду научных дисциплин. Работа по ее открытию началась еще летом 1932 г. Так, прием заявлений на зачисление в аспирантуру предполагалось первоначально провести в июле 1932 г., но из-за недостаточного числа заявлений крайние

сроки приемной кампании неоднократно продлевались, и прием в итоге осуществлялся вплоть до конца октября. Планировалось набрать 25 аспирантов по 13 научным дисциплинам: язык и литература (4 чел.), история (3 чел.), экономика и планирование лесного хозяйства (3 чел.), кормодобывание (2 чел.), животноводство (2 чел.), экономическая география (2 чел.), экономика и организация социалистического земледелия (2 чел.), энергетика (2 чел.), агрохимия (1 чел.), почвоведение (1 чел.), плодоводство (1 чел.), искусство (1 чел.), антирелигиозная работа (1 чел.). Желая поступить в аспирантуру обещалась стипендия в среднем 200 руб. в месяц, что соответствовало ставке научного работника в институте⁶⁶. Всего было подано 37 заявлений о поступлении в аспирантуру, допущено к испытаниям 30 чел., принято 14 чел., но приступили к занятиям лишь 11 аспирантов: Л.П. Баимкин (педология), С.П. Горский (языковедение), Ф.Д. Дмитриева (экономическая география Чувашии), Н.К. Кириллов (чувашская литература (литературоведение), А.Н. Львова (кормодобывание), Д.А. Малиновский (социальная организация территорий), Ф.С. Меценатов (чувашская литература (литературоведение), А.Н. Николаев (энергетика), А.И. Соловьев (кормодобывание), А.Т. Чупраков (педология), М.Я. Яковлев (механическая обработка дерева)⁶⁷. По решению приемной комиссии по аспирантуре и правительственных органов были приняты в аспирантуру преимущественно лица уже ведущие научную работу и имеющие практический стаж работы. Чувашский обком ВКП(б) принятый состав аспирантов утвердил без изменений.

По национальности все зачисленные аспиранты были чуваша, крестьяне по социальному происхождению (3 – из бедняков, 8 – из середняков). Высшее образование имели 9 чел., незаконченное высшее – 1, среднее профессиональное – 1 аспирант. Что касается возрастного состава, то 5 чел. были в возрасте 35–38 лет, 4 чел. – в возрасте от 28 до 32 лет, 1 аспирант – 25 лет, А.Н. Львова было 46 лет (принята с нарушением правил приема ввиду острой необходимости, хотя первоначально ее кандидатура была отклонена⁶⁸). Всего один аспирант являлся членом ВКП(б), двое – членами ВЛКСМ. Таким образом, по многим показателям состав аспирантуры не соответствовал критериям, установленным постановлением бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 5 октября 1932 г.: чтобы 10 аспирантов из 25 вели работу по линии социалистического земледелия; в состав аспирантов принять не менее 50 % партийцев и комсомольцев, 25 % рабочих и 60 % колхозников⁶⁹.

Аспирантура стала настоящей «головной болью» для руководства института, безуспешно пытавшегося разрешить многочисленные проблемы. Вопрос об аспирантуре рассматривался на заседаниях ученого совета ЧНИИ 19 февраля и 7 июня 1933 г., и на них констатировались многочисленные недостатки в ее работе⁷⁰. Специальная комиссия по обследованию состава и работы аспирантуры, действовавшая в начале июня 1933 г., сделала вывод об отсутствии необходимых условий для работы и о неудовлетворительной материальной обеспеченности аспирантов⁷¹. На объединенном

заседании бюро Чувашского обкома и ОКК ВКП(б) 5 августа 1933 г. также подчеркивались вопиющие недостатки: до настоящего времени не разработаны профили специалистов для аспирантов; общий учебный план и программы были разработаны с опозданием и не были окончательно утверждены дирекцией института и Наркомпросом РСФСР; условия для научной работы аспирантов в части организации кабинетов, обеспечения литературой и учебными пособиями оставались неудовлетворительными⁷².

Крах аспирантуры во многом был связан с недостаточным ее финансированием. Стипендию в размере 181 руб. 25 коп. ежемесячно получали всего 5 чел., остальные должны были заниматься научной деятельностью в свободное от основной работы время. Попытки руководства института расширить число стипендиатов результатов не дали. Л.П. Баимкину, к примеру, нужно было содержать 4 иждивенцев (жена, 3-летний ребенок, 13-летняя сестра, престарелая мать), М.Я. Яковлеву – 3 иждивенцев (жена, дети в возрасте 3–5 лет), у Д.А. Малиновского было три нетрудоспособных иждивенца (жена, отец, мать). Стипендия же этим аспирантам не полагалась⁷³. На 1933 г. смета на содержание аспирантуры была составлена на сумму 71 930 руб., из них по государственному бюджету 12 675 руб. и по местному бюджету 59 225 руб. В расход включались статьи: 1) содержание аппарата (ученый секретарь по аспирантуре и техслужащая), 2) стипендия, 3) оплата преподавателям, 4) учебные расходы, 5) научные командировки, 6) курортно-санаторная помощь. Однако Наркоматом финансов смета на 1933 г. была утверждена лишь на сумму 18 434 руб.⁷⁴ В этой связи руководитель аспирантуры Д.О. Ивлев прямо говорил о безвыходном финансовом положении из-за недостатка средств на содержание аспирантуры, преподавателей, обслуживающего персонала и т.д.⁷⁵ Сами аспиранты на своих совещаниях отмечали, что в условиях отсутствия стипендий, руководителей, необходимой литературы и даже обычной бумаги аспирантура при ЧНИИ существует лишь формально⁷⁶.

Ученые также не горели желанием руководить аспирантурой. Приказом от 7 октября 1932 г. временным ученым секретарем по аспирантуре по совместительству был назначен Ф.Т. Тимофеев⁷⁷. Вскоре эту должность занял Д.О. Ивлев, одновременно преподававший в Педагогическом и Сельскохозяйственном институтах. Ввиду его занятости постановлением ученого совета ЧНИИ от 7 июня 1933 г. ученым секретарем по руководству аспирантурой был назначен П.Г. Григорьев, несмотря на его протесты. В связи с переходом последнего на руководящую работу на курсы марксизма-ленинизма, уже с 16 июня руководство аспирантурой при ЧНИИ было возложено на ученого секретаря и зам. директора института И.Е. Ефимова⁷⁸, у которого, очевидно, и на основной должности хватало забот.

В таких неблагоприятных условиях обучения из 11 чел. двое покинули аспирантуру по собственному желанию в течение учебного года, а из 9 чел., все же завершивших его, пятеро имели неудовлетворительные оценки. В результате еще один аспирант был исключен «за неуспеваемость в ака-

демической работе, невыполнение тематической работы и отсутствие достаточной дисциплинированности»; один аспирант ввиду неуспеваемости оставлен в числе аспирантов условно до 1 января 1934 г.⁷⁹

В июле 1933 г. Сектор науки Наркомпроса РСФСР отменил ранее данную разверстку на прием институтом 5 аспирантов осенью того года. Еще раньше было отказано в весеннем приеме аспирантов⁸⁰. На заседании дирекции Чувашского научно-исследовательского института социально-культурного строительства (к которому отошла аспирантура после реорганизации ЧНИИ) от 7 октября 1933 г. был рассмотрен вопрос об упразднении аспирантуры при институте. Было решено А.Т. Чупракова, Л.П. Баимкина и Ф.Д. Дмитриеву исключить с 1 октября из числа аспирантов, а С.П. Горского (по языковедению) и Н.К. Кириллова (по литературе) с 15 октября прикрепить к соответствующим кафедрам Чувашского педагогического института⁸¹. Окончательно же аспирантура была ликвидирована 1 января 1934 г. вследствие закрытия кредита по этому разделу⁸².

Говоря о полном провале с аспирантурой, следует иметь в виду, что институт первым в Чувашии начал подготовку кадров высшей квалификации, подобного опыта в республике еще не было. Да и проделанный труд не пропал даром, из числа аспирантов вышли будущие известные ученые: Ф.Д. Дмитриева и М.Я. Яковлев в дальнейшем стали кандидатами соответственно географических и сельскохозяйственных наук, С.П. Горский – доктором филологических наук.

Естественно, проблемы с кадрами негативно сказывались на результатах работы института, который систематически не выполнял планы редакционно-издательской деятельности. Так, ЧНИИ принял на себя обязательство издать в 1932 г. 34 научных труда в 241,5 печатных листа (не считая массовой производственно-технической и научно-популярной литературы по промышленности объемом в 5 п.л.). Было же издано в том году всего 3 работы объемом в 14 п.л., значительный задел по которым на самом деле был создан еще в годы существования Совета науки и культуры:

- 1) «Терминологический русско-чувашский словарь» (2 выпуска, 5 п.л.), изданный Терминологической комиссией;
- 2) работа Ф.Т. Тимофеева «Материалы к перестройке чувашской грамматики» (4 п.л.);
- 3) исследование С.И. Андреева «Почвы ЧАССР» (5 п.л.).

Кроме того, по плану ЧНИИ предусмотрено ежемесячное издание бюллетеня института о фактическом состоянии деятельности ЧНИИ и достижениях научно-исследовательских разработок в Чувашии во всех областях хозяйственно-экономического и культурного строительства (24 п.л. в год). Однако издание бюллетеня так и не было налажено, не вышло ни одного номера. Не увидел свет и сборник научных статей ЧНИИ, планировавшийся к изданию не позднее января 1932 г. с материалами экспедиций и партий по промышленным разведкам, а также статьями по колхозному стро-

ительству⁸³. Отсутствие собственного печатного органа, без сомнения, сдерживало развитие научно-исследовательского института.

С точки зрения дирекции основными причинами невыполнения плана являлись субъективные факторы:

1) «обезличка в продвижении дела издательства и недостаточное чувство ответственности у руководителей секторов и секций за издательство (отсутствие толкача)»;

2) задержка авторами в сдаче рукописей трудов ученому совету;

3) безответственное отношение некоторых руководителей исследовательских работ к выполнению своих договоров и недостаточность контроля за этим со стороны руководства института;

4) незаинтересованность некоторых авторов в издании своих трудов под маркой ЧНИИ и т.д.

В качестве одной из важных причин задержек с изданием также называлась «неподвижность издательского дела в институте», из-за чего труды задерживались у авторов, отставали от жизни, и автор будто бы затем вносил все новые и новые коррективы. В числе таких примеров приводились «Диалектология чувашского языка» Т.М. Матвеева, «Спорные вопросы в чувашской грамматике» Ф.Т. Тимофеева, труды Е.З. Захарова и др. Отмечалось и то, что некоторые научные сотрудники особые договоры на издание своих трудов заключали с другими учреждениями, например педагоги А.Т. Чупраков, А.Т. Трофимов. Объективным фактором являлось отсутствие бумаги и специальных средств на публикации⁸⁴.

Распространенной практикой было заключение институтом договоров с сотрудниками различных государственных и учебных учреждений республики на подготовку трудов по определенным темам с выплатой авансов. Например, в 1931–1933 гг. было составлено не менее 25 подобных договоров, в том числе с И.Д. Кузнецовым (по теме «Материалы по истории Чувашии XVII и XVIII веков»), К.В. Элле («Топонимические названия ЧАССР»), М.С. Кузьминым («Разиновское движение среди чуваш»), П.Ф. Ермолаевым («История г. Чебоксар»), А.И. Ивановым («Эльменевщина в Чувашии»), В.Г. Егоровым («Русско-чувашский словарь») и др.⁸⁵ Нередко труды не представлялись авторами, условия договора не соблюдались, и институт вынужден был обращаться в народный суд Чебоксар для взыскания сумм, выданных в качестве авансов⁸⁶.

Можно также привести достаточно показательный отрывок из отчета историко-партийного сектора о проделанной работе в 1931–1933 гг.: «На работу Тюмерова и Дурасова по теме “Октябрьская революция в Чувашии” израсходовано Институтом 1000 рублей. Работа хотя выполнена, но ни в коей мере материал к печати не годится. Иванов Алексей Иванович на разработку темы “История Октябрьской революции” получил 350 руб., но работа не закончена... Занялись было изучением Гражданской войны и истории заводов, но ничего не сделано... На разработку темы “1905 год” тов. Озеровым в 1931 году получены из средств Центрального бюро крае-

ведения 450 руб., но труда нет. Кузьмин, ныне секретарь Порецкого райкома, получил аванс, но до сего времени ничего не сделано. На составление «Истории г. Чебоксар» выдано тов. Еремееву⁸⁷ в 1930–31 гг. 400 рублей, но полученный от него материал представляет из себя только описание церквей и не оправдывает выданных средств... Залкинд – получил 450 руб. на историю, но работы никакой нет. Наконец, большой долг числится за Кузнецовым, который получил на составление истории чуваш XII–XVIII веков более 1000 руб. (хотя он сам говорит, что получено только 600 руб.). Собран им большой материал, но этот материал до сего времени не является достоянием института. Кузнецов 1 выпуск дал»⁸⁸.

Из перечня изданных в 1932 г. и подготовленных к изданию печатных работ ЧНИИ видно, что в основном статьи публиковались в республиканских и районных газетах, в первую очередь в «Красной Чувашии» и «Канаше»⁸⁹. Тем не менее для большого института этого было явно недостаточно. Вот почему директор М.С. Сергеев на заседании дирекции ЧНИИ 8 января 1933 г. эмоционально отмечал: «Мы ничего не пишем, нас нет ни в книгах, ни в журналах, ни в газетах. Вопрос стоит о всей проблеме участия нашего института в печати»⁹⁰.

Зам. директора и ученый секретарь ЧНИИ И.Е. Ефимов, критикуя на заседании ученого совета института в мае 1932 г. деятельность сельскохозяйственного сектора, говорил: «Работа сектора протекает вне всякого плана, стихийно и совершенно бессистемно... С/х сектор издательского плана не имеет, статьи пишутся сотрудниками данного сектора совершенно мало... До настоящего времени наши научные сотрудники делали, что им хотелось, и делали так, как им хотелось, никакой согласованности с дирекцией или ученым советом не было. В дальнейшем мы будем работу каждого сотрудника проверять, каждое выступление, будь это в НКЗ или в другом месте, будем предварительно пропускать через ученый совет...»⁹¹

Соответственно дирекцией предпринимались меры по укреплению трудовой дисциплины сотрудников, развивалась система контроля за их деятельностью. Еще с 1 июня 1931 г. была введена система регистрации посещения занятий сотрудниками института и ведения дневников о своей работе. Но проведенная через три месяца проверка исполнения сотрудниками этих нововведений показала, что регистрация посещений велась крайне небрежно и неудовлетворительно, а многие сотрудники не вели дневников о работе. Поэтому с 3 сентября 1931 г. приказом директора было введено обязательное ведение дневников каждым сотрудником института (в том числе совместителями, от ведения дневников освобождались только директор, завхоз и делопроизводитель). Дневник должен был отображать характер работы, нагрузку, проведенную работу в часах, как в урочное (с 9 до 16 часов), так и в вечернее время (заседания и т.п.). Основным содержанием дневника являлась характеристика исполненной, проведенной и законченной работы, времени, потраченного на это, и форма работы («писал доклад», «находился на заседании» и т.д.). Категорически осуждалось

внесение в дневник таких «работ», как «ходил туда-то», «просматривал литературу» и т.д. Приказом подробно регламентировалось, кто и в какие сроки проверяет дневники. Также в отмену существовавшего порядка регистрации посещений сотрудником занятий, ведшегося одним из технических сотрудников института, вводилась запись посещений в общем журнале каждым сотрудником самим (ставилась подпись)⁹².

По документам не прослеживается и какого-либо реального взаимодействия с центральными и краевыми (Нижегородского края) научными учреждениями. По сути все оставалось на уровне деклараций о намерениях. Более того, имеются свидетельства, когда из-за слабого финансирования приходилось отказываться от перспективных совместных проектов. Так, обращаясь в сентябре 1933 г. в адрес руководства института социально-культурного строительства, Историко-археографический институт Академии наук СССР писал: «В течение последних трех лет... вел с Вами переговоры относительно издания материалов по истории чуваш, и, несмотря на то, что обе стороны обнаруживали готовность идти по этому предмету на соглашение, до сих пор работа не двигается. Между тем Историко-археографический институт в своих постоянных разысканиях среди архивных фондов Ленинграда и Москвы успел накопить богатые материалы по истории чуваш с XVI века и даже с более раннего времени до наших дней... Историко-археографический институт очень заинтересован в том, чтобы материалы эти были опубликованы, так как иначе история народов СССР останется только благим пожеланием еще надолго. Поэтому институт предлагает Вам часть расходов взять на себя с таким расчетом, чтобы на Вашу долю пришлось меньше 50 % стоимости издания первого тома. Институт просит Вас ассигновать на 1934 год сумму в 10 000 рублей»⁹³. Излишне говорить, что и в 1934 г., как и в прошедшие годы, проект не был реализован.

Несмотря на многочисленные трудности, институт развивался. В 1931 г. постановлением Чувашского обкома ВКП(б) по вопросу реорганизации работы института были выделены опорные пункты: по свиноводству – в Маминском совхозе, вел работу под руководством Вятской зональной станции; картофельный опорный пункт – в Вырыпаевской картофельной зональной станции; садово-огородный пункт – в Казанской зональной станции, а также опорный пункт по пчеловодству. Для успешного проведения в жизнь агротехнических мероприятий при сельскохозяйственном секторе в конце 1931 г. было создано бюро массовых опытов с двумя работниками. Его функции заключались в руководстве опытными станциями и опорными пунктами, закладке опытных участков, вовлечении трудящихся в научно-исследовательскую работу через массовые курсовые мероприятия и др.⁹⁴

В конце 1931 г. с целью придания краеведческому движению массового характера в ведение ЧНИИ на правах автономии было передано Центральное бюро краеведения, ранее состоявшее при Наркомпросе Чуваш-

ской АССР. В феврале 1932 г. в состав ЧНИИ вошел Центральный чувашский музей.

Быстрыми темпами рос фонд научной библиотеки, превысивший 50 тыс. наименований. Выписывались практически все научные и научно-технические журналы, издаваемые научно-исследовательскими учреждениями и ведомствами⁹⁵.

Бюджет ЧНИИ вырос с 80,0 тыс. руб. в 1930 г. до 444,5 тыс. руб. в 1932 г., притом 234,4 тыс. руб. в 1932 г. составляли суммы, полученные институтом по договору от хозяйственных наркоматов и учреждений на проработку тех или иных заданий. Помимо этих средств, отпускаемых Исследовательскому институту преимущественно по местному бюджету, Чувашия имела значительные расходы на научно-исследовательские работы, проводимые Госпланом и отдельными хозяйственными наркоматами вне пределов Чувашии: около 100,0 тыс. руб. в 1932 г. – на изучение сланцев в НИУ Всехимпрома, около 200 тыс. руб. – на изучение Сурстроя госспецпроектом Наркомтяжпрома СССР и др.⁹⁶

Секторами, секциями, кабинетами и лабораториями кропотливо велась научно-исследовательская и научно-практическая работа в самых разных отраслях науки и народного хозяйства.

Так, *секцией экономики и социалистического земледелия* за период весеннего сева 1931 г. было проведено обследование 26 колхозов в разных районах по программе, выработанной сектором сельского хозяйства. Сектор сельского хозяйства принимал активное участие в проведении сплошной проверки колхозов в трех районах: Козловском, Урмарском и Красночетайском, согласно постановлению Чувашского обкома ВКП(б) от 26 августа. При этом была составлена специальная программа по сплошной проверке, и на организацию и инструктирование выезжали на места научные сотрудники. Результаты в дальнейшем разрабатывались как материал к партконференции и для издания специальной брошюры по организации труда в колхозах. Для выявления неудобных земель и использования под фруктовыми садами в 1931 г. работала специальная помологическая экспедиция.

Секцией растениеводства для выработки решительных мер борьбы с вредителями сельского хозяйства была проведена экспедиция и велось стационарное изучение. По заданию Всесоюзного института растениеводства осуществлена работа по размещению сортов полевых культур.

Секцией животноводства совместно с Краевым институтом в 1931 г. была организована специальная экспедиция, собравшая материал для подготовки и издания брошюр по таким вопросам животноводства в Чувашской АССР, как племенное дело, состояние товарных ферм в колхозах, свиноводство в колхозах. Также для изучения кормового вопроса произведено обследование заливных приволжских и засурских пойм.

Секция почвоведения и химизации провела в 1931 г. почвенную экспедицию, была закончена работа по подготовке к печати почвенной карты Чувашской республики⁹⁷.

Секцией лесного хозяйства в 1931 г. был организован целый ряд экспедиций: по комплексному изучению Ильинского учебно-опытного лесничества; в Марпосадский леспромхоз – с целью определения мер оздоровления затравленных скотом дубовых молодняков; по изучению состояния охотничьего хозяйства в республике.

Кабинетом экономики разрабатывался вопрос по выявлению и обоснованию экспортных возможностей Чувашской АССР. Эта работа (в частности, в 1931 г. была напечатана соответствующая статья в журнале «Нижегородский край») должна была стать критикой так называемых теорий «о кризисах экономики Чувашской республики» и «вырождении чуваш», которые связывались с Д.С. Эльменем.

Кабинет недр и вод принимал участие в организации и проведении ряда специальных экспедиций и партий, как по линии краевых институтов, так и ЧНИИ, с целью составления данных по геологическому строению недр Чувашской АССР: геологическая экспедиция ЧНИИ по стройматериалам и извести в Козловском, Марпосадском и Чебоксарском районах; специальная экспедиция по земляным краскам в Чебоксарском и Марпосадском районах и др. Для выявления местонахождения разных ископаемых, кроме специальных экспедиций, посылались на места специальные работники, и работа проводилась через краеведческую сеть. На основе данных геологических обследований была составлена схематическая геологическая карта. В связи с проектировавшимся энергохимкомбинатом в южных районах республики проводилась работа по промышленному использованию рек Була, Киря и др. Кроме специально направленной для этой работы гидрологической партии из Москвы, послана гидрологическая экспедиция и со стороны ЧНИИ⁹⁸.

Секцией истории в начале 1930-х гг. был осуществлен сбор материалов по революционному движению среди чувашей в бывших Симбирской и Казанской губерниях в ходе Русской революции 1905–1907 гг., а также по «истории революционного движения среди чуваш в XVII–XVIII вв.» Выявлялись архивные материалы по вопросам правового и экономического положения чувашей в XVII–XVIII вв., по миссионерскому движению среди чувашей. Совместно с Академией наук СССР была организована экспедиция по изучению религиозного и антирелигиозного движения среди чувашей. После ее окончания научные сотрудники ЧНИИ, участники экспедиции, выступили в Академии наук с докладом об итогах работы экспедиции⁹⁹.

Также секцией в 1932 г. начат сбор воспоминаний об установлении советской власти в уездах Чувашии¹⁰⁰. Кроме того, был составлен список лиц, у которых необходимо изъять исторические документы (Д.С. Эльмень, А.Д. Краснов, Д.П. Петров, М.П. Петров, Г.И. Комиссаров, Н.В. Никольский, А.И. Яковлев), и список лиц, на которых нужно воздействовать через партийные комитеты для передачи имеющихся у них документов (И.Я. Морозов, В.В. Тюмеров, Н.В. Васильев, А.И. Иванов, С.П. Павлов, П.З. Львов)¹⁰¹.

1 июня 1933 г. на заседании дирекции с научными сотрудниками института было принято решение: «придавая огромное значение историческому фронту и учитывая наличие огромных материалов и значительный рост исторической секции, преобразовать ее в историко-партийный сектор» (во главе с И.Д. Кузнецовым)¹⁰².

Секция языка и литературы проводила сбор и изучение материалов о характерных особенностях народного творчества, связанных с коллективизацией и социалистическим переустройством сельского хозяйства, с новым бытом. Была разработана грамматика чувашского языка как пособие для учащихся и представлена в Наркомпрос Чувашской АССР для издания, началось исследование чувашского языка сравнительно с русским. Велась работа по собиранию и оформлению диалектологии чувашского языка¹⁰³. Были составлены проекты чувашского правописания и чувашской стенографии. Но из-за того, что в Москве стала работать русская орфографическая комиссия и начала составляться единая русская стенография, было решено дождаться результатов деятельности этих комиссий, вследствие чего дальнейшая работа приостановилась¹⁰⁴. И все же после ряда обсуждений вопросов орфографии в Наркомпросе Чувашской АССР и в ЧНИИ реформа чувашского правописания была проведена постановлением Совнаркома Чувашской АССР от 19 мая 1933 г.

Терминологическая комиссия, образованная еще при Совете науки и культуры в декабре 1928 г., за пять лет рассмотрела около 8000 терминов по вопросам общественно-политическим и административным (главным образом термины, встречающиеся в газетах и делопроизводстве), сельскохозяйственным и учебным. Из них общественно-политические и сельскохозяйственные термины в количестве около 4000 были опубликованы в 1932 г. под названием «Терминологический русско-чувашский словарь» (в 2 выпусках, объемом в 2,5 п.л. каждый). Всего же планировалось издать 11 томов. Работа велась только на добровольных началах, без всяких обязательств и договоров с составителями словаря – за неимением средств¹⁰⁵.

В связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 5 декабря 1931 г. и 25 августа 1932 г. секция языка и литературы принимала активное участие в составлении стабильных программ и объяснительных записок к ним по чувашскому языку для школ первой ступени, ШКМ и педтехникумов. Сотрудником секции Ф.Т. Тимофеевым были подготовлены стабильные учебники по чувашскому языку: для 1 и 2-го годов обучения, для 3 и 4-го годов обучения, для 5-го года обучения (совместно с Т.М. Матвеевым), для 6 и 7-го годов обучения (при участии Т.М. Матвеева)¹⁰⁶.

Активно велась лексикографическая работа. В 1932 г. институт приступил к составлению нового чувашско-русского словаря объемом 20–30 печатных листов, рассчитанного на массовое употребление при чтении газет, журналов и другой литературы на чувашском языке. Над ним работал внештатный сотрудник института В.Г. Егоров. Через несколько лет

(в 1935 г.) этот труд был напечатан. Е.З. Захаровым велась работа над этимологическим словарем чувашского языка¹⁰⁷.

С другой стороны, нельзя не отметить, что эти годы стали провальными в деле издания «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Если в 1928–1930 гг. было напечатано 5 выпусков данного словаря, то с начала 1930-х гг. издание прекратилось. В феврале 1932 г., в связи с передачей функций издания словаря от Наркомпроса Чувашской АССР Научно-исследовательскому институту, состоялось заседание комиссии с участием представителей различных государственных учреждений по рассмотрению вопроса о дальнейшем издании словаря. На нем заместитель директора института В.А. Андреев говорил о том, что «ценность словаря сводится к минимуму, так как содержание словаря совершенно не отвечает требованиям марксистско-ленинской методологии, оно не отвечает интересам рабочего класса и колхозного крестьянства. Словарь проповедует беспартийность и аполитичность науки». Подчеркивалось, что институт неоднократно пытался воздействовать на Н.И. Ашмарина, чтобы он внес исправления в словарь, удалил «политически вредные примеры». В результате было принято решение приостановить издание словаря и прекратить субсидирование сотрудников, работающих по словарю¹⁰⁸. На совещании при директоре ЧНИИ в марте 1932 г. решение было поддержано¹⁰⁹. Поэтому новые выпуски словаря вышли в свет только в 1934 г., после смерти автора.

Следует отметить, что иногда к результатам работы института относят известный труд В.Г. Егорова «Библиографический указатель литературы по чувашскому языку», увидевший свет в 1931 г. под грифом научно-исследовательского института¹¹⁰. Однако данная книга была опубликована без рецензирования работниками института и официального утверждения к печати. И в феврале 1931 г. разразился скандал, поскольку из-за включения в нее различных катехизисов, Евангелий, псалтырей и т.п. книга была признана идеологически невыдержанной, старающейся протащить старую идеологию «аполитичной науки». Как оправдывался потом в письме Ф.Т. Тимофееву сам составитель, «хотел сделать институту маленький сюрприз, а доставил одни только неприятности»¹¹¹. В фондах Государственного исторического архива Чувашской Республики сохранилось целое многостраничное дело, полностью посвященное данной проблеме. В конечном счете было подготовлено объявление к читателям следующего содержания: «Чувашский научно-исследовательский институт, несмотря на указанные здесь и раньше ошибки, ввиду большой потребности в библиографических указателях среди научных работников, считает возможным все же выпустить настоящий указатель в ограниченном количестве. Научно-исследовательский институт следующим дополнительным выпуском библиографического указателя по чувашской литературе и языку надеется также исправить имеющиеся в настоящем указателе ошибки»¹¹².

Сектор научной педагогики был организован в январе 1931 г. на базе педолого-педагогического кабинета, возникшего 12 ноября 1930 г.¹¹³

С количественной точки зрения он работал в 1931–1932 гг. наиболее плодотворно по сравнению с другими подразделениями института. Это было связано с возможностью публикации статей в журнале «Народное просвещение» (орган Наркомата просвещения Чувашской АССР). Так, в течение двух лет при наличии всего двух штатных работников (один из них по совместительству) было напечатано более 25 статей: об антирелигиозном и физическом воспитании, участии детей в сельскохозяйственном труде и по их высказываниям о труде и др., а также статьи по методике проведения педагогических экспериментов. Такие результаты оказались достигнуты благодаря сотрудничеству с другими организациями. В частности, в 1931 г. две статьи были подготовлены и опубликованы студентом Чувашского педагогического института М.Я. Сироткиным (по высказываниям детей о советской власти и о В.И. Ленине). В то же время преподаватели Педагогического института и работники Наркомата просвещения не сумели выполнить взятые на себя обязательства из-за перегруженности на работе¹¹⁴.

Наряду с участием в печати в институте применялась докладно-отчетная система реализации выводов как завершения о проделанной научной работе по той или иной теме. Доклады ставились в коллегиях наркоматов соответственно специальностям. Например, сектор научной педагогики делал доклады в коллегии Наркомата просвещения Чувашской АССР, сельскохозяйственный сектор – в Наркомате земледелия и т.д. За 1931 г. было сделано более 30 докладов в 24 организациях¹¹⁵.

О размахе работ института говорит тот факт, что ежегодно при его непосредственном участии (часто совместно с другими учреждениями) в Чувашии проводилось более десятка экспедиций: в 1931 г., к примеру, были проведены гидрологическая, лесная, две геологические, почвенная, зоотехническая, энтомологическая, зоологическая, помологическая и другие экспедиции; в 1932 г. – уже геологическая, энтомологическая, почвенно-исследовательская, по изучению кормовых трав, по инвентаризации кормовых угодий, по общему лесоводству, лесохимическая, по истории, по собиранию материалов об Октябрьской революции, антирелигиозная и др.¹¹⁶

В целом научно-исследовательская работа в Чувашии в начале 1930-х гг. прошла огромный этап роста, были созданы определенные условия для дальнейшего развертывания исследований в республике. Но, как показало время, эти условия руководством республики явно переоценены. Уже 26 декабря 1931 г. было принято постановление бюро Чувашского обкома ВКП(б) о расширении ЧНИИ с таким расчетом, чтобы его сектора с течением времени превратить в отраслевые институты. На заседании ученого совета института в мае 1932 г., когда рассматривался план работы сельскохозяйственного сектора, М.С. Сергеев подчеркнул: «...по РСФСР мы имеем дифференцированные научные учреждения, дифференцированное руководство научно-исследовательской работой, а по линии автономных республик и областей мы имеем комплексные институты, а последние создают трудности в ведении и руководстве научно-исследовательской рабо-

той по отдельным проблемам и вопросам». Ученый совет на этом заседании вынес решение о необходимости реорганизовать Чувашский научно-исследовательский институт в отраслевые институты¹¹⁷, признав неэффективность комплексного института.

На объединенном заседании сотрудников ЧНИИ совместно с представителями Наркомпроса РСФСР, Госплана СССР, Нижегородского краевого научно-исследовательского института и Центрального бюро краеведения РСФСР в мае 1932 г. также отмечалось, что в конце 1932 г. Чувашский комплексный научно-исследовательский институт должен разделиться на такие отраслевые институты: НИИ промышленности и экономики; НИИ социалистического земледелия; НИИ марксистско-ленинской педагогики; НИИ культуры и быта; НИИ краеведения; Чувашский филиал древесины от Московского института древесины¹¹⁸. Строились грандиозные планы, что в дальнейшем, по мере укрепления этих институтов и на их базе, отдельные секторы названных институтов будут преобразованы в филиалы научно-исследовательских институтов края и РСФСР¹¹⁹.

В результате в августе 1932 г. решением Совнаркома Чувашской АССР на базе сектора сельского хозяйства ЧНИИ был создан Чувашский научно-исследовательский институт социалистической реконструкции сельского хозяйства. В его составе были организованы планово-экономический, колхозно-производственный секторы и почвенно-агрохимическая лаборатория. Размещался он в том же здании, что и ЧНИИ, где ему было выделено несколько комнат на втором этаже¹²⁰. В системе института на правах отделов находились также Республиканская сельскохозяйственная опытная станция и опорно-опытные пункты по растениеводству, животноводству, садоводству и овощеводству. Но просуществовал институт недолго, до 1934 г., когда его функции были переданы кафедрам и лабораториям Чувашского сельскохозяйственного института, сельскохозяйственной опытной станции, комплексному государственному сортоучастку.

Постановлениями Совнаркома СССР от 26 декабря 1932 г., 11 марта 1933 г. и приказом Наркомата тяжелой промышленности от 23 апреля 1933 г. была утверждена сеть научно-исследовательских учреждений Наркомата тяжелой промышленности СССР на 1 апреля 1933 г., в которой по разделу XIV – «Республиканские и областные комплексные институты промышленности» – в числе семи институтов был утвержден и «Чувашский комплексный институт промышленности»¹²¹, создание которого было запланировано еще с выделением НИИ социалистической реконструкции сельского хозяйства. Согласно постановлению Совнаркома Чувашской АССР от 10 августа 1933 г., ЧНИИ был реорганизован в комплексный научно-исследовательский институт промышленности и Научно-исследовательский институт социально-культурного строительства. Чувашский комплексный научно-исследовательский институт промышленности был организован из бывших секторов ЧНИИ: 1) сектора экономики и промышленности, 2) сектора лесной промышленности, 3) химико-технической лаборатории со всем обо-

рудованием, в том числе и буровым. Чувашский научно-исследовательский институт социально-культурного строительства был создан из сектора марксистско-ленинской педагогики, сектора культуры и быта и историко-партийного сектора ЧНИИ. Бюро краеведения и аспирантура со всем своим штатом и имуществом передавались Институту социально-культурного строительства. Научная библиотека оставалась межведомственной. Здание с надворными постройками со всем имуществом, инвентарем бывшего ЧНИИ и штатом по зданию закреплялись за Институтом промышленности. Институты социально-культурного строительства и социалистической реконструкции сельского хозяйства, а также станция химизации должны были пользоваться помещениями Института промышленности на основе особого соглашения¹²². Так завершился очередной этап реорганизации ведущего научного центра Чувашии. Что касается других выше-названных институтов, которые когда-то планировалось создать, то это все осталось в планах по двум главным причинам: а) слабая работа секторов и нехватка сотрудников для образования на их базе полноценных институтов; б) возобладание в центральных органах власти тенденции на сокращение и укрупнение научно-исследовательских институтов¹²³.

В целом, рассмотрение истории Чувашского комплексного научно-исследовательского института позволяет говорить о том, что все три года его существования прошли под знаком структурных преобразований и ожиданий последующей реорганизации, то есть он так и не вышел за рамки организационного периода. Это наложило значительный отпечаток на деятельность научного центра и ее результаты. С точки зрения практической направленности на решение нужд индустриализации и коллективизации он явно не оправдал надежд руководства республики. Довольно слабыми оказались результаты и в теоретическом плане: два небольших выпуска терминологического словаря, раскритикованная в печати работа С.И. Андреева о почвах Чувашии, брошюра Ф.Т. Тимофеева по грамматике чувашского языка (все изданы в 1932 г.) и книга С.А. Ильина «Культура красного клевера» (1933 г.) – вот и все самостоятельные издания института за эти годы, притом первые три издания фактически были подготовлены еще в конце 1920-х гг., во время существования Чувашского совета науки и культуры. Научных статей тоже было немного, преобладали публикации в газетах. Неэффективность деятельности комплексного института, связанная с действием целого ряда факторов как объективного, так и субъективного плана (крайне слабая материально-техническая база, недостаточное финансирование, острый дефицит квалифицированных кадров, продолжительное отсутствие руководства института из-за постоянных командировок), обусловила необходимость поиска новых организационных форм и его реорганизации по отраслевому принципу. Тем не менее в эти годы накапливался научный материал и был создан определенный задел для будущих исследований, например в области истории и языкознания, расширялся численный состав научных работников, повышался их профессиональный уровень.

Литература, источники и примечания

- ¹ Григорьев П.Г. Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет (краткий обзор) // Записки / ЧНИИЯЛИЭ. Вып. 5. Чебоксары, 1950. С. 147–199.
- ² Изоркин А.В., Горшков А.Е. Центр гуманитарных наук Чувашии. Чебоксары, 1980.
- ³ Чувацкий государственный институт гуманитарных наук, 1930–2000. Чебоксары, 2000.
- ⁴ Исаев Ю.Н., Николаев Г.А. Чувацкому государственному институту гуманитарных наук – 85 лет (1930–2015). Чебоксары, 2015.
- ⁵ Козлов Ф.Н. В вихре коренных перемен // Организаторы науки и образования: очерки: иллюстрированное издание. Чебоксары, 2008. С. 222–228. (Библиотека Президента Чувацкой Республики; т. 5).
- ⁶ Государственный исторический архив Чувацкой Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 59. Л. 218–218 об.
- ⁷ Там же. Л. 218.
- ⁸ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
- ⁹ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 1. Л. 141.
- ¹⁰ Подробнее о деятельности Чувацкого совета науки и культуры см.: Касимов Е.В. Попытки консолидации научных сил в Чувашии во второй половине 1920-х годов (к предис-тории создания Чувацкого государственного института гуманитарных наук) // Чувацкий гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 66–80.
- ¹¹ Изоркин А.В., Горшков А.Е. Указ. соч. С. 17.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 97. Л. 224.
- ¹³ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 27. Л. 30.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 34.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 26. Л. 56–57.
- ¹⁶ Там же. Д. 27. Л. 15–15 об., Л. 45–46 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 76.
- ¹⁸ Там же. Д. 27. Л. 23.
- ¹⁹ Там же. Д. 29. Л. 47.
- ²⁰ Там же. Д. 27. Л. 24, 59; Д. 29. Л. 54.
- ²¹ Таблица составлена по: ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 2. Л. 76, 88; Д. 26. Л. 75; Д. 27. Л. 57; Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2 об.
- ²² Являлся сотрудником Чувацкой опытной станции.
- ²³ Являлся сотрудником Чувацкого педагогического института.
- ²⁴ Являлся сотрудником Чувацкого педагогического института.
- ²⁵ Ф.Т. Тимофеев, М.С. Спиридонов и Л.К. Корнилов являлись членами Чувацкого совета науки и культуры, преемником которого и стал Чувацкий научно-исследовательский институт.
- ²⁶ С конца 1930 г. Чувацкая научная библиотека, до этого бывшая самостоятельным учреждением, стала одним из подразделений Чувацкого комплексного НИИ.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 34 об. –35 об.
- ²⁸ Там же. Д. 24. Л. 37 об.
- ²⁹ Там же. Л. 21 об.
- ³⁰ Там же. Л. 28–29.
- ³¹ Там же. Д. 59. Л. 66, 68.
- ³² Там же. Д. 54. Л. 28.
- ³³ Там же. Д. 59. Л. 91.
- ³⁴ Там же. Л. 91 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 92–92 об.
- ³⁷ Там же. Л. 91 об., 92 об.
- ³⁸ Там же. Д. 57. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 27. Л. 12; Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 30 об.

- ⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 59. Л. 142; Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 5. Л. 141–142.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 26. Л. 107; Д. 54. Л. 151; Д. 59. Л. 20.
- ⁴² Там же. Д. 54. Л. 178 об.; Д. 56. Л. 82, 156.
- ⁴³ Там же. Д. 3. Л. 20.
- ⁴⁴ Там же. Д. 106. Л. 183 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 25. Л. 27–27 об.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 55. Л. 35–36, 39, 41, 45.
- ⁴⁷ Там же. Д. 106. Л. 188.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 22. Л. 141.
- ⁴⁹ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 93.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 27. Л. 15 об.
- ⁵¹ Там же. Д. 24. Л. 120–120 об.; Д. 27. Л. 22.
- ⁵² Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 62. Л. 91, 92, 101, 102, 121 и др.
- ⁵³ Там же. Д. 54. Л. 19.
- ⁵⁴ Там же. Д. 106. Л. 188.
- ⁵⁵ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 22. Л. 113.
- ⁵⁶ Составлена по: ГИА ЧР. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 63. Л. 60. С дополнениями и уточнениями инициалов и должностей по другим архивным источникам.
- ⁵⁷ Ручкой дописано: «Уволен по сокр[ашению] штатов».
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 26. Л. 70, 74.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 10 об., 15 об., 18, 24 об., 25, 26 об., 77.
- ⁶⁰ Там же. Л. 3, 3 об., 7 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 23 об.
- ⁶² Там же. Л. 44.
- ⁶³ Там же. Л. 19, 25.
- ⁶⁴ Там же. Л. 38 об., 77, 103 об.; Д. 56. Л. 204.
- ⁶⁵ Там же. Д. 22. Л. 9 об., 17, 27, 29, 79 об.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 21.
- ⁶⁷ Там же. Л. 45; Д. 35. Л. 1.
- ⁶⁸ Интересно, что на заседании комиссии по приему аспирантов, состоявшемся 25 октября 1932 г., было отказано в приеме трем аспирантам, допущенным к экзаменам заседанием комиссии от 16 октября, в том числе А.Н. Львовой из-за достижения предельного возраста и Н.К. Кириллову, как не имеющему высшего образования. Но в итоге они все же были зачислены в число аспирантов (ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 24. Л. 12, 16; Д. 25. Л. 45).
- ⁶⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 35. Л. 25.
- ⁷⁰ Там же. Д. 21. Л. 30–30 об., 66; Д. 35. Л. 1–3; Д. 36. Л. 5–6.
- ⁷¹ Там же. Д. 35. Л. 27 об.
- ⁷² Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 60. Л. 31.
- ⁷³ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 25. Л. 45.
- ⁷⁴ Там же. Д. 35. Л. 25 об.
- ⁷⁵ Там же. Д. 21. Л. 30.
- ⁷⁶ Там же. Д. 24. Л. 24; Д. 35. Л. 37.
- ⁷⁷ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 22. Л. 78 об. –79.
- ⁷⁸ Там же. Л. 114–114 об.; Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 36. Л. 5–5 об.
- ⁷⁹ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 6–6 об., 32.
- ⁸⁰ Там же. Д. 25. Л. 52; Д. 35. Л. 59–60.
- ⁸¹ Там же. Д. 38. Л. 11.
- ⁸² Там же. Д. 57. Л. 29.
- ⁸³ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 72; Д. 109. Л. 30–30 об.
- ⁸⁴ Там же. Д. 109. Л. 31–31 об.
- ⁸⁵ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–1 об.
- ⁸⁶ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 163. Л. 86–87.
- ⁸⁷ Так в тексте. В действительности речь идет о П.Ф. Ермолаеве.
- ⁸⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 38. Л. 12–12 об.

- ⁸⁹ ГИА ЧР. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–17 об.
- ⁹⁰ Там же. Д. 166. Л. 1 об.
- ⁹¹ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 22. Л. 76 об.
- ⁹² Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 24. Л. 47–51.
- ⁹³ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
- ⁹⁴ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 118; Д. 106. Л. 188.
- ⁹⁵ Там же. Д. 54. Л. 117.
- ⁹⁶ Там же. Д. 3. Л. 174 об.
- ⁹⁷ Там же. Д. 59. Л. 16–17.
- ⁹⁸ Там же. Л. 17–18 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 18.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.
- ¹⁰¹ Там же. Д. 14. Л. 11.
- ¹⁰² Там же. Д. 37. Л. 15.
- ¹⁰³ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 59. Л. 18–18 об.
- ¹⁰⁴ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 16. Л. 11–13.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 116 об.; Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 45. Л. 16.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 45. Л. 25.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 15.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 87–88.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 94–94 об.
- ¹¹⁰ Библиографический указатель трудов Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (1930–1979). Чебоксары, 1980. С. 32.
- ¹¹¹ ГИА ЧР. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 12. Л. 3–3 об., 44.
- ¹¹² Там же. Л. 63.
- ¹¹³ Там же. Д. 45. Л. 27.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 671. Л. 81–88; Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 45. Л. 27–35.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 115 об.; Д. 59. Л. 29 об.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 18; Д. 59. Л. 26–28.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. Р-1515. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 54. Л. 117 об.
- ¹¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 176.
- ¹²⁰ Там же. Д. 56. Л. 8.
- ¹²¹ Там же. Д. 65. Л. 1.
- ¹²² Там же. Д. 58. Л. 29.
- ¹²³ Там же. Д. 65. Л. 1.

Ye.V. Kasimov

CHUVASH COMPLEX RESEARCH INSTITUTE: FROM CREATION TO REORGANIZATION (1930–1933)

The article considers the activities of the Chuvash Complex Research Institute, formed in August 1930 and reorganized after three years into several independent research institutes. Primarily the problems and difficulties encountered in organizing the main scientific center of Chuvashia are shown.

Keywords: Chuvash ASSR, Chuvash Complex Research Institute, studies of the Chuvash, postgraduate studies.

УДК 39(=512.111)

ЧГВ, 2018 г., № 13

© Г.Б. Матвеев

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧУВАШЕЙ В КОНТЕКСТЕ УРАЛО-АЛТАЙСКОЙ МИФОЛОГИИ: МИФЫ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МИРА

В статье предпринята попытка реконструкции традиционного мировоззрения чувашей о возникновении мира. Проанализированы чувашские мифы, легенды, предания, заговорные формулы и другие тексты.

Ключевые слова: сотворение мира, демиурги, верхний, средний и нижний миры, космические опоры, первые люди.

В настоящей статье преследуется цель изучить чувашские мифы о возникновении мира в аспекте их сопоставления с мировоззренческими системами ряда тюркских и финно-угорских народов. Как подчеркивает удмуртский исследователь В.Е. Владыкин, религиозно-мифологические системы народов поволжско-приуральской историко-этнографической области в значительной степени представляют собой результат единства исторической судьбы, о чем свидетельствуют их историко-генетическая, стадияльно-типологическая близость, мощный общий пласт и многочисленные параллели: космогонические и этнологические мифы, принципы построения религиозно-мифологической картины мира и ее основные структурообразующие компоненты¹.

Как правило, мировоззренческие схемы соседних этносов или групп этносов оказываются весьма однородными. В то же время в их мировоззрении имеются свои особенности. Для урало-алтайского мира доминантными символами являются прежде всего такие элементы, как дерево, птица, водные источники, гора и другие реальные объекты.

Доминантные символы – зародыш Вселенной традиционного мировоззрения, ее семантическое ядро². Мифологическая картина мира нами

Георгий Борисович Матвеев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: matweev.georgij@yandex.ru.

понимается как образ Вселенной. В самом общем виде урало-алтайскую модель характеризуют как трехчастную (верхний, средний и нижний миры). В основе концепции космогенеза практически всех архаических народов лежит постулат о бинарно-тернарном устройстве мироздания, различные аспекты мифологической модели которого показаны в трехмерной пространственной связи³. Бинарное противопоставление при соотношении с центром образует более сложную тернарную структуру.

Представления о мироздании (космогония) претерпели длительную историческую эволюцию. В эпоху палеолита мир представлялся людям плоским и одноярусным. Модель мира как мировоззренческая целостность, как считают исследователи, оформилась в эпоху неолита⁴.

Воззрения о мире, его устройстве и структуре достаточно целостны и неразделимы. К примеру, об этом свидетельствует неразрывная связь «обитателей» разных ярусов, их взаимопроникновение, подвижность. Возникновение мира (*тёнче*) в мифологии обычно предстает как зарождение определенного порядка, обычая. Вместе с тем представления разных народов о начале мира достаточно противоречивы. Согласно архаическим воззрениям чувашей, разъединение первоначально скрытых в первородном хаосе слитных стихий огня и воды, земли и воздуха происходило самостоятельно, без какого-либо вмешательства демиургов⁵.

По поверьям чувашей, земля, вода и небо первоначально не были отделены. Они были смешаны, везде была мгла⁶. В миропонимании древних чувашей хаос описывается как диффузное состояние первоэлементов – смесь стихий огня и воды – *вут-шыв* (вариант: стихия огня в воде мирового океана – *шыври вут*), воды и суши, воды и воздуха: «во времена начала Вселенной огонь и вода находились постоянно в смешанном друг с другом состоянии. Ни огонь не мог разгореться, ни вода не могла потушить огонь», «давным-давно земля, вода и небо были нераздельно слитными», «изначально земля и вода едины», «первоначально земля находилась под водами», «в первое время на свете были только небо и вода», «под водами находилась земля, под землей горел огонь» и т.д.⁷ (тут и далее перевод наш. – Г.М.). Имеются и другие сюжеты, маркирующие хаос: вначале была только вода, над ней было небо; безбрежное море-хаос в бурлящем состоянии. В мифах чувашей остатки водоемов клишируются в качестве бывшего первородного хаоса.

Одним из характерных является сюжет о том, что Вселенная осталась после всемирного потопа: *Сут тёнче талайран пулнӑ* «Белый свет возник из *талай*»⁸. В частности, в чувашских мифологических песнях содержится идея образования нынешнего мира от *талай*, то есть после потопа: *Талайран та юлан сут тёнче, пирёнтен те юлӑ сав тёнче* «Со времен *талай* оставшийся белый свет, и после нас останется этот свет»⁹.

Вода в мифологии многих народов мира – «первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса»¹⁰. В качестве символа, маркирующего хаос, в башкирской мифологии представлена водная

стихия, которая в эпосе «Урал-батыр» указана как море – *дингез*. Вначале, до водного хаоса, не было ничего, кроме мглы – *монар*. В ней появляется туман, облако, что превращается в мировые воды¹¹. Первоэлементом, из которого появилось все многообразие окружающего мира, предки балкарцев и карачаевцев, подобно многим народам, считали воду¹², в мифологии ногайцев первичным материалом для создания мира служат вода и огонь¹³.

«Летала над бескрайней водой *утко-ч'бж*», «тогда ничего не было, кроме тумана» – такими сюжетами начинается большая часть мифотворения коми-зырян¹⁴. В качестве первоосновы мира в мордовской мифологии выступает вода – среда, содержащая в себе зародыш земли. В этом смысле она воплощает собой женское начало¹⁵. Вода в представлениях древних удмуртов ассоциируется с низом (враждебным человеку миром) трихотомической структурной схемы космоса¹⁶.

В чувашской мифологии вода может отождествляться с землей как воплощение женского начала – *сёр-шыв* «земля-вода». Нижний мир выступает как остаток первородного водного хаоса, находящийся под земной твердью. Основные параметры модели мира представлены мифами о сотворении мира. Первоначальный хаос сменился периодом сотворения элементов мироздания от космического до профанного. Вначале мир по космологической схеме представлял нерасчлененное единство, спустя некоторое время разделился на сферы¹⁷. В наиболее архаических чувашских мифах Вселенная изображается как нечто самовозникающее и саморазвивающееся: разъединение стихий огня и воды, земли и воздуха происходило самостоятельно, без вмешательства творца¹⁸.

Мифы о птице, ныряющей и достающей землю со дна первичного мирового океана¹⁹, распространены у всех народов Урало-Алтая. Данный мифологический сюжет называют «урало-алтайско-американским»²⁰. У чувашей имеется много мифов о выделении первоэлемента суши из недр воды. Акт сотворения суши, как правило, осуществляется демиургами. У истоков будущего мира помещается пара, неразличимая двойца (братья, близнецы, супруги). Обычно это два антагонистических персонажа в зооморфном или антропоморфном облике: две водоплавающие птицы, два антропоморфных божества, осмысливаемые как братья или близнецы. Наиболее архаичными считаются орнитоморфные демиурги-близнецы, эти образы зародились, по-видимому, в каменном веке. Зарождение мифов о первотворении одни исследователи относят к палеолиту, другие – к неолиту²¹. В чувашских текстах, хотя и опосредованно, прослеживается мысль о птицах-демиургах как о первопредках (в этой роли выступают утка, лебедь, орел, голубь). Две водоплавающие птицы или два голубя ныряют и вылавливают из мирового океана первоэлемент суши и неба, устанавливают космическую опору – земную твердь²². Общим для ряда тюркско-монгольских народов является сюжет их родства с лебедем. Спектр «взаимоотношений» людей с этой птицей довольно разнообразен, но в нем явно домини-

рует тема «лебедь-предок». Почитание лебедя-прародителя отмечено у многих групп саяно-алтайских тюрков и якутов²³. Таким образом, птицы обладают разными функциями – могут быть демиургами, тотемными предками, культурными героями, божествами.

По одной из версий сотворения Земли, ее создала маленькая птица, которая трижды доставала клювом ил со дна воды, ил затем разросся и превратился в сушу. Подобный сюжет, как показали исследования, имеет позднее происхождение²⁴.

У восточных финно-угорских народов в первобытный хаос чаще всего порядок вносит водоплавающая птица (гагара, нырок, чирок, утка и т.п.). Утка – праматерь космогонических демиургов – прилетает с небес, то есть из небесного океана, из своего «утинового гнезда». Ее роль в мировоззрении финно-угров очевидна с древнейших времен, об этом свидетельствуют данные археологии. Образ такой птицы как бы воплощает собой единство трех начал: земли, воды, воздуха. «Мир утки» являлся матрилокальным «бытием», бытием космогонической праматери. Очевидно, понятие *кавапомыш* «пазуха неба» по своему происхождению связано с представлением о небе как образе небесной праматери²⁵. В обрядах удмуртов утки/лебеди выступают в качестве посредников между людьми и богами (небом-землей-водой)²⁶. Образ великой птицы *Иненармунь* в древнемордовской мифологии преимущественно наделен ролью создателя объектов Вселенной, природы, космических сил²⁷. Утка является демиургом и для тюркских народов. У алтайцев *Эрлик* в образе утки, в башкирской мифологии первая утка *Ульген*, владыка верховного мира, по повелению *Ак эне* – Белой матери – творят мир²⁸. Со временем древние воззрения трансформировались: в качестве творца стали представлять владыку Вселенной – верховного бога. Он сотворил великую птицу и повелел ей нырнуть на дно мирового океана. Бог укрепил землю на спинах трех рыб²⁹.

Наиболее древним образом, породившим Вселенную, чувашаи считают *Ама* – мать. В чувашских молитвах она упоминалась как богиня-праматерь всего мира: *Эй, пётём тёнчене суратнă Ама! Санран пулни пурте усăллă, пурте аван, саванна эфир сана яланах тивёслипе чўклетпёр* «О Мать, сотворившая Вселенную! Все, что от тебя произошло, полезно и хорошо; поэтому мы всегда по-должному приносим тебе жертвы»³⁰.

Образ *Ама* упоминается, очевидно, в таких формах, которые происходят от *Ама*: *Сут тёнче* (+ *амăшĕ*) – «мать светлого мира», «светлый мир»; *Сут санталăк амăшĕ* – «мать света (Вселенной)»³¹. Данный образ эволюционировал, позднее стал известен, вероятно, под названием *Кене*, ее называют супругой (либо матерью) *Турă*. В одном из текстов держателем Вселенной выступает богиня – *Тёнче тытан тори Кене*, которой в качестве жертвы посвящали коня, впоследствии – быка³². Близки к *Ама* алтайский и угорский персонажи *Умай* и *Калтац*. Согласно текстам рунических надписей, *Умай* является супругой Божественного неба *Тенгри*. В позднейшей традиции *Умай* – покровительница деторождения. По пред-

ставлениям хакасов, *Умай* и *От идже* «хозяйка огня» – сёстры. Примечательно, что в этнографических материалах *Умай* не связана с братьями близнечного мифа *Ульген* или *Кудай* – верховными небесными божествами. В мифологии манси *Калтац* выступает как супруга или сестра верховного бога *Нуми-Торум*. Богиня-мать и у алтайцев, и у угров связана с огнем³³. Следует отметить, что и в чувашской традиции образ матери божества *Вут ама* /*Вут амăшĕ* /*Вутăмти* в молениях наделялся эпитетами *аслă* «великая, старшая» и *ырă* «добрая», ей посвящали жертвоприношения, свой домашний огонь (*вут*) передавать другим либо получать его от чужих запрещалось³⁴.

Культ *Турă*³⁵, как полагал Н.И. Ашмарин, вытеснил собой почитание *Ама* или поставил ее на второе место (*Турă амăшĕ*). Если *Турă амăшĕ* легко заменила *Ама*, то именно потому, что *Турă*, первоначально движущийся небесный свод, был порождением матери Вселенной *Ама*, почему она и могла быть названа его матерью без нарушения старинных «языческих» воззрений³⁶. Следует отметить, что и в текстах орхонских стел (древнетюркский рунический памятник) названы лишь три персонажа – *Тенгри* (> чув. *Турă*), *Умай* (> чув. *Ама*)³⁷, *Бдук Йер-Суб* (> чув. *Ўёр-шыв*)³⁸. Древние тюрки упоминали *Умай* вместе с именами божеств неба, воды и земли³⁹. Культ *Умай* охватывает значительно более древний и широкий круг представлений, чем тот, который относится к собственно *Умай* как антропоморфному божеству. Древнечувашское божество *Ама* имеет генетическое родство с божеством других тюркоязычных народов *Умай* «светлое женское божество небесной сферы; добрая, чистая дева; покровительница детей»⁴⁰. С.В. Иванов отмечал, что функции покровительницы детей, приписываемые ей, у алтайских народов более позднего происхождения⁴¹. На более ранних этапах образ *Умай* – *Ама* был связан с представлениями о великой созидательной и жизненной силе, пребывающей на небе. Вероятно, в древних мифах она представлялась в образе птицы, в частности утки-небожителя: *Ылттан кăвакалăн сунатти кăвак пĕлет хушинчен курăнать*⁴² «Крыло золотой утки видно меж синих небес». Аналоги имеются в мифах ряда тюркских народов, в частности азербайджанцев. В одном из таких мифов говорится, что земля полностью погружается в воду. Бог создает одну птицу, называет ее *Умай*, поручает ей лететь над водой и проследить, где вода убыла, а где прибыла. Она встретила зеленый остров, на котором выросло дерево. На этом дереве *Умай* свила гнездо⁴³.

Как полагает марийский исследователь Ю.А. Калиев, в архетипе, очевидно, существовала лишь пара: мать и сын (*Турă амăшĕ* и *Турă*), у марийцев – *Юмынава* и *Юмо*. В архаичной по смыслу поговорке марийцев *Ава – кава* «Мать – небо» обнаруживается небесная статья матери (видимо, матери *Юмо*). Однако вмешательство *Ама* носит опосредованный характер. В космогоническом мифе она также не является соучастницей акта творения мира (земной тверди). Все это свидетельствует о ее пребывании за пределами мифологической картины мира. Она лишь задает импульс,

тем самым создавая основу для жизнедеятельности и дальнейшего «развития действия»⁴⁴.

Мысль о том, что сотворение мира началось с движения с осознанной целью, при котором в качестве демиургов выступают голуби, выражено в космогоническом фольклорном тексте коми. Предыстория сотворения мира начинается с их движения навстречу друг другу⁴⁵. В чувашских текстах *Турӑ* и в особенности *Шуйттан* иногда представляются летающими над первичным океаном, ныряющими на дно океана, обладающими свойством превращаться в водоплавающих птиц и т.п., персонифицирующих доброе (*Турӑ*, *Пӱлӗх*) и злое (*Шуйттан* /*Усал*, на позднем этапе – *Киремет*) начала.

В марийских мифах о сотворении мира в первой части демиург *Юмо* представлен в орнитоморфном облике, а в антропогоническом мифе прослеживаются черты антропоморфизма. Марийский вариант уральского космогонического мифа (миф о ныряющей птице) представляет собой более позднюю разновидность мифа. В космогонической версии оба имеют облик уток, то есть выражают версию близнечного мифа. Это типичный миф о близнецах-антагонистах и представляет явление позднего порядка. Изначально демиурги не имели четких оценочных характеристик⁴⁶.

Демиурги, вначале нейтральные по отношению друг к другу, превращаются в антиподов. Одна из птиц искажает идеальный ландшафт новой земли, или один из богов неудачно вмешивается в процесс творения – этот мотив воспроизводится в разных частях урало-алтайского мира. Так, к примеру, обозначается в мифологии угров и алтайцев «вражда» двух творцов *Нуми-Торум* и *Куль-Отыр*, *Ульген* и *Эрлик*. В паре демиургов у каждого своя роль, необходимая для сотворения полноценного мира. В мифах говорится об «изгнании» одного из демиургов, о низвержении его в преисподнюю. По сути, речь идет не о поражении одного и победе другого, а о «разделе» мироздания, о механизме «разворачивания» Вселенной из некой точки. Этой точкой было двуединство творцов, а их разлучение есть способ обрисовать распространение мира, обозначить его пространственные и семантические полюса. За внешней интригой мифа («ссора творцов») сокрыт механизм космогонического акта. Взаимоотношения демиургов сначала трактуются как близость, а затем как расхождение. Их разрыв неизбежен, так появляется место для среднего мира⁴⁷.

Этот сюжет распространен в чувашских мифопоэтических текстах. Старший из помощников бога *Шуйттан* перестал подчиняться *Турӑ*, он сам желал быть хозяином Вселенной. После того как помощники *Турӑ* – *Пирейити* – не сумели достать ил со дна океана (моря), *Шуйттан* предложил свою услугу, обещав достать первоэлемент суши. *Турӑ* позволил ему нырнуть, *Шуйттан* достал ил и выплюнул в ладонь *Турӑ*. Бог рассеял его на воде; там, куда ил упал, образовалась суша и начала разрастаться. Бог заметил недостаток суши, утаенной *Шуйттан*⁴⁸. Вначале поверхность суши была ровной, все хвалили *Турӑ*. *Шуйттан* был недоволен тем, что его

никто не упоминал, хотя он вытащил первоэлемент суши. *Шуйттан* придумал, как сделать, чтобы люди его вспоминали. Он льстил *Турь*: «Никто не вспоминает тебя, что ты сделал землю ровной, вели образовать горы. Тогда люди будут тебя вспоминать при подъеме в гору, чтобы бог помог. Когда будут спускаться, люди будут вспоминать *Шуйттан*, чтобы остановить лошадей». Бог принял совет, так образовались горы и холмы⁴⁹.

Оценочное отношение к сакральной персоне демиурга включает в себе идею раскола. Разрушение целостности мифологической картины мира прослеживается и в других мифах. В начале сотворения мира *Турь* и *Шуйттан* выступают братьями, соответственно, *Турь* – старший, *Шуйттан* – младший. *Турь* решил создать мир, для чего превратил брата в утку, чтобы та достала ил со дна моря. В третий раз *Шуйттан* вытащил ил. *Турь* взял его, подул на него, расширил и сделал сушу. Утаив часть ила, *Шуйттан*, чтобы самому сотворить сушу, выплюнул ил на землю *Турь*, у него произошли горы⁵⁰. Функции космических демиургов были перенесены на *Турь* и его антагониста *Шуйттан* под воздействием мировых религий – мусульманства и христианства⁵¹. По мнению исследователей, идея о сотворении мира верховным существом начинает утверждаться среди «алтайских» народов лишь в монгольскую эпоху (XIII в.)⁵². Так, по представлениям ногайцев, мир (небо, солнце, луну, землю) создал творец – *Кудай*. Он вскипятил с помощью огня воду, образовавшаяся пена была использована для сотворения земли: вздутия ее образовали горы с предгорьями, ущельями и долинами⁵³.

Мир / *Донья*, по представлениям древних башкир, создается в ходе непримиримого состязания двух родных братьев, которые и выступают создателями-демиургами. Первоначально *Урал* и *Шульган* были нейтральны друг к другу, но с развитием событий борьба двух братьев принимает непримиримый характер. *Урал* – символ светлого, *Шульган* (старший брат, олицетворение хаоса) – темного, вредоносного⁵⁴. Изначальная нейтральность демиургов подчеркивается в большинстве записей о космогонических воззрениях. По этой причине они называются «братьями», например, у коми «братом старшим (*Ен*) и братом младшим (*Омоль, Куль*)»⁵⁵.

Мифы более позднего времени о сотворении суши у чувашей, мордвы и удмуртов почти идентичны. Так, по данным мордовской мифологии, когда на местную традицию наложились воззрения, берущие начало в иранской дуалистической мифологии, место великой птицы занял *Шайтан*, возникший из плевка или удара жезлом бога-демиурга. При доставании со дна мирового океана *Шайтан* утаил во рту часть ила. Когда по велению демиурга земля стала разрастаться на поверхности океана, увеличилось и количество утаенного ила. Выплюнув его, *Шайтан* создал горы и неровности почвы⁵⁶. Удмуртская мифология творение среднего мира трактует так: *Керемет (Шайтан)* в дуалистической космогонии, противостоящий *Инмар*, был послан им на дно первичного океана за землей. Эти мифы более поздние, тогда как в более древнем варианте – селезень, гагара⁵⁷.

В чувашских текстах представлены варианты сотворения суши из хаоса в результате заквашивания мирового океана демиургом *Турӑ* и его помощником *Пулӑхсӗ*: «Они решили создать небо и землю. По велению бога вестник вылил в воду закваску, земля начала твердеть. *Шуйттан*, наблюдавший за этим, напустил сильный ветер, земля затряслась, образовались горы, холмы, неровности»⁵⁸; «...в начальное время земля находилась под водой. *Турӑ* зачерпнул из-под воды горсточку песка и замесил из него закваску и положил ее в воду. Вода стала свертываться, и в течение сорока дней образовалась земля»⁵⁹. *Турӑ* сотворение суши производит с помощью большого ковша с длинной ручкой⁶⁰. Первородный водный хаос «заквашивается» молочной закваской, что, возможно, указывает на зарождение этого мотива в эпоху, когда основным занятием предков чувашей было скотоводство⁶¹.

В башкирском эпосе «Урал-батыр» *Урал* с помощью волшебной сабли или посоха смешивает водный хаос, возникает суша, подобно сбиванию масла из молока. В этом сюжете эпоса также просматривается известный в мифологии мотив пахтанья⁶². В архаичных тюркских эпосах часто фиксируется так называемый миф о пахтанье – творении мира, которое описывается как «время, когда мешалкой делилась земля, время, когда ковшом делилась вода»⁶³.

Реже встречаются мифы, которые повествуют о том, что жизнь началась на суше в связи с появлением воды. В предании «О канюке» говорится: «При сотворении мира на земле совсем отсутствовала вода. Все обитатели земли страдали от нехватки воды. Они питались дождевой водой». Воду достала канюка⁶⁴.

Более поздними по происхождению, имеющими библейское толкование, являются чувашские мифы о развитии Вселенной из мирового яйца. В частности, встречается мотив происхождения неба и земли из верхней и нижней половинок золотого мирового яйца, а солнца – из его желтка. Имеется миф о возникновении Вселенной и пантеона божеств в результате акта оплодотворения демиургом: «Сначала *Турӑ* создал воды и бросил в них семя. Семя это превратилось в блестящее, как золото, яйцо. После того как оно было оплодотворено и морские волны его разбили, появились небо и земля. *Турӑ* имел два начала – мужское и женское. Соединив мужское начало с женским, он произвел дочь, та – низшие божества»⁶⁵.

Смыкание языческого мифа с библейско-кораническим установлено на карачаево-балкарском материале. Лебедь, нырнув в океан, достает землю со дна (древний миф), из раковины, оставшейся при этом на земле, выходит первая человеческая пара (вариант: лебедь сносит яйцо)⁶⁶.

В мифопоэтических текстах содержится также версия происхождения Вселенной от солнца, которая, очевидно, относится к древним астральным мифам. Солнце, характеризуемое в качестве антропоморфного демиурга, сотворило *Хӗвел турӑ* – божество солнца, *Уйӑх турӑ* – луну, *Сӗр ашиӗ* – землю⁶⁷. Согласно башкирскому эпосу «Урал-батыр», до того, как

в водном хаосе появилось *бер урын* (некое место), над этим безбрежным морем-хаосом оказывается царь птиц по имени *Самрау*⁶⁸, который находит себе пару – Солнце/ Луну – и женится⁶⁹.

Одним из важнейших актов творения представляется создание космической опоры теми же демиургами, которые производили акт вылавливания первоэлемента суши и неба из мирового океана⁷⁰. Среди мотивов, связанных с поддерживающими землю опорами, выступают рыба, кит, бык, черепаха, дракон, змея. Они интегрированы в сюжеты о добывании земли со дна моря. В частности, мотивы рыбы, по мнению исследователей, «вполне укоренены в местной мифологии» у бурят, ненцев, чувашей и не могли быть заимствованы от русских⁷¹. У алтайцев также землю на рыбах основывает *Ульген*. Согласно чувашской космогонии, бык (*вӑкӑр*) является земной опорой вместе с рыбой: земной шар покоится на быке, который располагается на рыбе, та в свою очередь – на воде. Установлено, что схема космологической опоры «земля на быке, бык на рыбе», имеющаяся в мифологии чувашей, казанских татар (земля на роге быка, бык на усе рыбы)⁷², турок (земля покоится на рогах желтого быка, под быком рыба, еще ниже – море)⁷³, удмуртов (под землей живет черный бык, который стоит на спине рыбы, плавающей в подземном море)⁷⁴, формировалась на пространстве между Ираном, Индией и Южной Сибирью. Хтоническое рыбообразное чудовище в иранской, индийских и южносибирско-монгольской традициях не находится в оппозиции к представителям верхнего мира⁷⁵. Такой образ, в частности, зафиксирован у огузов. Арабский географ XII в. аль-Идриси рассказывает, что у огузов, живших поблизости от Хорезмского озера, существовало представление о таинственной большой рыбе, которая появляется в глубине вод в виде человека или же летает над водой⁷⁶.

Сюжет о том, что «земля (*Сёр*) держится на быке» или «на одном роге быка, когда этот рог устает, бык передвигает землю на другой рог, вследствие чего возникает землетрясение», имеет параллели в мифах башкир (мир стоит на буром быке, и, когда тот устает и шевелится, земля сотрясается)⁷⁷, гагаузов (земля покоится на роге желтого (*сары*) быка, и, когда он перебрасывает ее от усталости на другой рог, происходит землетрясение)⁷⁸, карачаево-балкарцев (земля держится на трех быках, когда они устают стоять неподвижно и начинают переминаясь, происходят землетрясения), удмуртов (бык держит на своих рогах землю, двигая рогами, сотрясает ее)⁷⁹ и др.

Встречается повествование о многоглавом змее, являющемся опорой как для воды, так и для земли (*Сёлен сёрпе шыва тытат тет*)⁸⁰.

Горизонтальная космологическая модель мира, представленная в мифологии чувашей в виде четырёхугольного плоского пространства, окружённого морями, вряд ли имманентна в собственно тюркской мифологии. Эта модель, известная в Центральной Азии и Сибири, имела самое широкое распространение в примитивных и развитых обществах древности. Она

нашла отражение в орхонских надписях и свидетельствует о многообразии культурных связей древнетюркского общества⁸¹.

Мифическая первогора в древних чувашских мифах представляется самозарождающейся, самоорганизующейся или изначально организованной субстанцией. Первой из водной пучины появилась мать-гора – *ама ту*, на ее вершине выросло мать-дерево – *ама йывăс*. Вселенная начиналась с мировой горы, обычно конкретизируемой как остров посреди моря⁸². Мифологическая гора (дерево, столп) «заключает в себе идею центральной надземной вертикали, в пределе – достигающей неба (вершина мировой горы совмещается с небесным центром)», она выступает как «промежуточное звено между абсолютным космическим “верхом” и “низом”»⁸³. В чувашском наговоре от болезней знахаря-йомзи в обряде так описываются образы мировой горы и мирового древа: «В восьмиугольной Вселенной 88 морей, посреди 88 морей золотой остров. На золотом острове золотая гора. На золотой горе золотая ограда. В золотой ограде... дуб-дерево, у этого дерева семь корней. Семь корней, говорят, доходят до преисподней. У этого дуба золотой ствол, золотой ствол, говорят, уперся в седьмое небо. У этого дуба восемь ветвей, восемь ветвей уперлись, говорят, в восемь углов (среднего мира)»⁸⁴. Таким образом, образ мирового древа представлен как тройное членение мирового древа по вертикали (ветви – ствол – корни). Данный сюжет обобщен исследователями по материалам Урало-Алтая⁸⁵.

Такие образы, как «земное отверстие» и «мировой столб», являются распространенными как у тюркских, так и среди финно-угорских народов. Данные образы исследователи считают равнозначными и служащими для обозначения центра мироздания⁸⁶. В чувашских мифах утверждается, что при создании земли *Турă* прорубил в восточной части неба дыру, подул в нее и небо поднялось ввысь, затем большим ковшом на длинной ручке зачерпнул из воды густой ил и положил под край неба. Там образовалась гора.

На мировом древе, на его вершине, находятся птицы, являясь принадлежностью верхнего, небесного мира, и в таком качестве они противопоставлены существам нижнего, подземного мира, прежде всего змее. Птицей мирового древа в каждой конкретной мифологической традиции выступает наиболее «царственная» птица, часто орел, иногда обобщенный образ – большая, «главная» птица. Мифологема птицы на вершине мирового древа широко распространена в волшебных сказках огузов, в частности, наблюдается в турецких сказках⁸⁷.

Мировое древо, встречающееся в ряде жанров чувашского устного поэтического творчества, чаще всего фигурирует в центре круглого озера, на его вершине имеется золотое гнездо, в котором пребывает золотой орел либо другая птица (в тюркской мифологии орел является главной птицей, символом солнечной небесной силы, огня, бессмертия). Из снесенных великой птицей яиц, согласно космогоническим представлениям, продолжится творение мира. В сюжетах чувашских заговорных текстов мировым

древом выступают выросшие во времена сотворения мира на вершине горы дуб (77 дубов), сосна (в лесу либо в середине моря), тополь либо столб (в середине земли или 77 степеней, или в центре озера в степи, или 77 морей, или на острове в середине моря, или на высокой горе (77 гор, морей, островов), или на небе, или в середине гумна (в варианте, где моделью мира служит дом, усадьба). На верхушке столба в гнезде на золотом яйце сидит птица – орел, утка либо кукушка⁸⁸. Столб объединяет все три яруса модели мира – верхний, средний, нижний.

Центр мироздания (очевидно, *тёнче кавани* «пуп Вселенной») отражен в текстах заговора от сглаза. Пример: «В середине степи круглое озеро, в середине круглого озера золотой столб (мировая ось), на вершине золотого столба золотая тарелка (гнездо), на золотой тарелке золотая птица (ласточка-демиург)». Круглое озеро ассоциируется с молочным озером, ласточка-демиург – с богиней *Ама*. Молочное озеро в алтайской традиции является владением *Умай*. В алтайской модели мира рядом с этим озером помещается другой сакральный объект – священное дерево, чаще всего береза⁸⁹.

В качестве великой птицы выступает также кукушка: «В середине степи круглое озеро, в середине круглого озера серебряный столб, на серебряном столбе золотая кукушка». Золотые кукушки, благодаря пению которых расцветает земная жизнь, – традиционные персонажи южносибирского фольклора⁹⁰. Этот же образ птицы-матери можно видеть в заговорных формулах, где *Турй* представлен властителем мира⁹¹: «У верховного бога золотое море⁹², в середине золотого моря золотая утка, в середине золотой утки золотое яйцо»⁹³.

Космические опоры отразились не только в древних заговорных формулах, но также в некоторых других фольклорных текстах – свадебном наговоре старшего дружки (*саламалик*), мифологических песнях. Примеры: золотой столб (мировое древо или мировая ось), на котором сидит золотая утка с золотым яйцом; либо она располагается в середине золотого воздушного (небесного) моря – *ылтйн тинёс* (оно принадлежит *Турй*); либо на золотой горе на золотом озере. Золотая (серебряная, медная) утка представляется демиургом или богиней *Ама*. Центр мира может быть обозначен островом 77 морей – первоосновы мира, либо представлен высокой горой (в значении «мировая гора»)⁹⁴. Остров, очевидно, иллюстрирует сотворенную демиургом первичную сушу, золотой столб – мировое древо, на котором – пестрая кукушка (демиург). Сохраняется традиционная дихотомия «мать – сын» (пример: в середине столба золотая курица, в ней золотое яйцо⁹⁵).

В чувашских мифологических песнях, как правило, изображены образы сакрального центра: «На широком лугу да круглое озеро, вокруг... мы же стоим да словно птицы»⁹⁶. Участники хоровода представляют себя великими птицами, создающими мироздание. Мировое древо находится в священном месте на мировой горе – центре космоса («на высоких горах

да семь берез, среди семи берез один дуб»), который чаще других деревьев отображает мировое древо⁹⁷.

К космогоническим мифам восходит сюжетно-поэтический комплекс, включающий в себя цепь мифологем: темный лес, в нем находится озеро, посреди озера – золотой столб, на вершине которого – волшебная птица, она поет, и от этого мир сотрясается⁹⁸. Мир и порядок установлены, птица торжествует. В песне золотой столб может предстать в облике дерева, мифическая птица – утки, обычной кукушки, соловья. В качестве мировой оси выступает столб, на котором сидит орлица-демиург⁹⁹. Сотрясение мира вызывают действия птицы необыкновенно больших размеров, крылья которой у облаков. Вариант, где демиургом является жар-птица, является заимствованным из русского фольклора¹⁰⁰.

Вершина ярко освещенной мировой горы является местом обитания высших божеств – это отразилось в мифологической поэзии:

<i>Йӓлтӓр-йӓлтӓр кӓленче ту,</i>	Сверкающая стеклянная гора,
<i>Сав ту синче иккӓн пур:</i>	На той горе двое пребывают:
<i>Пӓри Турӓ, тепри – Патша.</i>	Один – Бог, другой – Царь.

На вершине мировой горы текут медовые реки: «Высокие да высокие горы есть, шербетом текущие места есть»¹⁰¹. На мировой горе обитает небожитель-олень, о чем говорят строки из гостевой песни: «Для чего создана высокая гора? Чтобы валяться олененку»¹⁰².

В верхнем мире есть шелковые связки-охапки, видимо принадлежащие женскому божеству-пряхе: «На верхушке золотого столба шелковые связки ветром колышутся»¹⁰³. В марийской мифологии *Юмынӓдыр*, первый антропологический образ в полотно астральной модели верхнего мира, восходящий к образу праматери, прядет пряжу; ее прялка *каваменге* – небесный столб, ось мира, а веретеном служит звезда (образ встречается в заговорах и заклинаниях). Она приводит в движение весь мир¹⁰⁴.

В мифологии угров, селькупов, в эпосе алтайских тюрков на вершине священного дерева, маркируемого как мировая ось, помещается птица, в корнях – змеи¹⁰⁵.

Высокий густолиственный дуб у гуннов и сабиров представлялся мировым деревом, соединяющим с Тенгри-ханом¹⁰⁶. Культ Тенгри-хана,ладыки верхнего мира, сопровождаемый поклонениями его символам и ипостасям – солнцу (*Куар*), луне, «громам небесным», высоким деревьям, «кумирам» – и был центральным культом в царстве Алп Илитвера. Этот культ до деталей совпадает с тем, что известно о поклонении Тенгри (небу) у древнетюркских племён Центральной Азии и Сибири. Так же как кавказские гунны, тюрки VI–VIII вв. совершали регулярные жертвоприношения небу в священных горных лесах и «пещере предков». Вместе с небом почитались небесные светила – солнце и луна¹⁰⁷.

По сути, мировое древо обозначало космический центр и, подобно горе, было носителем порождающего начала. Именно поэтому в фольклор-

ных текстах дерево уподоблено матери или отцу¹⁰⁸. В мифологии татар модель мира конструировалась вокруг образа мирового дерева *яфанагачы*, который отождествлялся с одиноко растущим священным дубом *тәре* – «деревом Тенгере». В образе священного дерева отразилось представление о «пупе земли»¹⁰⁹. В представлении башкир это чудесное огромное дерево с семью ветвями соединяет земной мир с небом, которое поддерживается его вершиной, и с подземным миром, куда оно уходит корнями. На верхней ветви дерева находится дом солнца, ниже – дом луны. Дерево охраняется огромной птицей *Самрау* – орлом¹¹⁰. Мировое дерево, верхушка которого касается звезд, у тюркских народов Поволжья, Алтая и Средней Азии называлось *байтерек* / *байтирек* «священный тополь, священное дерево». *Умай*, как и *Калтац* у хантов и манси, традиционно связывается с березой.

На роль космического, мирового дерева у удмуртов могли претендовать ель, береза и сосна, их культ получил наибольшее развитие. Они устойчиво ассоциировались с триадой верховных божеств: у *Инмар* – сосна, *Куаз* – ель, *Кылдысин* (женский образ) – береза¹¹¹. У мордовского народа в качестве дерева, воплощающего универсальную концепцию мира, выступают дуб, береза, липа. На ветвях мирового дерева собираются боги, чтобы решать самые важные вопросы, касающиеся судеб людей и Вселенной. В его густой кроне великая птица свила гнездо, а из снесенных яиц продолжилось творение мира¹¹².

Переход к производящему хозяйству – к хозяйственно-культурному типу лесных скотоводов – во многом изменил и отношение к окружающему миру. Лось превращается в «небесного коня», северный грифон стал пониматься как «небесный баран», лебедь вообще исчезает из полотна астральной картины. Вместо него появляется «небесный бык»¹¹³.

В разных жанрах чувашского фольклора – заговорах, песнях девушек на посиделках, плаче невесты на свадьбе – птица (например, орлица) сравнивается с родной матерью. Распространенным является мотив превращения лебедя в невесту. В чувашской мифологии овдовевшая женщина со своими детьми превращаются в птиц – кукушек, ласточек, соловьев и др.

В образе большой невиданной птицы с человеческим голосом в мифе выступает дочь *Турӑ*, пасущая на земле скот, в которую влюбляется *Улӑп* (великан), проживающий на горе¹¹⁴. Образ пастушки – дочери бога – имеется у марийцев – *Юмынӱдыр* («небесная девушка»), она является покровительницей женщин.

В описании картины верхнего мира использовались не только две мифологические традиции (птицы и матери-прародительницы), но и третья составляющая – «линия матери и сына». В данном контексте представлена *Турӑ амӱшӱ* (*Мӱн турӑ амӱшӱ* / *Чун нӱрен турӑ амӱшӱ*) «Божья мать (мать Бога, дарующего душу)», которую воображали в образе старухи. Для сравнения: *Умай* у алтайцев также ассоциируется с сакральным верхом, санкционирующим появление новой жизни на земле.

В урало-алтайском мировоззрении мировая ось связывает все сферы мира, все противоположащие силы и образы. В космогоническом мифе концы мировой оси маркируются как «отверстия» (дыра в земле, сделанная хозяином нижнего мира, Полярная звезда и т.д.). Ось мира пронзает все слои неба и земли, она проходит через очаг и дымовое отверстие в жилище – так подчеркивается сакральность и равнозначность всех «отверстий» в структуре мира¹¹⁵.

Представление о трёх мирах – трихотомическом делении макрокосма на верхний, средний и нижний миры, между которыми распределены все живые существа, все боги и духи, – было известно как у тюркских, монгольских и тунгусских, так и у финно-угорских народов. Трихотомическая концепция дополняла существовавшие горизонтальные модели мира вертикальной моделью, и её создание отнесено к глубочайшей древности – к эпохе верхнего палеолита Сибири¹¹⁶.

Небесный мир тюрков сравнивается со слоеным пирогом: небо разделено на ярусы, заселенные звездами, божествами, светилами¹¹⁷. В представлении чувашей небо имеет семь слоев. Оно поднимается ввысь в течение семи дней и семи ночей, тем самым фиксируется семярусность верхнего мира. Верхний мир находится на седьмом ярусе, который, по верованиям разных народов, был такой же, как мир средний, но имел более разнообразную растительность и богатый животный мир. В мифологии башкир небо состоит из семи слоев. Седьмое небо – мифическое место, рай, где живут божества и безгрешные¹¹⁸.

Молочное озеро *сүт ак көл* в алтайской традиции является владением *Умай*¹¹⁹. Вероятно, с *Умай* сопоставим образ чувашской мифологии *Сёт кўлте выртакан Ырә амәшә* («мать святого, почивающего в молочном озере»)¹²⁰. Алтайцы верили, что это озеро располагается на третьем от земли слое неба, откуда небожители – великие создатели *Яючи* и *Яук* достают «жизненную силу» – душу для рождающегося младенца. По верованию чувашей, лебедь (образ богини-матери) живет у космического молочного озера *Сёт кўлә*. Во всех молитвословиях духи молочного озера упоминаются в числе добрых божеств светло-голубого неба, которым приписывались функции посредников между небом и людьми¹²¹. Мифологические представления о пребывании умерших на небе отражены и в древнетюркских источниках¹²².

Голубое небо представляется твердым. У чувашей небо и облако обозначаются одним словом – *пёлёт*. Первоначально небо называлось *кәвак* (тюрк. *күк*, *гөк*, *көк*), что сохранилось в понятиях *кәвак сүтти*, *кәвак хуппи*, *кәвак хушиши*¹²³. В других тюркских языках, в частности в туркменском, лексема *танры* (тенгри) полностью утратила свое второе значение «небо», и последнее передается в настоящее время именем прилагательным *гөк* «синий».

При раскрытии небесного свода (*кәвак хуппи*) сверху, говорят, падает камень¹²⁴. Согласно одному из мифов, *Турй* сотворил небо из камня¹²⁵.

Небо как часть космоса, именуемое в рунических текстах *kök tenri*, имеет в синхронных древнетюркских памятниках обозначения *kök* (*kök çyüysy* «небесная сфера»), *kök qalyq*, *qalyq* «воздух», «небесный свод», «ближнее небо»¹²⁶. Чуваша верили, что по мере роста мирового древа небо все выше поднимается над землей. Светила (солнце, луна и звезды) представлялись поставленными на небесной тверди¹²⁷. Небо (*күк*), по воззрениям татар-кряшен, твердое, является высочайшим существом, где царствовал *Күк Падишаһы*, которого называли также *Югарыгы Ходай* «Господь Всевышний» или *Күктәге Алла*.

Представления о *кавак хунни* (небесных вратах или своде), относящемся к астральному миру, в целом сходные у тюркских и финно-угорских народов. Так, удмурты полагали, что в небе иногда открываются особые двери, ворота (*ин дс*), тогда исполняются все земные просьбы людей¹²⁸. Подобные же воззрения существовали у татар¹²⁹. Выражение *тейри эшик* карачаево-балкарцы переводят либо как «Божеские врата», либо «небесные врата». Они открываются в любое время года, но только перед человеком с чистой, не запятнанной пороками душой¹³⁰.

Для урало-алтайской мифологии являются общими мифы об отделении неба от земли. Между небом и землей стоят созданные небом духи, за ними следуют земля, солнце, луна, звезды, горы, реки и все необыкновенное¹³¹. Предкам балкарцев и карачаевцев в весьма отдаленные времена небо *Кёк* представлялось морем (море – *тенгиз*, небо – *тенгир*). Мотив о браке земли и неба (бог неба – *Кёк Тейри*) – один из основных в карачаево-балкарской мифологии. В результате соития неба и земли появлялась растительность¹³².

Богом небо поднято ввысь за то, что женщина повесила на него плохо выстиранную пеленку. Вызвав гром и молнию (либо грохот), чистое небо ушло наверх¹³³. Из всех мотивов о поднятии неба данный сюжет является преобладающим. По мифам коми, женщина оскорбила хлеб и небо, до которого прежде можно было достать руками, тем, что вытерла ребёнку зад блином, который прилепила к небу. После этого из жизни людей исчезла чудесная, очень плодородная почва, а небо удалилось далеко от земли, ознаменовав этим окончание мифического времени¹³⁴. В новой мифологической картине марийцев, вытеснившей прежнюю, прослеживается отождествление *Юмо* с понятием неба или небесной тверди, об этом свидетельствуют пословицы, поговорки, загадки¹³⁵.

В верхнем мире, по воззрениям предков чувашей, главенствует солнце, которое почиталось как хозяин неба. Это антропоморфный образ (*этем пекех чёрё чунлй пулнй*), оно имеет мать и отца. В более ранних текстах солнце представляется в образе красавицы девушки (*чинер хёр*), в поздних – красавца парня (*сарй каччй*), являющегося братом Луны. К примеру, в пословицах и загадках солнце сравнивается с красной девицей, которая ходит по небу¹³⁶. Происхождение человеческого рода связывается с солнцем¹³⁷. В мифе отразился мотив смены хозяина неба: *Турй* превратил

Солнце в свою рабыню¹³⁸. Таким образом, являвшееся изначально рядовым божеством *Турӑ* с течением времени возвысилось над остальными божествами и возглавило пантеон.

В мифах урало-алтайских народов имеются повествования о семье солнца – оно наделено душой и имеет родителей. Согласно чувашским текстам, они живут на стороне заката и восхода солнца и кормят его молочными клецками или кашей¹³⁹. Солнце, как следует из мифов, поднимается с земли и спускается на землю. Его поднимают самые уважаемые мужчины из всех деревень и помогают спуститься, чтобы оно не разбилось¹⁴⁰. Символ солнца изображали у народов Урала и Алтая в виде утки, гуся, лебедя, оленя, коня. Возможно, эти связи отражает следующее воззрение: Солнце до полудня едет на быке, после полудня – на лошади, к вечеру – на птице¹⁴¹.

Тексты повествуют, что солнце и луна ушли наверх во времена великанов. По стадияльно поздним мифам, светила созданы *Турӑ*. Однако в заговорах преимущество осталось за солнцем: божество солнца *Хёвел амӑшӗ* называется первым, затем *Турӑ амӑшӗ*¹⁴².

Солнце и месяц изображаются родственниками – сестрами либо братом с сестрой. Луне приписывается женский образ: она является младшей сестрой солнца. В мифах большинства народов солнце считается женским началом (нередко это – мать-солнце), а месяц – мужским¹⁴³. В чувашской мифологии, как и в удмуртской, оно ассоциируется также с мужским образом (у венгров – отец), а месяц – с женским. Солнце, по понятиям крышен, существо одушевленное, имеющее, как и в мифологии чувашей, жену и детей, относится к числу второстепенных божеств или, по крайней мере, имеет своего особого бога, потому и называется Солнце-бог – *кояш Алласы*¹⁴⁴. Тексты и обрядовая практика показывают распространение среди чувашей и татар жертвоприношения белого коня – древнего символа солнца. У башкир *Кояш* – солнце; божество, женский персонаж; *Шунды-мумы* – мать солнца (божество, ответственное за то, чтобы солнце вовремя всходило и заходило, чтобы светило не сбилось с пути), она движется перед ним в виде некой черной чаши, указывая дорогу¹⁴⁵.

Свое почитание солнца тюрки объясняли тем, что *Тенгри* и его помощник *Кун* (солнце) руководят созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем. В китайских источниках, датированных VII в. н.э., отмечены такие культы тюрков, как культ солнца, культ предков, культ «духа неба», который в отличие от культа предков – достояние народа, а не вельмож, и культ горы. Надо думать, что под «духом неба» китайцы понимали именно *Кок Тенгри*¹⁴⁶. По мнению Л.Н. Гумилёва, одного из основателей научного направления о тенгрианстве, образ *Тенгри* – это солнечный свет¹⁴⁷. Не случайно отдельные исследователи находят общее в происхождении тенгрианства и зороастризма (солнцепоклонства) и связывают их генезис с древним Ираном и Тураном (современный Туркменистан). Исходя из этого они (в частности, туркмен-

ский исследователь М. Соегов) допускают мысль о том, что первичным богом гуннов (хуннов – предков огузов) служил *Гүн «солнце»*¹⁴⁸.

У марийцев *Кече юмо* – бог солнца, во время жертвоприношений к солнцу обращаются как к богине – матери солнца; *Тылзе ава юмо* – богиня – мать луны¹⁴⁹. Главенствующее положение в верхнем мире в удмуртской мифологии занимал *Шунды «солнце»*. Кроме матери солнца и матери луны, из небожительниц удмурты почитали также *Удыри мумы «мать грома»* и *Инву мумы «мать небесной воды»*¹⁵⁰. Картина мира, основанная на неподвижности Земли и на круговом движении Солнца над и под плоской Землей, просуществовала около 4 тыс. лет¹⁵¹.

Развитие культа солнца, судя по его изображениям на одежде, украшениях, утвари, на территории Поволжья, по данным археологических исследований, происходило в I тысячелетии до н.э. Антропоморфизация солнца начинается с раннего Средневековья. Сакральный образ луны наделен также антропоморфными чертами. Солярный орнамент, связанный с зооморфическими, геометрическими мотивами, приобретает символ оберега, выражает идею плодородия¹⁵².

В одном из сюжетов повествуется, что солнце и луна были одинаковыми светилами. В темную ночь луна сбилась с пути, долго плутала и, обессиленная, потеряла свою мощь. В другом сюжете злой дух разрушил их общий путь, звезды являются осколками их пути¹⁵³. Распространен миф о девушке с коромыслом и ведрами на луне, которая взяла ее к себе. Он был известен практически повсеместно в Евразии. Представляют особый интерес чувашский, татарский, башкирский, коми сюжеты о месяце, взявшем в жены девушку, вышедшую набрать воды. В одном из чувашских мифов в небо ее забрал *Турй*, в другом варианте луна сама притянула девушку с коромыслом, спасая от мачехи, наказавшей ей принести воды из родника, и злых духов, которые собирались украсть ее¹⁵⁴. В кряшенском мифе девушку-сироту притесняла злая мачеха, она и отправила ее ночью к источнику за водой, месяц, сжалившись, взял бедняжку к себе на небо, где видно, как она стоит с коромыслом¹⁵⁵.

Луна в сознании древних связывалась с жизненными актами рождения. Олицетворяя природу, предки считали, что луна, так же как любое живое существо, рождается, умирает, способна к размножению¹⁵⁶.

Чудовищем-пожирателем, которому приписываются враждебные действия против солнца и луны, является упырь – *Вунйр*¹⁵⁷. Это небесное явление карачаево-балкарцы объясняли тем, что луну хочет поглотить чудовище *Желмауз*¹⁵⁸. Видимо, образ связан с архаичными представлениями древнего матрилокального общества. Под тюркским влиянием у удмуртов появился миф о затмении солнца или луны, во время которого светила проглатывает злой *Убир*¹⁵⁹.

Мифологический космос представлялся постоянно создающимся, но незавершенным. В мифологических текстах сотворенный мир – это мир порядка, света, тепла, жизни. Так, согласно чувашским мифам, звезды вна-

чале не имели своего местонахождения, кружились хаотически, словно кипели. Бог каждой звезде определил точное место. В годовом календаре древних тюрков видную роль играло созвездие Плеяды – *Элкер* (тат. *Олкер*, алт. *Улькер*, хак. *Ўлгер*, якут. *Ўргел*). Другие названия созвездия – *Ала Ҷалтър* (тат. *Илэ Йолдыз*) «решето-звезда» и *Ҷич Ҷалтър* «семь звезд». У тюркских народов Сибири созвездие Плеяды представлялось в виде огромного змея, производящего изнуряющую жару или нестерпимую стужу. Данный мифологический сюжет был известен в Поволжье в болгарскую эпоху. У алтайцев, тувинцев имеется следующее сказание. Когда в созвездии было семь звезд, стоял страшный холод, затем одну звезду взяло созвездие *Долан-Бурхан* (Большая Медведица), и стало теплее. Похожий сюжет известен и среди казанских татар и чувашей¹⁶⁰. В устнопоэтическом творчестве этих народов созвездие трактуется как семь красавиц сестер¹⁶¹.

Один из мифов о Большой Медведице гласит, что в созвездии обратились замерзшие во время охоты два человека, пара их лошадей и три собаки¹⁶². У алтайцев и тувинцев такой сюжет имеется в легенде о происхождении созвездия Орион¹⁶³. Происхождение Большой Медведицы башкиры связывают с семью девушками, запрыгнувшими на небо, спасаясь от преследования царя дэвов; с семью волками, догоняющими двух коней, а также с ковшом, брошенным в небо Алпом¹⁶⁴. Татары и башкиры Большую Медведицу называют, как и чуваша, – «звезда-ковш» (*Алтър Ҷалтър*).

В архаических мифологических системах созвездия часто представляются в виде животных. Марийцы созвездие лося *Шордо Шудыр* отождествляли с созвездием Большой Медведицы. Ханты также называли ее «созвездием лося». У финно-угорских племен каноническое изображение лося встречается с неолитических времен¹⁶⁵. Образ лося/олени в связи с верхним миром характерен и для тюркских народов. В то же время у тюрков выросшим в космосе среди звезд считается волшебный конь. В частности, у башкир *Акзубат* принадлежал *Хумай* (дочь солнца) и *Самрау* (царь птиц)¹⁶⁶. Полагают, что конь в структуре макрокосмической модели эквивалентен символу мировой оси (горе, дереву, столбу), составляя бинарную оппозицию «статичный – подвижный», что придавало динамику всей религиозно-мифологической концепции мироздания в ее вертикальной проекции¹⁶⁷. Мифологическое представление чувашей о том, что некоторые быстрые кони-иноходцы наделены крыльями, невидимыми человеку, свидетельствует о связи коня с небом (о небесном коне как образе солнца выше уже говорилось). Коня как спутника верховного бога показывает один из элементов свадебного обряда. О лошади проявляет заботу помощник *Турă – Пирёшму*¹⁶⁸. Огузы поклонялись лошади как тотему. Например, названия ряда рек, гор, племен свидетельствуют о поклонении жителей древнего Азербайджана лошади¹⁶⁹.

Астральный мир локализуется в области Полярной звезды (*Сурсёр җалтърё*), которая «вращается вокруг неподвижной оси»¹⁷⁰. В мифах наро-

дов Саяно-Алтая Полярная звезда – «золотой кол», вбитый в небо. Она неподвижна. У чувашей, башкир, татар, карачаево-балкарцев Полярная звезда также известна под названием, означающим «железный кол»: *Тимёр Шалса сáлтáр* (чув.), *Тимер Казык йондозо* (башк.), *Тимер Казык* (тат.), *Темир къзакъ* (кар.-балк.). Эти народы, вероятно, унаследовали от древних тюрков представления о том, что к этой неподвижной звезде привязаны две лошади – звезды, входящие в созвездие Малой Медведицы¹⁷¹. Подобные представления отмечены у алтайцев, тувинцев, киргизов, казахов¹⁷².

Среднеазиатские (казахи, киргизы, туркмены), кавказские (карачаево-балкарцы) и поволжские тюрки и финно-угорские народы Млечный Путь называют «дорогой диких гусей» (чув. *Хуркайáк сулë*)¹⁷³. В мифах народов Поволжья и Приуралья Млечный Путь отождествляется с молочным озером, в большинстве случаев рисуется как проложенная дикими лебедями дорога к мифическому озеру¹⁷⁴.

Чуваши в предсмертном слове обращались с благодарностью к «золотому солнцу», «золотой луне» и «золотой звезде», то есть пользовались теми обращениями к светилам, которые были характерны для дотенгрианской эпохи. По поводу «падающих звезд» существует объяснение, что они посланы *Турá* для того, чтобы смотреть, как живут люди на земле. Длиннохвостую звезду посылает для наказания грешных. Она сообщала о грядущих для народа бедствиях – пожарах, знойной жаре, эпидемии, войне¹⁷⁵.

Представления о «звёздной царице» встречаются у многих тюркских и иных народов. В башкирских сказках на земле она появляется в виде белой змеи¹⁷⁶. Царь змей (*джилáн-надшасы*), имеющий белый цвет, благоволит татарину, имеет дар предвидения и предсказания¹⁷⁷. Подобный образ – крылатый златорогий белый змей-покровитель под названием *Шурхун* – выявлен также в чувашской мифологии¹⁷⁸. (Разделение по окрасу имеет символическое значение; белый цвет – символ чистоты, мудрости, богатства – являлся у чувашей сакральным.) По древним верованиям марийцев, персонажи *Шудыр Шочын Ава* «великая мать» и *Шудыр Ава Юмо* «богиня-мать» управляют рождением планет и звезд во Вселенной и рождением человека. Согласно стадиально поздним мифам, звезды на небе созданы богом-демиургом *Юмо*¹⁷⁹.

Чуваши считали, что во Вселенной, кроме Земли, есть еще семь миров (то есть она бесконечна)¹⁸⁰. Среди почитаемых тюрками небесных объектов китайский источник упоминает «семь планет»¹⁸¹.

Мифы касаются степени освещения частей мира светилами. Считается, что средний мир освещен «нормально» солнцем и луной, в верхнем освещенность достигает максимума, для него характерны эпитеты «лучистый», «белый», «ясный». Нижний мир представляет полумрак, хотя там светят «половинные» солнце и луна. День и солнце в тюркских языках обозначаются одинаково – *кун / кюн*. Исходя из этого исследователями делается вывод: человек на ранних стадиях развития не был способен осознать, что солнце и луна те же, что для него они каждый раз новые¹⁸².

Версий о времени создания светил несколько, они соответствуют, очевидно, стадиям их происхождения. Чувашские тексты содержат, например, следующие сюжеты: в мифологическое время на земле непрерывно бушевала зима, однако нашлась мощная сила – солнце, которое, придя на землю, победило зиму, и все ожило, оно дало всей земной поверхности жизнь; когда-то землю обогревали три солнца; *Турӑ* создал два солнца: для себя и для *Шуйттан*¹⁸³. После появления земли космогоническая деятельность братьев-демиургов (например, согласно мифологии коми) заключалась в сотворении небесных светил: *Ен* создал солнце, а его антагонист *Омӧль* – луну. По одной версии, светила были созданы почти одновременно в самом начале акта творения, по другой – *Омӧль* сделал луну, когда на земле уже жили люди, у них стал вымерзать хлеб, и тогда *Ен* сотворил солнце¹⁸⁴.

Легенды о летающих улыпах, наделенных крыльями¹⁸⁵, представляя архаичное мировоззрение, связывают между собой все три сферы Вселенной, для улыпов не существует грани между мирами. Род улыпа восходит, согласно одним мифам, к солнцу («прабабушкой *Улӑн*-богатыря было солнце») и земле («бабушка *Улӑн* была матерью земли»), согласно другим – к луне («*Улӑн* родился в полнолуние»)¹⁸⁶. По другой версии, матерью *Улӑн* является орлица (*ӓмӓрт кайӓк*), у которой бабушка – *Хӗвел*. Отец у *Улӑн* – *Лӑн*, обладавший громадной силой. Великаны выступают также в роли космической опоры: «голова касается неба *кавак тӑпе*», «плечами подпирает небо»¹⁸⁷.

На земле улыпы-воины ведут кочевой образ жизни, занимаются скотоводством, охотой. Улыпы погибли во время всемирного потопы, на смену им пришел человеческий мир¹⁸⁸. По другой версии, улыпы погибли в борьбе с чудовищами. Гибель великанов происходит от богов (чувашские великаны были уничтожены *Турӑ*), а мотив гибели – смена поколений богов, завершение эпохи творения или потоп. С каждой сменой поколений богов происходит уменьшение размеров существ¹⁸⁹. В легендах чувашей об улыпах и марийских онарах отчетливы болгаро-суварская и финно-угорская традиции¹⁹⁰.

Легенды о великанах, вероятно, являются осколками древних эпических сюжетов. По героическим мифологическим воззрениям чувашей, до того, как *Турӑ* создал первых людей, на земле жили исполины. В сюжетах древнего слоя мифологии *Улӑн* сражается со зловещей силой в образах дракона, трех- или семиглавого *Астаха*, трехглазого чудовища, *Сехмет*, *Эсрелет*, *Алтӓркус* и др., которых побеждает, прогоняет. Мифологический змей имеет большие размеры и силу (может сотрясти дом, разорвать цепь), летает, соединяя в себе признаки змеи и птицы, то есть носит черты дракона. Он преследует, чтобы настичь жертву, может выпить огромное количество воды или молока в молочном озере и тем самым приносит бедствие. По одной из легенд, улып убил дракона *Астаха* и сжег его, из дыма сгоревшего чудовища образовались облака¹⁹¹. В татарском мифе дракон *Аждага* живет тысячу лет, несется в облаках¹⁹². В сказках

огузских народов (туркмен, азербайджан, турок) дракон – это грозная сила, против которой борется положительный герой (или герои).

В сюжетах, сформировавшихся позднее, улыпы борются с такими же улыпами – другими народами, то есть мифическая составляющая вытесняется историческими событиями. В мифопоэтических текстах *Улып* является прародителем чувашского народа: он научил наших предков охоте, скотоводству, ремеслам; выступает в качестве эпического героя – сражается с врагами чувашей в поединках, защищая их¹⁹³. В мифологии огузов героем-прародителем является *Огуз-хан*. Согласно легенде, Огуз-хан был зачат матерью от световых лучей. От брака Огуз-хана с небесной девой рождаются три старших сына: *Кун* «солнце», *Ай* «луна» и *Юлдуз* «звезда». От другой, земной жены – ещё три сына: *Кёк* «небо», *Таг* «гора» и *Тениз* «море»¹⁹⁴.

Идентичен сюжет о смене поколений богатырей на человеческий род в чувашском и мордовском текстах: «Один из улыпов увидел маленьких птиц. Это были земледельцы. В кармане принес их к матери, которая велела отнести птиц обратно. Она сказала сыну, что улыпы должны погибнуть, вместо них впредь будет человеческий род»¹⁹⁵. У чувашей зафиксированы отголоски представлений об участии диких зверей и животных, птиц в создании человека. О птичьем облике первых людей свидетельствует вышеприведенный миф.

Творение мира из тела огромного первочеловека – распространенный мотив мировой мифологии. В одном из текстов трактуется о том, что за злые дела мать отрезала у сына-улыпы пальцы и закопала в землю. Из них появились живые души, которые стали затем людьми. Очевидно, к древним относится миф о том, что человек произошел из семи частей, являющихся основными элементами космоса: тело – из земли, кровь – из моря, уши – из ветра, глаза – из солнца, кости – из камня¹⁹⁶.

В чувашских антропогонических мифах преобладает сюжет, представляющий человека как создание *Туря* и *Шуйттан*¹⁹⁷. В текстах, имеющих позднее происхождение, у *Туря* вначале получился великан (он ему не понравился), лишь затем – люди¹⁹⁸. После сотворения суши *Туря* надумал создать человека, похожего на себя по внешности и уму. Из глины он вылепил тела. За душами отправился к вестнику *Пулёх*, наказав собаке охранять тела и не подпускать к ним *Шуйттан*. После того как *Туря* ушел, подошел *Шуйттан* и начал лстить собаке, предложив за тела шубу. Подумав, собака отдала тела злomu духу. *Шуйттан* исцарапал тела людей длинными ногтями, намазал грязью и соплями и убежал. *Туря* вернулся и увидел безобразные тела, как ни старался, вывести все следы ему не удалось. Бог проклял собаку, велел ей всегда быть рабом у человека, получать страдания¹⁹⁹. *Туря* в гневе за эти проделки прогнал семью *Шуйттан* из верхнего мира²⁰⁰.

В стадиально поздних антропогонических мифах отразились библейские сюжеты. *Туря* сотворил землю и воду за два дня. Через семь дней

произвел из глины мужчину и женщину и вдохнул в них душу²⁰¹. Человек произошел от земли. *Турӑ* слепил первого человека, которым являлась женщина, из глины. Из ребра женщины бог сделал мужчину. Согласно чувашской легенде, первая женщина получила ребенка от бога с неба²⁰².

Распространенным является сюжет, по которому вначале был сделан мужчина-кормилец, затем – женщина как продолжательница рода. В первый раз они получились очень темные. От них затем произошли негры. *Турӑ* вылепил еще раз и произвел белых людей²⁰³. *Шуйттан* испоганил тело, которое охраняла собака на цепи, и убедил *Турӑ*, что если человек не будет болеть, то забудет бога, больной же всегда будет молиться. *Турӑ* согласился, поэтому человек страдает от 77 болезней²⁰⁴.

На последнем этапе появились мифы о происхождении человека из обезьяны. Первого человека бог сделал с волосатым покровом и отправился на небо за душой²⁰⁵.

В башкирских легендах первая утка *Ульген* – владыка верховного мира – сотворила тела людей из земли и камня. Но душу (жизненную силу) вдохнул в них *Эрлик*, ее младший брат. Поэтому при жизни судьба человека зависит от *Ульген*, а после смерти – от *Эрлик*, владыки подземного царства²⁰⁶. После сотворения мира демиург *Кудай* создал из глины человека, вдохнул в него свой дух (ногайский миф)²⁰⁷.

Аналогичные чувашским сюжеты представлены в марийских и мордовских мифах. Демиург *Юмо* слепил человека из глины и отправился за душой, охранять приставил собаку. В обмен на «теплую шубу» она подпустила *Йын*, брата *Юмо*. Тот оплевал человека, тело его покрылось язвами. *Юмо* был вынужден вывернуть кожу человека наизнанку, а болячки остались внутри человека, он стал страдать внутренними болезнями²⁰⁸. Бог *Ниишке* поместил первого человека в рай и поручил охранять его собаке. Подошел злой дух и, обещав собаке шерстный покров, сумел проникнуть в рай и оплевал всего человека. Бог вынужден был снять с человека кожу и вывернуть ее наизнанку²⁰⁹. Согласно мифам как чувашей, так и марийцев, тело создавалось раньше души. Это говорит о том, что ими не была принята на веру версия о возможности мгновенного создания человека, как утверждается в Библии. В преданиях подчеркивается, что тело человека без души оставалось неподвижным и беззащитным. Из контекста предания можно понять, что приносимая *Юмо* или *Турӑ* душа представляется как значимая часть человека, дающая энергию жизни, движение и определяющая ум, сознание²¹⁰.

Версией, связанной с тенгрианством, является трактовка карачаево-балкарцев, по которой *Теӳри* сам творит мироздание из кусочков своего тела, избавляясь от него, постепенно мыслится как божество бесплотное, вездесущее и всемогущее²¹¹.

В легендах проводится также идея кровнородственной связи чувашей с *Турӑ*. В мифе о браке дочери *Турӑ* (не в значении неба, а в антропоморфном облике) с земным юношей верховный бог представляется ското-

водом-небожителем. Когда в верхнем мире не стало хватать пастбищ, он спустил на землю через небесный свод по войлоку свое стадо и дочь в качестве пастуха. Коровье стадо (корова, заменившая своего предшественника оленя, выступает небожителем, демиург спустил ее с небес) ежедневно спускалось с неба на землю и взбиралось обратно. Дочь *Турӑ* на земле познакомилась с парнем, влюбилась в него и вышла замуж. Бог пролил обман, устроил большую свадьбу. После этого он вновь начал заниматься жизнью людей, от чего отстранился когда-то, став собственником-скотоводом²¹². Данный образ (дочь бога), так же как вышерассмотренные женские образы, является связывающим два мира – верхний и средний. *Турӑ* определил покровительницу человека *Пирӑштити*, обитающую между небом и землей, в качестве посредника между ним (*Турӑ*) и людьми.

Мифы констатируют ломку традиционного мировоззрения с точки зрения изменений, происшедших в обществе. Первые люди разговаривали на одном языке, все были равными, жили одинаково, дружно, имели общее имущество. Питались продуктами собирательства (кореньями, плодами и ягодами) и охоты. Со временем люди начали портиться, появились хмельные напитки, между людьми возникли распри. Увидев это, *Турӑ* поручил помощникам *Пӱлӑхсӗ* и *Пихампар*, находившимся у богини *Кене*, определять людям судьбы, разделять их. Чтобы упорядочить жизнь на земле, назначил земного царя – божество *Сӗрти патша*. Произвел для народов 77 языков²¹³. Такие же сюжеты встречаются в мифологии соседних народов, к примеру у мордвы. Шайтан дал человеку ветку хмеля, научил делать пиво и мед (медовуху), курить из хлеба вино (самогонку), и пошли вражда, ссоры, драки между людьми, подстрекаемыми Шайтаном. Был убит *Нишкепаз*, сын бога. Тогда *Чампаз* назначил над людьми царя, князей, судей²¹⁴.

Согласно чувашскому миропониманию, в сотворении различных животных и растительного мира принимали участие оба демиурга. Творениями *Турӑ* являются полезные человеку растения, домашние (за исключением козы и свиньи) и некоторые дикие копытные и травоядные животные, птицы. Все нечистое, враждебное человеку представляет собой творение *Шуйттан*. В мифах этот процесс сопровождался острым соперничеством между демиургами: *Турӑ* и *Шуйттан* (у чувашей), *Ульген* и *Эрлик* (у башкиров), *Ен* и *Омӧл* (у коми) и т.д.

В мироустройстве важное место отводится мифологическим образам животных, таких как бык, конь, собака, олень. Почитание ряда животных и птиц связывают с их тотемистической природой. В традиционномифологических сюжетах чувашей в качестве тотемов фигурируют *вӑкӑр* «бык», *кашкӑр* «волк», *акӑш* «лебедь» и др. Первыми животными, которым покровительствовал *Пихампар*, согласно мифу, являлись олень (заменил корову), лось, волк (собака), селезень, дикий гусь и пр.²¹⁵

Образ водяного или подземного быка / коровы был распространен у многих народов. У чувашей бык выступает в качестве космической опоры

(бык о двенадцати рогах) и хозяина озера – *кўлэ вайкәре*²¹⁶. Как один из главных образов, связанных с подземным мироустройством, бык представлен у татар²¹⁷. Два образа быка: огромный синий бык (хозяин озера) и черный бык (хозяин земли) – фигурируют в алтайском героическом эпосе. Могучие стихии природы были олицетворены предками балкарцев и карачаевцев в образах быков. Верили, что в воде можно услышать рев быка воды – *сууё гюзю*²¹⁸. По представлениям коми-зырян, рельеф среднего мира образован мифическим зверем (мамонтом махор), живущим под землей, которого называют «подземным быком». Он меняет течения и русла рек²¹⁹. Такие же воззрения имели ханты и манси.

Небесное происхождение приписывалось коням. В парфянском изобразительном искусстве были популярны изображения «крылатых коней» – символа солнца. Крылатый конь появляется из моря. Образ коня присутствует во всех трех мирах. Он связывается с культом плодородия, с культом предков, с нижним миром и, соответственно, с водой. В более поздних вариантах мифов с христианскими мотивами лошадь обречена на постоянный труд. В наиболее почитаемых озерах, таких как *Эль (Сут кўл)*, пребывают белые и сивые крылатые кони-аргамаки – *урхамах*. В заговоре от порчи гнедой *урхамах* приходит из иного мира – с окраин семидесяти семи миров – и быстро уходит²²⁰. Образ крылатого коня присутствует и в туркменских народных дестанах. Указание на «морское» происхождение коней не противоречит сказаниям об их происхождении от «крылатых» скакунов²²¹. В турецких текстах главная цель использования крылатых коней – перемещение героев из одного мира в другой, из сакрального в земной и наоборот.

Собака представляется в семантической взаимосвязи и с хлебом, и с небесами, и с предками²²². В мифе чувашей и марийцев собака, участвующая в глобальном аспекте космогенеза, может иметь решающее значение в спасении основного продукта – хлеба. Собака – опосредствующий персонаж между хлебом и богом, предотвращающий нежелательный результат²²³. Тем самым она выступает в качестве медиатора между верхним и средним мирами²²⁴. Пес – хранитель хлебов – представлен в сюжетах финно-угорской и тюркской традиций.

Средний ярус в религиозно-мифологической картине мира разных народов менее разработан. В древнем варианте, когда Вселенная представляется одной горизонтальной плоскостью, столб помещается в ее четырех углах²²⁵. Этой модели соответствуют мифы о том, что земля была квадратной, ее поддерживали на себе четыре быка, либо ее поверхность представлялась в виде семи лепешек.

Главным божеством среднего мира была «священная земля-вода» (*yduqjersub*). Культ священных вершин был частью общего культа земли-воды у древнетюркских племён²²⁶. К земле обращались как к матери-прародительнице *Ама (Сёр ама)*. *Сёр*-земля олицетворялась как стихия плодородия. *Жер Анасы Дауче* «мать земли плодотворящая» особо почиталась у карачаево-балкарцев. Персонифицированная в образе богини – суп-

руги неба – земля фигурирует в мифологиях почти всех народов. До создания жизни на земле земля и небо были супругами, как гласит чувашский миф. В этой краткой фразе земля употребляется в трех значениях: «мир до начала жизни», «земная твердь», «название божества».

Предания имеются о колосе ржи, горохе, яблоне. Демиург первоначально сотворил рожь с длинным, во всю высоту стебля, колосом, однако из-за нерасторопности женщины мог лишиться ее важной хлебной культуры, если бы не жалобный визг собаки²²⁷. Горох добрался до суши (барьером служила вода) благодаря соломинке-мостику²²⁸. С образом гороха связана идея плодородия и плодовитости, что прослеживается как в текстах благословений и молитвословий, так и в сказках, в частности в турецких²²⁹.

В мифологическом «зеркале» верхний мир отражался как бы в многократном увеличении среднего яруса (отсюда гигантизм небожителей), а нижний виделся как бы уменьшенной копией²³⁰. В нижнем мире на дне мирового океана обитает хозяйка воды – *Шыв вутайш амйш* «мать водяного царя *Вутайш*»; у подножья высокой (мировой) горы – черная змея, появившаяся при рождении Вселенной; ей противопоставлены птицы, находящиеся на вершине мирового древа; на высокой горе находятся 77 дубов, у корней дуба – золотой сундук, в нем – 77 золотых жаб²³¹, появившихся также изначально²³². В сказках тюркских народов змеи символизируют потусторонний мир (нижний мир). Однако считающаяся положительным персонажем белая змея является представителем как верхнего, так и среднего миров. Она живет во дворах близ жилья и даже в домах. Эта змея безвредная, и ее нельзя убивать, в противном случае может произойти несчастье. Представление о белой змее имеется у поволжских тюрков (см. выше), а также у туркмен, турок, казахов, узбеков²³³. В чувашских мифах добрый змей выступает в качестве хозяина хлева, скотного двора и конюшни. Поэтому его воспринимали как божество, покровительствующее скотоводству, и местами именовали *Карта хунё*.

Упомянутый водяной дух *Вутайш* является персонажем, связанным со всеми тремя мирами. Согласно легенде, в мифические времена верховный бог *Турй* за непослушание прогнал своих служителей с неба, те упали в воду и стали называться *вутайш*. Обитающие в родниках («маленькие, как новорожденные») представлялись полезными существами. В текстах вместе с тем это – злое существо женского пола, водяная русалка, которая, породнившись с человеком, принимая его облик, ведет человеческий образ жизни. Выступая в качестве ложного брачного партнера, образ представляет потусторонний, запредельный мир. У татар-мусульман и крышен подобный образ – *Су иясы (анасы) / Бутыш*, который может выходить на поверхность, принимать облик человека²³⁴. Демонические персонажи, выполняющие двойную функцию (противника и помощника), имеющие двоякий физический облик – то человека, то зверя или птицы, известны в волшебных сказках тюркских народов (в частности, образ *Пери* или *Пари*).

В нижнем мире находятся три яруса – *Хяямат* (бог того мира) или *Ахрамат*, *Сёр мими* и бездонный *Кахър*. Седьмой, самый нижний ярус мира представлялся длиной семь веревок и являлся местонахождением душ покойников. В частности, на это указывает текст проклятия: *Сич сёр минне анса кай!* «Провались в седьмую преисподнюю!».

Шуйттан – хозяин нижнего мира и воплощение сил тьмы и зла; антипод *Турӑ*. В то время как бог создает человека совершенным существом, *Шуйттан* вселяет в него болезни. В более поздних мифах он выступает человекоподобным персонажем: дьяволом, олицетворением зла, позднее считался хозяином нижнего мира. Согласно мифам татар, в нижнем мире живут пиры и дэвы «в особенных своих городах, имеют царства под землей и морем, и невидимо – на земле»²³⁵. В сказках тюркских народов попадание в колодец, лес и т.д., как правило, символизирует преодоление границы нашего мира и перехода в иной мир. Герой сказки переправляется на коне в потусторонний мир. Тут налицо роль медиатора, осуществляющего связь между мирами.

С представлениями о нижнем мире совпали религиозные воззрения о загробном мире, которые перекликаются с мусульманскими и христианскими текстами об аде. Нижний мир изображается бесконечным пространством, покрытым вечным мраком. Тем не менее сохранялись представления о космическом низе. Считалось, что он такой же, как мир земной, очень плодородный, заселён обычными людьми, только солнце там светит, когда наверху ночь²³⁶.

Таким образом, у чувашей фиксируется в целом сходная с тюркскими и финно-угорскими народами картина сотворения мира. Мотивы первичного океана (как и потопа) и птицы в роли демиурга, например, считаются мировыми. Они широко распространены в Евразии и Северной Америке. Мифы о выделении первоэлемента суши из-под мирового океана у чувашей разнообразны. Мотив сотворения суши, в котором участвуют два брата демиурга – добрый (*Турӑ*) и злой (*Шуйттан*) имеет мировой, стадиальный характер. Повсеместно распространенные дуалистические мифы о нырянии за землей ряд исследователей связывает с монгольской средой²³⁷, тогда как сюжет об утаивании кусочка земли считается восходящим к восточноевропейским корням. В европейской части птица-демиург затем была заменена «ныряльщиком» в антропоморфном или теоморфном облике (в чувашской мифологии помощник бога *Турӑ* – *Пирейшти*, а соперник – *Шуйттан*). Древние предки чувашского народа почитали птиц – например, лебедя (варианты: утка, орел и др.), затем *Ама* (образ имеет генетическое родство с древнетюркским *Умай*) как родительницу мира, созидательную силу, которая с течением времени приняла антропологический облик. Ей стали приписывать функции богини-покровительницы плодородия.

В архаичных тюркских эпосах часто фиксируется миф о пахтанье как творении мира, он присутствует также в японской и монгольской тра-

дициях²³⁸. Мотив выделения суши в результате заквашивания мирового океана имеется и в чувашских текстах.

В сюжеты о сотворении суши интегрированы тексты о космических опорах. Полагают, что схема космологической опоры «земля на быке, бык на рыбе, рыба на воде» распространена на значительном пространстве между Ираном, Индией и Южной Сибирью. Образы мировой горы, мирового древа (мирового столба), которые служат для обозначения центра мироздания, их тройное членение по вертикали, охватывающее верхний, средний и нижний миры, получили обобщение в работах известных исследователей по материалам Урало-Алтая. Трехотомическое деление макрокосма по вертикали, которое дополняло горизонтальную модель мира, известно с глубочайшей древности.

В описании картины верхнего мира использовались не только две мифологические традиции (птица и мать-прародительница), но и одновременно третья составляющая – «линия матери и сына». В обеих традициях, тюркской и финно-угорской, богиня-мать тесно связана с комплексом представлений «птица – дерево». В ритуальной практике алтайских и уральских народов широко использовались изображения птицы, сидящей на вершине дерева (столба)²³⁹. Чувашский материал, в частности тексты заговорно-заклинательной поэзии, свидетельствуют о том же.

Для урало-алтайской мифологии являются общими мифы об отделении неба от земли. Между небом и землей находятся созданные небом духи, за ними следуют земля, солнце, луна, звезды, горы, реки и все необыкновенное²⁴⁰.

Определенное единство алтайских народов, отличающее их от уральских, обнаруживается в традиционной картине мира: по-видимому, древнейшим у них было представление о востоке как стране добрых духов и о западе – стране мертвых. Мировая река в этой модели отсутствовала. В мифологической картине финно-угорских народов верхний мир расположен на юге, нижний мир, мир мертвых и злых духов, – на севере. Для нее характерно наличие мировой реки.

В мифологических преданиях о создании человека отслеживаются два этапа: сначала создаются великаны, а затем – люди, давшие начало народам.

Литература, источники и примечания

¹ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов (опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 9; *Его же*. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 72.

² Там же. С. 12.

³ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Гос. музея Востока, 1996. С. 72.

⁴ Рыбаков Б.А. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР. 1975. № 3. С. 38; Топоров В.Н. Первобытные представления о мире // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 8.

⁵ Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII века, о чувашах. С предисловием Н.В. Никольского. Казань, 1906. С. 24; *Сбоев В.А.* Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. М.: Тип. С. Орлова, 1865. С. 126; *Одюков И.И.* Мифла халапсен идейлапа илемлѣх уйрамлăхсем [Идейные и художественные особенности мифологических преданий] // Классикалла чăваш литературинчи халăхпа фольклор сыхăнăвĕсем. 1 п. Шупашкар, 1973. С. 42–49.

⁶ Чăваш халăх пултарулаĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 25. Далее – ЧХП. Мифсем ...

⁷ Чăваш халăх самахлăхĕ. Чебоксары: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. Мифсемпе халапсем. Т. 6, ч. 2. С. 33–36. Далее – ЧХС. Мифсемпе халапсем; *Матвеев Г.М.* Мифоязыческая картина мира этноса (на примере мифов и языческой религии чувашского народа): монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 122.

⁸ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1937. Вып. 12. С. 281–282.

⁹ *Одюков И.И.* Мифсемпе халапсем. С. 8.

¹⁰ *Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 240.

¹¹ *Аминев З.Г.* Эпос «Урал-батыр» и мифология башкир. Уфа: Дизайн-пресс, 2013. С. 19.

¹² *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев: краткий очерк. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 206.

¹³ *Алейников М.Н.* Поверья ногайцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17. С. 1–14.

¹⁴ Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. URL: <https://ethnokomi.ru/folk/myth/11.htm> (дата обращения: 22.05.2018).

¹⁵ *Юрченкова Н.Г.* Мифология мордовского этноса: генезис и трансформация. Саранск, 2009. С. 109.

¹⁶ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 1994. С. 75–76.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ Этнографический очерк Мильковича ... С. 55.

¹⁹ Представления о мировом океане включают также окружающие землю воды и верхнее море – небо.

²⁰ *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. С. 238, 280.

²¹ *Напольских В.В.* Культ утки у финно-угров: евразийско-североамериканские параллели // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение: тезисы докладов: в 2 т. Устинов: УГУ, 1987. Т. 2. С. 183–185.

²² ЧХП. Мифсем ... С. 29.

²³ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 57.

²⁴ ЧХП. Мифсем ... С. 29.

²⁵ *Калиев Ю.А.* Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. ун-та, 2003. С. 51.

²⁶ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 1994. С. 123.

²⁷ *Юрченкова Н.Г.* Указ. соч. С. 111.

²⁸ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 98; *Ефимова Е.С.* Башкирский мифологический словарь. Уфа: Вагант, 2010. С. 120.

²⁹ *Юрченкова Н.Г.* Указ. соч. С. 111.

³⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань, 1928. Вып. 1. С. 186.

³¹ *Ашмарин Н.И.* Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чувашей // Чувашская народная словесность. Чебоксары, 2003. С. 206.

³² ЧХП. Мифсем ... С. 72.

³³ *Сагалаев А.М.* Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических персонажей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 21, 26.

³⁴ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1930. Вып. 5. С. 278–281; Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары, 1929. С. 118.

³⁵ Узбекский ученый Б.Р. Каримов, сравнивая слова *тенгри* и *тенгиз* (чув. *тинёс*, туркм. *дениз* «море»), допускает возможность появления тенгрианства во времена шумеров и с их участием (см.: Каримов Б.Р. Тенгрианство и становление тюркского мира. URL: <http://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengriantstvo-i-stanovlenie-tyurkskogo-mira> (дата обращения: 1.11.2018).

³⁶ Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины ... С. 279–280; Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 1. С. 186.

³⁷ Название богини *Ама* (праматери всего мира) является результатом полисемантизации слова *ама* со значениями «самка, женщина» – «богиня» (букв. «жизнь рождающая или дающая»), ср.: монг. *амь*, *амиш* «жизнь», *амьтан* «живое существо», *ами(н)* «жизнь, дыхание», отсюда тунг.-маньч. *ами* «жизнь...» (Сергеев В.И. Термины древнечувашской мифологии и демонологии // Исследования по этимологии чувашского языка. Чебоксары: ЧНИИ, 1981. С. 76).

³⁸ Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник, 1977. М., 1981. С. 122–123.

³⁹ Подробнее об этом образе см.: Потанов Л.П. Умай – божество древних тюрков // Тюркологический сборник, 1971. М.: Наука, 1973. С. 265–286.

⁴⁰ Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л.: Наука, 1979. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935. Вып. 7. С. 93.

⁴³ Векилова А.И. Сравнительно-сопоставительное изучение азербайджанских и французских мифов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология, социальные коммуникации. 2009. Т. 22 (61), № 3. С. 133; Эфендиев П. Азербайджанская народная литература. Баку: Маариф, 1992. С. 142.

⁴⁴ Калиев Ю.А. Указ. соч. С. 46–48.

⁴⁵ Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. URL: <https://ethnokomi.ru/folk/myth/11.htm> (дата обращения: 22.05.2018).

⁴⁶ Калиев Ю.А. Указ соч. С. 27, 32–33.

⁴⁷ Сагалаев А.М. Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири. С. 9.

⁴⁸ ЧХП. Мифсем ... С. 25–26.

⁴⁹ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 36.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Матвеев Г.М. Указ. соч. С. 131.

⁵² Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 120.

⁵³ Алейников М.Н. Указ. соч. С. 2–11.

⁵⁴ Аминов З.Г. Эпос «Урал-батыр» ... С. 27.

⁵⁵ Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. URL: <https://ethnokomi.ru/folk/myth/11.htm> (дата обращения: 22.05.2018).

⁵⁶ Юрченкова Н.Г. Указ соч. С. 112, 307.

⁵⁷ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. М., 1991. С. 10; Ижевск, 1994. С. 72.

⁵⁸ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 35.

⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 230. С. 181.

⁶⁰ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 36.

⁶¹ Матвеев Г.М. Указ соч. С. 135.

⁶² Аминов З.Г. Космогонические и космологические воззрения древних башкир: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2011. С. 9.

⁶³ Мелетинский Е.М. Первобытное наследие в архаических эпосах: доклад на VII Международном конгрессе антропол. и этногр. наук. М., 1964. С. 2; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 20–21; Напольских В.В. Древнейшие этапы про-

исхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1991. С. 113.

⁶⁴ Легенда записана в Башкортостане П. Туринге. См.: Чăваш фольклорĕ. Шупашкар, 1949. 167 с.

⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 207. С. 367.

⁶⁶ Джуртубаев М.Ч. Указ соч. С. 179.

⁶⁷ Сбоев В.А. Заметки о чувашах: Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 96.

⁶⁸ *Самрау* – волшебная птица, образ заимствован из иранской мифологии. В качестве культурного героя Симуург был династийным символом Сасанидов. Данная мифическая птица (известна также под именем Сенмурв) почитается казахами, туркменами, узбеками и др.

⁶⁹ Аминев З.Г. Эпос «Урал-батыр» ... С. 23–24.

⁷⁰ Подробнее об этом см.: Егоров Н.И. О создании космической опоры в чувашских мифах // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 8 октября 2015 г.). Чебоксары, 2016. С. 97–118.

⁷¹ См.: Непольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи. С. 45–46.

⁷² Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. С. 314.

⁷³ Березкин Ю.Е. Зооморфная опора Земли – южноазиатский след // Зоографский сборник. Вып. 4 / отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Я.В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 21.

⁷⁴ Перевозчикова Т.Г. Представления о мире и народный календарь // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 252.

⁷⁵ Березкин Ю.Е. Указ. соч. С. 41.

⁷⁶ URL: <https://esoterics.wikireading.ru/93496> (дата обращения: 30.10.2018).

⁷⁷ Аминев З.Г. Космогонические воззрения древних башкир. Уфа: Башк. гуманитар. академия, 2005. С. 59.

⁷⁸ Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1901. Т. 51, № 4. С. 58.

⁷⁹ Перевозчикова Т.Г. Указ. соч. С. 252.

⁸⁰ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Вып. 13. С. 85–107.

⁸¹ Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 122.

⁸² Матвеев Г.М. Указ. соч. С. 113.

⁸³ Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов: (проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник, 1977. М., 1981. С. 200.

⁸⁴ Егоров Н.И. Чувашская мифология // Культура Чувашского края. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. С. 140.

⁸⁵ См., например: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 436; Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976. С. 43; Топоров В.Н. Первобытные представления о мире. С. 26–27.

⁸⁶ Сагалаев А.М. Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири. С. 46.

⁸⁷ Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии: по материалам волшебной сказки. М.: Вост. лит., 2002. С. 30.

⁸⁸ ЧХП. Чѣлхе сѣмахѣсем. Вѣрѹ-суру чѣлхи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2014. С. 230–279.

⁸⁹ Сагалаев А.М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 26.

⁹⁰ Там же. С. 27.

⁹¹ ЧХП. Чѣлхе сѣмахѣсем. Вѣрѹ-суру чѣлхи. С. 269.

⁹² Имеется в виду воздушное море.

⁹³ Богиня-мать, рождающая детей.

- ⁹⁴ ЧХП. Чѣлхе сѣмахѣсем. Вѣрѹ-суру чѣлхи. С. 26, 31, 39, 47, 90, 269, 273, 279 и др.
- ⁹⁵ Там же. С. 141.
- ⁹⁶ Песни низовых чувашей: сб. песен / сост., предисл., коммент., указатели М.Г. Кондратьева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. Кн. 1. С. 30.
- ⁹⁷ Там же. С. 43.
- ⁹⁸ *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: Пер Сэ, 2007. С. 36.
- ⁹⁹ Чăваш халăх юррисем. Г. Федоров сырас илнĕ. Шупашкар, 1969. С. 11.
- ¹⁰⁰ Чăваш халăх юррисем [Чувашские народные песни, гармонизированные С.М. Максимовым]. Симбирск, 1918.
- ¹⁰¹ Чăваш халăх сĕмахлăхĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1978. Т. 4. С. 180, 412.
- ¹⁰² НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 2045. Инв. № 8315.
- ¹⁰³ Песни низовых чувашей. С. 108.
- ¹⁰⁴ *Калиев Ю.А.* Указ. соч. С. 91; *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология: этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. С. 284.
- ¹⁰⁵ *Сагалаев А.М.* Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири. С. 32.
- ¹⁰⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. 2-е изд., доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 43.
- ¹⁰⁷ *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. С. 86–87.
- ¹⁰⁸ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 40.
- ¹⁰⁹ *Исхаков Р.Р.* Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей: опыт историко-этнографической реконструкции. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 14, 50.
- ¹¹⁰ *Ефимова Е.С.* Башкирский мифологический словарь. Уфа: Вагант, 2010. С. 48.
- ¹¹¹ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 68.
- ¹¹² *Юрченкова Н.Г.* Указ. соч. С. 113.
- ¹¹³ *Калиев Ю.А.* Указ. соч. С. 78–79.
- ¹¹⁴ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 266.
- ¹¹⁵ *Сагалаев А.М.* Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири. С. 16–17.
- ¹¹⁶ *Фролов Б.А.* Палеолитическое искусство и мифология. У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 114; *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. С. 207–208.
- ¹¹⁷ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. С. 92.
- ¹¹⁸ *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. С. 92–93, 158, 209.
- ¹¹⁹ *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник, 1971. М., 1972. С. 213.
- ¹²⁰ *Ашмарин Н.И.* Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чувашей // Чувашская народная словесность. Чебоксары, 2003. С. 206.
- ¹²¹ *Денисов П.В.* Древнетюркские элементы в религиозно-мифологических представлениях чувашей // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1985. С. 47.
- ¹²² *Потанин Г.Н.* Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 53.
- ¹²³ *Ашмарин Н.И.* Введение в курс чувашской народной словесности // Чувашская народная словесность. С. 295–296.
- ¹²⁴ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 7. С. 93.
- ¹²⁵ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 37.
- ¹²⁶ *Кляшторный С.Г.* Указ. соч. С. 121–122.

- ¹²⁷ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 7. С. 93.
- ¹²⁸ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. С. 72.
- ¹²⁹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 314.
- ¹³⁰ Там же. С. 139.
- ¹³¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 314. С. 58–65.
- ¹³² *Джуртубаев М.Ч.* Указ. соч. С. 126.
- ¹³³ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 37; НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 206. С. 256.
- ¹³⁴ Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. URL: <https://ethnokomi.ru/folk/myth/11.htm> (дата обращения: 22.05.2018).
- ¹³⁵ *Калиев Ю.А.* Указ. соч. С. 54.
- ¹³⁶ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1950. Вып. 17. С. 8.
- ¹³⁷ ЧХП. Мифсем ... С. 38.
- ¹³⁸ Там же. С. 40.
- ¹³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 179. С. 35.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 41.
- ¹⁴¹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 17. С. 8.
- ¹⁴² ЧХП. Чёлхе сáмахёсем. Вёрý-суру чёлхи. С. 108.
- ¹⁴³ *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языческие моделирующие семиотические системы: древний период. М.: Наука, 1965. С. 214.
- ¹⁴⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 314. С. 58–65.
- ¹⁴⁵ *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч. С. 195.
- ¹⁴⁶ *Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. М.: АСТ, 2002. С. 85–87.
- ¹⁴⁷ Там же.
- ¹⁴⁸ *Соегов М.* Некоторые вопросы раннесредневековой этнической истории туркменского народа в свете трудов Л.Н. Гумилёва по этнологии (в порядке обсуждения) // Научное наследие Л.Н. Гумилёва: истоки, эволюция, проблемы восприятия: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва (2–3 октября 2012 г., Санкт-Петербург). СПб., 2012. С. 206–214. URL: [http://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengriantstvo-i-stanovlenie-tyurkskogo-mira/\(19.06.2013\)](http://tengrifund.ru/konferencii/2-aya-konferenciya/tengriantstvo-i-stanovlenie-tyurkskogo-mira/(19.06.2013)) (дата обращения: 30.10.2018).
- ¹⁴⁹ *Тойдыбекова Л.С.* Указ. соч. С. 104, 236–237.
- ¹⁵⁰ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 1991. С. 10.
- ¹⁵¹ Там же. С. 88.
- ¹⁵² *Данилов О.В.* Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 15.
- ¹⁵³ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 39.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 43.
- ¹⁵⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 314. С. 58–65.
- ¹⁵⁶ *Джуртубаев М.Ч.* Указ. соч. С. 148–149.
- ¹⁵⁷ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1930. Вып. 5. С. 269–272.
- ¹⁵⁸ *Джуртубаев М.Ч.* Указ. соч. С. 138.
- ¹⁵⁹ *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. 1994. С. 71.
- ¹⁶⁰ *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 50–51.
- ¹⁶¹ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань, 1928. Вып. 1. С. 177.
- ¹⁶² ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 48–49.
- ¹⁶³ *Дьяконова В.П.* Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 285.
- ¹⁶⁴ *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч. С. 95.
- ¹⁶⁵ *Калиев Ю.А.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁶⁶ *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁶⁷ *Войтов В.Е.* Указ. соч. С. 117.
- ¹⁶⁸ *Милькович К.С.* Быт и верования чуваш Симбирской губернии // Никольский Н.В. Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 500.

- ¹⁶⁹ О символах в традиционной культуре азербайджанцев см., например: ИРС – Наследие, 2009. № 3 (39). С. 48–51.
- ¹⁷⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Вып. 13. С. 19.
- ¹⁷¹ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 315; *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч. С. 167.
- ¹⁷² *Потанин Г.Н.* Указ. соч. С. 63.
- ¹⁷³ *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи. С. 81.
- ¹⁷⁴ *Денисов П.В.* Указ. соч. С. 49.
- ¹⁷⁵ ЧХП. Мифсем ... С. 46–49.
- ¹⁷⁶ *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч. С. 65–66.
- ¹⁷⁷ *Насыри К.* Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся мимо влияния на жизнь их суннитского магометанства. СПб., 1880. С. 5–6.
- ¹⁷⁸ *Родионов В.Г.* Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238–244.
- ¹⁷⁹ *Тойдыбекова Л.С.* Указ. соч. С. 275–276.
- ¹⁸⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1937. Вып. 12. С. 191.
- ¹⁸¹ *Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 75.
- ¹⁸² *Джуртубаев М.Ч.* Указ. соч. С. 156.
- ¹⁸³ ЧХП. Мифсем ... С. 39–40.
- ¹⁸⁴ Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. URL: <https://ethnokomi.ru/folk/myth/11.htm> (дата обращения: 22.06.1918).
- ¹⁸⁵ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 233.
- ¹⁸⁶ ЧХП. Мифсем ... С. 275.
- ¹⁸⁷ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 267.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 262.
- ¹⁸⁹ *Ефимова Е.С.* Башкирский мифологический словарь. С. 18–19.
- ¹⁹⁰ *Акцорин В.А.* Прошлое марийского народа в его эпосе. Саров, 2000. С. 45.
- ¹⁹¹ ЧХП. Мифсем ... С. 34, 240–250.
- ¹⁹² *Насыри К.* Указ. соч. С. 6.
- ¹⁹³ *Одюков И.Н.* Указ. соч. С. 14–19.
- ¹⁹⁴ Подробнее см.: *Короглы Х.* Огузский героический эпос. М., 1976. С. 38–74.
- ¹⁹⁵ ЧХП. Мифсем ... С. 157; НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 206. С. 256; *Юрченкова Н.Г.* Указ. соч. С. 314.
- ¹⁹⁶ ЧХП. Мифсем ... С. 157.
- ¹⁹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 206. С. 255.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 255–256.
- ¹⁹⁹ ЧХП. Мифсем ... С. 163.
- ²⁰⁰ ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 78.
- ²⁰¹ ЧХП. Мифсем ... С. 158.
- ²⁰² *Рекеев А.В.* Из чувашских преданий и верований // Известия по Казанской епархии. 1896. № 15–16. С. 293–298; № 18. С. 337–341; № 21. С. 417–424.
- ²⁰³ ЧХП. Мифсем ... С. 158.
- ²⁰⁴ Там же. С. 164.
- ²⁰⁵ Там же. С. 165.
- ²⁰⁶ *Ефимова Е.С.* Указ. соч. С. 121.
- ²⁰⁷ *Гимбатова М.Б.* Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX в. Махачкала, 2005. С. 161.
- ²⁰⁸ *Калиев Ю.А.* Указ. соч. С. 27–28.
- ²⁰⁹ *Юрченкова Н.Г.* Указ. соч. С. 309.
- ²¹⁰ *Попов Н.С.* Указ. соч. С. 229.
- ²¹¹ *Джуртубаев М.Ч.* Указ. соч. С. 183.
- ²¹² ЧХС. Мифсемпе халапсем. С. 80–81.
- ²¹³ Там же. С. 82.

- ²¹⁴ Юрченкова Н.Г. Указ. соч. С. 313–314.
- ²¹⁵ ЧХП. Мифсем ... С. 69–70.
- ²¹⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1930. Вып. 5. С. 295–296.
- ²¹⁷ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 314.
- ²¹⁸ Джуртубаев М.Ч. Указ. соч. С. 68.
- ²¹⁹ Рочев Ю.Г. Коми-хантыйские фольклорные контакты // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1982. С. 72.
- ²²⁰ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1929. Вып. 2. С. 291–292; Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010, 196–201.
- ²²¹ Мифы и легенды о животных и птицах // Блог Ганчаева Мансура. URL: <http://proff95.ru/blogs/vainahi-266/legendy-i-mify-o-proishozhdeni-ahaltekinskih-skakunov.html> (дата обращения: 30.10.2018).
- ²²² Салмин А.К. Собака в традиционных представлениях чувашей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 124–128.
- ²²³ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2000. С. 99.
- ²²⁴ Калиев Ю.А. Указ. соч. С. 40.
- ²²⁵ ЧХП. Чёлхе сáмахёсем. Вёрý-суру чёлхи. С. 148.
- ²²⁶ Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 134–135.
- ²²⁷ ЧХП. Мифсем ... С. 114–116.
- ²²⁸ Там же. С. 117.
- ²²⁹ Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии: по мотивам волшебной сказки. С. 59.
- ²³⁰ Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. М., 1992. С. 10.
- ²³¹ По поверьям чувашей, убивать жабу запрещалось.
- ²³² ЧХП. Чёлхе сáмахёсем. Вёрý-суру чёлхи. С. 279.
- ²³³ Стеблева И.В. Очерки турецкой мифологии: по мотивам волшебной сказки. С. 27.
- ²³⁴ Насыри К. Указ. соч. С. 5.
- ²³⁵ Там же. С. 15–16.
- ²³⁶ Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. URL: <https://ethnokomi.ru/folk/myth/11.htm> (дата обращения: 22.06.1918).
- ²³⁷ Золотарев А.М. Указ. соч. С. 278–280.
- ²³⁸ Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи. С. 111.
- ²³⁹ Сагалаев А.М. Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири. С. 28.
- ²⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 314. С. 58–65.

G.B. Matveyev

THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE CHUVASH IN THE CONTEXT OF URAL AND ALTAI MYTHOLOGY: THE MYTHS ABOUT THE ORIGIN OF THE WORLD

The article attempts to reconstruct the traditional worldview of the Chuvash about the origin of the world. Chuvash myths, legends, traditions, spell formulas and other texts are analyzed.

Keywords: creation of the world, Demiurges, upper, middle and lower worlds, cosmic supports, the first people.

УДК 94(=512.111):930.1(47=57)+39(=512.111)

ЧГВ, 2018 г., № 13

© А.С. Сараев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ТРУДАХ Л.Н. ГУМИЛЁВА

Значение работ Л.Н. Гумилёва для исследования проблемы чувашского этногенеза связано с двумя обстоятельствами: во-первых, именно Л.Н. Гумилёвым впервые в отечественной науке разработана парадигма истории тюрко-монгольских народов Евразии, в которой нашлось место и чувашам; во-вторых, Л.Н. Гумилёв, интересуясь разными аспектами истории народов Волго-Уральского региона, не был ангажирован ни одной из региональных научных школ, выступая беспристрастным арбитром в их многолетних научных спорах. Кроме того, Л.Н. Гумилёв – автор оригинальной теории этногенеза, в рамках которой проблема происхождения чувашей находит новые возможности для решения.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилёв, Н.Я. Марр, В.Ф. Каховский, Б.А. Серебренников, Н.А. Баскаков, чуваша, гунны, болгары, этногенез.

Вопросы этногенеза – одни из «вечных» вопросов науки, в решении которых редко можно поставить точку. В их разработку вмешиваются не только объективные факторы, но в значительной степени и субъективные. Особенно сложны вопросы этногенеза тюркоязычных народов, в становлении которых, всех без исключения, большую роль сыграли кочевники. В силу мобильности их следы в прошлом зачастую неуловимы¹. Последнее и представляет один из объективных факторов – нечеткость самого предметного поля.

Как определить конкретный этнос? Например, проведенное в 20-х гг. XX в. национально-государственное размежевание Средней Азии официально закрепило этнические границы между узбеками и таджиками. В реальной жизни населения Средней Азии на протяжении многих веков этнических границ не существовало². Именно поэтому монография академика Б.Г. Гафурова «Таджики» представляла также и историю узбеков³, и историю древних тюрков в целом. Монография же узбекского автора

Андрей Сергеевич Сараев – младший научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: andrejsaraev@yandex.ru.

К.Ш. Шаниязова «К этнической истории узбекского народа» – скорее исследование по этногенезу кыпчаков⁴, а не собственно узбеков, в этногенезе которых кыпчаки сыграли незначительную роль. Так же исследование И.Б. Ахмедова о кочевых узбеках XVI в. имеет отношение к группе племен, давших только наименование ирано-тюркскому населению Маверра-нахра – «узбеки», а географически и политически это и вовсе история Казахстана (о чем сам автор сообщает в «Послесловии»)⁵. В случае же с киргизами ситуация оказалась настолько сложной, что комплексная сессия по их этногенезу завершилась лишь констатацией того, что не разрешим ни один ключевой вопрос их этнической истории⁶.

Проблемное поле исследований чувашского этногенеза

Абсолютно те же проблемы характерны и для Волго-Уральского региона, народы которого последовательно объединялись в составе трех разных государств (Волжская Болгария, Золотая Орда, Казанское ханство), что не могло не сказаться на их этногенезе. Так, даже обычно предельно нейтральная энциклопедическая статья по вопросу об этногенезе башкир заключает, что он «чрезвычайно сложен»⁷.

Еще одна объективная проблема – отсутствие сколько-нибудь ясных представлений о предках современных народов. Кем были по языку, обычаям, типу хозяйства усунь, юэчжи, эфталиты, кангюйцы, которых традиционно зачисляли в число древнейших предков казахов⁸, киргизов (см. выше), таджиков⁹, узбеков¹⁰, туркмен¹¹ и даже чувашей¹², источники не сообщают или дают противоречивые сведения. Это и порождает десятки теорий и мнений, основанных на догадках, но не на твердых фактах, которых просто нет. Так, в последней по времени статье, посвященной археологии усуней, они и юэчжи выделяются на том лишь основании, что усуньскими и юэчжийскими те или иные археологические памятники назвали А.Н. Бернштам, Ю.А. Заднепровский, Г.А. Кушаев¹³. Чем руководствовались указанные авторы в своих определениях, можно понять по собственной методике автора статьи. По его мнению, усунь «кочевали между оз. Лобнор на юге и Алтае-Саянским нагорьем на севере»¹⁴. Между оз. Лобнор и г. Кызыл в Туве по прямой 1 260 км, пересеченных горными цепями и пустынями. Такая локализация позволяет назвать усуньской любую археологическую культуру Центральной Азии. Главное, данная локализация не имеет ничего общего со свидетельствами китайских источников¹⁵, а иных для усуней нет.

Субъективные обстоятельства связаны с тем, что для существующих народов проблема этногенеза напрямую затрагивает национальные чувства, а также сопрягается с политическими проблемами (например, с вечными спорами о приоритете на ту или иную территорию). В результате у всех народов и во всех странах возникают теории о «славных предках». Причем перечень таких предков значительно уже числа претендентов на них, но это редко смущает авторов теорий.

Случается, что подобные идеи представителям народов подбрасывает официальная академическая наука. Так, печально знаменитая «теория» о родстве чувашей и шумеров возникла из неправильного понимания и без того путаных взглядов и высказываний академика Н.Я. Марра. Об этом с сожалением писал антрополог и этнограф В.П. Алексеев: «Когда академику Марру... понадобилось отыскать предков чувашей, он нашел их в яфетидах. Даже название его статьи заранее безапелляционно решало проблему их происхождения: “Чуваши – яфетиды на Волге”. Под “яфетидами” Марр подразумевал древнейшее население Европы и мира, говорившее, по его мнению, на языках, близких к кавказским. Кавказские языки и чувашский, который относится всеми к тюркской семье, – что между ними общего? Культура чувашей целиком и полностью роднит их с финно-угорским этническим миром, и тем не менее – яфетиды?! <...> Любопытно психологически это опьянение собственными концепциями у Марра, ученого, знавшего много фактов... и полностью при случае этими фактами пренебрегавшего. Но еще любопытнее, что Марру поверили, и идея чувашей-яфетидов на Волге надолго замелькала в разных... сочинениях. Такова сила привычных взглядов, особенно если они обещают легкую расправу с сомнениями...»¹⁶

В свою очередь у представителей народов Кавказа возникали теории их родства с египтянами, этрусками и другими древними цивилизациями. С этими псевдоконцепциями в 1990-х гг. боролся археолог-кавказовед В.И. Марковин. В одной из своих статей он с сожалением восклицал: «Зачем чеченцам и ингушам Египет и Этрурия, зачем далекие экзотические земли и цивилизации?»¹⁷ Как это ни курьезно, но этрускам тоже не казалось достаточным быть просто этрусками. Выдающийся антиковед А.И. Немировский выявил своеобразное «троянское поветрие» – стремление народов доримской Италии отыскивать себе предков среди героев гомеровского эпоса, чем они, не подозревая того, только запугали будущих исследователей своей истории: «Причиной “троянского поветрия”... стало честолюбие, присущее не только отдельным людям, но и целым народам, стремившимся обрести почетное родство и сделать свою историю более древней»¹⁸. Вывод очень современен, хотя относится он к началу – середине I тысячелетия до н.э.

От влияния субъективных факторов – желания возвеличить предков собственного народа – оказались несвободны не только национальные публицисты, но и ученые-профессионалы. На это обратил внимание А.П. Новосельцев: «...в послевоенный период появились местные школы археологов... Их общеисторическая и источниковедческая подготовка не всегда находится на современном научном уровне, а невольное ограничение исследований территорией своих республик порой приводит к негативным последствиям, выражающимся в стремлении посылить связать прошлое этих республик с древними... цивилизациями, а затем показать уже на интерпретации археологического материала особую роль предков своего народа

в развитии последних. Этот отрыв местных археологов от центра оказался составной частью общего процесса в нашей историографии. Процесс этот проходил постепенно и сложными путями... Но результаты его обнаружались уже в 70-х гг. и, к сожалению, сказываются и поныне»¹⁹.

Действительно, тенденция передавать изучение проблем этногенеза «на места», возникшая в советской исторической науке, во-первых, привела к ослаблению интереса к этим проблемам в центральных академических учреждениях; во-вторых, у исследователей в регионах не стало авторитетных арбитров. Последнее, как правильно заметил А.П. Новосельцев, дало о себе знать уже в 1970-х гг. Примером тому стала дискуссия А.П. Смирнова (и поддержавшей его Т.А. Хлебниковой) с казанскими археологами по вопросам этногенеза народов Поволжья и атрибуции столицы Волжской Болгарии²⁰. При этом казанские авторы по итогам дискуссии остались на своих позициях. И если их точка зрения о ранней тюркизации Среднего Поволжья племенами именьковской культуры была преодолена общим развитием историографии и ныне никем не поддерживается, то относительно археологии болгарских городов уже в наше время В.С. Флёрв с сожалением заметил: «И уж совсем не соответствует действительности картина, нарисованная в главе “Болгария – страна городов” в капитальном казанском издании по истории Татарстана... но мотивы преувеличения здесь несколько иные (псевдопатриотические), подкрепленные тенденциозным подходом к характеристике большинства упомянутых в издании городищ, даже совершенно не исследованных раскопками»²¹.

Впрочем, еще в 1956 г. от такого псевдопатриотизма предостерегал исследователей чувашский историк И.Д. Кузнецов: «...мы должны отбросить, как никчемное и неуместное, ссылку на национальные чувства, ибо научные вопросы решают не чувства, не предрассудки, а разум, научная совесть, научное исследование и обоснование. Было бы просто смешно, если бы мы имели какие-либо претензии к нашим друзьям-татарам, даже если бы они когда-то были именно золотоордынцами, как было бы смешно, если бы наши марийские друзья имели к нам какие-либо претензии за то, что действительно часть мари когда-то очувашилась. Нет к тому никаких оснований, и этот психологический момент мы отбрасываем, ибо он может только толкать к нездоровой односторонности, отклонить от пути научной истины»²².

В высказывании И.Д. Кузнецова предельно четко сформулировано влияние субъективного фактора на исследование проблем этногенеза, что особенно для нас важно, именно в применении к этногенезу чувашей.

К сожалению, и спустя многие десятилетия «славных предков» чувашей с завидным постоянством ищут в различных уголках Старого Света и, конечно, «находят». В то же время несомненные достижения в изучении истории, археологии и этнографии чувашского народа, как это часто бывает, поставили много новых вопросов, но не закрыли старые²³. Так, несмотря на признанность исследователями болгаро-чувашской теории в це-

лом, даже в самых последних обзорах по-прежнему указываются и иные теории и концепции чувашского этногенеза²⁴.

После сессий по этногенезу народов СССР²⁵ специально посвященная происхождению чувашей статья в центральной печати вышла лишь единственный раз²⁶. По-видимому, побудительным мотивом к ее написанию стало руководство автором статьи (Ю.А. Красновым) чебоксарской археологической экспедицией²⁷, в ходе которой он смог в деталях познакомиться не только с археологическими аспектами проблемы, но и со сложившейся к тому моменту историографической ситуацией в поволжских республиках²⁸. Нельзя сказать, что статья удовлетворительно решила главный вопрос, которому посвящена, но с методологическим подходом автора – необходимостью идти от имеющихся твердо установленных фактов, а не подбирать предков под народ²⁹ – следует, безусловно, согласиться.

Среди авторитетных, не ангажированных какой-либо региональной традицией историков второй половины XX в. только Л.Н. Гумилёв не просто касался проблемы этногенеза чувашей, но и вписал чувашей в общеевразийский исторический контекст. Хотя официальная этнографическая наука относилась к Л.Н. Гумилёву настороженно и нередко исследователи избегали прямых ссылок на его работы, тем не менее их читали и пристально следили за выходом новых книг и статей. Поэтому прямо или косвенно идеи Гумилёва влияли на самые разные разделы исторической науки и прочих гуманитарных наук. Влияли его идеи и на чувашских и татарских историков, со многими из которых Гумилёв был знаком лично, о чем подробнее будет сказано далее.

Чуваши предстают в работах Гумилёва двояко: в рамках общей истории тюркских народов и в рамках оригинальной теории этногенеза. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, приводя то или иное высказывание Гумилёва о чувашах. Также следует понимать, что взгляды Гумилёва, как и любого другого исследователя, менялись с течением времени. Показать, в чем состояла эта эволюция, и представить взгляды Л.Н. Гумилёва на этническую историю чувашей во всей полноте – главная задача настоящей статьи.

Формирование концепции Л.Н. Гумилёва

Точно неизвестно, когда у Л.Н. Гумилёва возник интерес к чувашам, но, безусловно, это было связано с его занятиями историей древних тюрков.

О раннем интересе Л.Н. Гумилёва к чувашской теме имеется косвенное свидетельство. Находясь в заключении (1949–1956 гг.), Гумилев имел возможность получать научную литературу в посылках. Среди присланных А.А. Ахматовой сыну книг была монография С.В. Киселёва «Древняя история Южной Сибири» (М.; Л., 1951)³⁰. Эта книга по-прежнему хранится в музее-квартире Л.Н. Гумилёва в Санкт-Петербурге. На ее полях немало примечаний, оставленных Гумилёвым при чтении, и особенно интересна пометка на 496-й странице к следующему фрагменту: «...заслуживает

особого упоминания отмеченная С.П. Толстовым параллель к *türk* в виде кумандинского *tug-an* – железный плуг и чувашского *tёрен* – лемех плуга. Может быть, эта древняя языковая параллельность является новым подтверждением значения земледелия на важнейшем этапе сложения алтайских тюрков». В приведенном фрагменте карандашом подчеркнуто слово «*tug-an*» и рядом подписано «интересно». Эта, в общем, незначительная деталь все же свидетельствует, что Гумилёву чувашский материал был не чужд уже в самом начале его научной деятельности. Не удивительно, что одна из первых статей Гумилёва после освобождения из лагеря оказалась посвящена именно чувашам.

В 1959 г. в газете «Советская Чувашия» печатается статья Л.Н. Гумилёва «Азиатский исток традиций чувашского народного искусства». Она задумывалась как популярное изложение готовившейся тогда к выходу совместной с М.Ф. Хваном и Т.А. Крюковой работы о чувашской вышивке. В газетном очерке сжато изложена суть большого исследования, а также начерчена магистральная линия чувашского этногенеза (названия этапов даны нами):

1) *древнейший* – «предки современных тюркоязычных племен», жившие по соседству с древнекитайским царством Шан, в конце II тысячелетия до н.э. были изгнаны из Северного Китая в Монголию, где и сложились затем в хуннов;

2) *хуннский* – время от возникновения Хуннской державы до ее падения в 93 г. н.э.;

3) *гуннский* – хунны «на берегах Урала и Нижней Волги обрели свою новую родину, смешались с местными племенами и стали во главе могучего племенного союза» – гуннов;

4) *болгарский* – после смерти Атилы гунны, ослабленные восстанием германского племени гепидов, вернулись на Волгу, где «они разбились на ряд племен, известных под общим названием болгар»; болгары, побежденные хазарами, разошлись по Европе, в том числе основали на Каме «ханство Великий Булгар»;

5) *чувашский* – в результате удара войск Батыя часть болгар была вынуждена укрыться в недоступных для монголов лесах Поволжья, «сохранив там относительную свободу до объединения с русским народом»³¹.

Стержнем приведенной схемы является культурное наследие, запечатленное в вышивке на свадебной чувашской рубахе XVIII в. Статья с расшифровкой рисунка вышивки и анализом ее сюжета пролежала в рукописи почти полвека и была опубликована в научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник» уже после смерти всех ее авторов³². Анализ рисунка из ломаных линий и ромбов привел авторов к мнению, что его можно «прочитать» с помощью протоиероглифов эпохи Шан, а расшифрованный текст вполне соответствует брачной теме.

Задавшись вопросом, как письменные знаки II тысячелетия до н.э. из Северного Китая могли сохраниться в вышивке XVIII в. н.э. с берегов

Волги, авторы статьи пришли к выводу, что никакого другого кандидата на роль посредника между древними китайцами и современными чувашами, кроме хунну/гуннов, быть не может. Кроме того, был сделан еще один важный вывод: признание хуннского происхождения чувашской вышивки неизбежно приводит к признанию родства между хунну и гуннами, тенденция сомневаться в котором среди части историков и археологов сохраняется и поныне³³.

Хотя вопрос о сюжете вышивки и его интерпретации остается дискуссионным³⁴, для нас важно, что работа над этой темой позволила Гумилёву впервые сформулировать свою концепцию чувашского этногенеза.

В том же 1959 г. печатается еще одна статья Л.Н. Гумилёва, имеющая некоторое отношение к чувашам. В ней прослежена на археологическом материале судьба теленгитов – алтайских потомков древних тюрков (тюркютов). В самом конце статьи проводится параллель между погребальным обрядом тюркютов и чувашей-язычников: «Обычай ставить портретный надгробный памятник сохранился у самой западной ветви древнейших тюрков – у чувашей. <...> Этот памятник носит название “юба”; его считают “домом покойника”, т.е. вместилищем его души. Очевидно, чувашаи принесли этот обряд на Волгу из мест своего древнего обитания, когда их предки были соседями предков тюркютов»³⁵.

Таким образом, Л.Н. Гумилёв не ставил знака равенства между чувашами и хуннами, а предполагал более сложный исторический путь, связывающий тех и других, находя крайне интересные соответствия языческим обрядам чувашей в культурах и хуннов, и тюркютов.

Специалист по языческим надгробным памятникам чувашей А.А. Трофимов в результате скрупулезного анализа пришел к мнению, что ни в ритуальных функциях, ни стилистически между чувашскими *юпа* и древнетюркскими каменными изваяниями нет ничего общего, а если и проводить параллели, то только имея в виду общее скифо-согдийское наследие³⁶. Гумилёв тоже не проводил прямой параллели между чувашами и тюркютами, но и не отрицал очевидного, что чувашаи – народ тюркоязычный, тогда как А.А. Трофимов почему-то упустил важнейшее обстоятельство: сколько-нибудь заметного иранского пласта (подобного тому, какой присутствует в турецком и узбекском языках³⁷) в чувашском языке не зафиксировано, что было бы логично, если бы предки чувашей подверглись прямому скифскому или согдийскому влиянию.

Выход в 1960 г. первой монографии Л.Н. Гумилёва («Хунну») также знаменует этап в разработке им проблемы этногенеза чувашей. В последней главе книги с опорой на лингвистические изыскания В.В. Бартольда и Б.А. Серебренникова делается вывод о гуннском происхождении чувашей³⁸. Причем, полемизируя с Б.А. Серебренниковым о дате переселения в Европу носителей языка чувашского типа (вместо первой половины I тысячелетия до н.э. первая половина I тысячелетия н.э., то есть время миграции гуннов), Гумилёв еще не оспаривал роль болгар как промежуточного звена

между гуннами и чувашами. Благодаря книге «Хунну» гипотеза о родстве чувашей и гуннов прозвучала очень широко³⁹.

Статья «Некоторые вопросы истории хуннов» – органичное продолжение монографии «Хунну», где несколько подробнее рассмотрена проблема взаимоотношения европейских и азиатских гуннов. Л.Н. Гумилёв polemизирует с О. Мэнчен-Хэлфеном, много сделавшим для изучения гуннов, но принципиально стоявшим на позиции отрицания их связи с хуннами. По мнению Гумилёва, именно присутствие чувашского языка так далеко на западе Евразии, учитывая его параллели с древнемонгольским и тунгусскими языками, неоспоримо свидетельствует о миграции части хуннов во II в. н.э. в Восточную Европу⁴⁰, а исторические данные не дают оснований предполагать наличие иной подобной массовой миграции⁴¹.

Двумя годами позже «Хунну» вышла монументальная работа М.И. Артамонова «История хазар». Ее появление было анонсировано еще в предисловии к «Хунну»: «Настоящая книга посвящена исключительно азиатским хуннам, а историю их восточноевропейской ветви читатель найдет в кн.: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1960...»⁴² Такая тесная связь между двумя монографиями стала возможной, потому что ответственным редактором «Хунну» выступил М.И. Артамонов, а «Истории хазар» – Л.Н. Гумилёв. Таким образом, монографии должны были дополнять друг друга, что и произошло, в том числе и применительно к чувашской тематике.

Чуваши в «Истории хазар» упомянуты трижды, но для понимания произошедшей эволюции представлений Л.Н. Гумилёва этого достаточно. Во-первых, в «Истории хазар» была четко сформулирована общая для М.И. Артамонова и Л.Н. Гумилёва позиция по болгарам. В отличие от большинства тюркологов они считали их тюркизированными уграми. Часть протоболгарских племен могла быть уже в составе гуннского объединения, но большинство их пришло в Восточную Европу сразу после распада империи Аттилы⁴³. Во-вторых, признавая ближайшую связь чувашского, болгарского и хазарского языков, М.И. Артамонов не считал, что сами этносы имеют общее происхождение.

Л.Н. Гумилёв, снабдивший «Историю хазар» редакторскими примечаниями, в свою очередь отметил, что выделяемая Н.А. Баскаковым «западнхуннская» ветвь тюркских языков (чувашский, хазарский, болгарский, гузский и печенежский языки) могла возникнуть в Восточной Европе только при условии существования там в течение долгого времени хуннского населения. Сам Н.А. Баскаков, как и ранее Б.А. Серебренников, такого вывода не делал⁴⁴. Ссылка на Н.А. Баскакова показательна еще и тем, что свидетельствует о неподдельном интересе Л.Н. Гумилёва к проблеме этногенеза чувашей. Если в «Хунну» он ссылался на новейшую на тот момент статью Б.А. Серебренникова (1957), то в 1962 г. он вводит в оборот еще более новую работу Н.А. Баскакова («Тюркские языки»), вышедшую в 1960 г.

М.И. Артамонов отчетливо осознавал неясность ключевого этапа в этногенезе чувашей, когда писал: «К сожалению, время распространения

владычества хазар на Волжскую Болгарию остается неизвестным, равно как неизвестно и то, каким образом в состав населения этой страны попали савиры – сувары-чуваши, в предшествовавшей своей истории тесно связанные с хазарами и в какой-то своей части оставшиеся в Дагестане и слившиеся с хазарами»⁴⁵. В ранних работах М.И. Артамонов признавал присутствие савиров в Закавказье до прихода туда гуннов на основании сообщений армянских историков, а в «Истории хазар» отверг это как анахронизм⁴⁶.

По всей видимости, работа с М.И. Артамоновым над его «Историей хазар» позволила Л.Н. Гумилёву выкристаллизовать свое мнение о происхождении чувашей, которое он изложил в статье «Гунны» «Советской исторической энциклопедии» (1963). Всего одно короткое предложение: «Остатки гуннов, оттесненные волжскими болгарами на север, участвовали в этногенезе чувашского народа»⁴⁷ – дает нам два принципиальных вывода: 1) чувашы – остатки гуннов, а не часть болгар; 2) сначала, после 463 г., они были оттеснены болгарами на Среднюю Волгу, а затем туда же через два с половиной века хазары вытеснят самих болгар.

Итак, чувашы, по Л.Н. Гумилёву, – прямые потомки европейских гуннов. Волжские болгары, которых принято считать основными предками чувашей, в данной схеме предстают их противниками, хотя усвоение болгарскими гуннского языка ни в коей мере не отрицается. Эта принципиальная позиция в практически неизменном виде будет присутствовать во всех дальнейших работах Л.Н. Гумилёва⁴⁸.

Блуждающая эволюция концепции

В фундаментальной монографии «Древние тюрки» чувашы упоминаются лишь дважды. Во «Введении» о чувашах сказано, что они были тюркоязычными еще до появления этноса под названием «тюрк»⁴⁹, что полностью укладывается в уже изложенную концепцию. В другом месте проводится параллель между значением тюркского слова *qul* «раб» и чувашским *куланай* «дань»⁵⁰. Последнее возвращает нас к статьям конца 1950-х гг. и сделанной, вероятно, еще в заключении пометке в монографии С.В. Киселёва. Как видно, Л.Н. Гумилёв продолжал использовать чувашский материал для выявления общих черт в языке и культуре древних тюркских народов.

Тем не менее может показаться странным настолько незначительное присутствие чувашей в «Древних тюрках». Вполне возможно, что какая-то информация о чувашах была исключена из «Древних тюрков» в ходе редактирования. Об этом косвенно свидетельствует хранящееся в архиве музея-квартиры Гумилёва «Заключение на работу Л.Н. Гумилёва “Древние тюрки”, 44 п.л.» редактора З.Д. Кагельской⁵¹. Автору предлагалось снять целые главы или их части. Судя по опубликованному письму Л.Н. Гумилёва В.Н. Абросову, с рядом предложений редактора он согласился⁵².

Если изменения в «Древних тюрках» вносились на основе компромисса с редактором, не то случилось с другой книгой Гумилёва –

«Хунны в Китае». Готовая одновременно с первой частью («Хунну»), эта книга со множеством издательских купюр вышла только в 1974 г.⁵³ Из опубликованной при переиздании «Авторецензии» следует, что Гумилёв собирался изложить последний период истории хуннов на широком историко-географическом фоне с включением глав по истории Сибири и Средней Азии, о троецарствии в Китае, раздела с изложением географической концепции – все это было купировано редактором⁵⁴.

По нашему предположению, часть исключенных из «Хуннов в Китае» материалов вошла в самую позднюю обобщающую работу Гумилёва – «Тысячелетие вокруг Каспия» (1991), а также в ее более ранний, но опубликованный еще позднее вариант «Из истории Евразии» (1993). В этих работах тема чувашского этногенеза нашла дальнейшее развитие.

В «Тысячелетии вокруг Каспия» изложено оригинальное видение пути сложения современных финно-угорских народов Восточной Европы. Их формирование Гумилёв связывал с миграцией угорских племен в III–IV вв. на север и запад от первоначальных мест обитания по южной окраине сибирской тайги⁵⁵. Вследствие засухи III в. н.э. граница леса и степи сместилась к северу, вслед за ней и продвинулись угры⁵⁶. В результате перемещений сложилась новая этническая карта севера Восточной Европы: каждый поволжско-приуральский народ отныне имел два раздела – финский (древний) и угорский (пришлый). В этом ряду Гумилёв назвал и чувашей: «...состоят из двух компонентов: местного и тюркского, даже не угорского. Поскольку чувашский язык принадлежит к наиболее архаичным тюркским языкам, сопоставление его с гуннским правдоподобно»⁵⁷.

Мнение, что два чувашских субэтноса соотносятся: один – с пришлым тюркским элементом, другой – с аборигенным финно-угорским населением, – восходит, вероятно, к гипотезе П.Н. Третьякова, высказанной еще в 1930-х гг.⁵⁸ Согласно ей, низовые чуваша образовались под непосредственным воздействием болгар⁵⁹, верховые – лишь перешедшие на тюркский язык финно-угры⁶⁰. Главное отличие позиции Гумилёва в том, что тюркизацию населения Поволжья в середине V в. он решительно связывал с гуннами, тогда как П.Н. Третьяков предполагал постепенную тюркизацию гуннами (IV–V вв.), аварами (VI в.), болгарами (VII–VIII вв.), затем печенежско-огузскими и кыпчакскими племенами⁶¹.

Казалось бы, странно, что в книге 1991 г. мы встречаем отголоски концепций полувековой и более давности, но именно этим интересны поздние обобщения Л.Н. Гумилёва. В них не только соединены авторская теория этногенеза и история народов Евразии, чего не было в ранних работах, но также нашли место фрагменты, имевшиеся еще в лагерных рукописях и по описанным причинам (редакторская правка) в свое время не напечатанные⁶².

Приведенная схема этногенеза народов севера Восточной Европы – из числа таких фрагментов. В практически законченном виде (еще нет упоминания чувашей⁶³) она изложена в двух письмах середины 1950-х гг.:

В.Н. Абросову (от 23.04.1955 – еще из лагеря)⁶⁴ и П.Н. Савицкому (23.01.1957 – вскоре после освобождения). Причем в письме П.Н. Савицкому Гумилёв сообщает, что эта его концепция войдет в одну из готовящихся книг по истории степи: «Все эти соображения – краткий эскиз того, что будет наряду с основным материалом изложено в “Истории Срединной Азии”». Однако публикации, как видно, пришлось ждать почти три с половиной десятилетия.

Таким образом, истоки схемы, опубликованной Гумилёвым лишь на рубеже 1990-х гг., действительно лежат в 1950-х гг. Помимо упоминавшегося П.Н. Третьякова, влияние которого могло быть и косвенным, концепция Гумилёва в своей «угорской» части, безусловно, оформилась под непосредственным воздействием работ В.Н. Чернецова, на которого Гумилёв ссылался⁶⁵. Отметим, что в середине 1960-х гг. близкую схему миграций угорских народов предложил Б.А. Серебренников: «На территории Севера европейской части СССР обнаруживаются явные следы миграции, если и не обских угров, то во всяком случае каких-то угроидов. Эта миграция шла из Западной Сибири по направлению к западу. <...> Можно предполагать, что кто-то дал импульс этой миграции западносибирских угроидных народов»⁶⁶. Учитывая даты, влияние Гумилёва и Серебренникова друг на друга исключается, поэтому логичнее предположить конвергенцию взглядов двух исследователей, что только повышает научную ценность самой концепции угорской миграции.

В схеме Гумилёва болгарам будто бы не остается места, несмотря на то, что первоначально в газетной статье о чувашской вышивке они фигурировали в качестве посредников между гуннами и чувашами. Однако это не совсем так. Близость (но не идентичность) болгар и чувашей, по Гумилёву, обусловлена общим гуннским наследием, причем эта позиция не менялась в течение десятилетий: «...акациры смешались с сарагурами и породили древних болгар...»⁶⁷; «...потомки разбитых гуннов вошли в состав болгар... поволжских угров, что породило этнос чувашей»⁶⁸; «...гуннов разбили (463) и подчинили себе болгары-сарагуры. Часть уцелевших гуннов ушла на Алтай, другие – на Верхнюю Волгу, где, смешавшись с аборигенами, они образовали народ чувашей»⁶⁹.

Разница между чувашами и болгарами в том, что проточувашский тюркский субстрат, по Гумилёву, сложился еще до прихода болгар на Среднюю Волгу и Каму. В этой связи интересен фрагмент небольшой работы «Из истории Евразии», которая, как отмечалось, содержательно близка «Тысячелетию вокруг Каспия»: «Остаток западных гуннов спасся в приволжских лесах и после вторичной метисации сложился в этнос чувашей, начисто забывших древние традиции азиатских предков»⁷⁰. Если в конце V в. в Поволжье произошла «вторичная» метисация гуннов с финно-уграми, то когда же была первоначальная? Самих болгар, напомним, М.И. Артамонов и Л.Н. Гумилёв считали тюркизированными уграми. В свою очередь, гуннов Гумилёв считал результатом смешения азиатских хуннов с приураль-

скими уграми и степными сармато-аланскими племенами⁷¹. Таким образом, чуваша были результатом двойного, с разрывом в несколько веков, смешения гуннов с уграми, а болгары – той частью угров, которая лишь подпала под гуннское влияние, а затем, после смерти Аттилы, гуннов разбила и частично подчинила.

Во всех поздних работах Гумилёва чуваша и болгары упоминаются наравне – как одновременно существовавшие этносы. Поскольку, однако, чуваша до XVI в. источникам неизвестны, Гумилёв, следуя мнению А.П. Ковалевского, чувашей в составе Волжской Болгарии связывал с суварями-сувазами.

Здесь необходимо вернуться к мнению М.И. Артамонова, который удивлялся, каким образом среди населения Волжской Болгарии оказались савиры («сувары-чуваша»), локализуемые в VI в. различными источниками на Кавказе⁷². В позднем интервью, данном татарскому журналисту Альянсу Сабирову, Гумилёв, как бы отвечая на недоумение М.И. Артамонова, высказался о савирах так: «...существуют такие названия народов, происхождение которых теряется в незапамятных временах; между тем они успели “прилипнуть” за свою историю к различным, совершенно порой непохожим друг на друга этносам. Сувары (субары), савиры (сабиры), северы (себеры), например, оставили следы на огромных протяжениях Евразии. Они упоминаются в древних ближневосточных текстах и печатаются на современных картах – Сибирь. Они были в составе гуннов, обитали в Средней Азии, Закавказье, Причерноморье, Поволжье. Савиры-угры пришли к Днепру, ослабились и стали северянами – древнерусским населением Северской земли. Всего не описать!»⁷³ Получается, этноним «савиры», в разных формах фиксируемый в различных частях Евразии, отнюдь не свидетельствует об этническом преемстве своих носителей.

Прочитаем еще один фрагмент интервью: «...во-первых, состав болгарского населения был весьма неоднороден; во-вторых, рядом с ними жили савиры-сувары, которые уже упоминались; в-третьих, происходила ассимиляция болгарами тюрков, поселившихся в этих местах еще раньше, а также коренных финно-угорских племен. <...> А буртасы? Или чуваша? Или башкиры? Да и русские!»⁷⁴ Из приведенного отрывка будто бы следует, что чуваша и не сувары, и не тюрки, пришедшие на Среднюю Волгу до болгар. Однако перед нами всё же не совсем авторский текст, и данный фрагмент, скорее, нужно воспринимать сквозь призму особенностей жанра «интервью». К тому же в вышедшей лишь немногим ранее (осень 1990 г.) монографии «Древняя Русь и Великая степь» (1989) Гумилёв неоднократно идентифицировал чувашей в составе Волжской Болгарии как сувазов: «Одно из трех болгарских племен – суваз (предки чувашей) – отказалось принять ислам и укрепилось в лесах Заволжья»⁷⁵; «В состав Хазарии вошли: буртасы (на Средней Волге), болгары (на Нижней Каме), сувазы (чуваша на Верхней Волге)...»⁷⁶ Для позднеордынского времени чуваша упомянуты уже в одном ряду с болгарами без сувазов: «Орда стала причудливым

сочетанием поволжских городов, многочисленных “осколков” половцев, алан, черкесов и караимов – на западе и предков казахов, сибирских татар, башкиры, камских болгар и чувашей – на востоке владений»⁷⁷.

Итак, в самой поздней по времени интерпретации третьим компонентом, возможно и давшим название гунно-финскому субстрату, были савиры (сувары/сувазы), которых Гумилёв считал угро-самодийским племенем, находившимся долгое время в тесном контакте с гуннами в степях Предкавказья⁷⁸.

Мы видим, что на протяжении десятилетий позиция Л.Н. Гумилёва по вопросу происхождения чувашей менялась и уточнялась. К тому же в самые поздние работы попали фрагменты, отражающие наиболее ранние взгляды автора, прежде никогда не публиковавшиеся, но присутствовавшие в рукописях и синхронных им письмах. Однако в главном позиция Гумилёва никогда не менялась: поскольку чувашаи – единственные носители архаичного тюркского языка, постольку их язык мог быть наследником только гуннского. Тюркоязычность же азиатских хунну никогда Гумилёвым не подвергалась сомнению.

Чуваши в теории этногенеза Л.Н. Гумилёва

Исследуя эволюцию взглядов Л.Н. Гумилёва на происхождение чувашского народа, нельзя не коснуться вопроса о месте чувашей в его пассионарной теории этногенеза.

Понятно, что в теории этногенеза чувашаи не могли занимать место, сопоставимое с работами по истории древних тюрков. Тем не менее они упоминаются уже в одной из программных этнологических статей Гумилёва: «У чувашей в обозначении лет применялись такие названия, как “год кленовых листьев”, “год лебеды”, по названию тех суррогатов, которые они употребляли в пищу в качестве примесей к хлебу. Иногда эти события ограничивались семейным кругом: “когда Мишку в солдаты отдали”, “когда сестра замуж пошла”, “когда дом ставили” и т.п. Отсчет лет для них был непонятен, но это происходило не от отсутствия памяти. Время изготовления вещи и отношение ее к событиям их жизни – четкое»⁷⁹.

Подобное восприятие времени, согласно Гумилёву, свидетельствует о нахождении этноса в состоянии гомеостаза, когда пассионарность близка к нулю⁸⁰. Однако если чувашские крестьяне в начале XX в. не имели пассионарности, то когда-то она у них должна была быть.

Для теории этногенеза совсем не принципиально, происходят чувашаи напрямую от гуннов или от волжских болгар. И те, и другие отнесены Гумилёвым к одному витку этногенеза – хунно-сарматскому⁸¹. Однако как самостоятельный этнос гунны исчезли еще в фазе надлома, растворившись среди соседних народов, в том числе болгар. Чуваши под своим названием упоминаются впервые не ранее начала XVI в., когда не только гунны, но и болгары уже исчезли со страниц источников. Поскольку новые этносы, согласно теории Гумилёва, не образуются при низком уровне

пассионарности, для чувашей возможны два варианта: они возникли еще в эпоху, когда у их предков пассионарность была (конец V в.), но чувашами еще не назывались, и тогда их следует считать потомками сувар/сувазов, унаследовавших пассионарность от гуннов; либо, подобно калмыкам и джунгарам, чьи названия сами говорят об их происхождении («отколовшиеся» – от ойратов и «левое крыло» – по отношению к собственно монголам), чуваша являются осколком другого этноса (болгар). Оба варианта в рамках теории этногенеза допустимы.

Из чувашских исследователей, пытавшихся применить теорию Гумилёва к этнической истории чувашей, к первому варианту склоняется Н.И. Егоров: «Если воспользоваться терминологией Л.Н. Гумилёва, всё I тысячелетие н.э. в этнической истории болгаро-чувашского народа можно охарактеризовать как фазу подъема; в среднеболгарский период наступает акматическая фаза, а после монгольских завоеваний – фаза надлома. Начиная со времени становления Казанского ханства появляется инерционная фаза, которая продолжается вплоть до начала XX века. В советский период наступает фаза обскурации. <...> В настоящее время чувашский этнос, по самым оптимистическим оценкам, находится в мемориальной фазе, близкой к гомеостазу»⁸². Получается, все выделенные Гумилёвым фазы этногенеза чуваша, по Н.И. Егорову, уже прошли, причем «чувашами» в ходе ранних фаз они не назывались.

В.Г. Родионов также пришел к выводу, что чуваша находятся на излете этнического цикла⁸³, но при этом он исходил из собственного подхода к теории Гумилёва. По мнению В.Г. Родионова, многие евразийские народы «доживали лишь до половины указанного Л.Н. Гумилёвым возраста суперэтносов»⁸⁴. Так, «болгарский этнос сложился и распался» с IX по XIV в., т.е. за 600 лет, а «уже в XV в. место болгарского этноса занял чувашский»⁸⁵. Таким образом, в интерпретации В.Г. Родионова евразийские этносы (степные и лесостепные) проходили в своем развитии лишь две фазы этногенеза: «фазу подъема и фазу спада и распада»⁸⁶. Подход сам по себе интересен, но нельзя не заметить, что в нем искусственно разорваны единые этнические циклы. Непонятно, почему болгар на Волге надо считать новым этносом. Здесь, скорее, имеет место второй из указанных вариантов этнообразования – разделение первоначального этноса в результате переселения его групп на удаленные друг от друга территории. В таком случае цикл этногенеза заново не начинается, а продолжается та же его фаза, что и на прежней родине.

Однако В.Г. Родионов действительно подметил важную особенность этнических процессов у евразийских народов – «прерывистый» характер их этногенеза. Он только не обратил внимания, что Л.Н. Гумилёв эту особенность в рамках своей теории совсем не проигнорировал. Еще в лагерной рукописи будущей книги «Хунну» имеется параграф, не вошедший, как и ряд других (см. выше) в опубликованную книгу⁸⁷, но в практически неизменном виде попавший на страницы монографии «Этногенез и биосфера Земли». Прочитаем часть этого текста: «...азиатские понятия термина

“народ” и европейское его понимание различны. В самой Азии этническое единство воспринимается по-разному, и если даже мы отбросим Левант и Индию с Индокитаем... то все же останутся три различных понимания: китайское, иранское и кочевническое. При этом последнее варьируется особенно сильно в зависимости от эпохи. В хуннское время оно не такое, как в уйгурское или монгольское. <...> Чтобы считаться хунном, надо было стать членом рода, но войти в род можно... Наследники хуннов, тюркюты, стали инкорпорировать целые племена. На базе восприятия возникли смешанные племенные союзы, например казахи, якуты и т.п. У монголов, вообще весьма близких к тюркам и хуннам, получила преобладание орда, т.е. группа людей, объединенных дисциплиной и руководством. Тут не требовалось ни происхождения, ни языка, ни вероисповедания... Ясно, что названия орд – не этнонимы, но при наличии орд этнонимы вообще пропадают... понятие “народ” совпадает с понятием “государство”»⁸⁸.

Мы возвращаемся к отмеченной выше проблеме «неуловимости» предков, характерной для большинства тюрко-монгольских народов. Цитированный отрывок и есть ответ Гумилёва на данную проблему: в рамках государственных объединений кочевников постоянно «тасовались» различные племенные группы, что на время скрывало этнографические отличия, но после распада нестойких кочевых империй отличия проявлялись вновь, но уже с печатью произошедших за время существования империй изменений. По мнению еще «раннего» Гумилёва, у тюрко-монгольских народов чаще других менялись этнонимы и формы объединений, но сам процесс этногенеза от этого не прерывался. Соответственно, чувашаи, хотя и не упомянуты, но, вероятно, подчинялись той же закономерности, в результате которой образовались якуты или казахи, поскольку не только предки последних, но и болгары входили в состав Тюркского каганата.

Чуваши несут в себе наследие долгой истории своих предков и их самых разнообразных этнических контактов на протяжении более чем двух тысяч лет (если считать от хуннов). Согласно любой концепции, чувашаи – этнос древний и прошедший, как считал не только Гумилёв, все основные этапы своей этнической истории. Тем не менее теория этногенеза предлагает также и оптимистический для чувашей вывод: войдя в XVI–XVIII вв. в российский суперэтнос, чувашаи получили заряд пассионарности, которая спасала их до сих пор от распада или ассимиляции. Чуваши подчинены единому ритму евразийского этногенеза, поэтому превращение в этнос-реликт им в скором времени не угрожает.

Л.Н. Гумилёв и чувашская наука

Большинство концепций происхождения чувашского народа сформулировано за пределами Чувашии. Даже предположения о связи чувашского языка с шумерским и родстве названий «чуваш» и «сармат» выдвинуты академиком еще Императорской академии наук Н.Я. Марром. Когда же сформировался слой чувашской национальной интеллигенции и появилась

собственная гуманитарная наука, какой-то отдельной *научной* концепции чувашского этногенеза в Чувашии не возникло. После предания забвению марровских взглядов (с 1950 г.) автоматически в чувашскую науку была возвращена болгаро-чувашская теория, возникшая еще в XIX в., а в начале XX в. монографически оформленная Н.И. Ашмариным⁸⁹. В дальнейшем различные дополнения к этой концепции уже мало влияли на ее основное содержание⁹⁰, а все иные концепции воспринимались сквозь призму установившегося канона, согласно которому чувашаи – прямые потомки волжских болгар (вопрос о том, кто такие болгары, выносился за скобки, и каждый чувашский исследователь решал его по-своему). Именно поэтому какого-то резонанса не вызвала упомянутая выше статья Ю.А. Краснова, несмотря на то, что вышла в ведущем археологическом издании страны. Взгляды Л.Н. Гумилёва на происхождение чувашей также воспринимались с известной долей скепсиса. Однако мнение такого крупного ученого и контакты с ним для чувашских ученых и интеллигенции, безусловно, имели значение.

По сохранившимся воспоминаниям, Л.Н. Гумилёв еще с юных лет с интересом и уважением относился к представителям тюрко-монгольских народов⁹¹. По этой причине он легко сходилась в общении с учеными из различных союзных и автономных республик. С некоторыми представителями национальных интеллигенций он познакомился еще в лагерные годы. В их числе можно назвать чувашского писателя, на момент ареста в 1941 г. еще и директора ЧНИИ – И.Я. Яковлева-Саламбека (сообщено В.Д. Димитриевым).

Первые научные контакты Гумилёва с Чебоксарами относятся ко второй половине 1950-х гг. и связаны с подготовкой сборника не публиковавшихся ранее историко-географических работ Н.Я. Бичурина, а также упоминавшейся статьи о чувашской вышивке. Причем у этих работ один и тот же коллектив авторов: Л.Н. Гумилёв, китаевед М.Ф. Хван (бывший солагерник Гумилёва)⁹² и этнограф Т.А. Крюкова (с ней Гумилев работал еще в конце 1940-х гг. в Музее этнографии народов СССР)⁹³, посещавшая Чувашию с экспедициями в 1930-е гг. Таким образом, на рубеже 1950–1960-х гг. создались все условия для тесных контактов Гумилёва с чувашской гуманитарно-научной средой.

Отношениями Гумилёва с Чувашией живо интересовался П.Н. Савицкий, сам отбывавший в 1945–1955 гг. заключение в Мордовии⁹⁴. В письме Гумилёву от 11 мая 1959 г. (из Праги), высказывая мнение по поводу статьи «Алтайская ветвь тюрков-туغو» в той части, где упоминаются чувашские *юпа*, П.Н. Савицкий спрашивает: «Я задался вопросом: как Вы добрались до Госархива ЧАССР (прим. 35 в “алтайской ветви”)? Ездили ли в Чебоксары или Вам прислали выписку? Во всяком случае, сопоставление с чувашским очень ценно». К сожалению, ответ Л.Н. Гумилёва не сохранился, но данная ссылка, безусловно, свидетельствует об установлении контакта с чувашскими учеными.

Сборник работ Бичурина должен был выйти в Чувашском книжном издательстве, редактором которого был этнограф П.В. Денисов. Именно он познакомил Гумилёва со многими представителями чувашской науки и интеллигенции, среди которых в интервью газете «Советская Чувашия» он назвал П.П. Хузангая, В.Д. Димитриева, И.Д. Кузнецова, Н.С. Дедушкина⁹⁵. От того времени в архиве Л.Н. Гумилёва остались книги с особенно теплыми дарственными надписями П.П. Хузангая: общее прошлое, как и с Саламбеком, сблизило бывших заключенных ГУЛАГа⁹⁶.

Сохранилось несколько коллективных фотографий участников съезда возрожденного Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (16–20 апреля 1962 г.). На них неизменно присутствует Л.Н. Гумилёв (везде сидит в первом ряду) и, в зависимости от секции, – В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев или П.В. Денисов⁹⁷. По воспоминаниям В.Д. Димитриева, Л.Н. Гумилёва подсадили в тот же номер гостиницы, где ранее поселили его, и за дни съезда они успели подружиться. Гумилёв все дни звал его вместе обедать и в это время рассказывал не только о своих научных идеях, но и о лагерных годах⁹⁸.

Научные разговоры касались и темы происхождения чувашей. Так, П.В. Денисов вспоминал в интервью: «Человеком он (Л.Н. Гумилёв. – А.С.) был очень доступным, с научных дискуссий на личности никогда не переходил... Такой случай, например, вспоминается. В своей книге “Хунну” он писал, что ни один народ не исчезает бесследно. Остатки хуннов надо искать среди ныне существующих народов, в частности чувашей. Я у него спрашиваю: “Вы, Лев Николаевич, высказали глобальную мысль, но ничем ее не аргументировали”. Он говорит: “Ну Вы самый настоящий Фома неверующий. Вот погодите, выйдет моя новая книга “Древние тюрки”, там Вы найдете ответ на все вопросы”»⁹⁹.

Вероятно, в это же время проходило общение Гумилёва с В.Ф. Каховским. Во всяком случае, в изданной вскоре монографии «Происхождение чувашского народа» в списке благодарностей автор упоминает первым именно Л.Н. Гумилёва¹⁰⁰. Как воспринял гипотезу В.Ф. Каховского Гумилёв, можно было бы только гадать, поскольку ссылок на нее в его работах нет. Однако материалы музея-квартиры Л.Н. Гумилёва позволяют дать вполне однозначный ответ на этот вопрос. Там хранится экземпляр монографии В.Ф. Каховского, примечательный по двум обстоятельствам. Во-первых, это редкое издание 1963 г., которое по тем же причинам, что и сборник Н.Я. Бичурина (китайская тематика), было изъято из обращения, а вышедшая вновь в 1965 г. книга «китайских» глав уже не имела¹⁰¹. Во-вторых, монография В.Ф. Каховского имеет дарственную надпись, но не от автора, а от редактора книги – А.П. Смирнова («Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Гумилёву от редактора. *Подпись*»). Судя по многочисленным маргиналиям и закладкам между страницами, Гумилёв читал книгу внимательно. Он отметил все упоминания М.И. Артамонова и своего имени¹⁰². Из-за лаконичности пометок (подчеркивания, знаки восклицания

и вопроса) не всегда можно понять, что имелось в том или ином случае в виду: просто заинтересованность или же несогласие с чем-то. Тем не менее составить представление о сути замечаний можно.

Прежде всего, Гумилев отверг попытку В.Ф. Каховского сопоставить название «чуваши» с названием одного из княжеств Западного края эпохи китайской династии Хань – Чэши¹⁰³; а интерпретация фактов истории Чэши и вовсе вызвала у него возмущение¹⁰⁴. На двух библиотечных карточках, вложенных между страницами 130 и 131, где приводятся мнения о тюркоязычности хуннов, Гумилёвым выписана цитата из статьи Б.А. Серебренникова, согласно которой чувашаи не имели связи с хазарами и попали в Волго-Камье одной волной вместе с предками болгар непосредственно из Азии. Ниже приписано: «Ках[овский] отрицает это, стр. 210» (с. 201 в издании 1965 г.), – а, как мы видели, именно к этой позиции Гумилёв склонялся в книге «Хунну». Подчеркнуты также те места, где затрагивается вопрос о связи протоболгар (сарагуров, оногуров и урогов) и савир с уйгурами¹⁰⁵. По мнению В.Ф. Каховского, указанные племена входили в число уйгуров¹⁰⁶. Свою позицию Гумилёв четко изложил в вышедшей в те же годы статье «Соседи хазар», из которой можно понять суть его замечаний: «Наша реконструкция хода событий резко отличается от старой точки зрения, причисляющей названия болгарских племен с суффиксом “гур” в их названиях к уйгурам, а не к уграм. <...> Эта стройная концепция имеет один недостаток: она идет вразрез со всеми точно установленными фактами, а также со всеми новыми археологическими находками»¹⁰⁷.

Из приведенных примеров очевидно критическое отношение Гумилёва к монографии В.Ф. Каховского, но общая оценка при этом не сформулирована. Тем не менее нам удалось ее обнаружить. Сохранилась машинописная копия письма Гумилёва татарскому филологу А.Г. Каримуллину, где он дает оценку присланной Каримуллиным рукописи (невысокую, и не рекомендует до проведения правки ее печатать). В самом конце письма Гумилёв касается, видимо, критикуемой в рукописи монографии В.Ф. Каховского: «Я не давал Вам рекомендаций по поводу Вашей полемики с чувашами, хотя я вполне на Вашей стороне. Каховский давал мне рукопись работы на рецензию; я дал отрицательную, ибо она наполовину плагиат, а на другую – вздор. Его пропустил [А.П.] Смирнов; Бог ему судья. Но в Вашем сочинении эта полемика выглядит частностью непомерно раздутой»¹⁰⁸.

Оценка, без сомнения, суровая, но следует иметь в виду, что дана она в частном письме и официально Гумилёв о монографии В.Ф. Каховского так не высказывался. Саму же монографию он, как мы показали, основательно проштудировал.

Высказывание в письме, адресованном татарскому ученому, может навести на мысль, что Гумилёв в большей степени симпатизировал татарским авторам. Этому, однако, противоречат как свидетельство П.В. Денисова¹⁰⁹, так и высказывания самого Гумилёва в различных беседах с татарскими публицистами.

Гумилёв негативно относился к борьбе различных национальных интеллигенций за «славных предков», примеры которой приводились выше. Считая татар в значительной степени потомками волжских болгар, Гумилёв всегда оговаривался, что свести современных татар только к болгарам невозможно: «...правомерно ли считать современных татар остатком какого-либо одного древнего народа? Вряд ли вообще в такой постановке вопроса содержится разумный ответ»¹⁰.

Еще в одном интервью татарскому изданию Гумилёв специально заострил вопрос об этническом преемстве между татарами и болгарами: «Гостил как-то у меня Абрар Каримуллин, сторонник возвращения казанским татарам названия “булгары”. Так я ему прямо сказал: зачем нам отрекаться от гордого имени “татары”. Булгары в составе Тюркского каганата значительной роли не играли. Были разбиты иудеями-хазарами и рассеяны по свету. На Балканах растворились среди славян... Да, на Волге, потеснив и ассимилировав финно-угорские племена, они создали крепкое по тем временам государство, но были ли это уже “булгары” в чистом виде или возник несколько иной этнос? Ведь не нужно забывать и о воздействии степняков и монголов. И наконец, надо учитывать то, что общий этноним “татары” духовно цементирует тюркские народы страны...»¹¹

В цитированном письме тому же А.Г. Каримуллину Гумилёв довольно жестко заметил: «Вы утверждаете, что казанские татары – булгары. Это не ново, но ничего не доказывает. Предки болгар пришли на берега Камы как завоеватели и смешались с финно-уграми, аборигенами края. Монголы тоже пришли, завоевали и смешались. Улу-Мухаммед тоже привел войско, которое смешалось. Все этносы Земли когда-то приходили на место, покоряли аборигенов и смешивались, ибо это способ образования новых этносов. Поэтому Вы зря поливаете грязью монголов, половцев, ордынцев и других степняков только за то, что они иногда побеждали... Требуя уважения к своему народу, надо уважать и другие, пусть даже бывшие когда-то противниками Ваших предков. А то получится [Б.А.] Рыбаков наоборот»¹².

Таким образом, Л.Н. Гумилёв не занимал чью-то сторону в спорах за прошлое, а выступал за научную объективность. По собственной инициативе он ввел чувашскую тематику в изучение истории евразийских кочевников и, например, благодаря энциклопедической статье «Гунны» обратил на чувашей внимание всех, кому интересны кочевники, а не специально чувашаи¹³. При этом, вопреки стереотипам, упоминания современных казанских татар в работах Гумилёва крайне редки, а их связи с историческими народами Евразии он считал менее определенными, чем у чувашей.

Литература, источники и примечания

¹ *Плетнёва С.А.* Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 16–17, 26–27.

² *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 2, ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 528–529. *Гумилёв Л.Н.* Конец и вновь начало. М.: Рольф (Айрис-пресс), 2001. С. 21–22.

³ *Литвинский Б.А.* Бободжан Гафурович Гафуров и его труд // Гафуров Б.Г. Таджики. 2-е изд. Кн. 2. Душанбе: Ирфон, 1989. С. 334.

⁴ *Абрамзон С.М.* [Рецензия] // Советская этнография. 1976. № 2. С. 167–169. Рец. на кн.: *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. 341 с.

⁵ *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. С. 149.

⁶ Научная сессия по этногенезу киргизского народа // Советская этнография. 1957. № 1. С. 156–157. О том, в каком тупике оказалось изучение этногенеза киргизов, свидетельствует статья из энциклопедии «Народы России»: «...на территории Центрального Тянь-Шаня и Семиречья с древнейших времен до XVI в. упоминаются этнические названия: саки, усунь, юечжи, хунны, эфталиты, дулу, нушиби, тюргеши-тухси и азы, карлуки, согдийцы, чигили, аргу, туркмены, кыпчаки, канглы, кара-китай, найманы, монголы и тюрко-могульские племена Могулистана» (*Караев О.К.* Киргизы // Народы России: энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С. 191). Не все в этом списке народы (дулу и нушиби) и даже люди (Аргу – название области), не все жили в очерченном ареале, главное же, не бывает этносов с двумя десятками предков, а простое перечисление народов прошлого – не лучший способ решения этногенетических проблем.

⁷ *Бикбулатов Н.В.* Башкиры // Большая советская энциклопедия (БСЭ). Т. 3: Бари – Браслет. М., 1970. С. 67. Стб. 189–190.

⁸ *Абрамзон С.М.* Казахи // БСЭ. Т. 11: Италия – Кваркуш. С. 144. Стб. 418. М., 1973. Казахская ССР // БСЭ. Т. 11. С. 149. Стб. 433.

⁹ *Кисляков Н.А.* Таджики // БСЭ. Т. 25: Струнино – Тихорецк. М., 1976. С. 169. Стб. 493. Таджикская ССР // БСЭ. Т. 25. С. 172–173. Стб. 504–505.

¹⁰ *Узбекская ССР* // БСЭ. Т. 26: Тихоходки – Ульяново. М., 1977. С. 487. Стб. 1447.

¹¹ *Туркменская ССР* // БСЭ. Т. 26. С. 344. Стб. 1018.

¹² *Каховский В.Ф.* К вопросу о происхождении и формировании чувашской народности // Чуваши: этнографическое исследование. Ч. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1970. С. 299, 301. *Егоров Н.И.* Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Кн. 1. Чебоксары: Новое Время, 2017. С. 255.

¹³ *Семёнов Вл.А.* Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 3 (43). С. 100.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ *Боровкова Л.А.* Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. С. 108–109.

¹⁶ *Алексеев В.П.* В поисках предков. М.: Советская Россия, 1972. С. 219–220. Одновременно Н.Я. Марр считал названия «чуваш», «булгар», «хазар» лишь вариантами названия «сармат» (*Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л.: ОГИЗ, 1936. С. 86).

¹⁷ *Марковин В.И.* О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // Российская археология. 1994. № 4. С. 56.

¹⁸ *Немировский А.И.* История Древнего мира: Античность: в 2 ч. Ч. 1. М.: Владос, 2000. С. 98–99.

¹⁹ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 59–60.

²⁰ *Смирнов А.П.* [Рецензия] // История и культура Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Вып. 1. Чебоксары, 1971. Рец. на кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: сб. / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань, 1971; Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (по поводу рецензии А.П. Смирнова) / А.Х. Халиков, П.Н. Старостин, Е.А. Халикова, А.Г. Петренко // Советская археология. 1974. № 1. С. 265–274. *Смирнов А.П.* Ответ А.Х. Халикову, П.Н. Старостину, Е.А. Халиковой, А.Г. Петренко и др. // Советская археология. 1974. № 2. С. 320–325. *Смирнов А.П.* О столице государства волжских булгар // Советская археология. 1972. № 1. *Хлебникова Т.А.* Ранний Булгар // Советская археология. 1975. № 2. С. 120–132.

²¹ *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата: археологическая реальность. М.: Гешарим, Мосты культуры, 2011. С. 224.

²² Кузнецов И.Д. К вопросу о происхождении чувашской народности // Кузнецов И.Д. Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары: Чувгосиздат, 1960. С. 10.

²³ Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. С. 27. Косвенно об этом еще в 1965 г. высказался Б.А. Серебrenников: «Большинство таких конференций (по проблемам этногенеза. – А.С.) ничего особенного не решает и никаких особенных результатов не дает. Нередко бывает и так, что поставленные вопросы еще более запутываются» (Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 287).

²⁴ Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. С. 11–14. Чуваши // Большая российская энциклопедия. Т. 34. М.: Большая российская энциклопедия, 2017. С. 629–631.

²⁵ Вопросы истории чувашского народа // Советская этнография. 1950. № 3. С. 177–180.

²⁶ Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3. С. 112–124.

²⁷ Михайлов Е.П. Чебоксарская экспедиция // Чувашская энциклопедия. Т. 4: Си – Я. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 455.

²⁸ Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа ... С. 116–117, 118. Прим. 50.

²⁹ Там же. С. 113–115.

³⁰ «Славянские ль ручьи сольются в русском море?..»: Петербургские встречи // «Живя в чужих словах...»: воспоминания [о Л.Н. Гумилёве / сост., вступ. ст., коммент. В.Н. Вороновича, М.Г. Козыревой]. СПб.: Росток, 2006. С. 537.

³¹ Гумилёв Л. Азиатский исток традиций чувашского народного искусства // Советская Чувашия. 1959. 18 августа. В статье 1959 г. говорится о «полчищах Батыя», что для стиля Л.Н. Гумилёва совсем не характерно. Когда статья была переиздана (Гумилёв Л. Азиатский исток традиций чувашского народного искусства // Советская Чувашия. 1996. 12 января), на том же месте в ней оказались «полки Батыя», а также заключительное предложение, отсутствовавшее в первой публикации. Вероятно, в 1996 г. был издан сохранившийся оригинальный текст, подвергшийся в первом издании редакторской правке.

³² Гумилёв Л.Н., Крюкова Т.А., Хван М.Ф. Китайские письма на чувашской рубахе // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 171–189.

³³ Там же. С. 180. Ср.: Гавритухин И.О. Гунны // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 160.

³⁴ По мнению А.А. Трофимова, считающего данную рубаху «ценным памятником народного искусства», «в ее украшениях нет каких-либо элементов китайского письма», а композиция вышивки в целом передает «космогонические представления» чувашей (Трофимов А.А. О чувашской вышивке XVIII века // Трофимов А.А. Искусство: избранные труды: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 398; Трофимов А.А. Произведения чувашской народной вышивки в музеях России (XVII–XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 29).

³⁵ Гумилёв Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // Советская археология. 1959. № 1. С. 114.

³⁶ Трофимов А.А. Чувашская народная деревянная скульптура // Трофимов А.А. Искусство: избранные труды. С. 246–247, 252, 255.

³⁷ Баскаков Н.А. Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 142, 182.

³⁸ Гумилёв Л.Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 244. Десятилетием ранее А.Н. Бернштам высказал мнение, что чувашки являются «последствием гунно-аварского периода» на юге России (Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. С. 215). Это в целом (если исключить авар) правильное предположение снабжено таким числом оговорок (например, чувашки – один из остатков «варварского резерва Центральной Азии», не подвергшегося феодализации), что оно осталось незамеченным. По крайней мере, имя А.Н. Бернштама обычно не фигурирует при перечислении авторов концепций чувашского этногенеза.

³⁹ Еще раз подчеркнем, что статья о чувашской вышивке с тем же выводом опубликована при жизни авторов не была, а газетный очерк за пределами Чувашии вряд ли кому был известен.

⁴⁰ Гумилёв Л.Н. Некоторые вопросы истории хуннов // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 120–121.

⁴¹ В своей заключительной книге о гуннах О. Мэнчен-Хэлфен ответил Гумилёву. Не касаясь критических тезисов в адрес своей статьи, он указал на досадную ошибку в подсчете времени, понадобившегося хуннам в движении на запад: «Это несомненно впечатляющая картина, но самое удивительное в ней – элементарная ошибка Гумилёва в подсчетах: 2600 километров, разделенные на 1000 <дней>, дадут не 26, а 2,6 километра <в день> расстояние, которое не должно быть слишком тяжелым даже для дородных хуннских дам» (*Maenchen-Helfen O. The World of the Huns: Studies in their history and culture: [ed. by Max Knight]. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1973. P. 447*). Эта остроумная поправка ничего не опровергает. Сколько бы времени ни понадобилось хуннам на передвижение, само присутствие чувашского языка в Восточной Европе доказывает, что миграция хуннов на запад была.

⁴² Гумилёв Л.Н. Хунну. С. 10.

⁴³ Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 66, 78, 79–80, 82, 87.

⁴⁴ Там же. С. 56.

⁴⁵ Там же. С. 174.

⁴⁶ Именно в такой обновленной форме концепция этнической истории степных народов Восточной Европы вызвала возражение у чувашских историков (*Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. 4-е изд. Чебоксары, 2017. С. 210 (с. 250–251 по изд. 1965 г.)*).

⁴⁷ Гумилёв Л.Н. Гунны // Советская историческая энциклопедия. Т. 4: Гаага – Двин. М.: Советская энциклопедия, 1963. Стб. 891.

⁴⁸ Например, в небольшой книге «Открытие Хазарии» фактически повторена дословно формулировка из исторической энциклопедии (*Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Наука, 1966. С. 100*).

⁴⁹ Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. С. 6.

⁵⁰ Там же. С. 55.

⁵¹ Машинопись на семи листах с личной подписью З.Д. Кастельской и датой «3 декабря 1965 г.».

⁵² «Надо править рукопись “Тюрк” по замечаниям редактора. Часть их глупая, а часть дельная» (Лев Николаевич Гумилёв. Письма к матери брата, О.Н. Высотской, другу, В.Н. Абросову, и брату, О.Н. Высотскому (1945–1991) / [сост. Г.М. Прохоров]. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 187–188). В публикации письмо ошибочно датировано 15 декабря 1962 г.

⁵³ В наличии редакторского произвола нетрудно убедиться, взяв в руки экземпляр издания 1974 г. Уже пропечатанный в «Содержании» пункт «Указатели» (должны были начинаться со с. 259, но в книге всего 260 страниц) замазан типографской краской, а сами указатели отсутствуют.

⁵⁴ Гумилёв Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 5–6.

⁵⁵ Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1991. С. 98–101.

⁵⁶ Там же. С. 102.

⁵⁷ Там же. С. 103.

⁵⁸ *Смирнов А.П. [Рецензия]... С. 498, 502. По мнению А.П. Смирнова, гипотеза П.Н. Третьякова устарела, поскольку низовые чувашы образовались только в XV–XVI вв. под сильным влиянием казанских татар. Впрочем, например, в 1950 г. А.П. Смирнов эту точку зрения поддерживал (Там же. С. 499). Ср.: Вопросы истории чувашского народа // Советская этнография. 1950. № 3. С. 179.*

⁵⁹ *Третьяков П.Н. Происхождение чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 50.*

⁶⁰ Там же. С. 46, 48.

⁶¹ Там же. С. 46, 49, 53. Гипотеза напоминает уже приводившееся мнение А.Н. Бернштама. Ю.А. Краснов отметил, что гипотеза П.Н. Третьякова основывалась на общен исторических соображениях и археологически (по состоянию на 1974 г.) «тезис о доболгарской тюр-

кизации финно-угорского населения» не подтверждается, хотя «в принципе» такая возможность не отрицается (*Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных. С. 117).

⁶² *Сараев А.С.* Проблема этнокультурной преемственности кочевых народов Евразии // *Наследие Л.Н. Гумилёва и судьбы народов Евразии: история, современность, перспективы.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 501–503.

⁶³ Однако в письме от 23.04.1961 П.Н. Савицкому Гумилёв, объясняя разницу между чувашами и финно-уграми, замечает: «Бичурин мог быть чувашем и мировым ученым, а если бы он был вотяком, он был бы колдуном. Народы, как книги, имеют свою судьбу» (Цит. по: *Воронович А.В.* Ученые в переписке Л.Н. Гумилёва // *Вестник СПбГУ. Серия 2, История.* 2010. С. 141).

⁶⁴ Лев Николаевич Гумилёв. Письма ... С. 78–79.

⁶⁵ *Чернецов В.Н., Мошинская В.И.* В поисках древней родины угорских народов // *По следам древних культур: от Волги до Тихого океана.* М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 187–191.

⁶⁶ Происхождение марийского народа. С. 282.

⁶⁷ *Гумилёв Л.Н.* Хунны в Китае. С. 202. Гумилёв считал акациров одним из гуннских племен, живших в восточной части империи Аттилы, о чем впервые написал в комментарии к «Истории хазар» (*Артамонов М.И.* История хазар. С. 56).

⁶⁸ *Гумилёв Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. С. 142.

⁶⁹ *Гумилёв Л.Н.* От Руси до России. СПб.: Юна, 1992. С. 31.

⁷⁰ *Гумилёв Л.Н.* Из истории Евразии: очерк. М.: Искусство, 1993. С. 39.

⁷¹ *Гумилёв Л.Н.* Хунну. С. 247; *Гумилёв Л.Н.* Гунны // *Советская историческая энциклопедия.* Стб. 889.

⁷² *Артамонов М.И.* История хазар. С. 174.

⁷³ Цит. по: *Гумилёв Л.Н.* Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 237.

⁷⁴ Там же. С. 252.

⁷⁵ *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992. С. 190–191.

⁷⁶ Там же. С. 184.

⁷⁷ Там же. С. 569.

⁷⁸ *Гумилёв Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. С. 98–99, 100.

⁷⁹ *Гумилёв Л.Н.* Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1970. С. 145. Материал о чувашах и других поволжских народах Л.Н. Гумилёву предоставила Т.А. Крюкова – соавтор статьи о чувашской вышивке.

⁸⁰ Там же. С. 155–156. См. также: *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С. 98.

⁸¹ Диаграмма «Динамика этнокультурных систем Евразии» (*Гумилёв Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. С. 19; *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С. 332).

⁸² *Леонтьев А.П., Егоров Н.И.* Откуда мы? Куда идем? Беседы под Древом Познания. Кн. 1. Чебоксары: Хыпар, 2012. С. 293.

⁸³ *Родионов В.Г.* Новые подходы к изучению этносов и культур // *Известия НАНИ ЧР.* 1996. № 2. С. 83.

⁸⁴ Там же. С. 79–80.

⁸⁵ Там же. С. 80.

⁸⁶ Там же. С. 83.

⁸⁷ По рукописи «История Срединной Азии в Средние века. Т. II» (название зачеркнуто) текст соответствует лл. 23–25 главы «Перипл Ханьхая» (параграф «Способ исследования»).

⁸⁸ *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера земли. С. 63–64.

⁸⁹ *Третьяков П.Н.* Происхождение чувашского народа в свете археологических данных. С. 45–46.

⁹⁰ *Каховский Б.В.* Василий Филиппович Каховский // *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. 4-е изд., перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 7.

⁹¹ «Дальше ехать пришлось в товарном вагоне, оборудованном скамейками для пассажиров. Народу набралось много, и некоторое время спустя неожиданно для себя я увидела

на своих коленях голову спящего пожилого бурята. Он не был пьян, просто казался очень усталым. Я молча спросила глазами сидевшего рядом Леву: как быть? И услышала умиротворяющий ответ: «Оставьте его, пусть спит. Аборигенов нужно уважать, ведь они потомки монголов...» Я успокоилась, не потревожила спящего. И только десятилетия спустя поняла, что уже тогда, в 1931-м, в свои 19 лет, Лев Николаевич Гумилёв любил монголов!» (Цит. по: *Дашкова А.Д.* Лев Гумилёв, начало 30-х // Лев Николаевич Гумилёв. Письма ... С. 282).

⁹² Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / [сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина]. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 397. О начале работы над «рукописями Иакинфа» Гумилёв впервые сообщает в письме В.Н. Абросову от 6.10.1958 (Лев Николаевич Гумилёв. Письма ... С. 146). В дальнейших письмах отмечаются отдельные этапы работы и возникавшие организационные сложности. Наконец, в письме В.Н. Абросову от 8.11.1960 Гумилёв сообщает: «Вышел наш с Хваном Иакинф. Сенсация!» (Там же. С. 169). Однако планировавшийся второй том с его и М.Ф. Хвана комментариями, указателями и картами, о начале работы над которым Гумилёв сообщает в письме от 27.02.1959 (Там же. С. 148), так и не вышел. О причине – осложнение отношений между СССР и Китаем – сообщает П.В. Денисов (Послесловие профессора П.В. Денисова // Советская Чувашия. 1996. 1 февраля). Кроме того, даже и вышедший первый том издательству было приказано разослать лишь по нескольким библиотекам и не выпускать ни одного экземпляра за пределы Чувашии.

⁹³ *Никитин А.Г.* Отрывочные воспоминания о Льве Николаевиче Гумилёве // Лев Николаевич Гумилёв. Письма ... С. 305–306.

⁹⁴ Люди и судьбы. С. 336.

⁹⁵ *Алексеев В.* Сквозь тернии к истине, или Рукописи не горят // Советская Чувашия. 1996. 12 января.

⁹⁶ «Дорогому Льву Николаевичу Гумилёву, судьба которого мне понятна и близка... Тавсси! П. Хузангай. 20.III.1961. Ленинград» на сборнике стихов: *Хузангай П.* Высота. М., 1960. (Библиотечка «Огонька»). Две книги подписаны в Чебоксарах, по-видимому, в момент приезда самого Гумилёва. «Дорогой Лев Николаевич! Здесь, пожалуй, небезынтересные для Вас сказки. П. Хузангай. 1961.30.IV. Чебоксары» (*Хузангай П.* Избранное: стихи, поэмы, сказки. Т. 2. Чебоксары, 1958). На первом томе того же сборника особенно интересная надпись: «Лев Николаевич! Решаюсь предстать перед Вашим судом, зная все слабости этой книги... Признательный Вам за Ваш вклад в дело подъема национального самосознания чуваш П. Хузангай. 30.IV.1961. Чебоксары, проспект Ленина, 38, кв. 43» (*Хузангай П.* Избранное: стихи, поэмы, сказки. Т. 1).

⁹⁷ Татарская археология. 1997. № 1. С. 6. В указанном издании фотография, где Л.Н. Гумилёв и В.Ф. Каховский сидят в первом ряду, В.Д. Димитриев стоит во втором ряду за А.П. Смирновым. Антология советской археологии (1941–1956). Т. 3. М.: ГИМ, 1996. На обложке – та же фотография, что и в «Татарской археологии», но напечатана в зеркальном отражении. Лев Николаевич Гумилев. Письма ... С. 248. Здесь фотография с П.В. Денисовым, он во втором ряду.

⁹⁸ В частности, о том, как спас М.Ф. Хвана от тяжелой работы, устроив в хор самодеятельности. Не имевшему абсолютно певческого голоса, Хвану было поручено при исполнении песни «Вечерний звон» произносить «бом, бом», как вспоминал четыре десятилетия спустя с улыбкой В.Д. Димитриев. Он же утверждал, что Гумилёв прекрасно пел и хорошо играл на гитаре, о чем в известных мне воспоминаниях не сообщается.

⁹⁹ *Алексеев В.* Сквозь тернии к истине, или Рукописи не горят // Советская Чувашия. 1996. 12 января. В личном сообщении мне П.В. Денисов отметил, что в «Древних тюрках», когда они вышли, ничего о чувашах не нашел. Что там могло быть и почему не было опубликовано, выше мы уже рассмотрели.

¹⁰⁰ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 6.

¹⁰¹ Послесловие профессора П.В. Денисова // Советская Чувашия. 1996. 1 февраля. «По этой же причине пострадало также первое издание монографии В.Ф. Каховского...

в которой автор при изложении истории хунну – древнетюркских племен – затрагивал «китайскую тематику» и излагал содержание неизданной рукописи Л.Н. Гумилёва и его коллег».

¹⁰² *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. С. 73, 74, 152, 188–191, 237, 262. Здесь и далее номера страниц даны по изданию 1963 г., в котором Гумилёв делал свои пометки.

¹⁰³ Там же. С. 178–179, 193.

¹⁰⁴ Там же. С. 174–175. На полях обеих страниц написано: «Чушь».

¹⁰⁵ Там же. С. 190–193 (с. 180–183 в изд. 1965 г.), 240 (с. 232 в изд. 1965 г.).

¹⁰⁶ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. С. 192–193 (с. 182 в изд. 1965 г.).

¹⁰⁷ *Гумилёв Л.Н.* Соседи хазар // Страны и народы Востока. Вып. 4. М.: Наука, 1965. С. 132–133.

¹⁰⁸ Машинопись на трех листах (л. 3). Без даты. По упоминанию только разворачивающейся критики книги О. Сулейменова «Аз и Я» (1975) письмо можно датировать серединой – второй половиной 1970-х гг.

¹⁰⁹ «Со Львом Николаевичем мы много лет переписывались, встречались часто. К слову, побывал у него незадолго до его смерти» (*Алексеев В.* Сквозь тернии к истине, или Рукописи не горят).

¹¹⁰ *Гумилёв Л.Н.* Черная легенда ... С. 259.

¹¹¹ «К мрачным типам себя не отношу». URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article35.htm> (дата обращения: 9.08.2018).

¹¹² В свою очередь, работы татарских авторов в советское время вовсе не изобиловали ссылками на Гумилёва. Несмотря на, как считается, хорошие отношения с А.Х. Халиковым (цитированное письмо заканчивается приветом ему и М.А. Усманову, а в библиотеке Гумилёва хранятся книги с дарственными надписями А.Х. Халикова), в монографии последнего о происхождении татар нет ни единой ссылки на Л.Н. Гумилёва или хотя бы упоминания его имени в тексте (*Халиков А.Х.* Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. С. 37–55), где представлена история древних тюрков до образования Волжской Болгарии.

¹¹³ В современной статье «Гунны», несмотря на немалый объем (три полных столбца), сообщается лишь об «истреблении или поглощении» гуннов протоболгарами (*Гавердугин И.О.* Гунны // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. С. 161).

A.S. Sarayev

THE ORIGIN AND ETHNIC HISTORY OF THE CHUVASH PEOPLE IN THE WORKS OF L.N. GUMILEV

The value of L.N. Gumilev's works in the study of the problem of the Chuvash ethnogenesis is associated with two circumstances: first, it was L.N. Gumilev who for the first time in the national science developed a paradigm of the history of the Turkic-Mongolian peoples of Eurasia, in which there was a place for the Chuvash; secondly, L.N. Gumilev, being interested in various aspects of the history of the peoples of the Volga-Ural region, was not engaged by any of the regional scientific schools, acting as an impartial arbiter in their long-standing scientific disputes. In addition, L.N. Gumilev is the author of the original theory of ethnogenesis, within which the problem of the origin of the Chuvash finds new possibilities for solving.

Keywords: L.N. Gumilev, N.Ya. Marr, V.F. Kakhovsky, B.A. Serebrennikov, N.A. Baskakov, the Chuvash, Huns, Bulgars, ethnogenesis.

УДК 75-051

ЧГВ, 2018 г., № 13
© А.И. Мордвинова

ХУДОЖНИК
АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МИТТОВ:
СТАНОВЛЕНИЕ МАСТЕРА

В статье рассматриваются условия формирования творческих и личностных качеств А.И. Миттова, чьи произведения составили славу изобразительного искусства Чувашии XX в. Документы из семейного архива художника, многие из которых были неизвестны, позволили приблизиться к пониманию непростого пути художника в достижении его высокой цели – создание национальной живописной школы. Глубокая привязанность к земле предков, почитание родовых традиций, учеба у выдающихся педагогов в городах Чебоксары и Ленинград – все это явилось основой для развития выдающегося художественного таланта.

Ключевые слова: А.И. Миттов, формирование личности художника, создание национального культурного кода.

Изучение творчества Анатолия Ивановича Миттова преподносит множество открытий, которые позволяют приблизиться к истинному образу художника и пониманию значимости его творческого наследия. Среди архивных материалов и личных вещей – вновь выявленные произведения, неизвестные документы и фотографии, блокноты и дневниковые записи. Вкупе с известными ранее источниками они ярко иллюстрируют выдающуюся роль Миттова в истории чувашского изобразительного искусства.

Говоря о Миттове, исследователи все чаще произносят прилагательное «гениальный». Действительно, он шел к намеченной цели собственным путем, открывая новые возможности для современного ему искусства, формировал его иные законы, опережая время.

Он создавал произведения, обретшие качество и свойство национального и, более того, общечеловеческого содержания. В настоящей статье мы вновь вернемся к событиям 1950 – начала 1960-х гг., предвосхитившим

Антонина Ильинична Мордвинова – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: amordvinova@yandex.ru.

творческий расцвет художника¹. Очень важно понять условия и среду, в которых он формировался как личность, обозначить людей, кто был рядом с ним в детские годы, во время учебы в художественном училище и Академии художеств – в период становления художественных взглядов и вкусов². В произведениях Миттова, созданных в первые годы самостоятельной творческой жизни, попытаемся найти те глубинные мотивы, которые вывели молодого художника на поиск новой формы чувашского изобразительного искусства, увидеть первые проблески зарождающейся манеры, которая абсолютно оригинальна, индивидуальна. Они, пожалуй, стали одним из главных достижений чувашского изобразительного искусства XX столетия.

Обращаясь к общепринятым определениям гениальности, выделим среди них очень тонкую, в то же время объемную трактовку этого термина, высказанную итальянским врачом-психиатром Ч. Ламброзо еще в XIX в. В книге «Гениальность и помешательство» он четко разделяет эти два понятия и, перечисляя имена гениев, пишет: «Ни в одном из них любовь к истине и красоте не заглушила любви к семье и отечеству. Они никогда не изменяли своим убеждениям и не делали ренегатами, они не уклонялись от своей цели, не бросали раз начатого дела. Сколько настойчивости, энергии, такта высказывали они при выполнении задуманных ими предприятий и какой умеренностью, каким цельным характером отличались в своей жизни! А ведь на их долю выпало тоже немало страданий от преследования невежд, им тоже приходилось испытывать и припадки изнеможения, следовавшие за порывами вдохновения, и муки овладевшего ими сомнения...»³ Каждая составляющая этого определения соответствует характеру личности Миттова и тому, как он реализовал себя в творчестве. Его гармоничное существование в искусстве заключалось в ясности цели и устремленности к ней, в преданности избранному пути. Другой стороной его жизни было трагическое несоответствие его образа мыслей установленным правилам советского искусства и напряженность поисков его нового языка. Драматизм существования Миттова усугублялся неприятием его многими чувашскими коллегами и бытовой неустроенностью. Этот диссонанс нараждался постепенно, по мере утверждения А.И. Миттовым принципиально новой философии национального искусства.

О любви к отечеству

Любовь к отечеству в изобразительном искусстве выражается, если судить поверхностно, выбором темы и героев, пейзажами родины, атрибутами, символизирующими его прошлое и настоящее. Часто это остается лишь штампом, узнаваемой формулой, средством для создания имени. А.И. Миттов много размышлял о современном ему искусстве и понимал, что пути художника к успеху в советском обществе не всегда были праведными. Однажды он напишет в своем дневнике: «Многие просто спекулируют именем живописи, продавая государству злободневные сюжеты, шумливые холсты, громкие фразы»⁴. Любовь к отечеству заключалась для него,

идеалиста во многих вопросах жизни, в служении чувашскому народу и созданию национального изобразительного языка, в утверждении в своих произведениях выработанных веками эстетических ценностей.

Очень важно в этом вопросе обратиться к пейзажному жанру, так как именно в нем можно проследить, по нашему убеждению, эволюцию творческих идей Миттова и развитие собственного изобразительного языка. В первую очередь надо отметить, что ландшафт родного села стал единственным «героем» его картин в этом жанре. Исключением являются лишь работы студенческих лет, созданные в городах Чебоксары и Ленинград, где он следовал учебным заданиям.

Говоря о художниках-пейзажистах Чувашии, редко у кого найдешь такую глубокую привязанность к одному ландшафту – месту своего рождения, земле своих дедов и прадедов. Пейзаж села Тобурданова присутствует в творчестве Миттова начиная с первых акварелей, где он еще не оторвался от реалистической фиксации выбранного места. В лиричности им не откажешь, но глубокие эстетические переживания красоты окружающего мира (в детстве этот мир ограничивался родным селом) заставляют его искать новые выразительные средства как в живописи, так и в графике. Шаг за шагом художник приближался к созданию ныне знаменитых произведений, посвященных чувашской старине, и пейзажей с изображением тобурдановского леса. В каждой картине серий «Земля наших дедов», «Чувашская старина» или по мотивам песни «*Алран кайми аки-сухи*» он воплощал красоту своей земли только ему присущим языком линий, силуэтов и цвета. В них он трансформировал уже знакомый нам пейзаж в некий прекрасный и гармоничный мир, наполненный буднями и праздниками крестьянина, кем были его отцы, деды и прадеды. Мотивы сельской жизни, имеющие более драматичный характер, появляются в его творчестве довольно редко. Самые выразительные в этом плане – несколько картин под названием «Пашня. Весна», которые были созданы в первой половине 1960-х гг.

На переломах своего жизненного пути, когда мир для него все более и более сужался в неразрешимых проблемах и трагических обстоятельствах, в поисках адекватного выражения чувств, тобурдановский овражистый и холмистый пейзаж вырастал у него в символ человеческого пути на земле, человеческой жизни, полной падений и подъемов. Объем понятия «пейзаж» приобретал космические размеры.

Пейзаж с природы, или пейзаж, обретающий символическое значение, неизменно присутствует в творчестве Анатолия Миттова, что, конечно, не случайно. Красота природы, пережитая в детстве эмоционально, бессознательно и глубоко, укоренилась в его памяти. Великий гуманист Д.С. Лихачев, рассуждая о неразрывной связи культуры человека и живой природы, приходит к мысли об их неизбежном взаимовлиянии и неразрывной связи. Он пишет о том, что крестьянин создавал красоту русской (мы добавим: чувашской. – А.М.) природы своим многовековым трудом: «Он пахал зем-

лю и тем задавал ей определенные габариты. Он клал меру своей пашне, проходя по ней с плугом... Приглаживая землю, человек убирал в ней все резкие грани, бугры, камни... Хождения крестьянина за плугом, сохой, бороной не только создавали “полосыньки” ржи, но ровняли границы леса, формировали его опушки, создавали плавные переходы от леса к полю, от поля к реке»⁵.

Тобурдановская земля, то поднимающаяся по холмам, то раскинутая широким полем, перерезанная оврагами и извилистой речкой Урюм, обихожена, «разглажена», сколько возможно, плугом крестьянина. Ее мягкие очертания и протяженные линии перечеркнуты иногда гребнем деревьев дальнего леса или вздымающейся на первом плане кроной столетней ветлы. Срединный в Чувашии Канашский район, в который входит село Тобурданово, в отличие от степных южных или овражистых северных районов республики, соединил в себе все разнообразие природных рельефов и масштабов. Село Тобурданово как будто доведено небесным художником до совершенства, с какой стороны на него ни помотришь. То оказываешься в низине, а тропинка ведет к высоким облакам, то как будто паришь, словно птица, стоя на вершине холма. Не случайны же и ракурсы пейзажей на картинах Миттова, которые можно назвать изображениями с высоты птичьего полета. Таковы его «Хороводы» и «Стога». Такова картина «Ели», в которой – квинтэссенция его впечатлений и воспоминаний детства, а еще и возведение тобурдановского леса, фрагмента родины, до высокого обобщения, почти исторического полотна о родине.

Вообще, тобурдановский лес занимает в творчестве художника особое место. Здесь, в пяти километрах от села, была пасека, где семья держала ульи, там же пасли домашний скот. Летом это место и все, что было по дороге туда, манило, было полно открытий и приключений. Вот как об этом написал брат художника В.И. Миттов: «В летнее время мы часто ходили с Анатолием на пасеку... Водили теленка и козленка, а вечером приводили их обратно домой. По пути неподалеку был огромный глубокий овраг. На глубине оврага журчал чистой воды ручей. Каких трав там только не было! Папоротники росли выше человеческого роста (нам казалось так)...»⁶

Ежедневная дорога братьев Миттовых туда и обратно через это сказочное и таинственное великолепие, да и вся жизнь Миттова-мальчика в отчем доме сохранилась в памяти как самая яркая и светлая часть прошлого, претворилась в пейзажи со сказочно красивыми, почти фантастическими цветами и травами.

Свое самостоятельное творчество после окончания института Анатолий Миттов начинает живописными экспериментами. Среди работ необходимо выделить серию пейзажей в смешанной технике (акварель, гуашь, темпера), в которых он использует тонкую стилизацию и стремится к цветовой гармонии. Главное же в них – невероятно прозрачные, как будто пронизанные солнцем фоны, легкий ритм стволов и веток, мерцающая дина-

мичными мазочками листва кустов и деревьев, рядом с ними – кажушиеся огромными цветы и травы. Они явились будто прямо из детства художника. В дневниковых записях Миттов часто возвращается к тобурдановскому лесу в воспоминаниях. В апреле 1966 г. он пишет: «Прошло столько лет! Почему сегодня вдруг с такой силой ощутил запах леса, запах травы, пение птиц, утро, росу, дорогу, поразившие меня когда-то в детстве?»

Музыкальность линий и ритмов, выразительность силуэта, которые так характерны для произведений Миттова, стали яркой чертой его почерка. Он находил их, как сам писал, в народном искусстве – узорах вышивок, ткачества, в мелодиях песен, в рисунке хороводов. Но все это было рождено и окружающей природой, всем укладом жизни крестьянина, органичным его существованием на родной земле. Поклонение природе, острое чувство красоты родной земли дополнились пониманием ее неповторимости, так же как и особенности народного искусства – музыкального, поэтического, танцевального, декоративно-прикладного, а также в чувашском языке. Духовное и земное пространство отечества было главной частью, основой художественного пространства мастера. Он сумел возвести пейзаж родного села Тобурданово в абсолютный эквивалент прекрасного, а древние традиции народа – в эквивалент мудрости и духовности.

О любви к семье

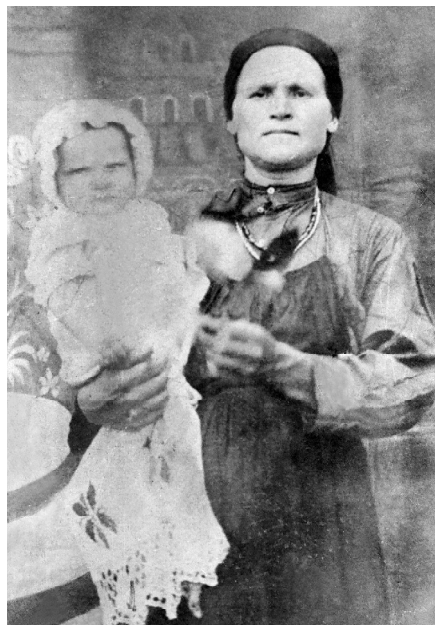
Семья – еще одна из корневых составляющих, сформировавших личность Анатолия Миттова. Семья и вся сельская община Тобурданова, ее жизненный уклад дали ему фундаментальные основы мировоззрения, а также острые переживания родного дома, любви, тепла и вдохновляющей красоты, сформировали идею служения отечеству, о чем он оставил множество высказываний и записей, а главное – произведения, глубоко национальные по своему содержанию.

Как и когда сформировались эти высокие идеи и цели? При изучении наследия выдающегося художника естественно обратиться к источнику, его питающему. Очевидно, что мировоззрение Анатолия Миттова складывалось в недрах чувашского народа, затем обогатилось культурой русской и европейской. Но стержнем его натуры стали семейные, родовые, из поколения в поколение передаваемые устои и традиции, нравственные правила и понятия. Представление о прекрасном формировалось именно в прикосновении к традиционному пласту народной жизни. В то время, когда Миттов осознанно обратился к национальной тематике, в сельских семьях еще бережно хранили старинные предметы быта, одежду и украшения. Были они и в доме Миттовых.

Древний род Митты – крепкий и многочисленный. Семья Ивана Максимовича, отца художника, была именно такой. Сам он – уважаемый человек на селе, был мастером на все руки, а главное, первоклассным механиком. В семейном архиве сохранилась справка, датированная 27 февраля 1943 г. и подписанная председателем Тобурдановского колхоза им. Шмидта В. Ба-

Солдаты русской армии, награжденные медалью в честь 300-летия дома Романовых. Слева – Иван Максимович Миттов. 1913 г.

Феодосия Владимировна Миттова с сыном Анатолием. 1933 г.

рановым: «Дана настоящая правлением Тобурдановского колхоза имени Шмидта Канашского района ЧАССР Миттову Ивану Максимовичу в том, что он действительно в колхозе Шмидт является механиком и машиноведом у хозяйственных машин. Он обслуживает весь колхоз, в распоряжении Миттова 2 двигателя, 2 жатки, 1 лобогрейка, 1 сенокосилка, 4 сортировки, 3 молотилки и остальные машины. Что и удостоверяется»⁷. Знание техники было в то время редкостью среди крестьян. Но глава семьи, Иван Максимович, был вообще неординарной личностью. Испытаний на его долю выпало немало. Участник Первой мировой войны, он был ранен и попал в немецкий плен. После тяжелейших месяцев пребывания в лагере был выкуплен помещиком, у которого выучился на механика по нефтяным двигателям. Несмотря на хорошее отношение к нему хозяина и предложение остаться в Германии, в 1916 г. бежал от него и целый год добирался до дома. Вернулся Иван Максимович на родину грамотным, знающим технику человеком и был востребован в колхозе как никто. Мать, Феодосия Владимировна, была женщина строгая, любила порядок, но желания сыновей уважала. Поддержка семьи была очень важна в те трудные годы после Великой Отечественной войны.

Неординарной личностью был и родной дядя – Василий Максимович Миттов, живший в доме напротив. Умер он в 1963 г., успев рассказать племянникам много интересного из своей жизни. Участник Русско-японской войны, защитник Порт-Артура, он попал в плен к японцам. Их, русских солдат, царское правительство выкупило за золото. Так что мир не

**Братья Митто-
вы – Виталий,
Василий,
Николай и
Анатолий.
1965 г.,
с. Тобурданово**

был для Миттовых замкнутым на своем селе. С детства Анатолий знал, что он огромен и многолик.

У Ивана Максимовича и Федосьи Владимировны было четыре сына – Василий, Николай, Анатолий и Виталий. Все выросли трудолюбивыми людьми, получили высшее образование. Виталий Иванович, младший сын, остался в родительском доме. Дом этот, заново им отстроенный, стоит на том же месте, что и старый. Виталий Иванович является сегодня главным хранителем бесценного наследия художника. Старший брат, Василий, родился в 1924 г. Он был участником Великой Отечественной войны, штурмовал Берлин. После войны окончил Казанский химико-технологический институт, стал инженером-химиком и жил в г. Вологда. Второй сын, Николай, родился в 1927 г. В марте 1945 г. был призван в армию, где прослужил до 1956 г. в авиации. В 1957 г. поступил в Казанский зооветеринарный институт на зоотехнический факультет, окончил в 1962 г. и работал в разных учреждениях Татарии главным зоотехником, директором совхоза, корреспондентом газеты. Анатолий был третий сын, Виталий – четвертый.

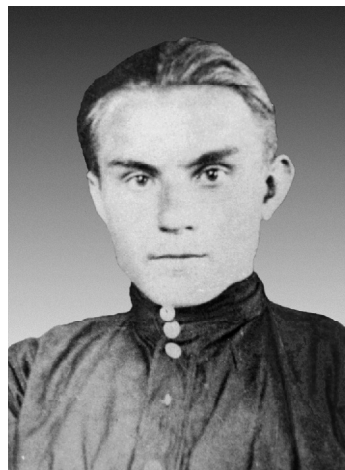
История и события жизни даже этих двух поколений – отцов и дедов – наполняли, конечно, детство братьев новыми впечатлениями, расширяли горизонты их знаний. Эта открытость миру, думается, во многом способствовала развитию врожденного художественного таланта. Большими способностями отличался Николай: по воспоминаниям Виталия Ивановича, он рисовал лучше всех. Сам Виталий не стал художником, хотя тоже мог им стать: учась заочно в Чувашском государственном сельскохозяйственном институте, он одновременно работал учителем рисования в Тобурдановской школе. Это ему нравилось, но после окончания института молодой специалист должен был приступить к работе в колхозе, и он стал главным агрономом, затем председателем колхоза. Анатолий же определился в своей профессии очень рано. Он увлеченно рисовал, писал стихи, играл на гитаре и балалайке. Все школьные стенгазеты, классные и общешкольные, выпускались в его оформлении. Надо помнить, что школьные годы Анатолия

пришлись на Великую Отечественную войну. В это трудное время для рисования не было возможностей. Тем более Анатолию приходилось заниматься главным образом так называемым агитационным искусством – писать лозунги и плакаты, используя вместо бумаги обои, а в праздники – красное сатиновое полотно.

В сохранившихся личных документах Анатолия Ивановича находим страницы детских воспоминаний о родительском доме, юношеские рефлексии, доверенные дневникам, даты и упоминания событий студенческих лет. Особый свет несут его воспоминания о доме и родителях. 9 апреля 1966 г. он пишет: «Завтра Пасха. Я вспоминаю, какие счастливые чувства испытывал перед Пасхой в детстве.

Отец нараспев читал книгу. Изба принаряжена, мать просеивает муку, в Пасху будет печь блины, ватрушки, пироги, разные-разные...»⁸ Или другое, записанное 17 сентября 1953 г.: «Детство... Помню себя пятилетним ребенком. Солнечный летний день. Хорошо. Я прогуливаюсь во дворе. Старший брат Вася запрягает лошадь. Вот... щелкнула калитка, и вошла мама. Она дает мне пряники и сообщает, что едем в Турбаш. Я радуюсь. Меня наряжают: надевают новую ситцевую рубашку, трусики, сандалии. Не помню, как доехали, а помню, что стою перед дедушкой. Он болен. Борода и волосы белые. Сам он тоже белый. Помню, что кругом белое: рубашка, штаны, простыни. Сидит, его поддерживают. Вокруг стоят папа, мама, бабушка, дядя и др. Он мне что-то говорит...»⁹ В воспоминаниях и сохранившихся письмах всегда присутствуют родные и близкие имена. Воспитание братьев Миттовых в семье строилось на любви и заботе о близких, на уважении к традициям, но было строгим. Поощрялось стремление к учебе, поддерживался интерес и любопытство к окружающему миру. Не случайно же в доме появились толстые подшивки дореволюционного журнала «Нива», в котором было много информации по истории, литературе и всем видам искусства.

Следуя за дневниковыми страницами, видим, как светлые картины и образы детства сменяются в подростковом возрасте, когда он переезжает на учебу в Чебоксарское художественное училище, реальными сюжетами послевоенного времени, полными бытовых трудностей. Это были первые испытания неустроенностью, голодом и бедностью, которые он вспоминает или описывает в своих стихах иногда с горечью, иногда – с веселой иронией. Особенно это чувствуется в стихах, написанных во время учебы в училище. Эти годы были для разрушенной страны невероятно тяжелыми. Но трудности жизни преодолевались благодаря молодости и тому воодушевлению, с каким он окунулся в мир своей будущей профессии.

Анатолий Миттов в год поступления в Чебоксарское художественное училище. 1947 г.

О верности избранному пути

Пять лет учебы в Чебоксарском художественном училище, два года ежедневной работы и мучительного ожидания поступления в Академию художеств, затем шесть лет напряженной, наполненной высоким искусством жизни в Ленинграде, где коридоры и мастерские академии напитаны атмосферой и духом двухсотлетней истории русского искусства, сделали Миттова другим человеком. К этому надо прибавить привычку к постоянному самоанализу, который прочитывается в дневниках. Он уехал из дома четырнадцатилетним подростком, а вернулся двадцативосьмилетним художником с ясной, осознанной целью создать чувашское искусство. При этом главной идее и цели своей жизни, сформулированной в двадцать лет, он оставался верен до конца.

Понимая, что для осуществления цели необходимо много трудиться, Миттов постоянно стимулирует себя чтением специальной литературы. Его интересуют, конечно, секреты профессионального мастерства, что видно по его многочисленным выдержкам о ремесле живописца, графика или вообще художника. Так, в одной из его тетрадей есть выписка из известного трактата итальянского художника эпохи Возрождения Ченнино Ченнини: «Заметь, что самый совершенный руководитель, ведущий через триумфальные врата к искусству, – это рисование с натуры. Оно важнее всех образцов; доверяйся ему всегда с горячим сердцем, особенно когда приобретёшь некоторое чувство в рисунке. Постоянно, не пропуская ни одного дня, рисуй что-нибудь, так как нет ничего, что было бы слишком ничтожным для этой цели; это принесет тебе огромную пользу»¹⁰.

Много работает он над своими личностными качествами, воспитывает характер и силу воли. Его дневниковые записи изобилуют цитатами из классиков русской и зарубежной литературы, свидетельствуя о его стремлении к совершенству, а главное, стремлении стать нужным своей родине. Этому он следовал всегда, сформулировав главную идею еще до поступления в Академию художеств. 2 февраля 1954 г. он пишет в дневнике: «Всю свою энергию, все свои труды я решил отдать чувашскому народу. Я думаю писать картины из жизни чувашского народа. Я хочу, чтобы мои картины служили нашему народу, являлись бы гордостью народа...»¹¹ Это можно считать планом действия, «дорожной картой», программой, чем угодно, – этой идее он не изменил, она со временем становилась лишь более осмысленной.

История с поступлением в институт полна разочарований, разбившихся надежд. В октябре 1953 г., после второй уже неудачной попытки, он выплескивает чувства на страницах дневника: «Все твои мечты разом полетели к черту. Сердцем твоим овладело горе. Ты на мир, на людей смотришь гневно. Ты в эту минуту вырос на головы выше, ты поднялся еще на одну ступеньку выше. Ты в эту минуту даешь мысленно клятву, что будешь стоять до конца. Юноша, мужайся! Крепись, накопи силу для будущей схватки!» Несколько высокопарно, по-юношески пафосно – Анатолий пытается вернуть душевное равновесие. Подобных эмоциональных утверждений очень много в записях. Из них следует, что он не просто верен избранному пути, он одержим своей идеей.

Миттов поступил в академию, совершенно точно зная предстоящий путь, связанный с развитием чувашского национального искусства. Здесь он все более и более утверждает себя в своем выборе, придя к дипломной работе готовым создать то, что стало достоянием Научно-исследовательского музея Академии художеств, – оформление поэмы К.В. Иванова «Нарспи», впоследствии изданной с его иллюстрациями в Чебоксарах. Можно представить, как формировалось его художественное сознание в институте. Изучив историю мирового искусства – а делал он это основательно: по истории искусств у него всегда стояли отличные оценки – он пришел к пониманию самобытности собственного чувашского народа. Хорошо зная мировую поэзию, в это время Миттов увлечен стихами чувашских поэтов, что также дает ему творческие ориентиры, причем такие яркие, что он не только создает выдающуюся дипломную работу, но возвращается к ней в годы наивысшего расцвета своего таланта. А в конце жизни создает целую серию графических листов, условно названных им «По мотивам стихов чувашских поэтов».

Защитив дипломную работу на «отлично», Анатолий Миттов возвращается в 1961 г. в Чебоксары и начинает самостоятельный путь. Вместе с сокурсницей Аделью Ефёйкиной он получил направление на работу в Чувашский педагогический институт им. И.Я. Яковлева, на художественно-графическое отделение. Ему, как молодому специалисту, дали маленькую комнату в коммунальной квартире. В ней было тесно, но это было свое собственное пространство, так необходимое человеку.

Три года работы в пединституте оказались в его жизни самыми благополучными: с постоянной, хоть и небольшой, зарплатой и собственным жильем. В этом маленьком пространстве работать маслом было невозможно, но Миттов жил надеждами и создавал свои графические листы в углу комнаты на самодельном мольберте. Он имел возможность полностью погрузиться в работу, не мечтая о каком-то особом материальном достатке.

Если мы говорим о четком и ясном направлении его творческого пути, то это не значит, что Миттов обрел его сразу. Художественную форму, эквивалентную своим идеям, он находил в трудных поисках. Эти поиски были так интенсивны, включали в себя такие мучительные переживания, что, конечно, он достиг выдающихся результатов. Причем, как видим, на каждом этапе творчества язык его менялся, форма обретала совершенно иные грани в соответствии с содержанием картин.

Первые годы самостоятельного творчества (1961–1963) стали самыми богатыми на эксперименты. Миттов пробовал работать в разных стилях, в том числе авангардных: кубизме, символизме, пуантилизме, в разных техниках – темперной и масляной живописи, в графике он продолжает рисовать карандашом и пером, тушью, гуашью, акварелью. Колористические поиски реализуются как в насыщенной, контрастной гамме, так и в сближенной, иногда монохромной. Тематика работ также разнообразна. В работах серии «Весна», «Двое» много лирики, юношеского романтизма, в серии «Сон» или в картине «Меланхолия» – прикосновение к сакральному миру предков. Конечно,

они не так совершенны, как темперные листы, посвященные чувашской старине, не несут в себе философской глубины последних графических серий, но в общей картине жизни Миттова-художника являются важным свидетельством яркой творческой индивидуальности. Довольно большая группа ранних произведений свидетельствует о его усиленных попытках выйти за пределы традиционных художественных форм, о поисках собственного «я». В этих произведениях есть интересные находки и вполне завершённые по художественному воплощению живописные холсты и графические листы. Однако они далеки от тех амбиций и творческих заявок Миттова, которые он рано сформулировал и не раз постулировал на страницах дневников. Под этим он творил в те самые десять лет, данные судьбой на творчество, не изменяя избранной мечте в самые тяжелые времена, лишь сожалея о своей немощи.

Очевидно, что Миттов искал внутренней гармонии с миром. Однако судьба раз за разом преподносила ему испытания. Первая неудачная попытка поступления в академию и вынужденная работа учителем в сельской школе погрузили его в состояние бесконечного самоанализа и самокритики. Эти настроения сменялись иногда оптимизмом и самоуверенностью, что оправдывается юным возрастом. В это время он снова и снова пытается разобраться в своем внутреннем мире, формулирует жизненные и творческие установки. Удивительно, что, осознавая себя в искусстве, Миттов думает о создании чувашского национального искусства. В его записях появляются размышления о его форме и содержании, об основах, на которых оно может взрасти. Определяя для себя задачи на будущее, он прочитывает и конспектирует классиков, сформулировавших понятия о высокой цели искусства, о его подлинных ценностях, предназначении художника. Дневники этого периода изобилуют цитатами из А. Чехова, Н. Гоголя, Н. Некрасова, М. Горького, А. Куприна, К. Симонова, О. Бальзака, Т. Драйзера, содержанием которых являются именно вопросы внутреннего мира человека.

О таланте

Анатолий Миттов был щедро одарен от природы: и художественно, и музыкально, и литературно. Все способности проявились очень рано и могли быть замечательно реализованы при специальной подготовке. Однако любовь к рисованию возобладавала, а музыкой и поэзией Миттов занимался для души. Превосходное чувство слова проявилось и в том, что в своих дневниках, литературных зарисовках он очень грамотен, ошибок в них почти не встретишь. А ведь русский язык не был для него родным. В выборе профессии сыграло роль то, что он был востребован как художник еще в школе, когда агитационной пропаганде уделялось очень много внимания.

Данный природой талант мог пропасть втуне, если бы не хорошие учителя, встретившиеся на жизненном пути. Очень важными для воспитания профессиональных качеств художника были уроки преподавателей художественного училища – выпускников Академии художеств. Не щадящие себя ни в творчестве, ни в преподавательской работе, они и от студентов

требовали предельной самоотдачи. Особо сильное влияние оказали на Анатолия Р.М. Ермолаева и Е.Е. Бургулов: Розалия Михайловна – высочайшей живописной культурой, Евгений Ефимович – ярким, независимым характером, артистизмом и эрудицией.

Р.М. Ермолаева была в высшей степени одарена живописным талантом, а также была очень ответственным человеком и требовательным педагогом. Она развивала в своих учениках привычку работать ежедневно, буквально «тренировала» их, проверяя в конце недели количество выполненных домашних рисунков и этюдов. Очень тонкое цветовосприятие, данное Миттову природой, благодаря Розалии Михайловне развилось, обрело качество художественного вкуса. Это было глубоким погружением в тайны живописного искусства. Думается, именно поэтому Миттов, даже окончив графический факультет академии, не оставлял живопись, более того, значительная часть его графических произведений была выполнена в темперной технике, которая могла бы называться живописью, будь выполнена им не на бумаге, а на холсте. График и живописец, он гениально соединил возможности этих двух видов искусства.

Е.Е. Бургулов, жизненный путь которого будто отразил все трагические переломы в жизни страны – от счастливого детства в семье священника в Забайкалье до сиротства и беспризорничества после расстрела родителей в Гражданскую войну, от Ленинградского фронта до учебы в Академии художеств в Ленинграде. Он был примером человека, не растерявшего жизнелюбия и ценящего свою внутреннюю свободу. И оба эти преподавателя учили не только ремеслу, но и самым главным качествам художника – быть честным в своем искусстве: ведь подлинное искусство может быть написано только сердцем. Восприняв их уроки, Анатолий Миттов пошел дальше. В своих произведениях он достиг большой художественной силы именно потому, что никогда не останавливался на простой материальной предметности или даже символическом содержании. Его работы стали соединением интуитивных знаний и осознанных поисков духовности и красоты в искусстве, философским фундаментом которого были культура и природа родного народа.

В институте Анатолий Миттов попал в новую среду, отличную от чебоксарской. Если преподавательский состав был равноценным, то студенческий круг являлся иным. Рядом с ним учились студенты, приехавшие из провинции, а также столичные ребята, которые принадлежали к ленинградской интеллигенции, многие из них были продолжателями художественных династий. Круг их знаний и интересов часто выходил за пределы учебных рамок, они были посредниками между официальным и неофициальным искусством, более ориентированы в объективном положении дел в стране, а также распространителями информации о западном искусстве. Кроме того, они были более свободными и смелыми в самовыражении. Этот тип людей был знаком Анатолию по Е.Е. Бургулову. Так, его однокурсником был, например, Борис Власов – сын известных художников Т.В. Шишмарёвой и В.А. Власова. Вскоре после окончания института он стал одним из ведущих художников

Ленинграда и даже Европы, работая вместе с Ренато Гуттузо, Дж. Манцу и другими итальянскими художниками над серией литографий для альбома, посвященного поэзии В. Маяковского. Другой однокурсницей Миттова была Татьяна Горб – дочь известного ленинградского художника и педагога В.А. Горба, преподававшего в Репинском институте. Нельзя сказать, что Анатолий был очень близок к их кругу, однако есть письменные свидетельства об общении с ними и после окончания учебы. Здесь надо учесть то, что Миттов на третьем курсе брал академический отпуск и ему пришлось оканчивать институт с другим курсом. Кроме того, усиливающаяся болезнь сделала его характер замкнутым, что осложняло его жизнь, но его чувства и восприятие окружающего делало более тонкими и острыми, талант – уникальным.

Окунувшись в окружающую его академическую жизнь, он, конечно, стремился восполнить пробелы в своих знаниях, став одним из самых читающих студентов. Об этом снова свидетельствуют его дневники и записные книжки с выписками, иногда целыми страницами текстов заинтересовавших его книг. Кроме книг, важной частью его жизни была музыка, которая часто помогала обрести душевное равновесие. «Чувствую себя вяло. Работать не хочется, читать – тоже... Как бы выйти из этого положения? Хочется послушать музыку. Только она способна вылечить меня», – пишет он в один из трудных моментов жизни¹². Созвучны этому переписанные в дневник строки из «Монолога» М.Ю. Лермонтова:

И сердцу тяжело, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

Увлечение музыкой и поэзией шлифовало талант художника. Все композиции зрелого творческого периода буквально пронизаны тонкостью ритмического и цветового построения, детали продуманы и доведены до ювелирного уровня. Однако музыкальность общего и изощренность частного пребывают в границах художественности, не позволяющей перейти в мажорность. Вкус никогда не изменял художнику.

По воспоминаниям знавших Миттова людей, погружаясь в свою работу, он так глубоко переживал свои мысли и чувства, что совершенно забывал об окружающем. Символично, что однажды он написал белый стих под названием «Пловец»: «Я плавал в море и однажды решил прощупать дно моря. Нырнул и начал погружение. Прошел час, два, четыре, восемь, девятнадцать, тридцать, тридцать, сорок, семьдесят, девяносто, девяносто девять – а дна нет и нет. Продолжалось погружение. Прошел месяц, два месяца, пять месяцев, шесть, семь, восемь, девять, одиннадцать, пятнадцать, девятнадцать, сорок! А дна все нет и нет»¹³. Образное выражение творческого процесса ярко характеризует неординарный, очень глубокий подход Анатолия Ивановича Миттова к делу, которому он посвятил жизнь.

О крестном пути

Анатолий Миттов, видимо, чувствовал свою избранность. Более того, анализируя прошедшие годы и взаимоотношения с коллегами-художниками и другими людьми, он понимал, что пошел нелегким путем. «...Я выбрал другой путь, – пишет он брату, – путь тернистый и трудный, путь лишений и страданий, но озаренный внутренним светом! <...> Я не умею думать по-иному, для этого следует коренным образом изменить свое мировоззрение, взгляды на жизнь, образ мышления. Если бы я смотрел на жизнь как на вечную ярмарку, может быть, тогда я был бы совсем другим человеком»¹⁴. В этой связи необходимо вспомнить, что Миттов пытался поначалу вписаться в требования искусства своего времени. Именно поэтому, на наш взгляд, появляется в 1962 г. триптих «Сказ о Волге», состоящий из частей «Волга былинная», «Волга революционная» и «Волга индустриальная». Необычной здесь является, пожалуй, попытка соединения важного содержания со смелой импрессионистической манерой письма, что послужило предметом критики со стороны членов выставкома. Однако триптих был отобран ими на выставку «Художники – космонавтам», организованную осенью 1963 г. и посвященную приезду третьего космонавта А.Г. Николаева в Чебоксары. Это первое упоминание имени художника в списке участников выставок, который опубликован в библиографическом издании «Художники Чувашии» Н.А. Ургалкиной (1989).

С другой стороны, триптих «Сказ о Волге» соответствует характеру поисков этого периода – 1961–1962 гг., когда художник еще не вышел на главные свои темы и не выработал собственного живописного языка и графического почерка. Поиски Миттова разнообразны, но в творчестве уже можно выделить несколько векторов поиска, ряд тем, часть которых он отвергнет, часть разовьет с той или иной степенью погружения в них. Их довольно много: иллюстрации к стихам М. Сеспеля, темперные серии «Лес», «Весна», «Двое», серия рисунков «Один», серии карикатур на темы «Он и она», «Яблоко раздора», «Художник и его время», «Философия маленького человека» и др. Перечисление названий работ из серии карикатур снова демонстрирует нам тот внутренний конфликт с существующим положением дел в сфере искусства, который он не мог принять, как профессионал с высокой требовательностью к себе и ко всему культурному сообществу.

Естественно, что его работы часто не пропускаются членами выставкомов для показа. В официальных документах он упоминается в списках художников только восьми (!) выставок: Республиканской выставки графики в 1963 г.; выставки произведений художников Чувашии, посвященной 45-летию ЧАССР в 1965 г.; выставки произведений молодых художников Чувашии в 1966 г.; выставки произведений художников Чувашии, посвященной 50-летию Октября в 1967 г.; выставки произведений графики в 1968 г. В 1969 г. он, наконец, становится участником зональной выставки «Большая Волга», а в 1970 – выставки произведений художников Чувашии, по-

священной 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и 5-летию Чувашской АССР. Это невероятно мало для активно работающего художника, создавшего за менее чем десять лет работы более двух тысяч произведений, главным образом графического искусства.

В Чувашском книжном издательстве также обходили Миттова. В его оформлении вышло всего несколько книг: в 1959 г. – «Эстонские рассказы», в 1962 г. – «Лирика» П. Хузангая и «На Цивиль-реке» Г. Ангера, в 1963 г. – «Иван Хастар» А. Эсхеля. Анатолий Иванович находился в крайне тяжелом материальном положении, что, конечно, его угнетало. Размышляя о бедности и неудачах в связи с неприятием его искусства некоторыми коллегами, он часто винит и себя, но изменить своим принципам было не в его природе.

Жизнь Миттова была омрачена физическим страданием. Уже в студенческие годы дали знать о себе последствия сильнейшей простуды в результате несчастного случая – лет в девять-десять Анатолий провалился зимой под лед. Постепенно болезнь прогрессировала – появились постоянный шум в ушах и головная боль, перешедшая в последний год в нестерпимую. Поэтому 1971 г. оказался для него практически выпавшим из творческого десятилетия – почти все время он лечился. Этой последней стадии предшествовали несколько операций на уши и долгое лечение в Ленинграде, Москве, Казани и Чебоксарах. Они давали художнику иногда надежду, иногда повергали его в отчаяние. Конечно, переживание страданий делало его предельно терпеливым человеком, более глубоким в понимании обыденных вещей, относящимся к жизни философски.

Осознание своего мученического пути приходит, когда ему было немногим более тридцати лет. Тема эта звучит то открыто, то завуалировано: явно – в «Автопортрете с Голгофой», как плод глубоких переживаний – в графической серии «Жизнь и смерть». Этот период, казалось бы, мы не можем рассматривать как характерный для становления художника, однако считаем необходимым вспомнить эти произведения: они приобретают качество переходных к совершенно иной стадии жизни. В последних (можно сказать, предсмертных) работах – таких как темперные работы «Качели» (известно девять работ) и около двадцати листов (точное количество неизвестно), выполненных пером и тушью, которые условно назовем «Дорога в гору», – находим уже состояние наивысшего осознания пройденности пути, конечности его. Неотвратимость конца он принимает теперь со смирением, ибо дорога идет вверх, в гору, преодолевая глубокие овраги и высокие холмы, временами растворяясь в темноте пространства. В других листах дорога пробивается сквозь мглу светом над вершиной холмистого пейзажа, как символ перехода в иной мир – покоя и вечности. Через трагическую серию «Жизнь и смерть», когда приближающийся финал ощущается им крайне остро, Миттов начинает смотреть на жизнь под углом зрения вечности.

Таким образом, дарованный Анатолию Миттову выдающийся талант был реализован им в полной мере. Жизнь художника – это яркий и независимый путь творца нового искусства. Путь этот не был прямым и про-

стым. Становление мастера происходило через преодоление сложившихся обстоятельств жизни усилием воли и мечтой о высоком искусстве. Его характер и жизненные установки закладывались в семье, в ее традиционном строе, а талант развивался и укреплялся в лучших учебных заведениях страны. На его пути в начале творческой жизни были выдающиеся личности – педагоги и художники, которые поддерживали юношу. И хотя в дальнейшем А. Миттову было уготовано много испытаний, он не утратил высоты своих помыслов. Для чувашского изобразительного искусства благодаря его творчеству открылись широкие возможности для развития и обретения подлинно национального содержания.

Источники, литература и примечания

¹ В публикациях о жизни А.И. Миттова многие исследователи касались истоков его творчества, отмечали значение семьи и среды в его формировании.

² Академия художеств, основанная в 1757 г., после нескольких переименований называется с 1944 г. (время учебы А.И. Миттова) Ленинградским институтом живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, с 2002 – Санкт-Петербургским государственным академическим институтом живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. В нашем тексте часто используется первое название, сохранившееся в профессиональном сообществе.

³ *Ламброзо Ч.* Гениальность и помешательство. СПб., 2015. С. 260.

⁴ Семейный архив В.И. Миттова. Страницы дневника без нумерации.

⁵ *Лихачев Д.С.* Земля родная. М., 1983. С. 56.

⁶ Семейный архив В.И. Миттова. Воспоминание о брате – Анатолии Ивановиче Миттове. Без даты.

⁷ Семейный архив В.И. Миттова.

⁸ Семейный архив В.И. Миттова. Дневник А.И. Миттова с записями 1953–1956 гг. Страницы без нумерации.

⁹ Дневник А.И. Миттова с записями 1953–1956 гг. С. 11.

¹⁰ *Ченнини Ченнино.* Книга об искусстве, или Трактат о живописи. М.: ОЗИГ – ИЗОГИЗ, 1933. С. 24.

¹¹ Семейный архив В.И. Миттова. Дневник А.И. Миттова с записями 1953–1956 гг. С. 39.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Анатолий Иванович Миттов: воспоминания, стихотворения, очерки, художественно-критические статьи, дневниковые записи, рассказы, стихи художника / сост., примеч. и коммент. О.В. Таллеровой-Миттовой. Чебоксары, 1990. С. 170.

¹⁴ Семейный архив В.И. Миттова. Дневник А.И. Миттова с записями 1953–1956 гг. С. 122, 123.

A.I. Mordvinova

ARTIST ANATOLY IVANOVICH MITTOV: BECOMING A MASTER

The article considers conditions for the formation of the creative and personal qualities of A.I. Mittov, whose works amounted to the glory of the fine art of Chuvashia of the 20th century. Documents from the artist's family archive, many of which were unknown, made it possible to get closer to understanding the artist's difficult way to achieve his high goal – the creation of a national school of painting. Deep devotion to the land of the ancestors, honoring the tribal traditions, studying with outstanding teachers in the cities of Cheboksary and Leningrad – all this was the basis for the development of outstanding artistic talent.

Keywords: A.I. Mittov, the formation of the artist's personality, the creation of a national cultural code.

УДК 811.512.111'366+811.512.161'366

ЧГВ, 2018 г., № 13

© Э.Е. Лебедев

**ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО
ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА
В ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена сопоставительному исследованию форм настоящего и будущего времени в чувашском и турецком языках. Оно проводится на базе основных семантических признаков, присутствующих в значении временных форм в обоих языках. К ним относятся такие признаки, как актуальность, длительность, постоянство, категоричность, некатегоричность и готовность к совершению действия. В ходе исследования выявлено, что в турецком языке для передачи этих значений используется пять грамматических форм времени, а в чувашском языке – две, что указывает на их бóльшую универсальность.

Ключевые слова: категория времени глагола, настоящее-будущее время, будущее время, актуальность, категоричность.

Изучение системы временных форм глагола в двух языках, относящихся к одной генеалогической группе, в сопоставительном аспекте имеет большое значение для создания общей схемы функционирования подобных форм и выявления внутренних семантических факторов, влияющих на это функционирование. В нашем случае в качестве объекта исследования выступают такие фрагменты грамматической системы чувашского и турецкого языков, как формы настоящего и будущего времени глагола и их значения.

Указанные формы представляют собой часть общей системы, традиционно называемой «грамматической категорией времени».

Как и у любой системы, у категорий времени в чувашском и турецком языках имеются свои внутривидовые связи и отношения, которые могут быть выявлены на основе сравнения значений и смыслов, передаваемых формами, составляющими данные категории. А если учитывать тот факт, что тюркская система глагольных времен в целом характеризуется

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

своей многокомпонентностью, то можно утверждать, что указанные связи между компонентами этой системы представляют собой достаточно сложное образование. Целью всех исследований категории времени в тюркских языках, включая и настоящую статью, должно быть выявление этих связей.

Турецкий язык обладает строгой системой глагольных времен. По мнению многих современных исследователей турецкого языка (А.Н. Кононов, С.Н. Иванов, В.Г. Гузев и др.), она состоит из двух (или даже из трех) подсистем, составляющих оппозицию друг другу по признаку ориентированности на период (или момент) во времени¹. Большая группа временных форм, в число которых входят так называемые «сложные формы» – формы, образованные посредством сочетания двух аффиксов, относятся к временам, значения которых ориентированы на прошлый момент. Это такие формы, как определенный и неопределенный имперфекты (длительное или постоянное действие в прошедшем), плюсквамперфект (давнепрошедшее действие), будущее в прошедшем, ближайшее будущее в прошедшем и др.² К теме же нашего исследования относятся формы времен, ориентированных на настоящий момент. В традициях тюркологии их принято называть «простыми формами»³. Эта группа форм также имеет много компонентов. По мнению ученых, исследовавших категорию времени в турецком языке, в данную группу входят следующие формы, передающие значения настоящего и будущего времен: настоящее время (настоящее данного момента), настоящее-будущее время, будущее категорическое время, настоящее длительное время, ближайшее будущее время⁴. Как видно из этого перечня, в турецком языке можно выделить три формы настоящего времени и три формы будущего времени. С учетом того, что одна форма имеет способность передавать значения как настоящего, так и будущего времени. Для того чтобы эти формы могли сосуществовать в системе временных форм языка, каждая из них должна иметь свою область употребления в речи, занимать свою особую нишу, что возможно только при наличии в ее значении таких сем, которые отличали бы ее от других форм. Другими словами, она должна быть противопоставлена другим формам по какому-либо семантическому признаку. В качестве таких признаков в формах настоящего и будущего времени в турецком языке можно выделить следующие: актуальность, длительность, постоянство, категоричность, некатегоричность и готовность к совершению действия. Считаем, что наше сопоставительное исследование необходимо проводить, взяв за основу именно эти признаки.

Можно предположить, что система форм настоящего и будущего времени в чувашском языке в целом имеет те же функционально-семантические особенности, что и аналогичная система в турецком языке. Подробное исследование этих форм мы можем найти в трудах таких ученых, как Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И.П. Павлов, Н.А. Андреев, В.И. Сергеев и др.⁵ Собственно, количество их не так велико, как в турецком языке. Исследо-

ватели выделяют две такие формы: настоящее время, которое, по нашему мнению, правильнее называть настоящим-будущим временем, и будущее время (у Н.И. Ашмарина и В.Г. Егорова, правда, встречается и редко используемая аналитическая форма будущего времени⁶). Но и эти две формы, помимо передачи основного временного значения, способны иметь почти все те семантические признаки, которые были названы нами выше.

В.Г. Егоров и И.П. Павлов в целом единодушны в вопросе состава и количества значений, передаваемых формами настоящего-будущего и будущего времени в чувашском языке. По их мнению, настоящее-будущее время может передавать значение действия, которое совершается в настоящий момент (актуальное действие); действия, происходящего постоянно; действия, которое обязательно произойдет в будущем. Оба также указывают на то, что эта форма в качестве переносного значения может иметь значение действия, совершенного в прошлом. Форма же будущего времени передает значение действия, которое может произойти в будущем, но говорящий не имеет полной уверенности в том, что оно совершится. Таким образом, между настоящим-будущим временем в значении действия, которое совершится в будущем, и будущим временем существует оппозиция по признаку обязательности и необязательности (категоричности и некатегоричности) совершения действия⁷.

Позиция В.И. Сергеева в отношении значения будущего времени кардинальным образом отличается. По его мнению, будущее время в чувашском языке в большинстве случаев передает значение действия в будущем, в котором говорящий твердо уверен («чылай чухне калаканни пуласине сирёп шанни, ёненни сисёнет»). Но в зависимости от формы аспекта (или статуса. – Э.Л.) может обозначать и сомнение в его совершении.

Н.А. Андреев при описании значений настоящего-будущего времени выделяет четыре основных его значения и три переносных. Значение будущего времени, по его мнению, относится к разряду переносных значений. Группу основных значений составляют: значение действия, происходящего в настоящий момент; постоянного действия; длительного действия; действия, совершаемого при определенных условиях. А переносными значениями этой формы автор считает значения будущего времени, прошедшего времени и повелительного наклонения⁹. Форма будущего времени, как считает ученый, также многозначна. К основным ее значениям он относит: значение действия, в котором говорящий уверен; действия, в совершении которого у говорящего нет уверенности; действия, которое может произойти при определенных условиях; абстрактного действия в будущем; наконец, действия в риторических вопросах. Кроме этого, Н.А. Андреев выделяет два переносных значения этой формы: настоящего времени, повелительного наклонения 2 лица единственного числа и 1 лица множественного числа¹⁰. Помимо указанных выше форм, ученый отмечает форму «сложного будущего времени», подчеркивая, что она очень редко используется в речи¹¹.

Наибольшее количество форм настоящего и будущего времени и их значений приводит Н.И. Ашмарин. По его мнению, в чувашском языке имеются формы настоящего-будущего времени, будущего времени 1 и будущего времени 2. Он не делит значения этих форм на основные и переносные, а дает их одним списком, иллюстрируя многочисленными примерами. Всего Н.И. Ашмариным отмечено 11 значений настоящего-будущего времени, 16 значений будущего 1-го и одно значение будущего 2-го времени. Форма настоящего-будущего времени, как считает ученый, может передавать следующие значения: значение действия, происходящего в момент высказывания; действия, представляемого говорящим, что оно происходит в момент высказывания; действия, совершаемого всегда, обыкновенно; будущего действия, которое обязательно должно совершиться; действия в риторических вопросах; будущего действия в вопросах, когда оно предполагается несомненным; прошедшего действия, когда оно представляется в живом рассказе; будущего действия с модальными словами *тен*, *пулĕ* «возможно»; действия в схематических относительных предложениях, начинающихся с вопросительных слов *кам* «кто», *мĕн* «что», *епле* «как», *аҫта* «где», *хăсан* «когда», *мĕн чухлĕ* «сколько?»; действия, выражающего вежливое предложение с *пулĕ* «возможно»; действия, выражающего повелительное наклонение 1 лица множественного числа¹². Форма будущего времени 1 имеет значения: будущего действия, в совершении которого говорящий не уверен; действия в будущем, обусловленного другим действием; неконкретного будущего действия; действия, которое случится в будущем, «так как вытекает из обстоятельств дела»; будущего действия в риторических вопросах; постоянного действия, часто используемого в загадках в верховых говорах; будущего действия в объективном повествовании; действия, употребляемого в ответах для опровержения утверждения или отрицания; действия, выражаемого словами *юрĕ* «ладно», *ситĕ* «хватит»; повелительного наклонения 2 лица единственного числа и 1 лица множественного числа; настоящего-будущего времени в целях вежливого смягчения отрицания; будущего действия в просьбах и скромных и ненастойчивых вопросах и др. Форма же будущего времени 2 передает значение будущего действия, которое произойдет до другого действия в будущем¹³. Отмечая незаурядный талант и трудолюбие ученого, который всегда с особой тщательностью и скрупулезностью выбирал примеры для иллюстрации форм и значений, существующих в чувашском языке, все же добавим от себя, что все то многообразие значений, описанных в работе Н.И. Ашмарина, в конечном счете можно свести к небольшой группе семантических признаков, которые были нами представлены выше.

Таким образом, наряду с основными значениями, выражающими собственно время совершения действия – настоящее или будущее, соответствующие формы времен в чувашском и турецком языках могут иметь шесть семантических признаков. Сопоставительный анализ форм и значений двух исследуемых языков мы проводим на их основе.

1. Актуальность

Под «актуальностью действия» понимается тот факт, что действие протекает в момент речевого акта, в данный момент. Это значение в турецком языке передается формой настоящего времени, образуемой при помощи аффикса *-(ı)yor/-(i)yor/-(u)yor/-(ü)yor*: *gidiyor* «идет», *alıyor* «берет», *soruyor* «спрашивает», *düşüyor* «падает» и др.

В чувашском языке для передачи подобного значения используется форма настоящего-будущего времени с аффиксом *-(a)m/-(e)m*: *каятъ* «идет», *пуçлатъ* «начинает», *вёрет* «дует», *кёрет* «заходит» и др.

Приведем примеры, иллюстрирующие значение настоящего актуального действия, из обоих языков:

Etrafımıza göz gezdirince dedi, -bende senin gibi, dört tarafa koşan kırlangıçlardan başka bir şey görmüyorum. Ben de bunlardan mıyım, diyorum, sonra da bunlardan değilim galiba, diyorum. Onlar da beni pek istemiyorlar. Ne yapayım, burada oturup etrafa bakıyorum (Ali) «Оглянувшись вокруг, я, так же как и ты, **не вижу** ничего, кроме разлетевшихся в четыре стороны ласточек. Я **спрашиваю** себя: «Возможно, я тоже одна из них?» Но затем **говорю**: «Нет, я не из них – они тоже меня не сильно любят». Что поделать? Так и сижу и **смотрю** вокруг»;

Çadırdan da bol bir ışık sızıyor, sesler geliyor (Yaşar) «Из шатра **просачивается** яркий свет, **доносятся** голоса»;

Padişah'ın sarayından aslanlar kaçmış, arıyoruz (Pamuk) «Из дворца падишаха сбежали львы, мы (их) **ищем**»;

Doğru söylüyorsun ama suç benim değil (Nesin) «Ты правильно все **говоришь**, но я не виноват»;

Вăл турăш кĕтессинче чĕркуçленсе ларать, пĕр вĕçĕмсĕр тем пайшăлтатать (Афанасьев) «Он **стоит** (букв.: **сидит**) на коленях в углу перед иконами и беспрерывно **шепчет** что-то»;

Вĕсем хушинче хам палланисене шыратăп, анчах тупаймастăп (Артемьев) «**Ищу** среди них своих знакомых, но **не могу найти**»;

– *Эпĕ президент патне васкатăп, çавăнна та манна каласца пĕтерсен тўрех губернатор патне шăнкăравласа Волина туп. Санран ыра хыпар кĕтетĕп, – вĕçлерĕ сăмахне министр* (Вутлан) «Я **тороплюсь** к президенту, поэтому сразу после разговора со мной позвони к губернатору и найди Волина. **Жду** от тебя хороших вестей, – закончил свою речь министр»;

Килте анне икерчĕ пĕçерет... тупата туршăн та, суймастăп, пўрнўне çăтса ямалла, çын каласа ёненмелле мар тутлă икерчĕ (Збанацкий) «Дома мама **печет** блины... ей-богу, **не вру**, блины такие вкусные, что не поверишь, пальчики оближешь (букв.: палец проглотишь)».

Отрицательный статус этих форм образуется следующим образом: в турецком языке посредством показателя *-mi/-mı/-mu/-mü*, а в чувашском языке при помощи аффикса *-мас/-мес*.

– *Yaşım ne yapalım? Elli yaşında... Belki de elli bir, elli iki... – Göstermiyor o kadar...* (Tahir) «Сколько мне лет? Пятьдесят... А может, пятьдесят один или пятьдесят два... – На столько **не выглядишь...**»;

Uykumuz var diyoruz, anlamıyor (Kemal) «Мы говорим, что хотим спать, а он **не понимает**»;

Эп сўмламастӓп, ятне кӓна тӓватӓп... (Илпек) «Я **не полю**, так только, для вида...»;

Кӓнтӓрлахи пуйӓс килес вӓхӓт иртни сур сехет ёнтё, сарах пӓра-вус чаикӓрни те, вакун ураписем халтӓртатни те илтёнмест (Кипек) «Уже прошло полчаса, как должен был прибыть дневной поезд, но **не слышно** ни шипения паровоза, ни стука колес вагонов».

Значение актуального действия в настоящем времени в турецком языке может передавать и форма с показателем *-makta/-mekte*, но, наряду с этой семантикой, в передаваемом значении присутствует и сема длительности совершения действия:

Şimdi Ertugrul Bey'in uç topraklarına gitmekteyim (Tahir) «Сейчас я **иду** к пограничным землям Эртогрула Бея»;

Kara mandalar, bir filden daha buruşuk, daha uyuz, iri, çapaklı gözlerini devirerek, etrafta yiyecek bir şey aramaktadır (Karaosmanoğlu) «Черные буйволы, морщинистые и покрытые коростой еще больше, чем слоны, вращают своими большими, гноящимися глазами и **ищут** вокруг что-нибудь съестное».

Следовательно, если в турецком языке для передачи актуального действия в настоящем служат две временные формы, то в чувашском языке оно передается при помощи одной формы – настоящего-будущего времени.

2. Длительность

Семантика длительности совершения действия предполагает, что хотя действие и ограничено некими временными рамками, но эти рамки являются достаточно широкими. Семантика актуальности, которая была нами рассмотрена в предыдущем разделе, в принципе не противопоставлена семантике длительности, то есть обе семы могут сосуществовать в значении одной формы, так как актуальное действие может быть как длительным, так и кратковременным.

Значение длительности в турецком языке также передается разными формами. Во-первых, в передаче этой семантики может участвовать форма настоящего времени с показателем *-(t)yor/-(i)yor/-(u)yor/-(ü)yor*:

Üç aydır kasabada kaymakam yok. Tahrirat katibi Resul Efendi vekillik ediyor (Kemal) «Три месяца в поселке нет главы. Его **замещает** начальник канцелярии Ресул Эфенди»;

Be yaz örtülü uzun mindere ihtiyar hanım oturmuşçamaştır söküğü dikiyor, Mehmet Efendi, küçük masa başında derslerini hazırlıyor (Adıvar) «На белом длинном миндере сидит старушка и **зашивает** простыню. Мехмет Эфенди **готовит** уроки за маленьким столом»;

Öğretmenimiz kuliste bekliyor, şiir okuyanlar şaşırırsa ordan fıstıldıyor (Nesin) «Наш учитель **стоит** за кулисами и, если чтецы (дети) начинают сбиваться, он **подсказывает** шепотом оттуда»;

Benimle birlikte salıverdiğiniz zavallı esiriniz Seyit Aga da üzerine yüklediğiniz kurtulmalığı bulmak için debeleniyor (Tahir) «Тот несчастный пленник, которого вы освободили вместе со мной, Сейит Ага, тоже **пытается** найти выкуп, затребованный вами».

Во-вторых, эта семантика присутствует у рассмотренной нами выше формы с показателем *-makta/-mekte: sormaktayım* «спрашиваю», *bulmaktasın* «находишь», *görmekte* «видит» и др.:

Bir yandan Fecr-i Aticilere yönelik eleştirilere cevap vermekte, bir yandan da Servet-i Fünun'da küçük hikayeler yayımlamaktadır (Karaosmanoğlu) «С одной стороны, он **отвечает** на критику, направленную на приверженцев течения Феджр-и Атиджи, с другой – **издает** небольшие рассказы в журнале «Сервет-и Фунун»;

Nazlı kız yavri, şalvarını baldırlarının üstüne kadar iyice sıvamış, çıplak ayaklarıyla döşeme tahtalarını silmekte (Nesin) «Избалованная девочка **натирает** (моет) своими голыми ножками половые доски, засучив шаровары почти до колен»;

Git işine derviş baba! Ses korkuyla titriyordu. Hasta beyimiz su beklemekte... (Tahir) «Иди по своим делам, дервиш! Ее голос дрожал от страха. Наш больной господин **ждет** воды»;

Dahası, uyanır uyanmaz Coleridge bu harika şüirin bütününü kelime kelime hatırlamaktadır (Pamuk) «Более того, проснувшись, Кольридж **помнит** это прекрасное стихотворение полностью, слово в слово».

Разница между двумя указанными выше формами состоит в том, что форма с показателем *-(i)yor/-(i)yor/-(u)yor/-(ü)yor* представляет значение настоящего времени в самом широком смысле. Она не имеет особых аспектуальных сем, в связи с чем может передавать значения как актуальных, так и неактуальных, как кратковременных, так и длительных действий. Забегая вперед, отметим, что данная форма часто может выступать как синоним настоящего-будущего времени, передавая значение и постоянного действия. Форма же с показателем *-makta/-mekte*, напротив, обладает ярко выраженной семантикой длительности, что не позволяет ей выражать значения кратковременных действий, но вместе с тем и не препятствует в выражении актуальных и постоянных действий.

В чувашском языке данная семантика передается при помощи знаковой нам формы настоящего-будущего времени с показателем *-(a)m/-(e)m*:

Пурăнан пурнăс пĕр пек килмест, тепĕр чух вăл кĕрхи çанталăк евĕр улшăнса тăрат: ырри те, йывăрри те сахал мар унта (Артемьев) «В жизни раз на раз не приходится, иногда она **меняется**, подобно осенней погоде: немало в ней и хорошего, и плохого»;

Вăл санитар кăна та мар тет вĕсен – иртнĕ уйăхра Дегтярĕв пулеметне пит аста вĕреннĕ, нимĕс автоматне пăхмасăр тенĕ пек лайăх пĕлет, халь снайпер ёсне вĕренет (Илпек) «Он, говорит, у них не только санитаром – в прошлом месяце очень хорошо изучил пулемет Дегтярёва, немецкий автомат знает почти назубок, сейчас **изучает** снайперское дело»;

Чай малти, пысак ялккаслӑ юлан утси, вёсёмсёр хысалалла саврайса **пӑхат**, утне **васкатат** (Юхма) «Всадник в большой папахе, скачущий впереди всех, постоянно **оглядывается**, **подгоняет** своего коня»;

Кунта вӑл пурё те Атӑл пӑрё тапраниччен кӑна **ёслет** (Мранька) «Здесь он **работает** всего-то только до начала ледохода на Волге».

В отношении данной формы можем констатировать, что передача значения длительности ею возможна, благодаря индифферентности ее семантики к признаку продолжительности протекания действия, в связи с чем она может выражать как длительность, так и кратковременность.

3. Постоянство

Под «постоянством протекания действия» подразумевается то, что действие является обычным в силу устоявшихся условий или традиций, либо оно выражает природное свойство предмета. В турецком языке существует форма, которая, по причине отсутствия у нее семантики конкретности (или актуальности), способна передавать значение постоянства действия. Эта форма называется «настоящим-будущим временем» (по-турецки *geniş zaman*). Ее формальными показателями являются аффиксы *-ır/-ir/-ur/-ür -ar/-er: alır* «берет», *gelir* «приходит», *koyar* «кладет», *gider* «уходит» и др.:

Macit Bey, siz benim tipim değilsiniz. Ben, esmer ve uzun boyluları severim. Siz, kısa ve beyazsınız (Karaosmanoğlu) «Маджит Бей, Вы – не мой типаж. Я **люблю** смуглых и высоких. А Вы маленький и светлый»;

Çünkü azlıkta kalanlar çok olanlara nedense tepeden bakarlardı (Ali) «Потому что те, кто остается в меньшинстве, почему-то **смотрят** на тех, кто в большинстве, свысока»;

Ne demek... Yahu, kırk yılda bir... olur mu canım? Ben sizin babanız sayılırım... (Nesin) «Что это значит? Один раз за сорок лет... Возможно ли это, дорогой? Все-таки я **считаюсь** вашим отцом».

Kimisi, artık bu kedilere kıymet vermiyorlar, nesil tükenmek üzeredir, dedi. Kimisi de, kedi gayet bol, hemen hemen her evde bir tane bulunur, dedi (Kemal) «Кто-то говорит, что уже этих кошек не ценят, их род вот-вот прервется. Кто-то же утверждает, что кошек очень много и почти в каждом доме **имеется** хотя бы одна (такая) кошка».

Особенностью этой формы является то, что ее отрицательный статус образуется без участия указанных выше аффиксов. Для этого используются следующие показатели (в сочетании с аффиксами лица): *-tam/-mem, -mazsın/-mezsin, -maz/-mez, -mayız/-meyiz, -mazsınız/-mezsiniz, -mazlar/-mezler*:

«*Adam öldürmeyi zanaat edinmekte adamlık yok!*», – *derdi*, «*Akıllı adam ömrü boyu kılıç taşmaz*», – *derdi* (Tahir) «Он говорил, что в ремесле убийства людей нет человечности, что умный человек на протяжении всей своей жизни **не носит** меча»;

Dünyanın en kuvvetli komutanının sana bir fenalık yapmaya gücü yetmez (Adıvar) «У самого сильного командира в мире **не хватит** сил сделать тебе что-нибудь плохое».

Свойство данной формы передавать значение действия, не связанного какими-либо временными рамками, способствовало ее использованию в конструкциях, выражающих разрешение или запрет, а также в пословицах и поговорках: *Burada sigara içilmez!* «Здесь **не курят!**»; *Su içilir* «Вода питьевая» (букв. «Воду **пьют!**»); *Adam adamı bir defa aldatır* «Человек человека только один раз **обманывает!**»; *Borç alan dert alır* «Берущий в долг **наживает** себе неприятности» и др.

Значение постоянного действия могут передавать и формы, которые были нами рассмотрены ранее: *-(i)yor/-(i)yor/-(u)yor/-(ü)yor -makta/-mekte*:

Değirmenin içinde çalacağım! – dedi. – Değirmen geceleri de işliyor, o gürültüde mi? (Ali) «– Я буду играть на мельнице! – сказала она. – Но мельница и ночью **работает**. (Ты будешь играть) в таком шуме?»;

Demek, sabahtan akşama kadar aynalara bakıyorlar! (Pamuk) «Значит, они с утра до вечера **смотрят** в зеркала!»;

Şu budala serçe bile üçgünlük ömrünü keyifle geçiriyor da, biz, arasından uçtuğumuz ağaçları bile farketmiyoruz (Ali) «Даже этот глупый воробей свою жизнь, которая длится три дня, **проводит** с радостью. А мы **не замечаем** даже деревьев, между которыми летаем»;

Dinciler kapı kapı dolaşıyorlar, takımlar halinde evinize misafir geliyorlar, kadınlara, kapkaçak, tencere, portakal sıkma makinesi, kutularla sabun, bulgur, deterjan veriyorlar, yoksul mahallelerinde hemen dostluklar, kadın kadına yakınlıklar kuruyorlar, çocukların omuzlarına çengelli iğneyle altın takıyorlar (Pamuk) «Исламисты **ходят** из дома в дом, группами **заходят** в гости в ваши дома, **дарят** женщинам посуду, кастрюли, блендеры для выжимки сока, мыло, пшеницу, моющие средства в коробках, в бедных районах завязывают дружбу, **строят** близкие отношения между женщинами, **прицепляют** детям на плечи булавками золото»;

Yaptığım ankette çocukların yüzde 80'i sarışın anne istiyor, bunun sebebi olarak çocukların sarışın anneleri yumuşak olarak kabul etmeleri gösterilebilir. Birçok öğrenci de annelerinin sinirli olmamasını istiyor (Nesin) «В соответствии с анкетированием, которое я провел, 80 процентов детей **хотят**, чтобы у них мама была блондинкой. Возможно, это показывает, что дети считают мам-блондинок более мягкими. И многие дети **не хотят**, чтобы у них мама была нервной»;

Oysa Metin, bütün bunları bir makine icat etmek için yapmaktadır (Nesin) «Между тем Метин **делает** все это для того, чтобы изобрести машину»;

Istanbul'da, Beşiktaş'ta Yahya Efendi mezarlığında annesinin yanında yatmaktadır (Karaosmanoğlu) «Он **лежит** рядом со своей матерью на кладбище Яхья Эфенди в стамбульском районе Бешикташ»;

*Amerikalı Müslüman zenci profesör Marvin King tarafından yapılan istatistiğe göre kadınların tesettürlü olduğu İslam ülkelerinde irza geçme vakaları yok denecek kadar **azalmakta**, taciz olayına ise neredeyse hiç **rastlanmamaktadır*** (Pamuk) «В соответствии со статистикой, приведенной чернокожим американским профессором, мусульманином Марвином Кингом, ношение женщинами хиджаба в исламских странах **снижает** случаи изнасилований практически до нуля, а случаи домогательств совсем **не встречаются**»;

*Kendisinin de memurluğu varmış az biraz... Memur dedimse, kılıçlı memur, su başı filan... Bakmış ülkenin işleri bozuk, vergiler **gelmekte eskisi gibi**...* (Tahir) «Он и сам был недолго на службе... Он был служащим с мечом, управляющим... Видит, у страны дела идут неважно, налоги **не поступают**, как раньше».

У формы с показателем *-makta/-mekte* возможность передавать значение постоянства действия вытекает из семантики длительности, которая является основным содержанием этой формы. Форма же с показателем *-(t)yor/-(i)yor/-(u)yor/-(ü)yor* способна к передаче данного значения ввиду отсутствия у нее сем временного ограничения совершения действия.

В чувашском языке функция передачи значения постоянного действия также выполняет форма с показателем *-at/-et*:

*Ятне илтсен чи хаяр вӑрӑ-хурах та, контрреволюционер та сивӗ тарна **вӑтӗнет*** (Вутлан) «Заслышав его имя, даже самый злой разбойник и контрреволюционер **покрывается** холодным потом»;

*«Лапка-лапка шур юр ӗӗватӑ – ӗӗр ӗине мар, ман пуӗ ӗине», – тенӗ юрӑ ӗӗрене ӗулсерен **вӑтерех парать**, ман ӗинченех, ман ӗинченех каланӑн **туйӑнатӑ*** (Артемьев) «Песня, в которой поется: «Падает крупными хлопьями снег, но не на землю, а на мою голову», с каждым годом все больше **пронзает** сердце, **кажется**, что в ней поется обо мне, именно обо мне»;

*Уритте хӑй вилессине **сисет**, унӑн пӗртте **хурланмасть*** (Краснов) «Урита **чувствует**, что умирает, но совсем **не переживает** из-за этого»;

*«Кур, ӗӗршывра епле хӑрушӑ, кашни кунах усал хыпар **килсе тӑратӑ**, эӗ пулмасан, эӗ...» Малалине Бенкендорф хӑй айӑнче ӗӗр каланӑ, анчах вӑл палӑ пулӑ: эӗ пулмасан, эӗ тахӗнах пӗтмелле... (Уяр) «Смотри, как опасно в стране, каждый день **приходят** недобрые вести, если бы меня не было, ты...» Бенкендорф договорил про себя, но было и так понятно: мол, если бы не было меня, ты давно бы пропал...».*

Собственно, и здесь мы можем констатировать тот факт, что способность передавать значение постоянного действия у данной формы связано с отсутствием у нее каких-либо сем, связанных с ограничением протекания действия во времени.

4. Категоричность

Понятие категоричности совершения действия выражает то, что действие должно произойти в любом случае, что оно является обязательным и говорящий не сомневается в его совершении. В турецком языке это значение передается формой будущего категорического времени с показателем *-(y)acak/-(y)ecek*: *anlayacak* «(он) поймет», *bakacağız* «посмотрим», *geleceksiniz* «придете» и др.:

Düşünüyorum, birleşirsek bu ikimiz için de sahiden azap olacak. Aramızda anlaşılmaz, boğucu bir havanın dolaştığını hissedeceğiz (Ali) «Я думаю (об этом), что если мы будем вместе, то это для нас обоих **станет** настоящей мукой. Мы **почувствуем**, как между нами возникает недружелюбная, душающая атмосфера»;

Konuştuğum sandalcılar ve balıkçılar beni adaya götürmek için korkunç paralar istediler, canım sıkıldı, kaçak olduğumu anladılar, diye düşünüyordum, Hoca'nın peşimden yollayacağı adamlara da yerimi söyleyeceklerdir! (Pamuk) «Лодочники и рыбаки, с которыми я разговаривал, потребовали деньги за согласие переправить меня на остров. Я расстроился. «Они поняли, что я беглец, – подумал я, – теперь они **обязательно скажут** о месте, где я скрываюсь, моим преследователям, которых Ходжа отправит на поиски!»;

Vatana yaptığın hizmetleri bu millet unutmayacak (Nesin) «Этот народ **не забудет** о твоём служении родине»;

Mehmet Ali olmasa hiç kimse benimle konuşmayacak, benim yanıma yaklaşmaktan çekinecek; bana köyün sokaklarında dikili bir korkuluk gibi bakacak (Karaosmanoğlu) «Если не Мехмет Али, то никто со мной **не будет разговаривать**, все **будут избегать** приближаться ко мне и **смотреть** на меня на улицах деревни, как на пугало».

Семантика категоричности в значении этой формы будущего времени способствовала тому, что она часто может передавать смысл долженствования, обязательности совершения действия:

*Evde, taranmamış saçla, düşük çorapla **gezmeyeceksiniz*** (Nesin) «Вы **не должны ходить** дома непричесанная, со спущенными чулками»;

*Büyüklere sözünü **dinleyeceksin** ki, adam olarsın!* (Tahir) «Ты **должен слушать** старших, чтобы стать человеком!».

В передаче семантики категоричности в турецком языке может участвовать и форма настоящего времени с показателем *-(i)yor/-(i)yor/-(u)yor/-(ü)yor*. В данном случае эта форма употребляется в переносном значении. Собственно, подобное использование формы настоящего времени в значении будущего характерно для многих языков мира. Будущее действие в таких случаях представляется говорящим настолько очевидно, что для его выражения он использует форму настоящего времени. Семантика категоричности здесь выходит на первый план:

*Sen istediğin için şimdi **gidiyorum*** (Pamuk) «Как ты и хотела, я сейчас **уйду**»;

Haberin var mı, dedim, yarın Adana'ya gidiyorum! (Kemal) «Есть ли у тебя новости?», – спросил я. – «Завтра я уеду в Адану».

В чувашском языке семантика категоричности передается при помощи формы с показателем *-am/-em* в значении будущего времени. Как и в указанном выше случае с формой на *-(i)yor/- (i)yor/- (u)yor/- (ü)yor* в турецком языке, употребление здесь формы настоящего-будущего времени для передачи значения будущего действия особо подчеркивает категоричность его совершения:

– *Ну, тата кам тухать?* – *илтёнчĕ тўре сасси* (Илпек) «– Ну, кто еще **выйдет?** – слышался голос судьи»;

Питĕ авалхи ял вĕл, унта шукул уснăранна та часах сĕр сул ситет ёнтĕ (Артемьев) «Это очень старая деревня, даже с открытия там школы скоро **исполнится** сто лет»;

Мухтав Турра, апăр-тапăр ыйтусене халь мансăрах тататăр (Уяр) «Слава Богу, незначительные вопросы вы сейчас **решите** без меня»;

Эпир сĕнтеретпĕр, мĕншĕн тесен эпир пĕччен мар (М. Ухсай) «Мы обязательно **победим**, потому что мы не одни».

Основным значением формы с показателем *-ă/-ĕ* в чувашском языке является действие, которое произойдет в будущем, но в совершении которого нет уверенности. Иными словами, семантика категоричности в значении этой формы обычно отсутствует. Однако встречаются случаи, когда эта форма может передавать и будущее категорическое действие:

Мэри. Ман юрату та ёмĕр сўнмĕ! Сакна ан ман, Леонид (Вутлан) «Мэри. И моя любовь вовек **не угаснет!** Не забывай об этом, Леонид»;

Кунта тĕрлĕ заводсем кĕрлесе ларĕс, вĕл заводсем тавра темиşe пин пролетарисем хайсен этеме тивĕçлĕ пысăк ёçĕсене тума тытăнĕс (Патман) «Здесь **будут гудеть** разные заводы, вокруг этих заводов тысячи пролетариев **станут** совершать свои великие дела, достойные звания человека»;

Эпир, сывă юлнисем, сирĕншĕн пуриншĕн те тавăрпăр... (Мранькка) «Мы, оставшиеся в живых, за всех вас **отомстим...**»;

Манран лăпланасси пулмĕ, сире те ытла лăпкă пурăнма памăн (Турхан) «Мне спокойствия **не будет**, и вам **не дам** жить слишком спокойно».

Таким образом, для передачи семантики категоричности как в турецком, так и в чувашском языках используются две формы – в турецком языке формы будущего категорического и настоящего времени, а в чувашском – настоящего-будущего и будущего.

5. Некатегоричность

Эта семантика является антонимичной по отношению к семантике категоричности, рассмотренной нами в предыдущем разделе. Если категоричность указывает на уверенность в совершении действия и на его обязательность, то некатегоричность, напротив, выражает сомнение и неуверенность в том, что действие произойдет.

В обоих исследуемых языках имеются средства для передачи этой семантики. В турецком языке она содержится в значении формы настоящего-будущего времени с показателями *-ır/-ir/-ur/-ür* и *-ar/-er* в тех случаях, когда она используется для выражения будущего действия. Рассмотрим несколько примеров с этой формой:

«*Böylece*», *diye devam etti tutkulu Kürt genci*, «*bir Batılı, fakir bir milletten birine rastladı mı once o kişiye karşı içgüdüsel olarak bir küçümseme duyar. Aptal bir milletin mensubu olduğu için bu adam bu kadar fakirdir, diye düşünür hemen. Büyük ihtimal bu adamın kafasının içi de bütün milletini fakir ve zavallı düşüren aynı saçmalıklar ve aptallıklarla doludur, diye düşünür Batılı*» (Pamuk) «– Таким образом, – продолжил со страстью парень-курд, – как только европеец встретит представителя какого-либо бедного народа, он сначала подсознательно **почувствует** по отношению к этому человеку презрение. Он сразу **подумает**, что этот человек такой бедный, так как принадлежит к глупому народу и что, вероятнее всего, голова этого человека наполнена такими же глупостями и чепухой, которая повергла и весь его народ в бедность»;

Birde (yalnız Hacı Fettah Efendinin kulağına söyletti) o güzel kızın evinin etrafına nöbetçi dikin, yerli veya bizden kim ona dokunur, yahut kaçırırsa derhal idam ederim (Ad?var) «К тому же (добавил он только на ухо Хаджи Феттах Эфенди) поставьте у дома той красивой девушки стражу, и, если кто-нибудь из местных или из нас тронет ее или позволит ей сбежать, я тут же **казню** (его)»;

Sen nasıl geldin buraya? Paşa hepimizin boynunu koparır. Haydi git (Kemal) «Ты как попала сюда? Паша нам всем головы **свернет**. Давай уходи отсюда!»;

Köye döndüğü zaman anlarız... (Ali) «Мы **поймем** (это), когда он вернется в деревню».

Семантика некатегоричности оказала влияние на то, что форма настоящего-будущего времени, как правило, употребляется в высказываниях, где выражается вежливая просьба, или в риторических вопросах: *Kahve verir misiniz?* (или *Kahve vermez misiniz?*) «**Не подадите ли кофе?**»; *Söyler misiniz?* «**Скажите, пожалуйста!**»; *Ne yaparım?* «**Что мне делать?**» и др.

В чувашском языке эту семантику имеет форма будущего времени с показателями *-ă/-ě*: *курăп* «увиджу», *килĕн* «придешь», *кайĕ* «уйдет», *калăпăр* «скажем» и др.:

Шухайшларăм: «Кĕрĕнĕр те ак чăрмантарăпăр. Ун патĕнче пĕр-пĕр хĕр е хĕрарăм нур мар-ши?» (Емельянов) «Я подумал: “Зайдем вот и **помешаем**. Нет ли у него (сейчас) какой-нибудь девушки или женщины?»;

Вăл кăрккине пĕччен пĕрре ларса çисе ярĕ те хăнк та тумĕ (Збанацкий) «Он сядет и зараз **съест** один целого индюка, и ничего с ним **не станется**»;

Сирён ялти карчаксемне стариксене аңлантарса пама ак хăвăр ялти Ваççана хушăнăр (Терентьев) «Разъяснить деревенским старикам и старухам **поручим** Василию из вашей же деревни»;

– *Юрĕ... Кĕрсе пĕлĕнĕр те – вăхăт пулсан, каласа парăн, – килĕшрĕ Павел Яргунин* (Ефимов) «– Хорошо... **Зайдем, узнаем** – если будет время, **расскажу**».

Отрицательный статус этой формы образуется присоединением к основе аффикса *-м*:

Печĕ пĕрре пашалпа – пĕтрĕн. Кам пенине те курса юлаймăнăр (Краснов) «Выстрелит из ружья – конец тебе. Даже **не успеем заметить**, кто стрелял»;

– *Куспа курманнине алла тытаймăн, алпа хыташламасăр пуррипе суккине ёненмĕн, – юптарчĕ Башмаков* (Григорьев) «– **Не возьмешь** руками, что не видишь глазами; пока **не пощупаешь**, не угадаешь, есть или нет, – говорил намеками Башмаков».

Как видно из примеров, полученных из обоих исследуемых языков, семантика некатегоричности совершения действия тесным образом связана с будущим временем, поэтому она передается именно указанными выше формами.

6. Готовность к совершению действия

В данном случае выражается действие, которое произойдет в ближайшем будущем. В турецком языке существует специальная форма для передачи этого значения, образуемая при помощи аффикса *-mak/-mek* и послелога *üzere* «согласно, по, как», который принимает аффиксы лица: *gitmek üzereyiz* «мы вот-вот уйдем», *sormak üzeresin* «ты готов спросить», *çıkmak üzere* «он сейчас выйдет», *gelmek üzere* «он вот-вот придёт» и др. По мнению Гузева, в значении этой формы можно выделить две семы: сему будущего времени и сему интервальную, указывающую на краткий промежуток времени между моментом высказывания и моментом совершения действия¹⁴.

Yumuşamak üzere bulunduğunu anlayarak irkildi (Tahir) «Поняв, что она **вот-вот успокоится** (букв.: смягчится), он вздрогнул»;

Yüzü buruşur; dudakları bükülür. Hemen ağlamak üzeredir (Karaoşmanoğlu) «Ее лицо сморщилось, губки надулись. Она **вот-вот заплачет**»;

Bir uçurumun kenarında ve yuvarlanmak üzere olan bir adam gibi çirpiniyordum (Ali) «Я сильно волновался, подобно тому, кто находится на краю пропасти и **вот-вот** в нее **скатится**»;

Televizyondaki sunucu yoğun kar yağışına rağmen bu akşam gerçekleşecek olan Kars tarihinin stüdyo dışında yapılacak ilk canlı yayını için bütün hazırlıkların tamamlanmak üzere olduğunu söylüyor, bazı yerel ve ulusal haberleri özetliyordu (Pamuk) «Телеведущий говорил о том, что приготовления к первому за всю историю Карса прямому репортажу за пределами студии, который будет проходить сегодня, несмотря на сильный

снегопад, **почти закончены (вот-вот закончатся)**, и продолжал знакомить с некоторыми местными и республиканскими новостями».

В чувашском языке для выражения этого значения в основном используются лексические средства. К ним относятся, прежде всего, такие наречия как *кёсех*, *кёс-вёс* «скоро, сейчас, вот-вот»; *часах* «скоро, быстро»; *ёнть* «уже» и т.д.: *кёс-вёс пыратӑп*, *часах пыратӑп*, *пыратӑп ёнтё* «скоро приду».

Однако существует одна форма, которую в семантическом плане можно сопоставить с рассмотренной выше турецкой формой на *-mak/-mek üzere*. Это форма, образованная при помощи сочетания аффиксов так называемого причастия прошедшего времени *-нӑ/-нӗ*, совместного падежа *-на/-не* и послелога *пӗрех* «одинаково, все равно»: *пӗтнӗне пӗрех* «почти закончился, вот-вот закончится», *килнӗне пӗрех* «почти пришел, вот-вот придет», *кайнӑна пӗрех* «почти ушел, вот-вот уйдет» и т.д. Анализ примеров с этой формой показывает, что сема готовности совершения действия в ближайшем будущем у нее не является единственной. Эта семантика передается ею лишь в определенных контекстах:

Тепӗр усланкӑ урӑӑ сес касмалла, вара уя тухнӑна пӗрех (Хумма С.) «Пройти осталось еще одну поляну, и **вот-вот выйдем** к полю»;

Сил сӑнче ларакан тирекӗн сӑлсисем тӑкӑнса пӗтнӗне пӗрех (Артемьев) «Листва тополя, стоящего на ветру, **почти вся опала (вот-вот опадет)**».

Сопоставительный анализ форм настоящего и будущего времени, передающих шесть основных семантических признаков, в турецком и чувашском языках показал, что в турецком языке для передачи этих значений используется пять временных форм, а в чувашском – две. Данный факт говорит о том, что чувашские формы настоящего и будущего времени в семантическом плане являются более универсальными. Это касается прежде всего настоящего-будущего времени с показателем *-am/-em*. Из рассмотренных шести значений эта форма может передавать четыре – актуальность, длительность, постоянство, категоричность. На способность этой формы передавать все указанные значения влияет отсутствие у нее таких аспектуальных сем, которые могли бы эту способность ограничить. В турецком языке синонимом чувашской формы на *-am/-em* можно назвать форму с показателем *-yor*. С помощью этой формы передаются значения актуальности, длительности, постоянства и в определенной степени – категоричности (при ее переносном употреблении). Причины такого универсализма такие же, что и в случае с соответствующей чувашской формой, – наличие в ее значении самой широкой семантики, не ограниченной какими-либо дополнительными семами, позволяющей передавать вышеуказанные значения. Исследование показало, что в целом для передачи одного семантического признака в турецком языке используется большее количество форм, чем в чувашском языке. Например, для передачи значения актуальности в турецком языке могут использоваться формы с показате-

лями *-yor*, *-makta/-mekte*, а в чувашском языке – форма на *-am/-em*; длительность в турецком языке передают формы с показателями *-yor*, *-makta/-mekte*, в чувашском языке – форма на *-am/-em*; семантику постоянства совершения действия способны иметь формы с показателями *-ar/-er/-ir/-ir/-ur/-ür*, *-yor*, *-makta/-mekte*, в чувашском языке – форма на *-am/-em* и т.д.

Другой универсальной формой в турецком языке, как видно из исследования, является форма на *-makta/-mekte*, которая, так же как и форма с показателем *-yor*, может передавать значения актуальности, длительности и постоянства.

Что же касается признаков категоричности и некатегоричности, то они в турецком языке передаются формами, имеющими значение будущего времени. Это позволяет сделать вывод, что данные признаки связаны только с будущим временным планом. В чувашском языке категоричность передают две формы – с показателем *-am/-em* и с показателем *-ă/-ě*. Некатегоричность же наличествует в семантике только формы на *-ă/-ě*, которая в этом отношении представляет собой синоним формы с показателями *-ar/-er/-ir/-ir/-ur/-ür* в турецком языке.

Наконец, специфическое значение готовности к совершению действия (ближайшее будущее) в турецком языке выражается при помощи формы на *-mak/-mek üzere*. В чувашском языке нет специальных форм с этим значением, однако в некоторых контекстах его может передавать форма с показателем *-нăна пĕрех/-нĕне пĕрех*.

Литература

¹ *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 318–338.

² Там же. С. 330–337.

³ *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 52–57; *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 223–236.

⁴ *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. С. 318–330.

⁵ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923. С. 171–185; *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. С. 187–192; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. Шупашкар, 1965. С. 236–241; *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ. Морфологи. Шупашкар, 1964. С. 94–95, 99–100; *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002. С. 246–251.

⁶ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 184–185; *Егоров В.Г.* Глагол. С. 192.

⁷ *Егоров В.Г.* Глагол. С. 187–192; *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литературă чĕлхи: морфологи. С. 236–241.

⁸ *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи: вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1992. С. 101.

⁹ *Андреев Н.А.* Чăваш чĕлхин стилистики. 2-мĕш пайĕ. Морфологи. С. 94–95.

¹⁰ Там же. С. 99–100.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. С. 171–178.

¹³ Там же. С. 178–185.

¹⁴ *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. С. 330.

Е.Ye. Lebedev

THE FORMS OF THE PRESENT AND FUTURE TENSES OF THE VERB IN THE CHUVASH AND TURKISH LANGUAGES

The article is devoted to a comparative study of the forms of the present and future tense in the Chuvash and Turkish languages. It is conducted on the basis of the main semantic features present in the meaning of tenses in both languages. These include such signs as relevance, duration, constancy, categoricalness, non-categoricalness and readiness to commit an action. The study revealed that in the Turkish language, five grammatical tenses are used to express those meanings, and two in the Chuvash language, which indicates their greater universality.

Keywords: verb tense category, present-future tense, future tense, relevance, categoricalness.

ЧГВ, 2018 г., № 13

© А.С. Сараев. Аннотация кн.: **Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations** [Ру Ж.-П. Центральная Азия: история и цивилизации]. – Paris: Fayard, 2003. – 528 p.

Жан-Поль Ру (1925–2009), один из ведущих французских тюркологов, на рубеже 1990–2000-х гг. подготовил итоговую монографию, посвященную темам и сюжетам, которыми занимался на протяжении многих десятилетий, – истории, религиям, культуре Центральной Азии. Это не первая подобного рода работа ни во французской, ни в мировой историографии. Тем не менее наука нуждается в том, чтобы через определенные промежутки времени систематизировать накопленный материал, представляя его на суд как специалистов, так и заинтересованных читателей.

Книга Ж.-П. Ру строится не на этнокультурном, а на территориальном принципе¹. В ней представлена именно история региона Центральная Азия в самом широком значении понятия², поэтому здесь в равной степени нашли место события из истории как кочевых, так и оседло-земледельческих и горных (Тибет и Памиро-Гиндукуш) народов.

Структура книги следующая: предисловие, введение, 29 нумерованных глав, разделенных на параграфы, эпилог, приложения («Хронология», «Библиография», «Глоссарий», «Указатели»). Всего в книге 528 страниц несколько увеличенного формата.

Предисловие	XV. Рождение тюрко-мусульманских империй
Введение	XVI. Взлеты и падения империй
I. Страна	XVII. Тюрки на земле Ислама
II. Люди	XVIII. Исламская классическая цивилизация на землях Центральной (Средней) Азии
III. Искусство степей и религии	XIX. Чингисхан
IV. Встреча Востока и Запада	XX. Гегемония монголов
V. Китайцы и «северные варвары»	XXI. Чагатайское ханство
VI. Кушаны и триумф буддизма	XXII. Тамерлан
VII. Время кочевников	XXIII. Центральная Азия в XV в.
VIII. Гегемония тюрков	XXIV. Тимуридский Ренессанс
IX. Рождение Тибета	XXV. Великий поворот на рубеже XVI в.
X. Цивилизация оазисов	XXVI. Ислам и буддизм делят Центральную Азию
XI. Вторжение арабов	XXVII. Нарастание угроз
XII. Уйгуры и кыргызы	XXVIII. Колонизация
XIII. Эпоха уйгурского расцвета	XXIX. Проблемы современности
XIV. Расцвет мировых религий	Эпилог

Андрей Сергеевич Сараев – младший научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: andrejsaraev@yandex.ru.

Во *введении* автор формулирует проблемное поле своего исследования: «Новейшая история идет полным ходом. Ею ставятся принципиальные проблемы, настолько сложные, что сами по себе заслуживают отдельной работы, но уже скорее политологического характера. В остальном же события новейшей истории на фоне прошедших столетий кажутся блёклыми. Великий нomaдизм, олицетворявший одну из славных страниц прошлого, ныне умер. Конные всадники с момента изобретения огнестрельного оружия потеряли свое превосходство и никогда более его не вернут. Когда-то всего лишь один миллион кочевников мог перевернуть мир и установить господство над сотней миллионов оседлых жителей. Такова сила вещей! Ныне они беспомощны перед толпами крестьян, распространяющихся подобно лавине в поисках земли: огромные массы китайцев наводнили современные Внутреннюю Монголию и Синьцзян. В свою очередь, недоступность гор перестала защищать Тибет. Уйгуры и “внутренние” монголы более не являются у себя дома национальным большинством. Область Ганьсу этнически уже почти полностью Китай. Дальше на запад – разрушение СССР привело к катастрофической экономической ситуации, а интенсивное орошение к грандиозной экологической катастрофе – частичному высыханию Аральского моря. Однако здесь народы еще достаточно сильны для самоутверждения, а богатств достаточно, чтобы надеяться на лучшее будущее»³.

Глава I дает краткое географическое описание составляющих Центральную Азию стран и регионов: Монголии, китайских провинций Ганьсу, Синьцзян и Тибет; Западного Туркестана (бывшая советская Средняя Азия), Афганистана, Хорезма и Бактрии. Также рассматриваются действовавшие на протяжении истории системы коммуникаций между этими регионами и их связь с внешними по отношению к Центральной Азии странами.

В *главе II* рассмотрены различные подходы к классификации населения Центральной Азии: лингвистический (индоевропейские и алтайские народы), хозяйственно-культурный (земледельцы и кочевники), культурно-мифологический (Иран и Туран, Гог и Магог). Параллельно рассмотрены общетеоретические вопросы сущности кочевничества: структура кочевой экономики, образ жизни кочевников; набеги на сельскохозяйственные области, образ «варваров» глазами земледельцев; юрта как уникальный тип передвижного жилища и как модель мира кочевника. Автор особенно выделяет повозку (телегу), распространение которой связывает с предками тюркских народов: «Повозки, называвшиеся *терек*, что русские превратили в “телеги”, без сомнения, не были распространены повсюду, поскольку в V и VI вв. китайцы называют “высокими телегами” один конкретный тюркский народ, очень вероятно, именно потому, что использование высоких телег было их отличительной чертой»⁴.

Узкоспециальными темами многих работ Ж.-П. Ру на протяжении десятилетий были сравнительное изучение религиозных представлений тюрко-монгольских народов и исламское искусство Среднего Востока (советская Средняя Азия, Иран и Афганистан)⁵. Эти темы широко представлены и в данном итоговом исследовании. Так, *глава III* посвящена древнейшему культурному единству евразийской степи. Об этом единстве нет показаний письменных источников, но о нем свидетельствует единый «звериный стиль» в искусстве. Значительная часть главы отдана религиозным вопросам. По мнению автора, религиозные представления в Центральной Азии соотносились не столько с этноязыковыми группами, сколько с хозяйственно-культурными типами. Так, маздеизм – религия оседлых иранцев – мало повлиял на кочевников, независимо от их этноязыковой принадлежности. В то же время кочевников объединяли такие общие представления, как вера в верховного бога неба, женатого на богине-земле, принесение в жертву лошади, погребение вместе с умершим предметов и принесенных в жертву людей⁶. Каждому из этих элементов посвящен отдельный небольшой параграф. В этой же главе дано авторское понимание явления шаманизма, который в чистом виде (как набор схожих практик) зафиксирован только у алтайских народов Евразии и у индейцев Северной Америки.

Начиная с *главы IV* автор последовательно излагает собственно исторические события. При этом в повествование органично вплетены историографические сюжеты, темы культуры и сообщения о наиболее важных археологических исследованиях. В полной мере авторский подход проявился в указанной главе, где за параграфом о возвышении династии Ахеменидов следует параграф о знаменитом Амударьинском кладе. Следом идут параграфы

о завоеваниях Александра Македонского, об эллинистической цивилизации и «экспансии» буддизма на территории Центральной Азии. Отдельно рассмотрены раскопки греко-бактрийского города Ай-Ханум, проводившиеся в 1960-е гг. на границе тогдашней советской Туркмении и Афганистана (ныне городище уничтожено).

Глава V переносит читателя в самые глубины Азии. Начинается она с известной истории о войнах создателя первой достоверно единой китайской империи Цинь – Цинь Ши-хуанди – с хуннами и строительстве против них Великой стены. Затем рассказывается о самих хуннах, о создателях их империи – шаньюях Тумане и Модэ, об их войнах с ираноязычными кочевниками – юэчжами. Здесь же – специальный параграф о раскопках Пазырыкских курганов на Алтае, связываемых с юэчжами. Примечательно, что автор не упускает из внимания синхронные события в западной части Центральной Азии (возникновение Парфянской державы и отношения ее с Селевкидами), что позволяет читателю сформировать целостную картину единого исторического процесса на просторах Евразии. В главе также рассказывается об открытии Великого шёлкового пути, впервые прочно связавшего Запад и Восток.

Глава VI возвращает читателя в Среднюю Азию и Афганистан. Продолжен рассказ о распространении буддизма в этих странах, о выдающихся памятниках – Топрак-кала (Хорезм), Беграм и Бамиан (Афганистан). Последний, как известно, постигла трагическая судьба: на глазах всего мира гигантские статуи будд, простоявшие больше 2000 лет (хотя автор упоминает о возможном участии Махмуда Газневи в их частичном разрушении еще в XI в.), были взорваны исламскими фанатиками. Буддизм в Средней Азии распространился благодаря юэчжуйской династии Кушанов, объединившей огромные пространства от Центральной Индии до Хорезма. Кушанской империи посвящена историческая часть главы.

Глава VII снова перемещает нас в Монголию и Северный Китай, где на рубеже эр развернулись ожесточенные войны Китая и хуннов, закончившиеся поражением последних. Хунны, как известно, в конце I в. н.э. покинули территорию современной Монголии. Сложные вопросы преемственности между хуннами и гуннами автор решает компромиссно. Если сравнивать с работами отечественных авторов, то в концепции Ж.-П. Ру соединились одновременно взгляды и А.Н. Бернштама, и Л.Н. Гумилева. С одной стороны, по его мнению, основу будущих гуннов составили ушедшие еще в I в. до н.э. с шаньюем Чжи-чжи в Среднюю Азию хунны. Однако дальше на запад они не двинулись до тех пор, пока к ним не присоединились через сто с небольшим лет хунны, бежавшие уже от ударов Китая и племен сяньби. Автор пишет: «Хотя сходство имен “hun” и “hiong-pou” не может быть случайным, тем не менее еще необходимо доказать, что гунны Аттилы не “украли” свое имя у какого-либо другого народа, как это сделали западные авары, которые позаимствовали имя у жуань-жуаней – истинных авары»⁷.

Далее автор касается сложных вопросов этноязыковой идентификации постгуннских кочевников в степях Центральной Азии. Китайская летописная традиция выводила всех их – от ухуаней и сяньби до жуань-жуаней (жужаней) и тоба (табгачи тюркских рунических надписей) – из древних племен дунху (буквально «восточные кочевники»). Значительная часть исследователей считала их протомонголами, другие – прототюрками (этот взгляд ныне поддерживает чувашский лингвист Н.И. Егоров), некоторые говорили о смешанном монголо-тунгусском составе. Политически, следуя сложившейся традиции, Ж.-П. Ру считал всех их наследниками хунну, но вопрос об их этногенезе он, приведя основные точки зрения, оставил открытым. Но и эта глава не упускает из виду запад, в последних ее параграфах говорится о возникновении на территории Ирана Сасанидской империи, а на территории Турана – кочевой империи эфталитов.

Вся *глава VIII* посвящена основной для научного наследия Ж.-П. Ру теме – древним тюркам (тюркютам, тюркам-туго)⁸. Автор широко использует религиозно-мифологические сюжеты для разбора проблем этногенеза и этнокультурных связей тюркютов. Так, изложенный в китайских источниках миф об израненном хуннском царевиче, спасенном волчицей, от которой родился Ашина – основатель династии тюркютских каганов, Ж.-П. Ру сравнивает с сюжетно идентичным мифом о происхождении династии усуней – ираноязычного этноса. Только там основатель рода усуньских «гуньмо» был изранен в борьбе с хуннами, но также спасен волчицей.

В целом, отмечается глубинная архетипичность сюжета о том, как «выброшенного в воду ребенка подбирает и затем усыновляет либо мужчина, либо женщина или даже животное»⁹. Не упуская из виду вопросы современности, автор критикует турецких националистов XX в., «глубоко впечатленных созвучием слов “этруск” и “тюрк” (корень ТРК), которые использовали подобие двух мифов – тюркютского и этрусско-римского, чтобы отыскать часть своих предков в народе, основавшем Рим»¹⁰.

В этой же главе автор увязывает миф о волчице с другим архетипичным сюжетом – о запертом в горах народе, известном по библейскому сюжету о Гоге и Магоге. В тюрко-монгольской среде этот мотив оказался совмещен с мифом о кузнеце: «Великий центрально-азиатский миф о стране “Эргунэ-кун” (название долины, где, по Рашид-ад-Дину, оказались заперты предки монголов) родился под влиянием мифа о тюркютах. Согласно мифу, тюркюты нашли выход из заточения в Эргунэ-кун, расплавив железную жилу, загораживавшую единственный проход сквозь гору, где некогда их родила волчица. Абу-л-Гази Бахадур-хану хивинскому в XVII в. эта история была по-прежнему известна. Таким образом, мотив кузнеца проходит сквозь всю долгую тюрко-монгольскую историю»¹¹.

Небольшая *глава IX*, посвященная Тибету, построена по тому же принципу, что и предшествующая о тюрках. Значительное место в ней отдано религиозно-мифологическим вопросам (в случае с Тибетом это неудивительно). Так, в легенде о происхождении самой страны сообщалось об избранности её богами, которые прежде спускались с неба или заоблачных гор на землю по лестнице, но потом связь была разорвана и внизу наступил хаос. Далее автор пытается отграничить от буддизма ранние тибетские верования («цуг»¹², бон-по). Религию бон, подобно своим советским коллегам – Л.Н. Гумилеву и Б.И. Кузнецову, Ж.-П. Ру считает привнесенной на тибетскую почву извне, как, собственно, и сам буддизм. Этапам утверждения последнего автор уделяет основное место в главе. Уникальность Тибета, по мнению Ж.-П. Ру, заключалась в том, что, хотя буддизм проповедует смирение и отрешение от действительности, в Тибете он стал религией консолидации отдельных княжеств в империю и религией завоеваний¹³.

Глава X рассматривает «цивилизацию оазисов» Сериндии (донсламскую согдийскую цивилизацию)¹⁴ – сердцевины Великого шелкового пути. Характеризуя феномен оседлой цивилизации посреди «кочевого моря», автор приводит высказывание своего предшественника, автора «Империи степей», Рене Груссе: «Кажется, будто мы спим, когда представляем, как это утонченное и изысканное общество, совершеннейший из цветков арийства в Центральной Азии, расцвело всего в нескольких шагах от копыт лошадей разнообразных тюрко-монгольских орд, на границе всего варварства, в постоянном ожидании погружения в примитивнейшую дикость. Что на краю степи, под защитой одной только пустыни... оно смогло так долго сохраняться, кажется чудом»¹⁵. В главе дан культурологический срез о языках, религии, торговле, сельском хозяйстве, искусстве, об отдельных городских центрах, в значительной мере основанный на результатах более чем векового археологического изучения Средней Азии (Аурель Стейн в самом начале XX в., советские экспедиции, французские исследования 1960-х гг.).

Глава XI рассказывает об арабском завоевании Восточного Ирана и Средней Азии и распространении ислама среди согдийцев и персов, об их первоначальном сопротивлении новой религии. Автор не без симпатии говорит о современных последователях маздеизма – парсах (Индия) и гебрах (Иран) – и даже пытается, конечно с оговорками, пофантазировать, что было бы, проиграй арабы в 751 г. Таласскую битву или иные предшествующие ей события¹⁶.

Глава XII возвращает к началу сложения уйгурского союза племен (см. выше о перевозках – «телегах»), чтобы в общих чертах обозначить его путь от выхода из конфедерации теле до возникновения самостоятельного каганата: «Уйгуры, главные выгодополучатели от восстания (744 г., против восточных тюрков. – А.С.) и новые хозяева в степи, не были кем-то совершенно неизвестным. Они имели богатое прошлое и ныне оказались призваны в большое будущее. <...> Обитая на берегах Селенги, уйгуры не были удалены от центра империи – области Отюкен. Китайцы описывают их как малорослых, гордых и жестоких людей, превосходных всадников и лучников, но “более хищных, чем все другие степные народы”. Разделенные на десять родов, “он-уйгуры”, что, вероятно, означает “десять сородичей” или

“десять союзников”, они, без сомнения, составляли одно из племен девяти огуш (“девять родов”) или, если следовать поздней народной этимологии, смешивающей в одно “огуз” и “огуш”, из девяти огузов (“девять быков”); или просто – огузы. Во главе их тогда встал род Яглакар, поставивший теперь новых каганов¹⁷. Фактов по истории кыргызов – главных врагов уйгуров – немного, поэтому автор в большей степени концентрируется на вопросах культуры этого необычного тюркского скотоводческо-земледельческого народа, известной благодаря многолетним исследованиям советских археологов.

Глава XIII уже не механически перемещает фокус внимания в Восточный Туркестан (Сериндию), а идет вслед за уйгурами, вынужденными после 840 г. под ударами кыргызов бежать туда из своих прежних владений в Монголии. В Восточном Туркестане возникают два уйгурских государства, полностью оседлые, а уйгуры, слившись с местным, преимущественно согдийским населением, создают уникальную культуру, сочетавшую элементы манихейства, христианства (в основном неортодоксального) и буддизма, с конца IX в. массово распространившегося среди них.

Глава XIV посвящена борьбе мировых религий за сердца верующих на просторах Центральной Азии. В начале главы автор продолжает рассказ об утверждении среди тибетцев буддизма и противостоянии ему религии бон (которую упорно пытается отделить от “исконного” цуга). Сюда же попал небольшой параграф о Тангутском царстве. Центральная часть главы посвящена распространению среди тюрко-монгольских народов различных христианских течений (несторианство, монофизитство). Завершается глава параграфом о начале распространения среди тюрков ислама, который первыми из них приняли волжские болгары:

«Первый большой успех ислама среди тюрков зафиксирован в начале X в. у болгар на Средней Волге. Этот народ представлял собой отдельную ветвь болгарской конфедерации, представители другой ветви которой переселились на Балканы, где, в отличие от первых, приняли христианство и ославились. Поселившись в месте слияния Волги и Камы, болгары сформировали государство, процветание которого во многом зависело от торговли мехами, кожей (сапогами) и зерновыми культурами. Неизвестно, когда они решили принять ислам, но в 921 г. они отправили посольство к халифу аль-Муктадиру, чтобы возвестить его о своем обращении и попросить у него мастеров по строительству крепостей, а также ученых людей, чтобы дали им правильные установления их новой религии. В ответ к ним был направлен посол Ибн Фадлан¹⁸, заслуживший по достоинству признание тем, что составил отчет о своем путешествии¹⁹.

Главы XV–XVIII представляют собой единое целое – очерк о первых тюркских мусульманских империях в Средней Азии и на Ближнем Востоке (конец X – начало XIII в.). Автор последовательно рассматривает возникновение государств Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Гуридов²⁰, Кара-китаев (монголоязычная киданьская династия, установившая власть на тех землях, где до нее господствовали Караханиды), Хорезмшахов; историю завоевательных походов этих династий и их взаимных войн (главы XV и XVI).

Две главы (*XVII и XVIII*) посвящены культуре. Первая – сплаву тюркских и иранских традиций под эгидой ислама (особенно отразившемуся в сложении литературы на тюркском языке – «Благодатное знание», «Книга моего деда Коркута» и др.). Вторая – классической арабо-мусульманской культуре на всем пространстве Передней и Средней Азии. Немало страниц отдано характеристике деятельности и литературному наследию великого визирия империи Сельджукидов Низам аль-Мулька (в частности, его книге «Сиасет-намэ», или «Книге о правлении»).

Главы XIX–XXI также посвящены одной теме – монгольской эпохе в истории Центральной Азии. Поскольку Ж.-П. Ру написаны специальные монографии по этой тематике, главы носят лишь обзорный характер.

В *главе XIX* предпринята интересная попытка лингворелигиозной классификации племен и народов, населявших (помимо собственно монголов) Центральную Азию в XII в.: татары – «несомненно, монголоязычны»; кераиты, «обосновавшиеся на старых имперских землях в долинах рек Тола и Орхон, – или монголизированные тюрки, или монголы на пути тюркизации, по крайней мере поверхностно уже испытавшие влияние христианства»; найма-ны – «христиане-несториане с монгольским именем²¹, но тюркской титулатурой»; меркиты,

«кочевавшие между Селенгой и Байкалом, незначительно христианизированные, лингвистическая принадлежность которых – предмет споров»; онгуты, «обосновавшиеся вдоль Великой стены, вероятно, были христианами»²².

Что касается событийных аспектов, в поле зрения автора преимущественно сама Монголия (причем больше всего внимания уделено распространению в Монгольской империи мировых религий) и Чагатайский улус – территория, где прежде были империи Караханидов и Кара-китаев и которая на время из Туркестана превратилась в Могулистан²³.

Главы XXII–XXIV продолжают историю Могулистана и оазисов Средней Азии в эпоху Тамерлана и его ближайших потомков – Тимуридов. Ж.-П. Ру посвятил Тамерлану отдельную книгу, изданную по-русски в серии ЖЗЛ²⁴, а культуре исламского Востока – не одно специальное исследование, в том числе и последнюю прижизненную книгу – «Словарь исламского искусства» (Париж, 2007). В начале *главы XXII* автор сообщает о падении монгольской власти в Китае и Тибете и о начале создания в последнем теократического ламаистского государства. Как таковая Золотая Орда не является предметом рассмотрения автора, но, говоря о походах Тимура, Ж.-П. Ру посвящает целых три параграфа Тохтамышу (в том числе разорению им Москвы) и его войнам со своим бывшим покровителем Тимуром. Правда, Ж.-П. Ру ошибочно называет Казань среди городов, которым угрожал Тимур, хотя он не дошел даже до собственно болгарских земель в составе Орды²⁵.

Главы XXV–XXVII, не меняя географического фокуса, повествуют о событиях рубежа Средневековья и Нового времени. Автор отталкивается от кратких биографий «трех великих людей» начала XVI в., каковыми он считает Исмаил-шаха (основателя Сефевидского государства в Иране), Махуммеда Шейбани (Ж.-П. Ру ошибочно называет его сыном Абулхайра узбекского, хотя тот был его внуком) и Захиреддина Бабура (основателя династии и Империи Великих Моголов в Индии). Помимо истории Туркестана/Могулистана и Ирана (выделение Афганистана из Восточного Ирана) автор традиционно касается событий в Тибете и Монголии (особенно начала массового распространения среди монголов буддизма).

Главы XXVII–XXVIII посвящены последнему всплеску активности кочевников (миграциям калмыков и Джунгарскому ханству) и началу их упадка, завершившегося к XIX в. попаданием в зависимость от Китая, России и Великобритании (Афганистан и Индия). Примечательна метафора Ж.-П. Ру о движении на восток на рубеже XVI–XVII вв. русских первопроходцев: «Пересечение такой бескрайней территории (Сибирь. – А.С.) в считанные десятилетия, даже если принять в расчет разреженность местного населения, напоминает сюжет из сказок фей»²⁶.

В конце *главы XXVIII* автор рассуждает о национальной политике в СССР, причем делает это так, будто не является представителем второй по величине колониальной империи, имевшей опыт кровопролитных колониальных войн даже в недалеком прошлом (Мадагаскар, Индокитай, Алжир). Поскольку России в этом смысле предъявить нечего, автор приводит как «возмутительные» цифры соотношения между коренным и русскоязычным населением в Казахстане и республиках Средней Азии (доля русскоязычного населения выросла). Также неравенство между РСФСР и республиками проявлялось, по его мнению, в большей доле детской смертности. В качестве эталона Ж.-П. Ру приводит Францию, где цифры превосходили в сторону уменьшения смертности и СССР в целом, и РСФСР²⁷. Помимо того, что автор в приводимых данных, вероятно, спутал проценты и промилле, он, конечно, умолчал о куда более разительном отличии (в 2–4 раза) аналогичных показателей во Франции и ее заморских территориях, сохраняющемся и в наши дни²⁸.

Последняя *глава (XXIX)* книги носит чисто политологический характер. Автор размышляет о грядущей судьбе Центральной Азии, неожиданно получившей суверенитет в результате распада СССР. Несмотря на то что Ж.-П. Ру с симпатией относится к ее народам, но, выражаясь термином упоминаемого и в данной монографии Л.Н. Гумилева²⁹, он не видит в них достаточной «пассионарности» для нового взлета, сравнимого со средневековым. Помимо независимых республик бывшей советской Средней Азии, в конце книги автор упоминает и республики в составе РФ (целостность которой для автора, писавшего во второй половине 1990-х гг., тоже под вопросом):

«Можно поверить, что межтюркские трения носят поверхностный характер и быстро уступят место не только нуждам стабильности... но и пантюркистскому чувству, которое ныне возрождается из пепла. Оно быстро преодолевает собственно центральноазиатские пределы и захватывает другие независимые республики (Азербайджан и, само собой, Турцию) или же входящие в состав России республики: Башкирию, Татарстан, и Чувашию на Волге, и, вероятно, даже Якутию в Сибири, огромную, но при этом и не мусульманскую. Ничто не дает оснований в обозримом будущем видеть создание некоей единой тюркской конфедерации, хотя бы даже в Туркестане, но стоит подчеркнуть, что лишь узкий коридор отделяет Казахстан от тюркоязычных земель Волги, где живут татары, сегодня, как и сто лет назад, наиболее активный тюркоязычный народ России. Объединенный Туркестан, несомненно, не преминул бы попытаться расширяться на северо-запад путем присоединения названного “коридора”»³⁰.

Литература и примечания

¹ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. Paris: Fayard, 2003. P. 10.

² Ibid. P. 13–14.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Ibid. P. 48.

⁵ Ibid. P. 15.

⁶ Ibid. P. 57–58.

⁷ Ibid. P. 117.

⁸ Следуя французской востоковедной традиции, Ж.-П. Ру использует написание «Tou-kiue», заимствованное из китайских источников. В русской транскрипции ему соответствует «тугю», но в такой форме название никогда не использовалось. До середины XX в. в археологической литературе бытовало написание «тюрки-тугю», замененное по предложению Л.Н. Гумилёва на «тюркют» – именно такую форму передает китайское «тугю» (см.: Гумилёв Л.Н. Алтайская ветвь тюрков-тугю // Советская археология. 1959. № 1. С. 105).

⁹ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 131.

¹⁰ Ibid. P. 131. Этот корень изобрели сами турецкие националисты, в начале XX в. еще хорошо знавшие арабский язык. В семитских языках корень состоит из трех согласных звуков, разделенных гласными, которые, однако, в состав корня не входят. Ни для алтайских, ни для уральских, ни для индоевропейских языков подобное явление не характерно (см.: Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2009. С. 62–63, 70).

¹¹ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 132.

¹² Ж.-П. Ру доверился А. Макдональд (французский тибетолог), которая «изобрела», вычленив из малопонятных текстов из Дуньхуана, «коренную» тибетскую буддийскую религию («religion indigène»), обожествлявшую среди прочего царскую власть. Ее концепция подверглась критике коллег, не отрицавших существование термина gCug или Gcug-lag, но не считавших его названием системы верований. По всей видимости, то, что было принято за «коренную религию» тибетцев, представляло собой, как и буддизм, результат внешнего влияния, скорее всего китайского (конфуцианство и даосизм), причем на концепцию власти, а не на сферу религии (см.: Stein R.A. Tibetica Antiqua III. A propos du mot gcug-lag et de la religion indigène // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 74, 1985. P. 132–133).

¹³ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 154, 159.

¹⁴ Сериндия (т.е. «Индокитай») наоборот, т.к. «Серика» – древнеримское название Китая) – Ж.-П. Ру использует название, некогда предложенное Аузелем Стейном для древних этапов истории этой страны – «страны без имени», как окрестил ее Л.Н. Гумилёв (так называется отдельный параграф его монографии «Этногенез и биосфера Земли»).

¹⁵ Ibid. P. 164.

¹⁶ Ibid. P. 194–195.

¹⁷ Ibid. P. 198.

¹⁸ Ахмед ибн Фадлан был секретарем посольства. Во главе посольства стоял некий Сусан ар-Расси, сведений о котором практически нет (см.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда

ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. С. 12, 19, 20).

¹⁹ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 244.

²⁰ В параграфе о Гуридах автор, как бы между делом, обвиняет «советскую войну» в нанесении «смертельного удара» многолетнему (французскому – что Ж.-П. Ру напрямую не произносит) археологическому изучению Афганистана. Будто бы советское вторжение стало причиной уничтожения культурных ценностей и разграбления музея Кабула (Ibid. P. 268).

²¹ «Найма» по-монгольски означает «восемь» (см.: Гумилёв Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Наука, 1970. С. 137).

²² Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 297.

²³ Ibid. P. 332.

²⁴ Ру Ж.-П. Тамерлан. М.: Молодая гвардия, 2004. Это издание попало на киноэкраны. Именно его держит в руках героиня фильма Т. Бекмамбетова «Дневной дозор», по нему же в фильме цитируется история вскрытия мавзолея Гур-Эмир советскими археологами накануне вторжения немецко-фашистских войск в СССР.

²⁵ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 220–221.

²⁶ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 405.

²⁷ Ibid. P. 425.

²⁸ Данные по Франции: URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Démographie_de_la_France; данные по о. Реюньон (https://fr.wikipedia.org/wiki/Démographie_de_La_Réunion); данные по Французской Гвиане (https://fr.wikipedia.org/wiki/Guyane#Maladies_infectieuses) (дата обращения: 3.12.2018).

²⁹ Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations. P. 243.

³⁰ Ibid. P. 435–436.

ЧГВ, 2018 г., № 13

© Э.Е. Лебедев. Аннотация статьи: Ersoy Feyzi. *Çuvaş Türkçesinde yeterlilik kategorisi // Dil Araştırmalar* [Эрсой Фейзи. Категория возможности в чувашском языке // Исследования по языкознанию]. X. Bahar 2016/18. – S. 85–102.

Весной 2016 г. в журнале, посвященном лингвистическим исследованиям, вышла статья «Категория возможности в чувашском языке» доцента Университета Гази г. Анкара Фейзи Эрсоя. Тема, исследуемая в этой статье, нам представляется весьма актуальной в связи с тем, что в последнее время в отечественной тюркологии получило развитие функционально-семантическое направление в изучении грамматической структуры тюркских языков¹. Эта актуальность обосновывается тем, что в тюркских языках имеются два основных способа выражения значений возможности и невозможности: аналитический (участие в передаче соответствующего значения вспомогательного слова) и синтетический (при участии аффикса). В частности, в турецком языке значение невозможности передается путем присоединения аффикса *-(y)AmA*, а значение возможности – при помощи вспомогательного глагола *bil-* «знать, уметь», который на современном этапе развития языка воспринимается носителями в качестве особого аффикса, что отразилось на слитном написании данного формального показателя². В других тюркских языках превалирует аналитический способ передачи подобных значений, как, например, в татарском языке, где, по мнению Д.Г. Тумашевой, значения возможности и невозможности передаются при помощи следующих аналитических форм: 1) формы, состоящей из деепричастия на *-a/-i* знаменатель-

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

ного глагола и вспомогательного глагола *алу-* «братъ»; 2) деепричастия на *-п* и вспомогательного глагола *бул-* «бытъ»; 3) инфинитива на *-рга/-маска* и вспомогательного глагола *бул-* «бытъ»; 4) формы на *-са* и *була*; 5) имени действия на *-у*, аффикса принадлежности и предиката *бар* «иметься»; 6) имени действия на *-у*, аффикса принадлежности и модального слова *ихтимал* «возможно»; 7) имени действия на *-у*, аффикса принадлежности и модального слова *мѳмкин* «возможно»; 8) инфинитива на *-рга/-маска* и модального слова *мѳмкин* «возможно»³. Именно в наличии разных способов передачи значений возможности и невозможности состоит функциональная особенность этой категории тюркских языков. В турецком языке в ее отношении использован термин «*yeterlilik kategorisi*», что на русский язык точнее было бы перевести как «категория достаточности»⁴. Однако в русском и чувашском языках используются более привычные для нас термины: «формы возможности и невозможности», «пула-юлӑх», «пулаюсӑрлӑх», «пултараслӑх», «пултарайманлӑх»⁵.

Во «Введении» Ф. Эрсой приводит определение форм и значений этой категории в турецком языке, данное профессором З. Коркмаз: «Аналитическая форма глагола (*tasvir fiili*) – это форма, которая образуется как в утвердительном статусе (с показателем *bil-*), так и в отрицательном статусе при помощи деепричастия с показателем *-A*, представлявшим собой в древнетюркском языке исчезнувшую в настоящее время форму недостаточного глагола на *-и*, и при этом значением этой формы является указание на возможность-невозможность или вероятность-невероятность совершения действия, выраженного основой глагола»⁶. В отношении происхождения форм категории возможности Ф. Эрсой пишет о существовании в древнетюркском языке нескольких вспомогательных глаголов, передающих указанные значения: *al-* «братъ», *bil-* «знать» и *ol-* «бытъ». Автор дает таблицу вспомогательных глаголов, участвовавших в образовании положительного и отрицательного статусов категории возможности в разных тюркских языках прежних эпох. В ней представлены такие языки, как древнетюркский, древнеуйгурский, караханидский, хорезмский, кыпчакский, чагатайский и староанатолийский. Отдельной таблицей у Ф. Эрсои представлены вспомогательные глаголы, образующие подобные формы в некоторых современных тюркских языках, таких как гагаузский, азербайджанский, туркменский, узбекский, новоуйгурский, казахский, киргизский, каракалпакский, ногайский, татарский, башкирский, крымскотатарский, тувинский, хакасский и алтайский. Автор статьи отмечает, что состав указанных в таблице вспомогательных глаголов практически во всех этих языках примерно одинаков. В большинстве случаев в образовании форм со значением возможности и невозможности участвуют глаголы *al-* «братъ» и *bil-* «знать». Глагол *al-* во вспомогательной функции используется для передачи упомянутых значений в узбекском, новоуйгурском, казахском, киргизском, каракалпакском, ногайском, татарском, башкирском, крымскотатарском и тувинском языках. А глагол *bil-* – в гагаузском, азербайджанском, туркменском (то есть в языках огузской группы), а также в узбекском и ногайском языках. Глагол *ol-* или *bol-* представлен в небольшом количестве языков.

В отношении обозначения семантики данных форм Ф. Эрсой отмечает, что в работах разных авторов встречаются следующие определения: «достаточность», «возможность», «разрешение», «просьба» и др.⁷ Подобная семантика охарактеризована как семантика модальности.

В основном разделе статьи автор исследует формы и значения категории возможности в чувашском языке. Этот раздел разбит на две части: посвященную положительному статусу этой формы (возможность) и описывающую ее отрицательный статус (невозможность).

Ф. Эрсой вполне справедливо отмечает, что для передачи соответствующих значений в чувашском языке применяется целый ряд форм. К основной форме этой категории он относит аффикс *-ай-*. При этом автор отмечает, что в чувашских текстах форма с этим аффиксом встречается достаточно редко. Им приводятся описания этой формы, которые имеются в работах таких исследователей чувашского языка, как И.П. Павлов, Л.С. Левитская, Л.П. Сергеев⁸.

Следующими формами, способными передавать значение возможности, являются аналитические формы, образующиеся сочетанием инфинитива на *-ма* и деепричастия на *-а* со вспомогательным глаголом *нӗл-* «знать, уметь». При указании на значение и происхождение

данных форм автор делает ссылку на работу М.Р. Федотова, в которой утверждается, что сочетания со вспомогательным глаголом *нёл-* синонимичны форме, образованной при помощи глагола *пултар-* «мочь». Кроме этого, М.Р. Федотов проводит параллели с татарским языком, где имеется аналогичная конструкция *-а бил-*: *яза билем* «могу написать»⁹.

Отметим, что значение и способ образования этой формы аналогичны соответствующей форме в турецком языке: *-(y)A bil-*, что указывает на общую тенденцию образования этих форм в обоих языках. Автором представлены примеры с положительным и отрицательным статусами форм на *-ма нёл-* и *-а нёл-* в их транскрипции с переводом на турецкий язык.

К формам со значением возможности совершения действия Ф. Эрсой причисляет и аналитические формы, образованные сочетанием со вспомогательным глаголом *ёлкёр-* «успевать, справляться»: *-ма ёлкёр-* и *-са ёлкёр-*. По мнению автора, в значении этого глагола имеются семы достаточности (или возможности). Для доказательства своего утверждения он обращается к следующим примерам из сборника рассказов Н. Ильбекова «Четыре дня» (Илпек М. «Таватá кун»): *Микулай аран тытса ёлкёрет старик алине* «Николай с трудом успевает схватить руку старика» (перевод с чувашского тут и далее наш. – Э.Л.); *Чим-ха, ситес кунсенче кётсех тår, темиçe сыру пёр харås йåtånса килме тытånсан ответ парса ёлкёреймён* «Погоди-ка, вот-вот ожидай: как начнут приходиться пачками письма, не будешь успевать отвечать». В целом, примеры подтверждают мнение Ф. Эрсою.

Далее автор описывает форму, которая наиболее часто используется в речи чувашей. Это аналитическая форма *-ма пултар-* «уметь, мочь». Глагол *пултар-* произошел при помощи аффикса понудительного залога *-тар*, однако, так как в получившемся слове сема понудительности вовсе отсутствует (ее можем восстановить лишь в исторической перспективе), в синхроническом аспекте говорить о том, что глагол *пултар-* является формой понудительного залога от глагола *пул-* «быть, являться», уже не приходится. Налицо результат процесса образования новой лексической единицы, в которой аффикс *-тар* выступил в качестве деривационного. Хотя этимологически связь с исходным глаголом все же должна приниматься во внимание, так как эта связь указывает на общую тенденцию возникновения форм возможности в тюркских языках в целом.

Ф. Эрсой также пишет о том, что образование формы возможности при помощи вспомогательного глагола *бол-* встречалось на более ранних этапах развития тюркских языков, встречается и в современных языках этой группы. Но сказать о том, что данное явление было и является распространенным, нельзя. На это, в частности, указывает З. Коркмаз, которая дает примеры из уйгурского языка, где имелся вспомогательный глагол *бол-* со значениями возможности и невозможности. Отрицательная форма этого глагола наряду со значением невозможности могла передать и значение неопределенности¹⁰. Кроме этого, по мнению З. Коркмаз, данный вспомогательный глагол присутствует в казанском татарском, среднеазиатском туркменском и в алтайском (в форме *пол-*) языках, где он сочетается с формой деепричастия на *-р*¹¹.

Автор статьи ссылается на работы нескольких турецких ученых, исследовавших формы со значением возможности в тюркских языках. Например, Мустафа Танч опубликовал исследование под названием «Передача значений категоричности и возможности вспомогательным глаголом *бол-* в современных тюркских языках кыпчакской группы»¹². В работе этого автора рассмотрены формы, существующие в таких языках, как карачаево-балкарский, казахский, кумыкский, ногайский и татарский.

По мнению З. Коркмаз, и в современном турецком языке есть вспомогательный глагол, который в некоторых контекстах передает значение невозможности. Это глагол *ол-* «быть». Например, сочетание *itimát etmek olmaz* может означать «нельзя доверять», а также «дове́рять неправильно»¹³.

Переходя к представлению примеров по чувашской форме *-ма пултар-*, Ф. Эрсой справедливо отмечает, что она может присоединять к себе различные временные аффиксы и аффиксы причастий: *пёлме пултартån* «ты мог знать», *сёттерме пултарнå* «мог победить», *пурт лартма пултаратån* «могу построить дом», *пулåшима пултарё* «сможет помочь», *шухåшлама пултаракан хёрарåм* «женщина, которая может размышлять» и др. В семантике этой формы автором выделяются следующие значения:

- 1) возможность: *Епле пѣлме пултартӑн вара эсӗ кӑна?* «Как ты **смог** узнать это?»;
- 2) вероятность: *Кунтан та начар пулма пултарать-ши?* «И хуже **может быть?**»;
- 3) разрешение: *Пуртех кӑрсе вырнашма пултаратӑр, хӑвара килти пек туйӑр* «**Можете** пройти в дом, **располагаться**, почувствуйте себя как дома»;
- 4) просьба: *Мана пулайшма пултаратӑр-и?* «Можете мне помочь?».

В части статьи, где рассматривается отрицательный статус форм со значением возможности, Ф. Эрсой также представляет несколько их вариантов.

Наиболее распространенной формой отрицательного статуса, по мнению автора, является форма, образуемая при помощи аффикса *-айма-*. При рассмотрении этимологии этого аффикса Ф. Эрсой обращается к исследованиям таких ученых, как М.Р. Федотов, Н.И. Золотницкий, Н.И. Ашмарин, И. Бенцинг, И.П. Павлов и др. Опираясь на работу М.Р. Федотова, автор указывает, что существует несколько мнений о происхождении данной формы. Во-первых, этимологически аффикс *-ай*, являющийся составной частью аффикса *-айма*, может происходить от аналитической формы, состоящей из деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола *al-* «брать», который в чувашском языке произносится как *ил-* (подобная форма существует в татарском языке). Со временем произошло стяжение двух составных частей формы в аффикс *-ай*¹⁴. Другой версии придерживался Н.И. Ашмарин. Отмечая, что в некоторых диалектах чувашского языка этот аффикс содержит звук *-р*: *-айр*, ученый делает вывод, что, возможно, он произошел от сочетания деепричастия на *-а* со вспомогательным глаголом *яр-* «посылать»¹⁵. Наконец, по мнению Г.И. Рамседта и В.Г. Егорова, данная чувашская форма могла образоваться при помощи древнего вспомогательного глагола *и-* «мочь»¹⁶.

Вот некоторые примеры автора статьи с этой формой: *Пӑх-ха ман сине, ман синче аннепе кукамай пиллӗхӗ. Вӗсен пиллӗхне никам та ку таранччен сӗнтереймерӗ* «Посмотрика на меня, на мне – благословение моей матери и бабушки. Их благословение до сих пор никто **не смог победить**»; *Эпӗ те хӑш чухне вилнӗ кукамая асанса вьртатӑн, анчах пулас упӑшкана кураймастӑн тӗлӗкре...* «Я тоже иногда, ложась спать, вспоминаю покойную бабушку, но будущего мужа **не могу увидеть** во сне»; *Олегӑн авланма вӑхӑт ситнӗ, качча тухма манӑн вӑхӑт ситмен, вун саккӑр та тултараймӑн-ха эпӗ* «У Олега подошло время жениться, мне же еще рано выходить замуж, еще **не исполнилось** и восемнадцати» (в русском переводе семантика невозможности не передается) и др.

Другой формой со значением невозможности является отрицательный статус аналитической формы *-ма пултар-*. Здесь Ф. Эрсой также предлагает нашему вниманию несколько примеров: *Хам эпӗ мӑйле терт курни синчен сырупа пӗлтерме пултараймӑстӑн* «**Не смогу передать** в письме, сколько я сам перенес страданий»; *Пирӗн шул сурчӑсем унта-кунта сапаланса ларатчӑс, хальхи капмар та хӑтӑй керменсем синчен ӗмӗтленме те пултараймӑн ун чухне* «Здания нашей школы были разбросаны повсюду, в то время **нельзя было и мечтать** о нынешних просторных и уютных дворцах» и др.

Отметим, что в качестве примеров Ф. Эрсой использует материал из произведений известных чувашских писателей, таких как В. Эльби, Д. Гордеев, Н. Ильбеков, Л. Агаков, Ф. Уяр, М. Юхма и др.

В заключение автор делает некоторые выводы по результатам проведенного им исследования. В частности, он указывает на то, что в чувашском языке в качестве вспомогательных глаголов со значениями возможности и невозможности выступают глаголы *пул-* (общетюркское *ol-*) «быть» в форме понудительного залога и *пӗл-* «знать, уметь», более продуктивные по сравнению с другими глаголами, передающими в тюркских языках эти значения. Кроме этого, по его мнению, с указанным значением может выступать форма со вспомогательным глаголом *ӗлкӗр-* «успевать». Форма на *-ма пултар-* помимо значения возможности может передавать значения вероятности, разрешения и просьбы. В отношении же происхождения формы невозможности с аффиксом *-айма-* Ф. Эрсой является сторонником гипотезы, в соответствии с которой этот аффикс образовался от древнего вспомогательного глагола *и-* «мочь».

В своей статье турецкий ученый предпринял попытку обобщения в одной работе материала, представленного в исследованиях других турецких авторов, а также европейских и российских тюркологов по теме, касающейся форм, составляющих категорию возможности

в чувашском и других тюркских языках. По традиции, существующей в современной тюркологии, эти формы обычно включают в категорию аспекта (или статуса, по терминологии В.Г. Гузева)¹⁷. То есть оппозицию им, по мнению большинства ученых, составляют формы утверждения и отрицания (в чувашской терминологии *сирёплетү тата хирёслев*). Однако не все исследователи согласны с этим. Так, чувашский языковед В.И. Сергеев предлагает отнести форму возможности с показателем *-ай* к желательному наклонению (оптативу), а категорию аспекта «упразднить», так как утвердительный аспект не имеет своего формального показателя, а формы отрицания относятся к отдельной категории¹⁸. Действительно, те значения, которые, как считает Ф. Эрсой, могут передаваться описываемыми им в статье формами (возможность, вероятность, просьба, желание), по своей сути являются типичными модальными значениями, поэтому указанные формы с полным правом можно включить в состав категории модальности.

Исходя из материала, представленного в рецензируемой статье, мы можем сделать вывод, что данную категорию в чувашском языке представляют как синтетические (аффикс *-ай*), так и аналитические формы. Среди последних автор выделяет формы, образованные при помощи вспомогательных глаголов *пултар-*, *пёл-* и *ёлкёр-*. Подобное объединение форм с разными способами образования в одну грамматическую категорию полностью отвечает положениям функционально-семантического подхода к изучению языковых фактов. На наш взгляд, вспомогательные компоненты аналитических форм функционально равнозначны аффиксам, и эти формы могут быть включены в соответствующие грамматические категории на полном основании. Поэтому статья Ф. Эрсои в этом отношении имеет в какой-то степени новаторский характер.

К аналитическим формам, передающим упомянутые значения, помимо указанных Ф. Эрсой, по нашему мнению, можно также причислить сочетания, образуемые при помощи отрицательной частицы *сук* «нет». Значение данной формы можем определить как невозможность или даже категорическую невозможность совершения действия.

Имеются два варианта аналитических форм, образуемых при помощи этой частицы: форма, где основа знаменательного глагола принимает аффикс причастия будущего времени *-ас*, и форма, где упомянутая основа сочетается с аффиксом инфинитива *-ма*. Рассмотрим примеры с этими формами:

1) *Сак хунав юман пек сирёп каччă аста сухалтăр? Шывра та пунас сук, вутра та сунас сук* (Артемьев) «Где может потеряться этот крепкий, подобно молодому дубу, парень? Он и в воде **не потонет**, и в огне **не сгорит**»;

Ман сула эс пурнёрех пӳлес сук, Шертике акка (Илпек) «Ты все равно **не сможешь препятствовать** мне, тетя Шербиге».

2) *Пуянсем кулнине сахал мар курнă та, пурнёр хăнăхма сук* (Мранькка) «И хотя немало терпел насмешек от богачей, все равно **невозможно привыкнуть** (к ним)»;

Театрта халăх чылай, анчах сӳтта сунтернӳ пирки залри сынсене палласа илме сук (Элкер) «В театре народу много, но из-за того, что погашен свет, людей в зале **невозможно узнать**».

Кроме этого, значение возможности передается аналитической формой, образованной сочетанием формы инфинитива на *-ма* знаменательного глагола со вспомогательным глаголом *пул-* «быть». В этом случае вспомогательный глагол выступает в форме 3 лица настоящего времени – *пулат*:

Туресене ыттисенчен часах уйӳрма пулать, вӳсем пилӳкӳсене хӳрлӳ пициххи сыхса янӳ (Илпек) «Чиновников можно сразу **отличить** от остальных, у них повязаны красные пояса»;

Кӳмӳл сирёп пулсан темле йывӳрлӳха та сӳнме пулать (Элкер) «Если силен духом, **можно победить** любые трудности».

В вопросе выявления форм, составляющих указанную категорию, имеются определенные сложности, которые состоят прежде всего в их полисемантической природе. Например, аналитическая форма с показателем *-ас сук*, помимо значения невозможности, в некоторых контекстах передает значение категорического нежелания: *Каласан та, итлес сук вӳл мана* (Уяр) «Даже если и скажу, **не будет** он меня **слушать**»; *Шерккей хӳй пурнёрех Сайтене мӳн пулни-иртнине пӳтӳмпе каласа парас сук* (Илпек) «Шерккеей и сам все равно **не рас-**

скажет Сайте обо всем, что произошло». Похожее можно сказать и о форме со вспомогательным глаголом *пул-*. В тех случаях, когда этот глагол выступает в прошедшем времени, он передает значение готовности к совершению действия: *Ун хыссын ёне савакансем чёрре кёрсех каласрёс, хайсен аййне йыййчёс, лаййхрах ёсleme пулчёс* (Артемьев) «После этого с жаром выступили доярки, признали свою вину, **обещали работать** лучше»; *Павъл вунд пин, Элексей пилёк пин нама пулчёс* (Мранька) «Павел **обязался дать** десять тысяч, а Алексей – пять тысяч».

Однако это обстоятельство, по нашему мнению, не препятствует тому, чтобы отнести эти формы к категории возможности. Все они объединяются в эту категорию на базе их функционально-семантических признаков. И Ф. Эрсой в своей статье сделал первый шаг к уточнению состава этой категории.

Литература и источники

¹ См., например: *Гузев В.Г.* Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 289–351; *Иванов С.Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Грамматические категории глагола. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 87 с.; *Телицин Н.Н.* Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб., 2011. С. 179–230; *Тумашева Д.Г.* Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 190 с. и др.

² *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 191.

³ *Тумашева Д.Г.* Модальные формы и конструкции глагола // Татарская грамматика. Т. 2. Морфология. Казань: ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 235–238.

⁴ *Баскаков Н.А.* Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. С. 925.

⁵ См., например: *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Чебоксары, 1957. С. 183–186; *Сергеев В.И.* Хальхи чăваш чĕлхи: морфологи: вĕренÿ кĕнеки. Шупашкар: Чăваш ун-т изд-ви, 1992. С. 92–93; *Сергеев Л.П.* Глагол // Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. С. 356–357 и др.

⁶ *Korkmaz Z.* Gramer terimleri sözlüğü. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2003. S. 243.

⁷ *Ediskun H.* Türk dilbilgisi. Istanbul: Remzi Kitabevi, 1999. S. 228–229; *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri. Şekil bilgisi. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2009. S. 812; *Kerimoğlu C.* Kiplik incelemeleri ve Türkçe. İzmir: Dinozor Kitabevi, 2011. S. 84–85 vs.

⁸ *Павлов И.П.* Хальхи чăваш литература чĕлхи: морфологи. Шупашкар, 1965. С. 234; *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. С. 54–55; *Сергеев Л.П.* Глагол // Чăваш чĕлхи. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2012. С. 356–357.

⁹ *Федотов М.Р.* Средства выражения модальности в чувашском языке. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1963. С. 112.

¹⁰ *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesinde «iktidar» ve «imkan» gösteren yardımcı fiiller ve gelişmeler // TDAY Belleten. Ankara, 1959. S. 120.

¹¹ Там же. S. 121.

¹² *Tanç M.* Çağdaş Kıpçak grubu Türk lehçelerinde *bol-* yardımcı fiilinin iktidar ve imkan bildirmesi üzerine // Türk Dünyası dil ve edebiyat dergisi. Sayı 19. Ankara, 2005. S. 81–101.

¹³ *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesinde «iktidar» ve «imkan» gösteren yardımcı fiiller ve gelişmeler. S. 108–109.

¹⁴ *Федотов М.Р.* Средства выражения модальности в чувашском языке. С. 86.

¹⁵ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1–2. Казань, 1898. С. 257.

¹⁶ *Рамstedт Г.Й.* Введение в алтайское языкознание. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. С. 170.

¹⁷ *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. С. 142–145.

¹⁸ *Сергеев В.И.* Морфологические категориальные и некатегориальные формы в современном чувашском языке. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2002. С. 265–266.

ЧГВ, 2018 г., № 13

© **В.Н. Клементьев**. Рец. на: **Плечов Г.Н. Основные вехи и социально-просветительное содержание деятельности инспектора чувашских школ И.Я. Яковлева: хронологически-документальное исследование** / Г.Н. Плечов. – Чебоксары: Чувашия, 2016. – 799 с.

Современное яковлеведение пополнилось еще одним фундаментальным исследованием – книгой Г.Н. Плечова «Основные вехи и социально-просветительное содержание деятельности инспектора чувашских школ И.Я. Яковлева». Автор монографии – известный и авторитетный исследователь педагогического наследия, просветительской деятельности и мировоззрения И.Я. Яковлева. Его перу принадлежит множество публикаций по указанной проблематике. Рецензируемое издание в основном имеет своей опорой прежние научные разработки исследователя, вместе с тем, безусловно, носит новаторский, эвристический характер.

Следует отметить, что просветителю чувашского народа И.Я. Яковлеву посвящено большое количество научных и публицистических трудов, прежде всего связанных с изучением педагогических аспектов его просветительской деятельности. Предмет исследования Г.Н. Плечова также составляет педагогическая практика И.Я. Яковлева на посту инспектора чувашских школ. Однако автор сумел показать роль и место этой личности гораздо шире чем как распространителя знания, образования. Такой подход в современной науке уже нельзя признать актуальным, поскольку он демонстрирует упрощенное отношение к такому феномену исторической эпохи, как И.Я. Яковлев. Г.Н. Плечов правомерно пишет, что вся деятельность Ивана Яковлевича была «нацелена на развитие просвещения, духовной культуры, экономики, социальной и других сторон жизни родного ему чувашского народа, его национального возрождения». И.Я. Яковлеву как национальному просветителю (национальный общественный деятель, распространитель передовых идей, культуры, знаний) удалось обобщить и сконцентрировать в себе философские, социальные, культурологические, образовательно-воспитательные, духовно-религиозные проблемы, потребности и интересы своего народа, сформулировать и предъявить общественному мнению программу духовного и национального возрождения чувашей. И этим он сыграл огромную историческую роль в утверждении этнической идентичности чувашского народа.

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ds26263@yandex.ru.

Свой труд автор называет «хронологически-документальным исследованием». В соответствии с этим создана структура книги. Каждая глава характеризует определенный этап деятельности И.Я. Яковлева на посту инспектора чувашских школ: начиная с «допущения к исполнению обязанности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа» и с первых шагов формирования национальной просветительно-педагогической системы и заканчивая инспекторской работой просветителя в последние годы и отстранением его от руководства своим детищем – Симбирской чувашской учительской школой – в послеоктябрьский период.

Анализируя работу И.Я. Яковлева в должности инспектора чувашских школ, автор подробно освещает следующие направления педагогической деятельности просветителя: создание чувашских школ, развитие национального образования с привлечением государственных, общественных и научных сил, формирование позитивного общественного мнения по вопросам образования чувашского и других нерусских народов Поволжья; активное сотрудничество с российской педагогической общественностью, государственными органами, влияющими на выработку и реализацию образовательной стратегии, организацию тесного взаимодействия чувашского населения и школы, зарождение чувашского женского образования, разработка организационных, методических и кадровых стратегий чувашской национальной школы.

Значительное внимание автор уделяет защите просветителем педагогической системы Н.И. Ильминского от враждебных нападков и отстаиванию необходимости равноправного положения «инородческой» школы в образовательном пространстве России. Плечов ярко показывает, как И.Я. Яковлеву приходилось лавировать в условиях, когда официальная политика властей в области просвещения нерусских народов менялась от консервативно-охранительной до либерально-реформаторской; как он стремился максимально использовать имеющиеся у него возможности для реализации задачи построения национальной школы и находил себе союзников в высших органах государственной власти и среди общественных деятелей (И.Я. Яковлеву удалось опереться в той или иной мере на содействие, установив деловые контакты с обер-прокурором К.П. Победоносцевым, с министрами просвещения Д. Толстым и И. Деляновым, рядом высших церковных иерархов).

В монографии рассмотрены новые и малоисследованные аспекты темы: аграрно-крестьянский вопрос; участие просветителя в решении острых крестьянских, экономических и социальных вопросов; взгляды просветителя на Первую мировую войну; помощь армии. На характеристике этих направлений исследовательского поиска Г.Н. Плечова хотелось бы остановиться подробно в силу их новизны. Автор раскрывает их глубоко и детально. Не хуже, чем вопросы обучения и образования, И.Я. Яковлев представлял проблемы земельно-аграрных отношений. Он заботился о наиболее благоприятном устройстве и решении аграрного вопроса в интересах крестьянства. При этом Яковлев не был сторонним созерцателем или лицом, теоретизирующим на тему, как решить земельный вопрос. Он активно вмешивался в интересах крестьян-чувашей в недоразумения, возникавшие на почве аграрных отношений. Г.Н. Плечов приводит любопытные эпизоды участия просветителя в разрешении земельных споров между крестьянами, оказания им социально-экономической и правовой помощи. С точки зрения исследователя, прямое заинтересованное участие Яковлева в решении частных, конкретных земельных вопросов и споров вызывало положительное отношение со стороны крестьянского населения, означавшее «общественное признание его как общественно-политического деятеля, потенциального и действующего руководителя крестьянских народных масс Поволжья».

Другую ипостась Яковлева – не только как педагога-просветителя, чувашского национального и общественного деятеля, но и как общероссийского просветителя-патриота – Г.Н. Плечов раскрывает в связи с событиями Первой мировой войны, которую И.Я. Яковлев считал хотя и «несчастной для России войной», но «отечественной». Поэтому основным лозунгом его был призыв «Родина в опасности!». В таких условиях Яковлев ставил задачу «дать чувашскому населению ясное и точное представление» о «величайшем историческом значении войны», усилить и поддерживать его «патриотическое воодушевление

и вызвать в нем готовность ко всяким возможным жертвам». И.Я. Яковлев, преподаватели и учащиеся Симбирской чувашской учительской школы установили переписку с учителями и воспитанниками школы, находящимися на фронте, поддерживали их морально, активно включились в работу по военно-патриотическому воспитанию и оказанию помощи раненым воинам и т.д.

Анализируя просветительно-педагогическую систему И.Я. Яковлева, автор первоочередное внимание уделил, как уже отмечалось, организационно-методическим, кадровым сторонам, социально-политическим условиям ее воплощения в жизнь. Вместе с тем для заинтересованного, компетентного и вдумчивого читателя, вне всякого сомнения, представляло бы интерес освещение и позиция исследователя по дискуссионным среди яковлеведов проблемам, таким как противоречивость мировоззрения Яковлева как христианского миссионера-просветителя и реальных результатов его педагогической практики, соотношение прогрессивного и регрессивного в его взглядах и просветительстве. Как известно, в оценке просветительской роли И.Я. Яковлева сложились две диаметрально противоположные точки зрения: 1) И.Я. Яковлев – теоретик и практик слияния с русским народом на основе усвоения христианских идеалов, что «с точки зрения чувашского национализма может и должно быть оспорено»; 2) И.Я. Яковлев – спаситель чувашской нации, носитель национально-патриотической идеи, ревностный последователь идеи национального подъема родного народа. Автор в своем исследовании ушел от разрешения этой проблемы. На наш взгляд, рецензируемая монография только бы выиграла и прибавила бы в академическом весе, если бы в ней содержался историографический раздел, где автор проанализировал бы и дал свою оценку обширному корпусу трудов о И.Я. Яковлеве. Впрочем, все указанное не умаляет научной новаторственности и добротности исследования Г.Н. Плечова. Как справедливо отмечает сам автор, охватить все сюжетные о деятельности инспектора чувашских школ И.Я. Яковлева в одной работе невозможно.

К безусловным достоинствам книги относятся, помимо научной обстоятельности и богатства фактического материала, логичность и структурированность текста, его читаемость, образный язык. Без сомнения, книга Г.Н. Плечова займет достойное место в яковлеведоведении и будет востребована читателями.

ЧГВ, 2018 г., № 13

© А.С. Сараев. Рец. на: Салмин А.К. *История чувашского народа* / А.К. Салмин. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 128 с.

А.К. Салмин, ведущий научный сотрудник МАЭ РАН, в целом ряде работ развивает «суварскую» гипотезу происхождения чувашского народа. После серии специальных статей¹ он представил на суд коллег и заинтересованных читателей две монографии². Поскольку наиболее компактно концепция представлена в монографии, изданной в Чебоксарах, именно на ней сконцентрируем наше внимание.

Название книги (на обложке) – «История чувашского народа» – дезориентирует. Того, что принято именовать историей чувашского народа, в книге нет, а есть лишь «савирская гипотеза». Причем в качестве эпиграфа дано высказывание археологов А.Я. и Г.С. Федоровых: «Вопрос о савирах имеет первостепенное значение при разработке этнической истории Кавказа»³. Таким образом, вопреки вынесенному на обложку названию, книга посвящена истории Кавказа, а не чувашского народа.

В целом, характер книги проблемный: автор ставит множество частных и общих вопросов и предлагает свои варианты их решения. Книга состоит из введения, одной главы («Савирская гипотеза»), разделенной на девять параграфов, выводов, списка источников и литературы.

Андрей Сергеевич Сараев – младший научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: andrejsaraev@yandex.ru.

Во введении сформулированы главные *теоретико-методологические подходы*.

Первый из них: «В.В. Седов, В.П. Алексеев, В.И. Молодин, С.А. Арутюнов, В.В. Напольских и Петер Вереш обращают внимание на необходимость комплексного (или междисциплинарного) подхода в освещении этногенетических процессов» (с. 3). Вряд ли с данным тезисом будет кто-либо спорить, поэтому кажется странным, почему автор приписывает постулирование междисциплинарного подхода лишь шести своим коллегам.

Второй подход: «В работе понятия “история”, “исторический” подаются расширительно. Помимо собственно истории, автор... пользуется доводами этнонимии, географии, этногеономики, антропологии, археологии, религии, языка, этнографии, искусства и фольклора. Таким образом, предпринята попытка исследования истории народа как единое целое, т.е. системы» (с. 4).

Коллега А.К. Салмина по МАЭ РАН П.Л. Белков, автор важной теоретической монографии по этнологии, с одной стороны, согласен с тем, что «этническая история – это наука, использующая комплексный метод в целях изучения этапов сложения культуры данного народа»⁴. С другой стороны, он выражает скепсис относительно адекватности этнографического наполнения самого понятия «этническая история»: «...этногенетические исследования, или изучение истории народов, – это исследования биографии народов, наподобие биографий людей как живых существ, от их рождения до смерти. <...> Ход рассуждений в таких случаях примерно следующий: если современный народ (население данной территории) обладает или не обладает такими-то антропологическими признаками и при этом обладает или не обладает такими-то признаками культуры, он является потомком древнего населения, обитавшего на такой-то территории. Для иллюстрации достаточно взять многочисленные исследования, связанные с поисками “прародины” того или иного населения»⁵. Далее будет показано, что исследование А.К. Салмина полностью вписывается в данную схему.

Можно не соглашаться с позицией П.Л. Белкова, но задуматься над тем, что реально мы изучаем, прежде чем пускаться в широкие рассуждения, без сомнения, необходимо.

Третий подход. Объект, который избрал А.К. Салмин для изучения «этнической истории», немало озадачивает. Этот объект – «племена»: «Этот термин ничем по сути не отличается от греческого ἔθνος, использованного в Византии по отношению к тем же “варварским” племенам, т.е. не принявшим христианство» (с. 5).

Однако автору следовало бы знать, что термины «этнос» и «варвары» возникли задолго до византийского времени (они употреблялись уже в первой половине I тысячелетия до н.э.)⁶ и, соответственно, не имеют никакого отношения к христианству. Каждое из этих слов в разное время имело самое разное семантическое наполнение⁷, но, попав в научный язык, эти слова получили конкретные дефиниции. Смешивая и подменяя устоявшиеся в науке значения терминов, мы придем не к ясности в том или ином вопросе, а, напротив, к намеренному запутыванию.

Если коротко резюмировать методологические установки исследования А.К. Салмина, то получится следующее: основанная на комплексном подходе (1) этническая история (2) племени (3) савир⁸. Чуваши в качестве центрального объекта исследования в книге не присутствуют.

Учитывая небольшой объем книги, концепцию автора можно свести к двум тезисам.

Первый тезис дан в двух вариантах, разделенных десятком страниц: «Таким образом, пока выстраивается следующая сокращенная схема происхождения этнонима *ч’ваши* “чуваш”: *саспир* → *сапеир* → *сапир* → *савар* → *савир* → *сабир* → *сувар* → *сувас* → *суваши* → *ч’ваши*» (с. 18). Второй вариант схемы, по логике, должен быть «длинным», но он представляет собой не что иное, как перегруппировку первого: «Таким образом, этноним *чуваш* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*саспир*, *савар*, *сапир*, *сабир*) → *сувар* (*сувас*, *суван*) → *суваши* → *ч’ваши* (*t’s’vas*). Такова судьба этнонима *чуваш* в лабиринтах времени» (с. 27).

Фактически, даже не ссылаясь на П.Л. Белкова, А.К. Салмин принял концепцию своего коллеги, по мнению которого «безусловно, этнос в обычном понимании слова не является единицей реальности»⁹, – иначе не понять, как и почему этническая история чувашей может быть сведена к истории трансформаций этнонима *савир*.

Доказательству истинности предложенной трансформации от *саспир* к *чуваши* автор посвящает большую часть единственной главы своей работы. Если этнос представляет собою воображаемый «конструкт», из него и конструировать можно что угодно.

Непроясненным остается только один момент: почему А.К. Салмин избрал в качестве «конструкта» именно савир? Ответ автора такой: потому что «есть утвердившееся мнение, что предки чувашей известны как савиры/сувары» (с. 9). Это лишний раз подчеркивает, что чуваше, как «реальный» этнос, имеют к разбираемому исследованию самое опосредованное отношение. В противном случае предков чувашей следовало бы искать исходя не из априорного суждения, в свою очередь основанного лишь на «утвердившемся мнении», а из чего-то более осязаемого.

Для того чтобы в историческом исследовании что-то подтвердить или опровергнуть, необходимы фактологические источники. И здесь А.К. Салмин снова стихийно учел мнение коллеги – Е.С. Голубцовой, на которую, как и на П.Л. Белкова, напрямую не ссылается: «...в каждом конкретном случае аспект изучения зависит от состояния источников, а как раз этого обстоятельства при разговоре о такой дисциплине, как этническая история, этнологи совершенно не учитывают и, говоря об этнической истории, забывают о проблеме состояния источников, необходимых для изучения этой истории...»¹⁰

Понимая эту проблему, А.К. Салмин подошел к использованию источников предельно оригинально: он отделил упоминаемые в источниках «этнонимы» (или то, что таковыми считает) от непосредственного содержания этих источников, а правомерность подобной операции подкрепил данными других источников. Например, Геродот упоминает неких «саспиров». Другие античные авторы называли неких «сапиров». Именно «этот этноним», по мнению А.К. Салмина, Клавдий Птолемей зафиксировал в форме «саварой». Со ссылкой на авторитет В.П. Будановой А.К. Салмин утверждает, что «историки идентифицируют» (то есть считают тождественными) все эти этнонимы (с. 9–10).

В действительности, ни В.П. Буданова, ни авторы комментированного издания переводов из Геродота никакой связи между саспирами и саварами не усматривают. Первых они солидарно считают одним из закавказских народов¹¹, вероятно имеющих отношение к предкам грузин; относительно вторых В.П. Буданова приводит три мнения: савары – славяне, савары – сарматы, савары идентичны сабирам (последних она считает родственными гунам)¹².

Итак, ни о каком тождестве саспиров, саваров, сапиров и савир ни источники, ни исследователи не говорят. Есть лишь отдаленное созвучие самих слов (причем надо понимать – для русского уха), но, как уже говорилось, для А.К. Салмина этого достаточно. Учитывая это, никакого удивления не вызовет абсолютно не согласующийся друг с другом этимологией, которые автор предлагает для «слова сапир /савар /савир /сабир /сувар»: персидское *sāvar* «всадник, наездник, умелый» (с. 10); тюркское «саварди» из словаря Махмуда Кашгарского, которое «имеет смысл “добродетель”», что «соответствует чувашскому слову *сав* “любить, ласкать”» (с. 14); «арабские термины *sabīḡ* и *sabug* в значениях “терпеть”, “терпение”» (с. 14).

Как видно, вырывая из источников (из исторического, географического, лингвистического контекстов) лишь отдельные фонемы, можно прийти к любым выводам. Критика каждого частного положения в таком случае становится бессмысленной, поскольку займет больше места, чем само подобное исследование.

Из серьезных ученых в прошлом аналогичным «методом» особенно злоупотреблял Н.Я. Марр, на которого А.К. Салмин активно ссылается (с. 14, 16), а также отталкивавшийся от идей Марра Т.А. Шумовский. Последний даже обосновал особое учение – «ороксологию» (от латинских слов *oriens* и *occidens* – «востокозападоведение»), суть которой заключается в вылавливании слов из различных языков и толковании их на основе арабского и отчасти персидского – языков, которые Т.А. Шумовский знал лучше всего¹³. Так, даже ключевые для своего учения латинские слова – *oriens* и *occidens* – Т.А. Шумовский производил из персидского (первое) и арабского (второе) языков¹⁴. Каким образом слова, заимствованные из языков двух разных макросемей, приобрели морфологически идентичный вид, автор, кажется, и не задумывался. Не оставил он в стороне и сабирский вопрос. По мнению Т.А. Шумовского, слова «север», «супер», «Сибирь», «арабы», «евреи» происходят от одного-един-

ственного семитского трехфонемного корня ЪБР¹⁵. Эта версия полностью корреспондирует с предложенными А.К. Салминым этимологиями и точно так же не имеет никакого отношения к реальным савирам/сабирам.

Только безграничные возможности ороксологии способны объяснить, откуда в книге под названием «История чувашского народа» взялись широкие хуррито-урарто-армяно-грузинские соответствия в чувашском языке (с. 80–81). Не удивитесь и тому, что если у Ибн Фадлана читаем «суваз/сувар», то можно говорить о чередовании *p* и *z* в тюркских языках (с. 19)¹⁶, а если читать то же самое слово как «саван», как это сделал А.П. Ковалевский в первом варианте своего перевода¹⁷, тогда это будут сваны – один из картвельских народов (с. 20). Если савиры – это сваны, то проблема их поиска в истории отпадает сама собой, поскольку и сейчас они благополучно существуют там же, где их застали античные авторы. Впрочем, когда окружающая действительность противоречит словообразовательным трансформациям, тем хуже для нее. Поэтому если в одном абзаце мы узнаём, что «форма *суаны* является также вариантом грузинского рода *сваны*» и «возможно, это экзоэтноним савиров», то уже в следующем абзаце на той же странице оказывается, что «булгары называли своих соседей экзоэтнонимом *сувазы*, вариантом которого являлся этноним *сувары*» (с. 20).

Все эти «экзоэтнонимы» взяты не из источников, а родились под пером А.П. Ковалевского, который искал варианты прочтения непонятого слова в тексте Ибн Фадлана. В зависимости от того, имела ли место ошибка переписчика (причем не одного), он предположил, что арабское слово, транскрибируемое по тексту Мешхедской рукописи как «саван», скорее всего первоначально было записано как «суваз» или, что менее вероятно, как «сувар» (по аналогии с названием города в Волжской Болгарии, о котором, однако, сам Ибн Фадлан не упоминает)¹⁸. Но Ибн Фадлан слышал и записал одно-единственное слово, а не один этноним и два «экзоэтнонима». «Растроение» произошло в глазах А.К. Салмина, который произвел двойное препарирование, соединив текст источника с исследовательским его комментарием. Такой оригинальный выход он нашел из проблемы состояния источников, которую, по предложению Е.С. Голубцовой, должны осознавать этнологи, реконструирующие этническую историю.

Если первый тезис, ради которого написана А.К. Салминым книга, представляется спорным по причине дефектности избранного автором метода, вероятно, второй тезис сможет, если не спасти положение, то, по крайней мере, внести некоторую ясность?

Второй тезис касается уже собственно савир: «Конечно, савиры – и не гунны, и не авары, и не тюрки, и не акациры, и не хазары. Разумеется, и не булгары. В частности, Алексей Комар, говоря о Боарикс, сделал весьма любопытное замечание. “Ни у гуннов, ни у авар, ни у тюрков не было традиции управления племен женщинами. Вместе с тем из источников известно о правительнице савир – Боарикс, получившей власть после смерти мужа”. Женщины-предводители были, конечно, и у сарматов. Однако его замечание о том, что савиры представляли собой вполне самостоятельное племя, – правда» (с. 94).

Украинский археолог А.В. Комар не случайно удостоился быть упомянутым как единственный специалист по савирам, на которого можно опереться во вполне трюистическом утверждении, что «савиры – самостоятельное племя» (то есть «отдельный этнос», если перевести на стандартный научный язык).

Действительно, А.В. Комар – автор первой небезымянной энциклопедической статьи о савирах. Он определяет их как «древний кочевой народ, который относят к носителям тюркских языков. В источниках назывался также “гунны савиры”, гунны. Гипотезы о тождественности с[авиров] народам 2 в. – саварам у Птолемея и сяньби, ныне отвергаются». Завершается статья уже суварам: «Позднее народ сувар фигурирует в составе Булгарии Волжско-Камской, где был и г. Сувар. Существуют гипотезы о трансформации этнонима “сувар” в “чуваш” и др., о происхождении назв[ания] “Сибирь” от “сабир”»¹⁹. Однако в статье не отмечается, как «савир» превратилось в «сувар» и насколько равноправны варианты «савир» и «сабир». Ведь и А.К. Салмин признает, что в случае с вариантами «савир» и «сабир» имеет место лишь переход звука «б» в «в» в византийском греческом языке (с. 10). В реальности название могло быть только одно – или «савир», или

«сабир». Проблема здесь та же – состояние источников, которое не позволяет установить, какой из вариантов более оправдан. А раз состояние источников не позволяет достоверно прояснить всего одну букву, нечего и говорить о языке и других, куда более важных аспектах: материальной культуре (археологически савиры не выявлены), вероисповедании и ДНК.

Тем не менее каждому из перечисленных пунктов А.К. Салмин посвятил по отдельному параграфу. Поскольку данных о языке савир объективно нет (за исключением нескольких личных имен, анализ которых мало что дает²⁰), А.К. Салмин пытается приписать любые дискуссионные явления чувашского языка наследию савир: «Ряд исследователей (например, Н.Н. Поппе) полагали, что чувашский язык не принадлежит ни к тюркской, ни к финской группе языков, его следует отнести к третьему звену и признать дотюркским. По фактическим данным чувашский язык с таким же успехом можно назвать близким как к угорским, так и к иранским языкам» (с. 88). Тот факт, что чувашский язык объективно тюркский, автор пытается нивелировать ссылкой на внешнее влияние: «Пока следует констатировать, что все ссылки на язык чувашей даются на источники не раньше X в., а больше всего – с XVI в. Иначе говоря, исследователи изучают язык уже ассимилированных (иранизированных, угризированных, тюркизированных и т.д.) чувашей» (с. 90). Непонятно только, как чувашаи могли сохраниться после трехкратной (и даже более) ассимиляции.

Для автора противоречия здесь нет – просто образовалась «генетическая близость» чувашей с народами, по крайней мере, четырех языковых семей: «Генетически близкими племенами и наиболее тесными соседями предков чувашей до середины I в. н.э. были угры и иранцы, во II–V вв. – гунны. Затем – булгары, хазары, восточные финны, татары и русские» (с. 107).

Именно данные палеогенетики в представлении А.К. Салмина должны распутать клубок противоречий вокруг савир и чувашей. Данные, которые специалисты-генетики анализируют с большой осторожностью, А.К. Салмин использует без тени сомнения. Логика его такова (ср. с приведенной выше цитатой из П.Л. Белкова): если савиры жили на Кавказе, значит, и ДНК у них совпадает с большинством народов Кавказа. Проверить это без единого известного савирского скелета, из которого еще необходимо было бы извлечь «читаемый» фрагмент ДНК, невозможно, поэтому любые рассуждения о савирско-чувашской «этногеномике» в настоящее время не более чем спекуляция. Автор же, посвятив целых шесть страниц исследованию ДНК, приходит к следующему выводу: «Выходит, сапиры, в V–I вв. до н.э. жившие на Юго-Западном Кавказе (долина р. Чорох и южнее), были типичными носителями гаплогруппы Н. Также известно, что савиры/сабиры во II–VIII вв. н.э. были одними из многочисленных и активных племен на Северном Кавказе. Отсюда можно заключить, что савары/савиры пришли на Северный Кавказ из Закавказья и Юго-Восточного Причерноморья. Поэтому савары и чувашаи, как наследники савиров, также являются выходцами из переднеазиатско-причерноморского региона (выделено мной. – А.С.)» (с. 61–62). Затем специально подчеркивается, что «исходно чувашаи не связаны с алтайским и монгольским населением по материнской линии» (с. 63), то есть их матерями были исключительно «переднеазиатско-причерноморские» савирки.

Не менее оригинален автор в использовании данных археологии. Поскольку нет решительно никаких показаний источников, которые позволили бы сколько-нибудь надежно выделить савирские памятники из общего числа «варварских» древностей эпохи Великого переселения народов, савирскими для А.К. Салмина оказались те памятники, которые он сам таковыми назвал: «...погребения IV–V вв. на Паласа-сыртской возвышенности (в 30 км к югу от Дербента) содержат оружие ближнего... и дистанционного боя... По своей конструкции они относятся к числу “гуннских” типов. <...> Независимо от того, какую этническую (здесь и далее выделено мной. – А.С.) принадлежность имело население Паласа-сыртской возвышенности, все эти характеристики полностью относятся к савирам, ибо они также в те времена обитали в районе Дербента» (с. 31). Археологи, исследовавшие могильник Паласа-сырт, не обладая инструментарием для отделения памятников савир от болгар или от самих гуннов, не решались с такой уверенностью давать ему атрибуцию²¹. А.К. Салмин, как видно, такой инструментарий нашел. Как и в случае с «жонглированием» этнонимами, при отсутствии проверяемых фактов можно объявить савирским любой нужный автору «локус»

ДНК, любой археологический памятник, любую черту в чувашском языке. К науке такая методика никакого отношения не имеет.

В разделе «Выводы» А.К. Салмин дал трезвую оценку проделанной работе: «Подавляющее большинство исследователей не хотят разменять свою репутацию на распутывание искаженной истории какого-либо народа. Поэтому авторы... как правило, ограничивают работу хронологическими или тематическими рамками, опасаясь взять ответственность за неапробированные выводы. Так они страхуют себя от возможных ошибок и упреков. На этом фоне настоящий труд... – это огромный риск» (с. 107–108). Тем удивительнее, что автор, осознавая весь риск, не потрудился перепроверить факты, выдвигаемые тезисы и сами выводы. Как мы показали, ни под одним из принципиальных тезисов А.К. Салмина нет достаточной фактологической базы. Поэтому даже если выводы автора когда-либо подтвердятся, они будут основаны на других источниках, на других фактах и на другой логике.

Книга А.К. Салмина интересна как опыт оформления новой концепции чувашско-го этногенеза, положительной стороной которого является дискуссионная заостренность положений и выводов. Однако сам опыт в силу изложенных обстоятельств удачным признать нельзя.

Литература, источники и примечания

¹ Список и электронные версии работ доступны на личном сайте автора: URL: <http://salmin-ak.ru/publikaczi/> (дата обращения: 6.12.2018).

² Салмин А.К. История чувашского народа: савирская гипотеза. Чебоксары: ЧГИГН, 2016; Салмин А.К. История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017.

³ Салмин А.К. История чувашского народа: савирская гипотеза. С. 3. Далее ссылки на эту работу будут даваться в тексте в скобках после цитат.

⁴ Белков П.Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб.: Наука, 2009. С. 180.

⁵ Белков П.Л. Этнос и мифология. С. 181.

⁶ О значениях слова «этнос» у греческих авторов от Гомера до Страбона см.: Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М.: Наука, 1998. С. 27. Примечательно, что уже Тацит на рубеже I и II вв. н.э. переводил греческое слово «этнос» латинским «*patio*» (Там же. С. 26).

⁷ Фукидиду (V в. до н.э.) и Страбону (I в. до н.э. – I в. н.э.) было не очень ясно употребление Гомером определения «варварский». Первый полагал, что Гомер, говоря о «варварских» наречиях, «потому не упоминает термина “варвар”, что эллины в то время еще не настолько обособились, чтобы противопоставлять себе варваров». Страбон, в свою очередь, попытался научно этимологизировать слово «варвар»: «Я полагаю, что слово “варварский” первоначально образовалось в подражание произношению людей, выговаривающих слова с затруднением, твердо и грубо...» (Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. С. 27–28).

⁸ Л.Н. Гумилёв в примечании к «Истории хазар» М.И. Артамонова рекомендовал названия гуннских племен Восточной Европы в родительном и винительном падежах склонять по аналогии с «болгар» и «хазар», то есть без «ов» (См.: Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 62). А.К. Салмин употребляет форму «савиров», поэтому в цитатах оставлено авторское написание.

⁹ Белков П.Л. Этнос и мифология. С. 170.

¹⁰ Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. С. 19.

¹¹ Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1982. С. 178–179; Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 345.

¹² Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. С. 335. В статьях «Савиры» второго и третьего изданий «Большой советской энциклопедии» и в «Советской исторической энциклопедии» (текст всех трех изданий идентичен, но автор нигде не

указан) также утверждается тождество савир и савар Птолемея, при этом говорится об их «гуннском или тюркском происхождении» и близости к хазарам.

¹³ «...о каком бы языке ни шла речь, должны учитываться данные восточных и западных языков – но преимущественно первых, как имеющих более древнее, следовательно, более чистое происхождение и таящих в себе исходные корни множества позднейших слов. <...> Таким образом, ороксология превращает слово из безвольного предмета бытового обихода в деятельное орудие добывания исторической истины» (см.: *Шумовский Т.А.* Странствия слов. СПб.: Протей, 2004. С. 45). Даже не ссылаясь на Т.А. Шумовского, А.К. Салмин превосходно освоил это «орудие добывания истины».

¹⁴ *Шумовский Т.А.* Странствия слов. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 11, 14.

¹⁶ В другом месте книги автор опровергает сам факт наличия «ротацизма» в чувашском языке, причем весьма оригинально: «И вообще так называемые термины “ротацизм” и “ламбдаизм” выведены от греческих букв rho и lambda и были использованы изначально в описании латинского языка» (с. 83).

¹⁷ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 76, 126.

¹⁸ *Ковалевский А.П.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. С. 21, 27–28. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. С. 34–35, 223. В первой работе А.П. Ковалевский дает транскрипцию «свѧн», во второй – «суван».

¹⁹ *Комар А.В.* Савиры // Большая российская энциклопедия. Т. 29. М.: Большая российская энциклопедия, 2015. С. 192.

²⁰ Ср.: *Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. Los Angeles: University of California Press, 1973. P. 414, 442.

²¹ Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1981. С. 93, 96–97.

ЧГВ, 2018 г., № 13

© Д.А. Мустафина. Рец. на: **Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1: Документы Ядринской приказной избы второй половины XVI – начала XVIII века** / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманитарн. наук. – Чебоксары: ЧГИГН, 2017. – 640 с.

Ценность тиражирования документальных материалов определяется, как известно, приданием иной пространственной известности слабо используемым «осколкам» прошлого, позволяющим воссоздать то, что происходило в ином временном измерении, возможностью уловить суть минувших эпох, процессов и явлений с достигнутых наукой высот. К тому же встреча историка (да и филолога) с отложившимися в фондах архивов средневековыми источниками становится возможной лишь в результате кропотливейшего труда, альтруизма и преданного служения делу «чернорабочего в науке», ведь чтение графики указанного периода – процесс трудоемкий, требующий специальных навыков. Это обстоятельство придает особую значимость изданиям документальных памятников Средневековья, а публикатор рукописных памятников XVI–XVIII вв. заслуживает искреннюю благодарность научной общественности.

Признания широкого круга читателей, безусловно, удостоен труд сотрудника Чувашского государственного института гуманитарных наук А.А. Чибиса, осуществившего публикацию комплекса делопроизводственных материалов одного из местных административных учреждений, подведомственных приказу Казанского дворца, – Ядринской съезжей приказной избы второй половины XVII – начала XVIII в.¹

Дина Абдулбаровна Мустафина – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета; e-mail: maktub29@yandex.ru.

Безвозвратная утрата в огне пожаров документальных свидетельств Казанского края обусловила крайний дефицит источников о средневековом прошлом. Поэтому столь остро ощущаемые специалистами-медиевистами потребности априори определяют значение увидевшего свет сборника актов, позволяют квалифицировать его как важное событие в ряду историографических фактов. Введение в научный оборот источников, выявленных в древлехранилищах и остающихся труднодоступными и малоизвестными исследователям, следует расценивать как весомый вклад в фундаментальную науку.

Композиционное построение сборника является традиционным для публикаций исторических материалов. Издание текстов актов сопровождается научно-справочным аппаратом: предисловием и статьей, подготовленными автором-составителем, необходимыми примечаниями, именным и географическим указателями, перечнем литературы и источников, списком документов, включенных в сборник.

Необходимо особо подчеркнуть, что составителю пришлось проделать огромную, весьма трудоемкую и не отраженную ни в каких зачетных единицах работу по отбору к публикации документов, отложившихся в фонде Ядринской приказной избы. Так, классификация сохранившегося материала была осуществлена дважды. Сначала вычленены документы в зависимости от их отношения к конкретным событиям. Затем группы документов, вызванные к жизни одним и тем же событием, подвергнуты селекции с тем, чтобы отразить конкретное событие от его зарождения до завершения. При этом составитель руководствовался стремлением привести акты в такой совокупности, чтобы не нарушалась логическая целостность и взаимосвязь исторических реалий, отраженных в рукописях, и читатель получил бы возможно полную информацию об историческом событии. Исходя из указанной цели произведено определение инициативного и итогового документов (указная грамота, отписка, челобитная), и их тексты включены в сборник без купюр. Акты же, появившиеся как следствие и реакция на поступившее распоряжение или напоминание и просьбу, приведены после выяснения их источниковой ценности, анализа степени отражения хода и альтернатив события. В результате из дошедших до наших дней 820 единиц хранения было отобрано 508. В сборник они были включены под 436 номерами (под одним номером даны документы одного вида и содержания, а также акты, связанные с рассмотрением тяжб и уголовных преступлений и входящие в состав единого столбцового комплекса).

В предисловии к изданию публикатор проследил историю использования актов Ядринской съезжей избы и тем самым особо подчеркнул неоспоримые заслуги исследователей, в частности Н.С. Чаева, И.Д. Кузнецова и В.Д. Димитриева, одними из первых оценивших информационный потенциал и приложивших определенные усилия к ознакомлению научной общественности с этими целевыми источниками. Уважение к труду, проделанному предшественниками, удержало составителя рассматриваемого сборника от напрашивающегося вывода о том, что упомянутыми историками привлекались к анализу лишь отдельные документы, вошедшие в сборник, да и то в связи с исследованием социального положения населения и тягот феодальной эксплуатации. А также скромно умолчать о своем вкладе в изучение особенностей функционирования самого приказного учреждения, произведенном в последние годы. Между тем упоминание об этом было бы не лишним и позволило бы читателю представить уровень компетенции публикатора.

К середине XVII столетия на территории, подведомственной приказу Казанского двorca, сформировалось более 40 (в том числе «внутренних») уездов, в централизующем ядре которых – городах – функционировали приказные (съезжие) учреждения различного ранга (палаты и избы). Вводимый в научный оборот комплекс источников о многочисленных гранях деятельности одного из низовых звеньев приказной системы представляется показательным средством и основой для воссоздания особенностей организации деятельности не только конкретного учреждения, но и степени эффективности и эволюции воеводской системы управления территориями в целом.

В предлагаемом вниманию общественности сборнике сосредоточена многоплановая информация об эволюции структуры населения, о действии на практике законодательных норм, определяющих права и обязанности сложившихся социальных страт и их

взаимоотношения. Публикуемая совокупность актов позволяет моделировать политическую линию правительства, дает возможность проследить его реакцию на перемены, происходившие в отдельном украинном социуме, осветить социально-политическую и хозяйственно-экономическую ситуацию, особенности развития Ядринского уезда. Вместе с тем аналогичность спектра проблем, прямо или косвенно отраженных в публикуемых источниках, делает правомерной экстраполяцию напрашивающихся наблюдений и выводов об особенностях вхождения и развития в составе Российского государства Ядринского уезда на другие административно-территориальные единицы Казанского края. Публикуемые документы незаменимы при анализе характера функционирования, определении места и роли Средневолжского региона в общероссийских социально-политических и экономических процессах.

Излишне говорить, что А.А. Чибис подверг отобранные документы взыскательной научно-археографической обработке, предельно вдумчиво подошел к составлению заголовков. Столь же скрупулезно в своем предисловии изложил принципы передачи текстов документов, упомянув, что он руководствовался «принятыми в современной археографии правилами издания исторических документов XVII – начала XVIII в.» и что «практическим ориентиром для издания послужила серия «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (с. 10). Хотя на деле публикатор не придерживался строго принципов, принятых в упомянутом известном сборнике документов, и правил издания, разработанных в начале 90-х гг. XX в. Он передал текст по правилам, по ряду позиций отличным как от практики публикаций 50–70-х гг., так и от рекомендаций 90-х гг. прошлого столетия. И качеством подготовленного к изданию труда установил весьма высокую планку для будущих публикаций источников.

Осмысление и интерпретация текстов исторических источников, предложенные А.А. Чибисом, свидетельствуют о глубине его «погружения» в текст памятников, стремлении донести до читателя содержание документа, не нанося вреда его существу, и в целом об исключительной тщательности научно-археографической обработки рукописей. Безусловно, можно и не соглашаться с произведенной им передачей текстов включенных в сборник памятников, но невозможно отрицать того, что он не упустил из виду ни один момент, требующий оговорки и разъяснения действий, предпринятых им при работе с текстами рукописных памятников. А поскольку издание адресовано не только специалистам, но и всем интересующимся историей, постольку и подробные объяснения, касающиеся дат (порядковых номеров лет и системы счета времени), заголовков и легенд, выглядят вполне уместными. Одним словом, принципы археографической обработки и воспроизведения текстов, соблюденные в данном сборнике, представляются весьма продуманными и заслуживающими признания в качестве образцовых.

Правда, употребление им новых «идиом» выглядит несколько неудачным. Так, вызывает сомнение правомерность сращения слов, по всей видимости, претендующего на современный фразеологизм, в форме «цифровые буквы». Такое сочетание употреблено в случаях, когда речь идет о цифровых (числовых) значениях букв, то есть о буквах, обозначающих цифры. Между тем это словосочетание, на наш взгляд, может указывать лишь на то, что буква преобразована в цифровую форму (оцифрована). Также не следовало называть год, приведенный по византийской эре от «сотворения мира», «мировым годом» (см. прим. 38 на с. 12). Ведь эр от «сотворения мира» было множество, а принятая на Руси и в России система летосчисления, основанная на византийской эре, не получила распространения во всем мире. Едва ли возможно употребление имеющего определенный подтекст выражения «оригинальная орфография» документов (см. с. 10), когда речь идет о сохранении морфологических и орфографических особенностей средневекового текста. Ведь ни единообразия передачи слов, ни свода правил, направленных на установление оногo, в XVII–XVIII вв. просто не существовало.

Неоднозначно может быть оценено читателем и обращение к словосочетаниям, состоящим из прилагательного и наименования вида акта: «требовательная отписка», «отчетная отписка», «информационная отписка», ибо смысловое содержание лексической нормы «отписка», в современном русском языке сводящееся к формальному ответу, не затрагиваю-

щему существа дела, вступает в явное противоречие с сопровождающими это слово прилагательными.

Немногословно, но емко в статье, озаглавленной «Документы Ядринской приказной избы как источник по истории Чувашии второй половины XVII – начала XVIII века», составитель осветил информационный потенциал актов, включенных в сборник. При таком внушительном количестве анализируемых документов и общем объеме конволюта сделать это было непросто, но с этой задачей он в целом справился успешно и предложил читателю ориентиры, способствующие обозначению направления будущих исследовательских поисков.

К примеру, согласно В.Д. Димитриеву, город Ядрин был основан в 1590 г. Такое заключение было вынесено ученым на основе показаний в ходе судебного разбирательства между Нижегородским Благовещенским монастырем и «черемисином» Алдеяром Агишевым, на протяжении «тридцати лет с годом» со своими «товарищи» владевшим угодьями, переданными им вместо конфискованной под город земли. В вопросе о начале функционирования приказной избы в укрепленном селении А.А. Чибис не столь категоричен, хотя допускает возможность создания названного административного органа одновременно с основанием города. Заметим, что известные науке сведения о появлении в городе лиц, облеченных административными правами, относятся к 1593/94 г. С весны 1593 г. местную власть в Ядрине представлял стрелецкий голова Иван Хохлов². По всей видимости, он с самого начала руководил строительством фортификационных сооружений и был облечен соответствующими полномочиями. Весной 1597 г. его сменил воевода Григорий Васильевич Вольнский³.

Анализируя публикуемые документы, А.А. Чибис обратил внимание на то, что во второй половине XVII в. определение воевод в Ядрин носило форму пожалования за былые заслуги (см. с. 17). Его наблюдение указывает на сложную структуру мотивов, которыми правительство руководствовалось при служебных назначениях. Из этого следует, что утвердившийся в науке тезис о назначении воевод «в службу», а не «за службу», как по традиции было принято производить в наместники, нуждается в уточнении. Ведь, по мнению исследователей, основаниями к назначению на должность воевод в города Казанского края служили два обстоятельства: 1) личные качества человека, его способность действовать в сложной социально-политической обстановке; 2) необходимость нейтрализации и наказания оппозиционно настроенных лиц, отстранения их от участия в политических событиях и лишения возможности влиять на их ход. Поэтому вопрос о времени отказа от определения человека на службу в качестве военного управителя, в том числе и гражданским населением, то есть воеводы, и возврата к практике служебных назначений за былые заслуги, а может быть, и об отсутствии пресечения сложившегося порядка распределения полномочий и административных функций предстоит исследовать специально.

Заслуживают внимания также наблюдения А.А. Чибиса об устройстве и штате Ядринской приказной избы, существовании конкуренции между подьячими за места в столах приказной избы, влекущие за собой предоставление определенных материальных льгот и предусматривающие даже выплату жалованья, об обязанностях и привлечении площадных подьячих к исполнению административных поручений воевод, об особенностях организации службы ядринских служилых людей, причинах некачественного исполнения ими своих обязанностей, о фискальной политике и других направлениях правительственной политики в Средневолжском регионе и т.д.

Перечисление параметров, свидетельствующих о высоком качестве рассматриваемого издания, безусловно, может быть продолжено и умножено. Для получения более полного представления об издании мы адресуем читателя к самой книге. Вместе с тем считаем необходимым отметить недочеты, очевидно обусловленные существенным объемом публикации и некоторым упрощенным подходом к смысловому наполнению исторических терминов.

Прежде всего, спорным представляется утверждение составителя о том, что «в источниках рассматриваемого периода, относящихся к территории Чувашии, «черемисами»

назывались именно «чуваши» (см. с. 13). На чем основана такая убежденность, соискатель не счел нужным объяснить. Средние века нам оставили множество загадок, которые с ходу разгадать сложно. И это касается в первую очередь терминов, фигурирующих в исторических источниках. Казалось бы, научное сообщество пришло к выводу о том, что средневековые термины «служилые татары», «ясачные чуваши», «башкирцы», «черемиса» носили не этническое звучание, а являлись собирательными понятиями социально-юридического характера – соционимами. В XV – начале XVIII в. под «черемисой» скрывались и современные марийцы, и мордва-эрзя, и чуваши, и удмурты, и даже представители северокавказских тюркских народов («черказцы»). Ведь этнический состав населения был подвержен изменениям, ибо в рассматриваемый период Волго-Уральский регион являлся областью интенсивной внутренней миграции, по нему пролегли маршруты военных походов, становился он и территорией сражений, бунтов и восстаний, не миновали его и природные катаклизмы, эпидемии (поветрия). Поэтому вряд ли правомерно под «черемисой», пусть и населяющей конкретную территорию, представлять определенный этнос.

В некоторой структуризации нуждается, на наш взгляд, представление составителем источниковой ценности ядринских актов для изучения различных категорий служилого сословия. Думается, читателю трудно уловить принцип, положенный в основу изложения названного сюжета, ибо первыми в нем упомянуты стрельцы и пушкари, по замечанию А.А. Чибиса, составившие наиболее раннюю группу служилых людей, появившихся в регионе в связи со строительством города, далее фигурируют солдаты пехотных полков нового строя, даточные солдаты и солдаты-чуваши. Вслед за этим охарактеризованы сведения о «ядринцах», к числу которых отнесены русские помещики и иноземцы. Затем отмечено, что некоторые представители ядринской поместной корпорации именуется «городовыми дворянами» и «детьми боярскими», многие же называются «рейтарами» и «копейщиками» и входят в конные полки «нового строя». В конце обзора в качестве категории служилых людей отмечены чувашские тарханы и рассмотрено отражение в документах сборника «проблемы материального обеспечения, прежде всего денежного жалования всех категорий ядринских служилых людей» (см. с. 20–22).

Безусловно, первыми в городе появились «строители» – стрельцы, затем и пушкари, во главе со стрелецким головой, явно присланные из Казани. Вместе с тем нет оснований для отрицания поступления на службу лояльной части знати бывшего Казанского ханства (в частности, тех же тарханов, о которых речь ведет и сам составитель). И эта социально-политическая переориентация представителей господствующих слоев ханского периода состоялась гораздо раньше, чем привлечение стрельцов к возведению укреплений в Ядрине. Однако заданная упоминанием о стрельцах и пушкарях как наиболее ранней страте служилых в Ядрине некая ожидаемая хронологическая последовательность представления степени информативности документов в отношении категорий служилых людей прерывается переходом к обзору документов о стратах, входивших в полки «нового строя». Вслед за этим совершается новый зигзаг: приводится характеристика источников о «ядринцах», а затем – референция документов о других стратах, в свою очередь входивших в полки «нового строя». В итоге в умах читателей, прочитавших эти страницы, утверждается сумятица. Подобные кульбиты слабо способствуют сложению общей картины иерархической структуры российского общества. Неискушенному читателю трудно уловить существование двух тенденций в развитии служилой корпорации: сохраняющейся традиции службы «города» с поместий (земель) и все большего утверждения службы обедневших и беспоместных в полках «нового строя» за денежное жалование. Тогда как документы сборника отражают «момент столкновения», кульминации взаимодействия этих тенденций и дают возможность получить представление о преодолении кризиса в состоянии войск и улучшении условий службы, об изменениях порядка службы, сохранении в Ядрине определенного количества дворян и детей боярских полковой (сотенной) службы при неуклонном росте переходивших в рейтарскую службу, о причинах возрастания количества уклонистов от службы и о переходе к практике сбора денег с неявившихся или не желающих служить и т.д. Для полноты картины не мешало бы сообщить читателю и о том, что в 1679 г. состоялся разбор, призванный обеспечить исполнение указа

о зачислении всех служилых, имевших менее 24 дворов крестьян, в полки «нового строя», а в конце 1680 г. «города» были распределены по новым разрядам (полкам) ради упорядочения службы⁴.

Гораздо более логичным выглядело бы изложение этого сюжета, если бы составитель придерживался четко оформленной социальной структуры общества, отраженной в Соборном уложении 1649 г., то есть деления российского социума на два слоя (сословия): чины служилые и чины земские. И конечно, последующего деления чинов на разряды, разрядов – на группы, групп – на подгруппы. В этом случае в поле зрения составителя неминуемо оказались бы и такие «не затронутые» им прослойки служилых, как служилые мурзы, служилые татары, служилые новокрещены, служилые иноземцы, мордва, затинщики, копейщики и драгуны, присутствующие в документах. Появилась бы возможность акцентирования внимания читателя на потенциале источников для освещения эволюции служилой страты, оказавшейся в лице чрезвычайно пестрой категории служилых людей «по прибору» в составе полков «нового строя». Кроме того, он был бы вынужден коснуться источниковых возможностей документов сборника для изучения Ядринского посада, к 1682 г. состоящего из 147 дворов (см. док. № 168), и более логичным выглядел бы переход к обзору источников о ясачном населении.

Конечно, перечень оставленных в тени сюжетов, недочетов, стилистических шероховатостей и прочих погрешностей, допущенных в обзорных вводных (археографической и источниковедческой) статьях, можно пополнить, но не они определяют ценность и значение выполненного труда. Составитель волен решать, в каком объеме и какие источниковые особенности вводимых им в научный оборот документов он считает необходимым отметить в статье, ограниченной размерами. К тому же он не ставил перед собой задачу «разговорить» всю совокупность опубликованных актов. Информационный потенциал воспроизведенных текстов колоссален, и его детальная характеристика возможна лишь в рамках специального монографического исследования и даже не одного. И это – предмет будущих изысканий. Составленный же А.А. Чибисом сборник актовых материалов лично я воспринимаю как бесценный подарок исследователям истории Волго-Уральского региона и России в целом. Без сомнения, это издание будет востребованным и станет базой основательных штудий не только историков-специалистов, но и филологов и источниковедов, а также вызовет очередной всплеск краеведческих изысканий широким кругом увлеченных историей малой родины.

Литература, источники и примечания

¹ См.: Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1: Документы Ядринской приказной избы второй половины XVI – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 640 с.

² Разрядная книга 1475–1598 гг. / подг. текста, статья и ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 485–486, 493–494, 504–505; Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. Т. 2, вып. 1. М., 1976. С. 115–116; Разрядная книга 1559–1605 гг. / сост. Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1974. С. 301; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 3 / сост. Л.В. Черепнин. М., 1961. С. 51–56 (№ 30) и т.д.

³ Последующую смену воевод можно восстановить по опубликованным источникам.

⁴ См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 283–285 (№ 844).

«Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX–XXI веков» тӗпчев ӗҫӗнче В.В. Никифорова паянхи литература аталанӑвне пӑхса тухма палӑртнӑ. Уйрӑмах вӑл икӗ ӗмӗр чиккинчи интеллектуаллӑ прозӑна тишкерме тӗллев лартать. Ҫакӑ питӗ вӑхӑтлӑ тата кирлӗ ӗҫ тесе каласа хӑвармалла. Тин кӑна пичетленсе тухнӑ ӗҫсене литература хаклавӗ пама ҫӑмӑлах мар тесе палӑртать тӗпчев авторӗ. Наци библиотеки сӗлсерен ирттерекен «Чи нумай вулакан кӗнеке» конкурсра жюри членӗ пула ӗҫлеме тӗр килнӗ май паянхи проза питӗ те пуян пулинне пӗрре мар асӑрханӑ. Кам кӑна сук унта, мӗн ҫинчен кӑна ҫырмаҫҗӗ?! Аваллӑха тӗпчекенсем, юрату романӗ ҫыракансем, интим хутшӑнӑвӗсене ҫанлакансем, этемӗн чунӗ ӑшӗнче ҫакаланакансем т.ыт.те. Ҫак юхӑма ала витӗр кӑларакана, хак паракана кураҫ килетчӗ. Тин кӑна тухса пыракан хайлавсене хаклама йывӑр тетпӗр те, ҫак енӗпе Г.И. Фӗдоров ӑста пулинне пӗлетпӗр. Улька Эльменӗн тахӑш кӗнекин хӑтлавӗнче вӑл унӑн пултарулахне наци литературин теорийӗн текӗрӗнче пӑхса тишкерсе тухнӑчӗ. Авторне ырлани е редактор енӗпе тӗрлетӗҫсем пурри ҫинчен пулмарӗ унӑн ҫамахӗ.

Паянхи проза ҫинчен ҫыракансем нумаях мар пирӗн. Г.И. Фӗдоров кайнӑ хыҫҫӑн ҫак анара А.Ф. Мышкина тата В.В. Никифорова ӗҫлесеҫӗ. Ыттисем пӗр-пӗр авторӑн пӗр-икӗ хайлавӗ ҫинчен хаклакаласа ҫыраларӑмӑр пуль, ҫавӑ ҫеҫ. Ҫавна май Вера Витальевна ӗҫӗ актуаллӑ тата питӗ кирлӗ пулинне палӑртмалла.

Тӗпчев ӗҫӗ ум ҫамахран, икӗ сыпӑкран тата хыҫ ҫамахран тӑрасть. Интеллектуаллӑ проза, авангард прози тата профессорсем ҫыракан проза ҫинчен уйрӑм параграфсенче каланӑ.

Вера Витальевна ҫырнӑ ӗҫре ыра ен сахал мар. Тӗпчевӗ литературари аталану палисене самана хай ӗвӗрлӗхӗпе ҫыхӑнтарать. Икӗ ӗмӗр чиккинчи проза уйрӑмлӑхӗсем пирки ҫамах пуҫариччен унченхи тапхӑрсене пӑхса тухать. Шухӑш логикалла аталанса пыни калас тенине ҫӑмӑллӑнах ӑнланма май парать. Малтанах тезис ӗвӗр теори материалӗпе паллаштартать, кайран шухӑша уҫса панӑ. «Паянхи проза» ӑнлавӑн пӗлтерӗшне уҫамлатни, интеллектуаллӑ проза, профессорсен прози, авангард юхӑмӗ ҫинчен ӑнлантарни пур. Тӗпчев авторӗ кӗршӗллӗ халахсен литератури тата литература пӗлӗвӗн ҫитӗнӗвӗсене пӗлсе тӑрасть, вӗсене хайӗн ӗҫӗнче уҫӑ курма тӑрӑшар. Халиччен тишкерӗ ӗҫӗсенче палӑрсах кайман ятсене тӗпчеве кӗртнине те ырламалла (Н. Егоровӑн, П. Метинӑн поэзийӗ т.ыт.те).

«Интеллектуаллӑ литература», «профессор прози» текен ӑнлавсем пирӗн литература пӗлӗвӗшӗн ҫенӗ пулӑм, ҫавӑнпа та вӗсем чылай тавлашу, ыйту ҫуратаҫҗӗ. Филологи пӗлӗвне илнӗ ҫын илемлӗ хайлава ҫырнӑ чухне теори материалне асра тытса тӑрасть. Ҫавна пула унӑн хайлавӗ илемлӗ литература шутне кӗме пултараймасть тесе калани те пур. Тата тишкерӗве вӑл е ку автора, профессора мӗне кура кӗртмен-ши текен тӗрлӗ шухӑш пуҫа кӗрет тӗпчев ӗҫне тишкернӗ май. Вӗсене ҫити тӗплӗ вуласа тухсан мӗн пур ыйту татӑлат вара: профессор литератури шутне ӑслӑлӑхпа тата вӗрентӗ ӗҫӗпе ҫыхӑннӑ ҫавӑҫсемпе ҫыравӑсен пултарулахне кӗртнине пӗлтерет автор. Ҫавна май вӗсен хайлавӗсем логикӑна пӑхӑнса тӑнипе, чӗлхе туйӑмӗ пуррипе, хайлавӑн композици тытӑмӗн йӗркисене шута илнине тата ытти палӑсемпе уйрӑлса тӑнине палӑртать. Ӑслӑлӑхри ҫитӗнӗҫсем илемлӗ хайлава та витӗм кӗреҫӗ тесе ӗненетерет вӑл: Н. Исмукӑн философи докторӗ пулнӑ май ӑслӑлӑхри постулатсене таватӗркерлӗхсене кӗртет, аслӑ философсен ячӗсене час-часах асӑнать; Михаил Сунталӑн хайлавӗсенче ҫамах ытларах чухне наукапа техника тавра ҫаврӑнать, юмахӗсенче вара ҫаваш философийӗн критерийӗсем ҫинчен шухӑшлат вӑл. Ҫакӑн йышши ҫыхӑнусем Н. Егоров профессорӑн ҫаввисенче, П. Яковлев чӗлхӗҫӗн поэзийӗнче тата Г. Фӗдоров литература тӗпчевӗҫин прозинче палӑрнине тишкерсе

Ирина Владимировна Софронова – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: muxtar2@yandex.ru.

тухнă. Анчах та пире тĕпчевре вĕсен аслăлăх ёĕĕсене, хайлав пуххисене тулли списокпа тата икĕ чĕлхепе илсе пани ытлашши пекрех туйăнать. Вăл е ку параграфра пропорцие пăхăнсах кайманни сисĕнет (авангард прози пирки каланă сĕрте В. Степанов, Ю. Терентьев пултарулăхне туллин пăхса тухнă, ытти авторсен хайлав ячĕсене сĕç асăннă).

Вера Витальевна вырăс филологи факультетне вĕренсе пĕтернĕ. Вырăс, унтан та ытла Европа литературин тĕслĕхĕсене, литература пĕлĕвĕпе теори аталанăвне аван пĕлет. Саванпа та вăл чăваш литературин хай евĕрлĕхĕ сине сав куспа пăхать. Чăваш литературине Европа литература пĕлĕвĕ енчен хаклат. Интеллектуаллă проза уйрăмлăхĕсем синчен аналтантарма вăл 6 страница таран Европа литературин тĕслĕхĕсем синчен каласа парать. Анăçри профессор тата наука литератури аталанăвĕ синчен 3 страница синче сырса кăтартнă. Унăн уйрăм тĕсĕсем пуррине палăртса хăварнă. Кунта ытларах уйрăм ятсене илсе пани, вĕсем аслăлăхра мĕн сырнине, епле илемлĕ хайлав пичетленине каласа кайни тĕпре. Тен, Льюис Кэрролл математик «Алиса в стране чудес» хайлавĕнче логика саккунĕсене усă курни пирки калани усăлларахчĕ.

Тĕп тĕслĕх вырăнне Анăç классикĕсен ятне илсе кăтартни чăваш авторĕсене вĕсемпе пĕр шая лартнине пĕлтерет-и?

В.А. Абрамовăн сырнисен пуххине хатĕрленĕ май сак япалана асăрханăччĕ: малтанах вăл вырăс, Европа литература теоретикĕсене тата философĕсене тĕпе хурса ёĕлет, «Тухăç литератури» дисциплинана вĕрентме пусласан К. Ивановăн, Ухсай Яккăвĕн, П. Хусанкайăн хайлавĕсене Тухăç ракурĕнчен пăхса аналтантарма тытăнать. Сапла туни сыравăсен пултарулăхне сĕнĕлле, тĕрĕсрех курма май парать пек туйăнать пире. Капла вĕсен хайлавĕсен пĕлтерĕшĕ те анлаланать.

А. Навои, Низамисем профессор званине илмен пулсассан та хайлавĕсенче Анăç философĕсен ячĕсене те асăнассĕ, Коранпа Библи сюжетĕсене те усă курассĕ, истори, астрономи тата ытти аслăлăхсен пĕлĕвне хайлава кĕртессĕ. Апла пулсан интеллектуаллă проза тымарĕсем те Тухăçранах.

Паллах, пирĕн шухăшсем питĕ те субъективлă. Вера Витальевна ёĕĕ начар тесе каласшăн мар. Ана сак темăпа малалла та ёĕсеме, паянхи литературăри ытти пулăмсене тĕпчеме сĕнесшĕн.

ЧГВ, 2018 г., № 13

© А.Д. Ахвандерова. Рец. на: Кузнецов А.В. **Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения** / А.В. Кузнецов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2018. – 56 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 26)

В языке, как и во многих сферах жизни и деятельности человеческого общества, происходят на первый взгляд не совсем заметные, но постоянно появляющиеся изменения, в том числе и ведущие к унификации. В языке определенного этноса это отражается, прежде всего, в нивелировке диалектных различий. Как известно, диалектные данные являются одним из источников информации, необходимой для разработки проблем дописьменной истории языка и этноса – его носителя, рассмотрения вопросов сравнительного и типологического языкознания. В этом плане фиксация, анализ диалектных данных, их систематизация и обобщение нам представляются весьма актуальными.

Вопросы диалектологии чувашского языка наиболее активно разрабатывались в 60–70-х гг. прошлого столетия. К настоящему времени чувашская диалектология несколько остановилась в своем росте, однако, хотя накоплен большой фактический материал, написан ряд исследовательских трудов, составлен диалектологический атлас, нерешенных проблем остается много. Появление научной работы диалектологического характера, отра-

Алина Давыдовна Ахвандерова – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева; e-mail: antus2003@mail.ru.

жающей современной чувашский язык в синхронном срезе его функционирования, весьма своевременно. Хочется отметить, что в чувашском языкознании очень мало исследований, в которых представлены и проанализированы отдельные языковые механизмы на материале большого количества говоров, особенно тщательного изучения требует территориальная дифференциация современного чувашского языка. И в этой связи научный доклад, подготовленный А.В. Кузнецовым, заслуживает самого пристального внимания.

Цель научного доклада – «поставить точку» в споре о порядке образования диалектов, об их первичности или вторичности, в споре по проблемам «смешанного диалекта» и «малокарачкинского говора» чувашского языка. Исходя из цели определены задачи.

Исследование проведено в традиционном плане. Научный доклад имеет следующую структуру: начинается с введения, далее следует глава, в которой изложены основные вехи развития чувашской диалектологии от истоков до наших дней. При этом автор описывает разные точки зрения на классификацию диалектов и на не разрешенные на нынешний момент вопросы, но не ограничивается перечислением взглядов на те или иные проблемы – в большинстве случаев критически оценивает их, выдвигает свои решения и гипотезы, приводит достаточно обоснованные аргументы в их пользу.

Вторая часть исследования посвящена актуальным проблемам диалектного членения чувашского языка. В работе указывается, что изучением диалектов чувашского языка занимались многие ученые. Ими рассмотрены все языковые уровни начиная с фонетики и кончая грамматикой языка, даны классификации диалектов. На наш взгляд, А.В. Кузнецов точно заметил, что «вся диалектология чувашского языка в своем развитии шла неверным путём из-за, казалось бы, маленькой ошибки, недочета, выраженного в том, что за аксиому, неоспоримый факт было взято следующее утверждение: “В чувашском языке два диалекта: верховой и низовой, а в зоне их взаимодействия образовалась зона смешанных (переходных) говоров (или средний (смешанный) диалект)”». Докладчик в этом вопросе разделяет точку зрения Н.И. Егорова, который отметил, что средний диалект представляет совокупность вполне автономных и довольно архаичных образований. Действительно, так называемая зона переходного ареала, или смешанный (средний) диалект, по своим специфическим чертам и особенностям заметно отличается от других диалектов чувашского языка на всех уровнях языковой структуры. Примером может послужить губная гармония урмарского типа, сюда же можно отнести и лексико-семантические особенности (*сысна чётпи* «поросенок», *кушак чётпи* «котенок», *йыт чётпи* «щенок», *нихсан* в значении «всегда» и т.д.).

Вполне логично утверждать, что расселение чувашей на современные территории их проживания происходило именно таким образом: сначала были освоены территории северо-восточных и центральных районов, затем – северо-западных районов, только в последнюю очередь – юго-восточных и южных районов. Позже Н.И. Егоров предложил назвать рассматриваемый диалект «основным» либо «восточным». На наш взгляд, его лучше назвать «основным», нежели «восточным». В ином случае нарушится логическая основа традиционного наречения чувашских диалектов, изначально не имеющая привязки к сторонам света: «верховой», «низовой», но не «северный» и «южный».

Далее в работе описывается средний диалект, который, по мнению автора, сравнительно слабо подвергался иноязычным влияниям, здесь меньше всего марийских и татарских заимствований. Наша позиция несколько иная. Данная констатация появилась, по-видимому, после экспедиции, проведенной в 2004 г., но в ее ходе была охвачена не вся территория распространения названного диалекта; автором не учтены сведения по говорам населенных пунктов Урмарского, Козловского, Цивильского районов. Да, в среднем диалекте действительно нет марийских заимствований (кроме слов литературного языка марийского происхождения), но достаточно часто встречаются татаризмы: например, в населенных пунктах Урмарского района (деревни Мусирмы, Шигали, Тегешево) мы имеем: *марта* (лит. *вёлле*), *попой* (лит. *асатте*), *эти* (лит. *асанне*), *тупа* (лит. *сатма*), *хутов* (лит. *пята*) и т.д. Вызывает сомнения и то, что в населенных пунктах Марпосадского района, например в деревнях Карабаши, Сятракасы, Аксарино, возможна фиксация губной гармонии гласных урмарского типа: *тă^оомоно*, *вă^оормонолло* и т.д.

Что касается верхового диалекта, следует отметить, что лексические диалектизмы в диалектах и говорах чувашского языка в фонетическом оформлении часто бывают вариативными, например: *мамок* ~ *мамак*, *путек* ~ *потяк* ~ *пытяк* ~ *пўтек*, *пурне* ~ *пўрне* ~ *порня* и т.д. И данное явление присуще многим говорам верхового диалекта. Слово *мамок*, зафиксированное в д. Яманки Красноармейского района, является не новой особенностью, а лишь фонетическим вариантом слова *мамак*, который, по словам Кузнецова, является стандартным для верхового диалекта. Также в говорах ряд слов сохранил фонетический облик глубокой древности. Мы наблюдаем здесь древнечувашские слова, например: лит. *шыв* < диал. *шу* < диал. *су* < **sab* «вода», лит. *сәнә* < диал. *сәнәш* < *süñiš* «копье», лит. *юра* < диал. *юраш* < **jaraš* «ладить».

Утверждение, что «у носителей верхового и среднего диалектов ч почти не отличается в произношении от русской аффрикаты ч», при описании основных особенностей диалектов чувашского языка требует уточнения. В Чебоксарском говоре (Абашево, Байсубаково), в некоторых населенных пунктах Марпосадского района (Караньялы, Эльбарусово) вместо русской аффрикаты ч произносятся *ци* [tʰcʰ]: *кайцицяр*, *килцицёр*. Сомнение вызывает и то, что в низовом диалекте распространен аффикс притяжательного и дательного падежей *-нән* (*-нән*, *-н*), *-на* (*-не*); например, *лашан(ән)*, *ёнен(ён)*, *лашана*, *ёнене*. Фактические материалы, имеющиеся у нас, показывают наличие данной формы только в современных говорах Красноармейского района, в частности в Убеево, и в некоторых соседних населенных пунктах, на других территориях это явление не зафиксировано. Требуется уточнения и следующее утверждение: «Аффиксу 2 лица существительных *-у* (*-ў*) верхового и среднего диалектов в низовом соответствует *-ә* (*-ё*): *сан пусу* ~ *сан пусә* “твоя голова”, *сан хёрў* ~ *сан хёрё* “твоя дочь”». Данное явление, по диалектологическим сведениям, собранным в полевых условиях, встречается островками и в Красночетайском районе (Хурапыр, Мижеркасы). Перенос на географическую карту данных об особенностях тех или иных образований показал, что их распространение на территории, занимаемой языком, образует сложное переплетение изоглосс, причем обычно изоглоссы разных явлений, характерных для данного диалекта, не совпадают. Поэтому мы предлагаем тщательно остановиться на этом вопросе и определить все возможные островки распространения названного явления.

Что касается низового диалекта, то его границы и границы его говоров достаточно условны. К тому же очень хотелось бы при уточнении диалектологических фактов расширить лингвистическую географию, то есть территориальное распределение языковых явлений. Вследствие того, что низовые чувашки живут по соседству с татарами, в их языке произошли существенные изменения, лексический состав обогатился за счет заимствования татарских слов, которые нередко вытесняют соответствующие общенациональные чувашские слова.

Чувашский язык характеризуется богатым лексическим составом. В лексической системе широкое распространение получила многозначность. Расширение семантической структуры слов, появление в ней новых значений тесно связаны с обобщением как универсальным способом хранения добытой информации. В работе имеются некоторые моменты, с которыми трудно согласиться. Так, автор научного доклада данные слова считает вытесненными под влиянием татарского языка, но, на наш взгляд, они являются многозначными. Например, по мнению автора научного доклада, слово *тăкăс*, используемое во всех диалектах чувашского языка, является татаризмом, а *такър* – собственно чувашским. В «Чувашско-русском словаре» под редакцией М.И. Скворцова дано несколько значений слова *тăкăс*: 1) кислый; терпкий, вяжущий; 2) плотный, частый, густой; 3) тесный; 4) *перен.* неуживчивый, сварливый. Также слово *яш* является общетюркской лексемой: ср. тат., туркм. *яш* [jaš] «молодой», чув. *яш-кёрём*.

В настоящее время чувашский язык подвергся сильному влиянию со стороны русского языка, и поэтому в речи часто используются не совсем правильные конструкции. Например, в чувашском языке функции русских предлогов выполняют либо послелоги, либо аффиксы. И часто в речи чувашей допускаются ошибки, связанные с заменой аффикса послогом. Приведенный автором пример, что чувашки верховой и средней диалектных зон

употребляют *хаҫат сӳнче сӳрнӳ*, а низовые *хаҫатра сӳрнӳ* «написано в газете», не совсем удачен, так как подобные явления характерны для всех носителей чувашского языка.

Заслуживают внимания также выводы в конце второй главы о пересмотре принципов деления чувашского языка на диалекты и уяснении терминологии, касающейся названий диалектов.

Глава «Чуваши разных этнографических групп в аспекте взаимоотношений “свой – чужой”», где приведены примеры, характеризующие взаимоотношение носителей верхового и низового диалектов, на наш взгляд, не вполне вписывается в общую структуру работы. Она построена на совершенно иной системе научной интерпретации. К тому же, заметьте, средний диалект в анализе подобного рода не участвует.

В главе «О статусе малокарачкинского говора чувашского языка» А.В. Кузнецов приходит к вполне оправданным выводам о том, что «лингвогеографическое изучение сундырского говора позволило выделить в нем два подговора – сундырский и малокарачкинский».

В заключении научного доклада даны выводы, имеющие большое значение для дальнейших исследований чувашской диалектологии.

В целом структура научного доклада хорошо продумана, изложение материала логично, и, разумеется, немногочисленные недочеты не снижают высокого уровня проделанной автором работы. Исследование основывается на обширном фактическом материале, представляющем собой данные по всем говорам, локализованным на территории Чувашской Республики. На наш взгляд, автором во многих случаях найдены правильные пути решения проблем, сделаны достаточно обоснованные выводы. Считаем, что А.В. Кузнецов проделал значительную научно-исследовательскую работу.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЯГАФОВА ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА

(к 50-летию со дня рождения)

Екатерина Андреевна Ягафова, известный этнолог, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета, родилась 26 октября 1968 г. в с. Девлезеркино Челно-Вершинского района Куйбышевской (ныне Самарская) области в семье служащих. В 1985 г. окончила Девлезеркинскую среднюю школу, в 1992 г. – исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, получив специальность «историк-преподаватель со знанием иностранного языка». Учителями Е.А. Ягафовой являлись специалисты по этнографии народов Поволжья К.И. Козлова – ее научный руководитель, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой, а также доктор исторических наук, профессор В.В. Пименов и др.

После завершения учебы молодой специалист был направлен в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (с мая 1994 г. Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН), где она стала работать младшим научным сотрудником отдела этнографии. В 1993 г. Е.А. Ягафова поступила в очную аспирантуру исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которую завершила в 1996 г. защитой кандидатской диссертации на тему «Чуваши Самарского Заволжья: история расселения и этническая культура (конец XVII – начало XX в.)». По окончании аспирантуры Е.А. Ягафова, поработав некоторое время в ЧГИГН, переехала в Самару. С февраля 1997 г. по настоящее время Екатерина Андреевна трудится в Самарском государственном педагогическом университете (с 2009 г. – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, с 2016 – Самарский государственный социально-педагогический университет) на должностях старшего научного сотрудника Лаборатории по проблемам традиционной культуры народов Поволжья, старшего преподавателя, доцента, старшего научного сотрудника, профессора, заведующего кафедрой истории и теории мировой культуры. С 2013 г. она возглавляет кафедру философии, истории и теории мировой культуры.

С руководимой ею кафедрой у сотрудников ЧГИГН давно сложились и успешно развиваются научные связи по разным направлениям: организации научных экспедиций, проведению конференций, работе по грантам, написанию трудов по этнологии и этнографии, этногеографии, археологии, языкознанию и фольклористике народов Поволжья и Приуралья. Начало сотрудничества с Самарским педагогическим университетом восходит к 1970-м гг. Особенно активизировалось оно с приходом на кафедру Е.А. Ягафовой. Совместными изда-

ниями института и кафедры являются «Чуваши Самарской Луки» (1996), «Чуваши Присвижья» (2015) и ряд других.

Принципиально новым и знаковым исследованием проблематики чувашской диаспоры стала докторская диссертация Е.А. Ягафовой «Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье (XVIII – начало XX в.)», которую она защитила в 2004 г. Работа вышла в ЧГИГН отдельной книгой в 2007 г. под названием «Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей (XVII – начало XXI в.)». Книга является первым исследованием этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье с точки зрения культурной диалектологии. Представлены история их формирования в XVII–XIX вв., языковые и этнокультурные особенности на примере говоров, традиционного женского костюма, свадебной и календарной обрядности. Монография является большим вкладом в изучение этнографической структуры чувашского этноса, включающей наряду с тремя основными этнографическими (т.н. генетическими) группами шесть этнотерриториальных групп (ЭТГ). Ареалы расселения ЭТГ в соответствующих районах Волго-Уралья Е.А. Ягафова определила в результате научно обоснованного сравнительно-типологического анализа культурно-языковых особенностей как этнографических, так и этнотерриториальных групп. Выделенные ею шесть ЭТГ – приволжская (на правобережье Волги), закамская, заволжская (левобережье Волги, Сокско-Кинельское междуречье), бузулукская, прибельская (бассейн р. Белая), приикская (бассейн р. Ик) – признаны в научном мире.

По инициативе Е.А. Ягафовой в 2008 г. при кафедре была открыта аспирантура по специальности «07.00.07 – этнография, этнология и антропология», а в 2011 г. – магистратура по направлению «антропология и этнология». Она подготовила трех учеников – кандидатов наук, в числе которых чувашский этнограф Е.В. Сергеева. В течение 30 лет Е.А. Ягафова проводит научные этнографические экспедиции по изучению традиционной культуры чувашей Урало-Поволжья и чувашской диаспоры в регионах России и в ближнем зарубежье (Эстония, Республика Беларусь, Казахстан), работает в архивах, фондах музеев и библиотеках страны, участвует в региональных и международных семинарах и конференциях. Она является членом Российской ассоциации этнографов и антропологов России (с 1997 г.), членом Российской ассоциации визуальной антропологии (с 1998 г.). Принимала участие в работе II–XII Конгрессов этнографов и антропологов России (1997–2017), I–IV Российских фестивалей антропологических фильмов (Салехард, 1998–2004), II–VI Московских фестивалей антропологических фильмов (2004–2012). Она является обладателем грантов фонда Сороса (тревел-гранты 1998, 1999 гг., по программе RSS 2000 г.), межрегионального фонда «За гражданское общество» (2000), Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова (2000), Российского гуманитарного научного фонда (2002–2016), Российского фонда фундаментальных исследований (2018). Е.А. Ягафова – руководитель и исполнитель 16 грантов различных фондов, в том числе 11 грантов РГНФ (РФФИ), член Экспертного совета РФФИ.

По грантам РГНФ были реализованы проекты, внесшие значимый вклад в развитие чувашеведения.

Екатерина Андреевна поддерживает тесные контакты с кафедрой этнологии МГУ и Институтом этнологии и антропологии РАН, с региональными академическими структурами (Уфа, Ижевск), научно-исследовательскими институтами, этнографами (Чебоксары, Саранск, Казань, Ульяновск), учеными Москвы и Санкт-Петербурга. Из зарубежных коллег она активно сотрудничает с профессором А. Каппелером (Институт восточноевропейской истории Венского университета), финно-угроведами, работающими в вузах и научных учреждениях, в том числе проф. Евой Тулуз (INALCO, Париж, Франция, Тартусский университет), Ильдикю Лехгинен, Марьей Сало (Финляндия, Хельсинки), Жильвитис Шакнис (Институт этнологии, Литва) и др.

Е.А. Ягафова – автор более чем 100 научных публикаций, в том числе монографий: «Самарские чувашы: историко-этнографические очерки, конец XVII – начало XX в.» (Самара, 1998), «Чувашское “язычество” в XVIII – начале XXI века» (Самара, 2007) и «Чуваши Урало-Поволжья: формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей (XVII – начало XX в.)» (Чебоксары, 2007. 530 с.), «Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI века» (Самара, 2009), «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья» (в соавторстве; Самара, 2010), «Чувашская диаспора на постсоветском простран-

стве» (Самара, 2013), «Праздники и обряды чувашей на рубеже XX–XXI вв.» (Самара, 2016). Автор исследований современного чувашского «язычества» (XX – начала XXI в.), Е.А. Ягафова отмечает, что, несмотря на целый ряд неблагоприятных обстоятельств, оно выжило и вступило в XX в. как живая и развивающаяся религиозная традиция, которая поддерживалась и возрождалась каждым новым поколением. Его сохранению на протяжении рассмотренных двух столетий способствовали три фактора: географический, социальный и этнокультурный. Компактность расселения способствовала устойчивым брачным контактам с единоверцами, а в конечном итоге – полноценному воспроизводству религиозной традиции.

По приглашению Института этнологии и антропологии РАН и научного руководителя серии «Народы и культуры» академика В.А. Тишкова Е.А. Ягафова стала редактором тома «Чуваши», увидевшего свет в 2017 г. Сданный в 2009 г. ответственному редактору Института этнологии и антропологии А.Д. Коростелеву вариант рукописи тома был переработан в течение 2016–2017 гг., подготовлен новый вариант как текста, так и иллюстраций. Екатерина Андреевна активно участвовала в подготовке статей для «Чувашской энциклопедии». Ею была написана большая часть статей о населенных пунктах чувашей, проживающих за пределами Чувашской Республики.

В качестве автора сценария Е.А. Ягафова сняла 7 этнографических фильмов по этнической культуре чувашей (общий хронометраж – 250 минут): «Уяв» (1999), «Кёр сәри» (Осеннее пиво, 2000), «Мункун» (2001), «Чүк» (Жертвоприношение, 2001), «Чăваш тĕнĕ» (Чувашская вера, 2001), «Юпа» (Столб, 2004), «Идентичность, или В поисках истинных чувашей» (2007). Этнографические фильмы являются уникальным документом традиционного быта чувашей, содержащим огромный исследовательский, а также культурно-просветительский и образовательный потенциал. Указанные работы неоднократно представлялись на российских (Салехард, Москва) и зарубежных (Белград-2008, Сербия; Люблина-2009, Словения; Астана-2012, Казахстан) фестивалях антропологических фильмов.

Перспективой функционирования традиционных чувашских обрядов Екатерина Андреевна продолжала интересоваться и в последующий период. Неоднократно выезжала на места в дни проведения старинных чувашских обрядов, например учук, которые совершаются теперь в сильно сокращенном варианте. Ее приезд вдохновляет участников этих обрядов, стимулирует выполнять ритуалы в более широком формате. Беспокойство этнолога вызывает то, что в наше время традиционные общественные обряды зачастую сохранились лишь в названиях фольклорных праздников.

Е.А. Ягафова известна своей энергичной научно-организационной деятельностью. Она неоднократно выступала инициатором и организатором проведения межрегиональных и международных научных, научно-практических конференций и семинаров: «Актуальные проблемы этнической и религиозной толерантности» (2002), «Визуальный мир культуры» (2003), «Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность» (2006, 2013), «Религия и образование в современном обществе» (2008), «Визуальный мир культуры народов Урало-Поволжья» (2008, 2011), «Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре» (2016). Уровень подготовки и проведения этих мероприятий получил высокую оценку в научном сообществе России.

Профессор Е.А. Ягафова неоднократно стажировалась в зарубежных вузах: в Венском университете (Австрия, 2003), в немецком культурном центре им. Гете (Дюссельдорф, Германия, 2005), в Педагогическом институте г. Людвигсбург (Германия, 2007, 2010), Университете г. Оулу (Финляндия, 2015).

Ученый активно участвует в работе Экспертного совета по этнонациональной политике при Аппарате Правительства Самарской области. С 1998 по 2001 г. она возглавляла Самарское областное чувашское культурно-просветительское общество «Хастар».

Е.А. Ягафова награждена Почетными грамотами и благодарностями ректора СГСПУ, Министерства культуры Самарской области, Почетной грамотой губернатора Самарской области за большой вклад в дело изучения, сохранения и развития традиционной чувашской культуры (2006), благодарностью Главы Чувашской Республики за большой вклад в подготовку и издание многотомной «Чувашской энциклопедии» (2013), Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации за многолетнюю плодотворную рабо-

ту по развитию и совершенствованию учебного процесса, значительный вклад в дело подготовки высококвалифицированных специалистов (2014). В 2018 г. ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики».

Основные научные труды

К вопросу о расселении чувашей в Самарском Заволжье в конце XVII–XVIII вв. (историография, источники) // Материалы по этнографии и антропологии чувашей: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 3–20.

Расселение чувашей в Самарском Заволжье в конце XVII–XVIII вв. // Там же. С. 20–87.

Самарские чуваша (историко-этнографические очерки), конец XVII–XX в.: монография / ИЭКА «Поволжье». Самара, 1998. 368 с.

О диалектных особенностях языка чувашей Самарского Заволжья // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 78–104.

Традиционная обрядовая культура бузулукских чувашей // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 151–154.

«Истинные чуваша»: опыт визуально-антропологического исследования традиционной культуры // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа: УНЦ РАН, 2001. С. 298–301.

Свадьба бузулукских чувашей // Самарская область: этнос и культура. 2001. № 2. С. 3–10.

Чувашские тамги // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 50–67.

Чуваши Самарской Луки: монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. 160 с. В соавторстве. Формирование этнотерриториальных групп чувашей в XVII–XIX вв.: историко-культурный аспект // Расы и народы. М.: Наука, 2003. С. 124–148.

Типология брачной обрядности чувашей // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2003. С. 276–280.

Типология обрядового календаря чувашей // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 122–128.

Конфессиональные меньшинства чувашей Башкортостана: от истории к современности // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан. Уфа: Гилем, 2004. С. 330–337.

Мужчина в традиционной культуре некрещеных чувашей: вирем и серен // *Türkfölker im Wolga-Ural-Gebiet. Folk-lore, Geschichte, Gender-problematik (StudiaTurcologica 3)* [Тюркские народы в Волго-Уральском регионе: фольклор, история, гендерная проблематика]. Berlin, 2005. С. 57–61. (Тюркология; вып. 3).

Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII–XX вв. // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М.: Старый сад, 2005. С. 255–268.

Этноконфессиональная группа некрещеных чувашей в истории Урало-Поволжья в XVIII–XX вв. // Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России. Самара: МГУ им. Н.П. Огарева, 2005. С. 244–252.

Этноконфессиональные меньшинства чувашей в Урало-Поволжье: история и современность // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 204–206.

Этнокультурное взаимодействие в Урало-Поволжье: история и современность // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Самара: СГПУ, 2006. С. 4–12.

Этноконфессиональные меньшинства в Урало-Поволжье: история и современность // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Серия: Теория и история культуры. Самара: СГПУ, 2006. С. 164–205.

Расселение чувашей в Урало-Поволжье в XVII–XIX вв. // Там же. С. 111–163.

Чувашское «язычество» в XVIII – начале XXI в.: монография. Самара: СГПУ, 2007. 128 с.

Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 101–117.

Чуваши Урало-Поволжья: формирование и традиционная культура (XVII – начало XX в.): монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 530 с.

Чуваши в этнических смешанных селениях Урало-Поволжья: ситуация межэтнического взаимодействия в Восточном Закамье // «Мы и как удмурты, и как чуваша...»: взаимная социокультурная адаптация в этнически смешанных селениях. М.: РУДН, 2007. С. 63–92.

Чуваши в контексте этнокультурных контактов в Самарском Заволжье в XVIII–XX вв. // Проблемы формирования этнотолерантного поведения молодежи, профилактики экстремизма, стабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений. Самара: СИПКРО, 2007. С. 56–65.

Религиозный синкретизм в обрядности чувашей-мусульман // Вестник СГПУ. Серия: История, теория культуры и образования. Самара: СГПУ, 2007. Вып. 2. С. 46–60.

Социокультурная адаптация чувашей в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 167–174.

Этноконфессиональные группы чувашей в Урало-Поволжье // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 114–127.

Малые этноконфессии среди народов Волго-Уральского региона // Конфессии и конфессиональные отношения: история и современность. Самара: СГПУ, 2009. С. 183–190.

Чуваши в контексте межэтнического взаимодействия в прибельском бассейне Башкирии (историко-культурный аспект) // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 110–131.

Чуваши в межкультурном пограничье Урало-Поволжья // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 120–133.

Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI в.: монография. Самара: ПГСГА, 2009. 128 с.

Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья: исторический аспект // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения. Уфа, 2009. С. 395–400.

Одежда как атрибут религиозной идентичности этноконфессиональных меньшинств Урало-Поволжья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань; Омск: ОмГПУ, 2010. С. 456–459.

Визуализация сакрального: из опыта изучения религиозных традиций этноконфессиональных сообществ в Урало-Поволжье // Международная научно-практическая конференция (в рамках 5-го Международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник»). М.: Изд-во МГУ ТЕИС, 2010. С. 170–178.

Чуваши в межэтническом взаимодействии в Закамье // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 35–53.

Межконфессиональное взаимодействие в Волго-Уральском регионе в XVIII – начале XXI в. и его результаты (на примере образования малых этноконфессиональных групп народов региона) // Религия и общество – 5: актуальные проблемы свободы совести. Могилев: УО МГУ им. А.А. Кулешова, 2010. С. 88–90.

Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья // Самара: ПГСГА, 2010. 264 с. В соавторстве.

Опыт исследования взаимной социально-культурной адаптации в этнически смешанных селениях // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: Росспэн, 2010. С. 344–350. В соавторстве.

Чувашская диаспора в Республике Беларусь // Чувашская диаспора: история, современность, перспективы. Чебоксары: ЧГПУ, 2011. С. 3–13.

Трансформация этноконфессиональной структуры народов Урало-Поволжья в XVII – начале XXI века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 19–31. В соавторстве.

Чуваши в Казахстане: история в цифрах // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2011. № 2. С. 106–116.

L'islam dans la culture des Tchouvaches au début du XXI siècle Le syncrétisme religieux dans les rituels des musulmans tchouvaches [Ислам в культуре чувашей в начале XXI в. Религиозный синкретизм в обрядах чувашей-мусульман] // Revue d'études comparatives Est-Ouest

[Международный журнал сравнительных исследований «Восток – Запад»]. 2011. Vol. 42. N. 2. P. 113–135. На франц. яз.

Чувашская община в Москве // Этнос. Общество. Цивилизация: Третьи Кузеевские чтения. Уфа: ГУП РБ УПК, 2012. С. 110–117.

Чувашская «диаспора» в контексте диаспоральных исследований в этнологии (постановка проблемы) // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. М.: МГУ, 2012. С. 121–135. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 57).

Трансформация праздничной культуры чувашей на рубеже XX–XXI вв. // Традиционная культура. 2012. № 4. С. 3–14.

Религиозный синкретизм в обрядности этноконфессиональных меньшинств чувашей в XX – начале XXI в. // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона, XVIII–XXI вв.). Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 457–467.

Этнокультурное взаимодействие в Урало-Поволжье // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье. Самара: ПГСГА, 2013. С. 5–10.

Чуваши в Самаре: особенности этнокультурной идентичности // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье. Самара: ПГСГА, 2013. С. 172–180.

Городские праздники самарских чувашей: традиции и модернизация // *Sventės siuolaikiniame mieste = Festivals in the modern city: straipsnių rinkinys* [Праздники в современном городе: материалы Междунар. науч. конф. (30–31 октября 2013 г.)]. Vilnius: Edukologija. 2013. С. 162–172.

Чувашская «диаспора» на постсоветском пространстве: монография. Самара: ПГСГА, 2013. 180 с.

Ниме/миме – обычай взаимопомощи у чувашей: от традиции к современности // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2014. С. 113–118.

Уяв / вайй в современной календарной обрядности чувашей // VII Бусыгинские чтения: Материалы Всеросс. научно-практ. конф. Казань: Яз, 2014. С. 216–220.

Чуваши Присвьяжъя: история и культуры: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 303 с. В соавторстве.

Традиционные ритуалы в современной празднично-обрядовой культуре чувашей // 10th ANNUAL CONFERENCE OF THE SIEF WORKING GROUP ON THE RITUAL YEAR (Magician Rituals and Rituals in Magic) [10-я Ежегодная конференция рабочей группы «Ритуальный год» «Магия в ритуалах и ритуалы в магии»], Innsbruck, 20–27 September 2014. Innsbruck: ELM Scholarly Press, 2015. P. 557–567. В соавторстве. На англ. яз.

Чувашская диаспора на постсоветском пространстве (на примере общин в Казахстане, Белоруссии и Эстонии) // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. С. 147–164.

Религиозные практики этноконфессиональных групп чувашей // Там же. № 5. С. 3–18.

Праздники и обряды чувашей на рубеже XX–XXI вв.: монография. Самара: СГСПУ, 2016. 179 с.

Современная праздничная культура чувашей как исследовательская проблема // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: сб. статей. Самара: СГСПУ, 2016. С. 5–12.

Пространство праздников и обрядов в традиционной и современной культуре чувашей // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 2 (31). С. 214–227.

Сурхури: новогодние праздники в традиционной и современной обрядности чувашей // Самарский научный вестник. 2016. № 2. С. 130–136. В соавторстве.

Кёр сәри «осеннее пиво» в традиционной и современной празднично-обрядовой культуре чувашей // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 154–166.

Les Tchouvaches et les peuples finno ougriens: une expérience de contacts interculturels dans la région Volga Oural // *Études finno-ougriennes*. 2017. № 48. 1 п.л. URL: <http://journals.openedition.org/efo/7117> ERIH+.

Чуваши: монография / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. 654 с. В соавторстве.

Г.Б. Матвеев.

КОНДРАТЬЕВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

9 августа 2018 г. исполнилось 70 лет главному научному сотруднику Чувашского государственного института гуманитарных наук, доктору искусствоведения, профессору Михаилу Григорьевичу Кондратьеву. Родился он в г. Владивосток. В связи с работой на железной дороге отца, Григория Ильича, уроженца д. Хачики Чебоксарского района, по профессии инженера-строителя, семья неоднократно меняла место жительства. Вскоре после рождения сына Григорий Ильич был командирован в Китай на Китайско-Восточную железную дорогу, затем – в г. Канаш, позже – в г. Чебоксары. Начальное образование Михаил получил в пос. Ромоданово (ж/д станция «Красный Узел»; Мордовская АССР) и в г. Канаш, позже учился в чебоксарских средних школах № 22 и 10. В свободные минуты родители любили музицировать. Свою увлеченность музыкой они стремились передать детям, определив их после переезда в г. Канаш в детскую музыкальную школу. Прочувшись там около пяти лет, Михаил продолжил занятия уже в Чебоксарах, в детской музыкальной школе им. С.М. Максимова на фортепианном отделении. Чебоксарское музыкальное училище им. Ф.П. Павлова, куда М. Кондратьев поступил в 1963 г. на теоретическое отделение, дало ему четкое направление в развитии и прочные знания. Руководитель отделения В.А. Ходяшев преподавал теоретический цикл предметов: гармонию, полифонию, инструментовку. Он же вел класс композиции, который посещал среди прочих и Александр Васильев – однокурсник М. Кондратьева, в будущем выдающийся чувашский композитор. Лекции по музыкальной литературе на старших курсах читала талантливый педагог О.А. Суханова, чувашскую музыку преподавал Ю.А. Илюхин, заложивший основы понимания народного искусства и творчества ведущих композиторов.

Имея профессионально крепкую базу, Михаил поступил в 1967 г. на теоретико-композиторский факультет Казанской государственной консерватории, где обучался у видных представителей татарской музыковедческой школы: О.К. Егоровой, Ф.Ш. Бикчуринной, Г.Я. Касаткиной, Ю.В. Виноградова, Я.М. Гиршмана, Б.Н. Трубина. Музыковедческую науку он постигал в спецклассе А.Г. Юсфина, поддерживающего любые студенческие проекты. Незадолго до окончания учебы в консерваторию обратился сельский учитель, собиратель чувашских народных песен из с. Ивашкино Черемшанского района Татарской АССР Я.А. Задоров с просьбой помочь ему записать и расшифровать песни. Это совпало с личными интересами студента. Выпускной дипломной работой М. Кондратьева стал сборник чувашских народных песен из более ста образцов, с отдельной исследовательской частью.

В Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) М.Г. Кондратьев пришел в 1972 г. сразу после окончания консерватории. Работу в нем он прервал лишь однажды – отслужил год в рядах Советской армии, куда был призван в 1972 г. В отделе искусствоведения он прошел все ступени должностного роста: от младшего научного сотрудника (с 1972 г.) до заведующего отделом искусствоведения (с 1996 г.). В 1992–1994 гг. трудился заместителем директора по научной работе.

В отделе искусств в 1970-е гг. работали только специалисты по театральному и изобразительному искусству. Практически все области национального музыковедения необходимо было разрабатывать. По этой причине директор института В.Д. Димитриев и заведующий отделом Ф.А. Романова встретили молодого специалиста с огромной надеждой. Отправной точкой для М. Кондратьева в науке стала музыкальная фольклористика, открывшаяся ему в полевых экспедициях по районам Чувашии, Татарии, Башкирии и Оренбургской области. Собранный материал был систематизирован в составленных им фольклорных антологиях «Анатри чăвашсен юррисем» (Песни низовых чувашей: в 2 кн.; 1981, 1982) и «Анат енчи чăвашсен юррисем» (Песни средненизовых чувашей, 1993). Спустя десятилетия его дополнило пере-

издание дореволюционного сборника В.А. Мошкова и рукописного наследия талантливейшего фольклориста Т.П. Парамонова.

Фольклорные образцы тщательно анализировались, обдумывались оптимальные для традиционной музыки приемы нотной записи. Народная музыкально-поэтическая система нашла разработку в сотнях статей, ряде монографий, диссертационных исследованиях. Размышления М.Г. Кондратьева о метроритмической системе чувашских народных песен вылились сначала в отдельные статьи, затем в кандидатскую диссертацию «Ритмические основы чувашской народной песни (К проблеме изучения количественной метроритмической системы в музыкальном фольклоре)», защищенную в Ленинграде в 1984 г., и книгу «О ритме чувашской народной песни: к проблеме количественности в народной музыке» (1990). Автор применил к музыкальному мышлению современного народа известную в теории стиха концепцию количественности, не только объяснив ритмически сложные фигуры национального искусства через ее понятия и категории, но и поставив музыкальную культуру чувашей в контекст мировой культуры, в один ряд с древними и средневековыми поэтическими традициями Азии и Средиземноморья.

Не одно десятилетие музыковед разрабатывал проблему параллелей этнических культур, избрав центром чувашей и обратив свое внимание на песенный фольклор соседних поволжских народов – марийцев, удмуртов, татар, башкир, затрагивая также древние истоки болгар и венгров. Данной теме посвящены: монография «Чувашская *завра юрӑ* и ее татарские параллели» (1993), докторская диссертация «Чувашская народная музыкально-поэтическая система и ее инонациональные параллели» (1995), книга «Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма» (2007). В них впервые введены в научный оборот и обоснованы понятия количественной ритмики, афористической песенной сюжетики, музыкальных диалектов, южночувашского лада, многослоговой формы, убедительно доказана глубокая структурированность всех входящих в чувашскую народно-песенную систему компонентов и существование в ней ряда региональных свойств. Упорядочение этих сведений и рассмотрение их как единой целостной метакультуры, названной по примеру абстракций современной науки «Волго-Уральской музыкальной цивилизацией», осуществлено в монографии «Чувашская музыка в зеркале параллелей» (2018).

Фольклористический вектор научной деятельности Кондратьева имеет большой практический выход. При его поддержке в 1989 г. открылось фольклорное отделение в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф.П. Павлова, создан класс обучения игре на старинных чувашских шлемовидных гусях *кӗсле* в Чебоксарской детской музыкальной школе № 4 им. В.А. и Д.С. Ходяшевых. Несколько десятилетий он сотрудничает с кафедрой этномузикологии Казанской консерватории, с Республиканским дворцом культуры и народного творчества (ранее – Республиканский дом народного творчества), планомерно проводя лекции и семинары-практикумы.

Однако М.Г. Кондратьев – совсем не ученый одной темы, пусть даже и такой безграничной, как традиционная музыкальная культура. Как член Союза композиторов СССР (с 1978 г.), он принимал участие в обсуждении новых сочинений, в съездах, пленумах, Днях культуры. Профессиональное музыкальное искусство Чувашии во всех его основных направлениях – композиторском творчестве, исполнительстве, сфере профессиональной подготовки – наряду с фольклором получило в его трудах обширную и глубокую разработку. В разнообразных в жанровом отношении работах – от обширных монографий до статей, учебных пособий и буклетов – охарактеризованы основные жанры опус-музыки, творчество мастеров, музыкальных коллективов, история образовательных заведений. Нет ни одного композитора Чувашии, которого бы не затронул в своих исследованиях М.Г. Кондратьев. Большой ряд статей-персоналий связан с представителями исполнительского искусства. Немало работ обзорного характера посвящено актуальным проблемам национального и интернационального, общего и индивидуального, истории и современности, тенденциям развития чувашского искусства в широком музыкально-эстетическом контексте. Затронуты вопросы стиля, жанра, формы, тематики, музыкального языка. Глубокий анализ творчества мастеров разных поколений позволил выявить типологические для национальной композиторской школы черты. Введены ключевые для понимания творчества мастеров второй половины XX столе-

тия понятия стилей – «национально-традиционного», «национально-нетрадиционного» и «вне-чувашского», дифференцированных по интонационным истокам.

Исследуя музыкальную культуру советского времени, ученый восстанавливает подлинную историю чувашской музыки, опираясь на обширную источниковедческую базу и уникальные материалы, ставшие доступными после «архивной революции» начала 1990-х гг. Поднятый М.Г. Кондратьевым большой пласт новых документов лег в основу монографий «Композиторы Воробьевы» (2006), «Степан Максимов: музыкант-просветитель» (2010), «Гора золотая...»: Федор Павлов и его время» (2016). По инициативе музыковеда впервые в полном авторском варианте издается Собрание сочинений Г.В. Воробьева, выдающегося чувашского композитора довоенного времени. Заявившим о себе во второй половине XX столетия композиторам Г.Я. Хирбю, Ф.М. Лукину, В.А. Ходяшеву, А.Г. Васильеву и др. посвящен ряд составленных и отредактированных музыковедом научных изданий.

Глубину представлений о национальном искусстве усиливают книги и буклеты, освещающие основные этапы возникновения и развития старейших музыкальных организаций республики: Государственного ансамбля песни и танца, Детской музыкальной школы № 1 им. С.М. Максимова, Чебоксарского музыкального училища им. Ф.П. Павлова. Музыковеду принадлежат разделы о музыкальном искусстве в коллективных монографиях по истории и культуре чувашского народа, сотни статей в энциклопедических изданиях. Многолетние наблюдения и собранные воедино факты позволили ему переосмыслить и сформулировать по-своему новую, целостную периодизацию «всеобщей» истории чувашского музыкального искусства.

Как авторитетного искусствоведа, М.Г. Кондратьева часто приглашают на различные мероприятия – творческие презентации, открытия выставок, желая услышать профессионально точные, емкие характеристики в области художественной культуры. Он часто выступает на радио, телевидении, в периодической печати, на совещаниях по вопросам искусства и культуры, демонстрируя глубокую компетентность понимания проблем, ясность и аргументированность суждений, увлеченность и незаурядный дар рассказчика. Профессионализм, безупречная логика, научная взвешенность и продуманность идей позволяют ему иметь и высказывать по многим вопросам свое независимое мнение, порой идущее вразрез с официальной точкой зрения.

Научные изыскания М.Г. Кондратьев успешно сочетает с педагогической деятельностью. Долгое время он преподавал в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф.П. Павлова. В настоящее время богатый опыт накопленных знаний профессор передает студентам Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, аспирантам по специальности «музыкальное искусство» кафедры теории и методики музыки ЧГПУ. О нем, научном руководителе кандидатов искусствоведения И.В. Даниловой, С.В. Ильиной, Л.И. Бушуевой, говорят как о создателе научной школы чувашского музыковедения.

М.Г. Кондратьеву принадлежит свыше пятисот публикаций, из них восемнадцать составляют монографии по музыкальному искусству. Его научная деятельность связана с регулярными выступлениями на международных и всероссийских научных конференциях в Чебоксарах, Москве, Санкт-Петербурге, Таллине, Йошкар-Оле, Казани, Ижевске, Саранске, Астрахани, Уфе, Саратове, лекциями в ведущих консерваториях России. Член диссертационных советов Казанской и Новосибирской консерваторий, он выступает экспертом по вопросам теории и истории музыки Чувашии и республик Волго-Уральского региона, оппонирует на защитах кандидатских и докторских диссертаций в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани.

М.Г. Кондратьев ведет большую общественную работу в качестве советника Главы Чувашской Республики, члена Комиссии по Государственным премиям в области литературы и искусства при Главе Чувашской Республики, члена правления Союза композиторов Чувашской Республики. Удостоен почетных званий: заслуженный деятель искусств Чувашской Республики (1991), заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2001), лауреат Премии комсомола Чувашии в области науки и техники (1982), лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства (2004). Избран академиком

Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (1994), Международной академии наук педагогического образования (1999). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2008).

Основные научные труды

Метроритмическое строение чувашских народных песен, записанных от Г. Федорова // Чувашское искусство. Вып. 4. Чебоксары, 1975. С. 3–62.

К вопросу о типологии чувашской народной музыки // Чувашское искусство. Чебоксары, 1976. С. 53–73. (Труды / ЧНИИ; вып. 70).

Метроритмическое строение чувашских народных песен // Советская музыка. 1976. № 3. С. 115–117.

Многослоговой стих низовых чувашей в его взаимодействии с музыкальной формой // О чувашском искусстве. Чебоксары, 1977. С. 3–37. (Труды / ЧНИИ; вып. 75).

Новые симфонические и вокально-симфонические произведения чувашских композиторов // Современное чувашское искусство. Чебоксары, 1978. С. 110–118. (Труды / ЧНИИ; вып. 84).

Новое в фортепианном наследии Г.В. Воробьева // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1979. С. 112–123. (Труды / ЧНИИ; вып. 90).

Об одной разновидности ангемитоники в чувашских народных песнях // Советская музыка. 1979. № 5. С. 82–84.

О некоторых параллелях между чувашскими и марийскими народными песнями // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 276–284.

О песенном творчестве чувашских композиторов в 70-е годы // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 63–103. (Труды / ЧНИИ).

Исследование венгерскими учеными чувашской народной песни // Вопросы мастерства в современном чувашском искусстве. Чебоксары, 1981. С. 153–166. (Труды / ЧНИИ).

Песни низовых чувашей. Кн. 1. Чебоксары, 1981. 144 с.; Кн. 2. 1982. 176 с.

О ритмической системе чувашской народной песни // Вопросы истории и теории чувашского искусства. Чебоксары, 1982. С. 88–111. (Труды / ЧНИИ).

Наш современник Геннадий Воробьев // Советская музыка. 1982. № 10. С. 52–55.

Стилевые поиски в камерно-инструментальном творчестве композиторов Чувашии // Чувашское искусство: поиски и решения: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 35–63.

К вопросу о временной организации чувашских народных песен // Памяти К.В. Квитки, 1880–1953. М., 1983. С. 179–184.

К проблеме типологии ритма // Советская музыка. 1983. № 7. С. 89–94.

Основоположник чувашской профессиональной музыки // Федор Павлович Павлов – композитор и драматург: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–20.

Современность и чувашская музыка // Современность и чувашское искусство: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–23.

Чувашская песня сегодня // Музыка России. Вып. 5. М.: Советский композитор, 1984. С. 255–281.

О ритмической системе чувашской народной песни. Статья вторая // Чувашское народное творчество: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 19–40.

Понятие «интонационного словаря» в развитии национальных музыкальных школ // Б.В. Асафьев и советская музыкальная культура: Материалы Всесоюзной научно-теоретической конференции. М.: Советский композитор, 1986. С. 90–92.

У истоков чувашской композиторской песни // Вопросы истории чувашского искусства: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 5–25.

Проявления квантитативности в ритмике марийских и чувашских народных песен // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1988. С. 69–80.

Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР: история возникновения, этапы развития, творческие искания. Чебоксары, 1989. 159 с.

Типологическая структура чувашской музыкально-фольклорной системы // Традиционная музыка народов Поволжья и Приуралья: вопросы теории и истории: сб. статей / КФ АН СССР. Казань, 1989. С. 31–38.

On regional ethnomusical ties between the peoples in the Volga and the Ural region (based on the research of parallels between the Udmurt and the Chuwash musical folklore // International Conference «Folk music Today». Tallinn. July 10–13, 1989. Abstrakts. Tallinn, 1989. P. 91–93.

Музыкальный фольклор и этногенез народов Поволжско-Приуральской историко-этнографической области (на подступах к изучению проблемы) // Проблемы этногенеза народов Волго-Камского региона в свете данных фольклористики: Материалы научного семинара, 16–20 сентября 1989 г. Астрахань, 1989. С. 12–17.

О ритме чувашской народной песни: к проблеме квантитативности в народной музыке. М.: Советский композитор, 1990. 144 с.

Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк первый: Песенное творчество Ф.М. Лукина // Вопросы современного художественного творчества: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 18–33.

Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк второй: Песенное творчество А.В. Асламаса // Там же. С. 34–53.

О музыке в поэзии Константина Иванова // Творческое наследие К.В. Иванова: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 88–99.

О чувашско-удмуртских этномызыкальных параллелях // Этническая культура чувашей: вопросы генезиса и эволюции: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 72–104.

О чувашско-татарских этномызыкальных параллелях: введение в проблематику // Советская этнография. 1991. № 6. С. 105–114.

Чувашская *савра юрă* и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с.

Песни средненизовых чувашей. Чебоксары, 1993. 336 с.

Заметки о новой мифологии: На подступах к изучению подлинной истории музыки // Вестник Чувашской национальной академии. 1993. № 1. С. 55–65.

Песни средненизовых чувашей. Чебоксары, 1993. С. 5–15, 318–335.

Основные свойства чувашской пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: Материалы Межреспубликанской научной конференции, Казань, 1–2 ноября 1993 г. / Казанская консерватория. Казань, 1995. С. 86–91.

На подступах к изучению подлинной истории // Музыкальная академия. 1996. № 1. С. 84–89.

Чăваш халăх юрри: кевĕ-семĕ уйрăмлăхĕсем // Халăх эткерĕ: упраса аталантарас ыйтусем. Шупашкар, 1996. С. 13–41.

Пентатонность как важнейшая характеристика чувашской музыкальной системы // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996. № 5. С. 30–39.

О периодизации истории чувашской музыки // Чувашское искусство: вопросы теории и истории. Вып. 2. Чебоксары, 1996. С. 3–11.

Чувашия // История музыки народов СССР. Т. 7, вып. 2. М., 1997. С. 215–225. В соавторстве с С.И. Макаровой.

Çĕр савра юрă. Чăваш халăхĕн афоризмла поэзийĕнчен [Сто строф: из чувашской народной афористической поэзии]. Шупашкар / Чебоксары, 1998. 143 с. Составление, перевод.

Чебоксарское музыкальное училище им. Ф.П. Павлова: история и современность. Чебоксары: Чувашия, 1999. 71 с.

Проблема национального в музыкальном искусстве Чувашии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 189–205.

О динамике музыкально-теоретического статуса пентатоники // Музыкальная академия. 1999. № 4. С. 37–46.

Об общих компонентах музыкально-поэтических систем Поволжья и Приуралья // Музыкальная наука Среднего Поволжья: итоги и перспективы: Материалы юбилейной научной конференции, Казань, 20 июня 1996 года / Казанская консерватория. Казань, 1999. С. 59–64.

К понятию Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Теоретические концепции XX века: итоги и перспективы отечественной музыкальной науки: Материалы Всероссийской научной конференции / Новосибирская консерватория им. М.И. Глинки. Новосибирск, 2000. С. 320–329.

«Чувашские преобразования» И.Я. Яковлева и начало новой истории чувашской музыки // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 63–100.

Истоки и историко-типологические связи чувашской музыки до IX века н.э. // Музыкальная академия. 2001. № 3. С. 37–44.

Степан Максимов: время, творчество, масштаб личности. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 334 с.

Первопроходец // Музыкальная академия. 2002. № 3. С. 142–149.

О типологии ритмической вариантности / формульности в песенных традициях народов Поволжья и Приуралья // Искусство устной традиции. Историческая морфология: к шестидесятилетию И.И. Земцовского: сб. статей / отв. ред. и сост. Н.Ю. Альмеева. СПб.: Российский ин-т истории искусств, 2002. С. 204–215.

Наследие Григория Хирбю и XXI век // Композитор Григорий Хирбю и его время: исследования, воспоминания и материалы. Чебоксары, 2003. С. 5–22.

После полувековых ожиданий: Ласло Викар и чувашская музыка // Чувашское искусство: вопросы теории и истории: сб. статей. Вып. 5: Межнациональное пространство художественной культуры. Чебоксары, 2003. С. 36–48.

Симбирско-саратовские чувашки: история и культура: монографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2004. В соавторстве с А.П. Долговой, Г.Н. Ивановым, Г.Б. Матвеевым, П.П. Фокиным.

О музыке предков чувашей болгаро-суварского времени // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Вып. 3. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 3–29.

Проблемы этномузыковедческой компаративистики Поволжья // Музыка композиторов Поволжья и Приуралья: наука, творчество, образование: Материалы научно-практической конференции (г. Саранск, 4 декабря 2004 г.) / М-во культуры РМ, МГУ им. Н.П. Огарева; Союз композиторов РФ; Союз композиторов РМ. Саранск: Красный Октябрь, 2005. С. 22–34.

Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с., ил. (Биографическая серия «Замечательные люди Чувашии»).

Актуальность Глинки // Михаил Иванович Глинка: актуальность наследия. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 3–11.

Владимир Кривонос и Чувашия // Музыкальное образование в культуре Чувашии: посвящается В.М. Кривоносову (1904–1941). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 14–35.

Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

Два вида архаики в музыкальной культуре чувашского народа // Проблемы музыкальной науки: российский научный специализированный журнал. 2007. № 1. С. 170–178.

Ценности истинные и преходящие // Филипп Лукин: музыкант, общественный деятель: сб. статей, воспоминаний, материалов / науч. ред. д-р искусствоведения М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 5–20.

Историко-типологические координаты процессов в культуре народов Поволжья конца XIX – начала XX в. // Ренессанс Поволжья: Конец XIX – начало XX в. – период духовного возрождения народов. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 5–18.

Степан Максимов: музыкант-просветитель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 320 с., ил. + 24 с. вкл. (Биографическая серия «Замечательные люди Чувашии»).

Музыка финно-угорских народов и региональная этномузыковедческая компаративистика // Финно-угорская музыкальная культура и современный мир: Материалы Международной научной конференции, Казань, 7–9 ноября 2012 года. Казань: Казан. гос. консерватория, 2013. С. 96–105.

Об эпохе парадигмальных перемен // Проблемы музыкальной науки / MusicScholarship. 2013. № 1 (12). С. 117–120.

Музыкальные культуры Волго-Уралья как цивилизационная целостность // Проблемы музыкальной науки / MusicScholarship. 2011. № 1. С. 6–10.

«Осознать себя как современную нацию» // Музыкальная академия. 2013. № 3. С. 42–50.

Актуальность народного искусства в XXI веке // Народное искусство в XXI веке: актуальность, этнокультурные взаимодействия, формы бытия, проблемы развития / науч. ред. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 23–41. (Проблемы художественной культуры Чувашии; вып. 6).

Народно-песенная культура кряшен как региональный феномен // Кряшенское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 146–161.

Казань как «наше всё» // Музыка как национальный мир искусства: Материалы Международной научной конференции, Казань, 23–25 апреля 2015 года. Казань, 2015. С. 87–98.

Цивилизационные аспекты изучения традиционных интонационных культур Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 99–106.

«Гора золотая...»: Федор Павлов и его время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 399 с., ил. + вкл. 32 с.

Музыкальная культура // Чуваши: коллективная монография / под ред. В.П. Иванова, А.Д. Коростелева, Е.А. Ягафовой. М.: Наука, 2017. С. 510–532.

Сӗр савра юрӑ = Сто строф = Onehundredstanzas: из чувашской народной афористической поэзии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 127 с.: ил.

Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с.

«Новое искусство» XX века и художественная культура Чувашии // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России: (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Материалы Всероссийской научной конференции (Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.). Чебоксары: Среда, 2018. С. 288–294.

Л.И. Бушueva.

ХУЗАНГАЙ АТНЕР ПЕТРОВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

8 октября 2018 г. исполнилось 70 лет видному чувашскому ученому-филологу и общественному деятелю, почетному президенту Чувашского национального конгресса, кандидату филологических наук, доценту Атнеру Петровичу Хузангаю.

А.П. Хузангай родился в Чебоксарах в замечательной семье: его родители – выдающийся писатель, народный поэт Чувашии Педэр Хузангай и актриса Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова, народная артистка СССР Вера Кузьмина. В начальных классах его ввела в мир знаний Антонина Васильевна Черпакова (1887–1971), один из первых в Чувашии заслуженных учителей РСФСР, уважаемый и известный педагог. Класс, где учился Атнер, был её последним выпуском. Уроки первой учительницы давали представления о вечных ценностях: добре, любви, порядочности, красоте.

В школе любимыми предметами Атнера были геометрия, география, отчасти физика, в старших классах – английский язык. Увлекался джазом, рок-музыкой: Чак Берри, Элвис Пресли, «The Beatles», «Rolling Stones». По его признанию, «слова любимых песен списывали после многократного прослушивания – так осваивали English». К школьным студиям относятся первые пробы пера в жанре «сочинение на свободную тему» – в основном описания природы и её состояний в разные времена года. Они даже зачитывались по школьному радио.

В 1966 г. Хузангай с серебряной медалью окончил Чебоксарскую среднюю школу № 4 и имел намерение поступить на английское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета (то, что местом учебы будет город на Неве, было ясно изначально, ибо его единокровная сестра Саламби Петровна в свое время окончила Ленинградский электротехнический институт и жила в северной столице). Однако по совету и настоянию отца он поступил на отделение арабской филологии восточного факультета того же университета. Многоязычная и мультикультурная среда этого уникального факультета, где учились представители разных национальностей из множества городов и весей СССР, вызывала дух соревновательности, а строгое и вместе с тем доброжелательное отношение преподавателей кафедры арабской филологии (среди них много видных арабистов и семитологов – учеников патриарха советской арабистики, академика И.Ю. Крачковского), также изучаемые предметы – древние и современные восточные языки (арабский, классический древнееврейский, арамейский) и языки европейские – требовали каждодневных многочасовых занятий и приложения больших усилий.

В то время в Ленинграде в научной гуманитарной среде происходило своеобразное «брожение идей»: публично излагались новые теории в разных областях знания. Хузангай посещает лекции Л.Н. Гумилёва, начавшего разработку теории пассионарности и этногенеза, а также социолога и сексолога И.С. Кона, языковедов-структуралистов С.К. Шаумяна, И.А. Мельчука и др. Увлечшись структуралистским подходом, Атнер Петрович стремится приложить его к материалу классического арабского языка и современных арабских диалектов. Книга Ю.Д. Апресяна «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (М., 1966), яркий образец этого направления, становится для чувашского студента настольной. Первым опытом соединения новых методик анализа и традиционной арабской грамматической теории явилась курсовая работа Хузангай за 1969 г. «Категория *'ur 'aba* (флексии) в арабском литературном языке», выполненная на основе трактатов грамматиков Сибавейхи (VIII в.) и аль-Фариси (X в.). Лингвистическую специализацию он продолжил и в последующие годы учебы, а в 1972 г. защитил дипломную работу по теме «Именные непредикативные словосочетания в египетском диалекте».

В 1970–1971 гг. Атнер Петрович проходит стажировку в качестве военного переводчика в Арабской Республике Египет.

После окончания университета ему была присвоена квалификация «востоковед-филолог» по специальности «арабская филология». В 1973–1976 гг. А.П. Хузангай обучался в

очной аспирантуре Института востоковедения АН СССР. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Типология простого предложения в арабском диалектном языке», подготовленную под руководством профессора Г.Ш. Шарбатова, одного из ведущих арабистов московской школы, защитил в 1978 г. В диссертации и в статьях, посвященных арабскому языку, Агнер Петрович впервые проанализировал типологию арабских диалектных систем на синтаксическом уровне, а также категории, структуры и единицы, которые могут быть репрезентированы в пределах простого предложения. Была доказана типологическая инвариантность арабского диалектного языка, который как целое по ряду грамматических характеристик противостоит арабскому литературному языку.

На кафедре чувашского языкознания историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова начал работу в сентябре 1978 г. в должности ассистента (с 1981 г. – старший преподаватель, с 1987 г. – доцент). Читал лекции и вел практические занятия по общелингвистическим дисциплинам, чувашской диалектологии и арабскому языку.

Около двадцати лет (1990–2009) Агнер Петрович возглавлял отдел языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук, в 2009–2011 гг. работал там же ведущим научным сотрудником.

С середины 70-х гг. А.П. Хузангай активно проявляет себя как литературный критик и публицист. Причем с самого начала он публикуется не только в республиканской периодике, но и на всесоюзном уровне (газеты «Литературная Россия» и «Литературная газета», журналы «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Новый мир», «Вопросы языкознания» и «Советская тюркология»). Агнер Петрович – автор свыше 300 публикаций о языковом существовании чувашского этноса, по проблематике межнациональных отношений, о современной чувашской поэзии и отдельных поэтах Урало-Поволжского региона, в особенности – о творчестве Геннадия Айги. Некоторые статьи Хузангая были переведены на латышский, татарский, марийский, шведский, датский, итальянский и японский языки, эсперанто, также частично вошли в его книги: «Поиск слова: статьи о современной чувашской поэзии» (1987), «Тексты, метатексты & путешествия» (2003), «Путешествие по периферии к центру языка» (2003), «Без иллюзий: мой современник: литературно-критические статьи» (2017).

В 1990–1994 гг. Агнер Петрович – народный депутат Верховного Совета Чувашской АССР двенадцатого созыва, он возглавляет постоянную Комиссию по культуре, развитию языка и межнациональных отношений. При его активном участии разработаны и приняты Декларация о государственном суверенитете Чувашской Республики, Закон ЧР «О языках в Чувашской Республике», «Государственная программа реализации Закона Чувашской Республики “О языках в Чувашской Республике” на 1993–2000 и последующие годы», законодательные акты о государственных символах Чувашской Республики (Флаге, Гербе, Гимне), а также законы о Президенте Чувашской Республики, о выборах Президента ЧР и др.

Законотворчество и научно-исследовательская деятельность Агнера Хузангая в 1990-х гг. как бы взаимодополнялись, поскольку были ориентированы на один предмет – социальное функционирование чувашского языка в диахронии, синхронии и диатопии, то есть бытование языка в разных социумах – в условиях села и города, в местах компактного проживания чувашской диаспоры, а также в разных временных срезах. Это было особенно важно после объявления чувашского языка государственным на территории Чувашской Республики. Работа над указанной темой потребовала основательного знакомства с языковым законодательством и языковыми ситуациями в разных регионах мира, а также с современными социолингвистическими теориями. По этой тематике с конца 80-х по конец 90-х гг. А.П. Хузангай выступал на многих конференциях, симпозиумах, круглых столах, проводившихся в Москве, Элисте, Чебоксарах, Казани, Улан-Удэ, Висконсине (США), Гааге, Тарту, Пюхаярве (Эстония), Турку (Финляндия), Вентспилсе (Латвия), Измире, Бурсе (Турция) и Париже.

Научные интересы Агнера Петровича достаточно разнообразны – это и семиотический подход к поэтической функции языка, анализ поэтических идиолектов (Сеспель, П. Хузангай, В. Митта, Айги, Эйзин, Агтил и др.), использование репертуара собственных имен (онимов), языковое существование чувашского этноса, проблемы культурологии и др. При

этом ученый исходит из того, что чувашский язык – это центральный нерв национальной культуры, определяющий картину мира, сознание человека и, следовательно, его бытие.

В рамках социалингвистического описания современного чувашского языка А.П. Хузангай как консультант и эксперт сотрудничал с Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям и Отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Центром северноевразийских языков и культур им. Н.С. Трубецкого (Московский лингвистический университет), Научно-исследовательской лабораторией «Проблемы искусственного интеллекта» (Казанский государственный университет и АН Республики Татарстан), сектором по изучению языков народов Поволжья (Университет Турку, Финляндия).

А.П. Хузангай являлся одним из организаторов экспедиций по социалингвистическому и социокультурному обследованию чувашского языка как в Чувашской Республике (2004, совместно с НИЦ Института языкознания РАН), так и за её пределами (1996 – Республика Татарстан, Самарская и Ульяновская области; 2002 – «Чуваши Приволжья» в рамках проекта «Чуваши Приволжского федерального округа»). По инициативе Хузангай как заведующего отделом языкознания ЧГИГН проведены авторитетные межрегиональные конференции («Ономастика и языки Урало-Поволжья» – 1997; «Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля» – 1999; «Источники и периодизация истории чувашского языка: к 75-летию со дня рождения А. Рона-Таша» – 2006) и форумы международного статуса («Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура» – 2001, «Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра» – 2004, «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики» – 2009, «Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард» – 2009, VI Международный симпозиум «Вариативность в языках народов Поволжья» – 2006 и др.).

Становление А.П. Хузангай как общественно-политического деятеля совпало с началом перестройки (естественно, его мировоззрение сформировалось гораздо раньше). В тот период он инициировал создание ряда общественных организаций национально-демократического толка и сам возглавлял их. В 1987–1989 гг. являлся председателем Координационного центра творческой молодежи при Чувашском обкоме ВЛКСМ. В конце 80-х была организована Партия чувашского национального возрождения (ЧАП), в октябре 1992 г. – Чувашский национальный конгресс (ЧНК), президентом которого он являлся в 1992–1997 гг. (ныне – почетный президент). В 1993 г. ЧНК был принят в международную Организацию непредставленных народов и наций (UNPO; штаб-квартира в Гааге).

Агнер Петрович – редактор большого количества научных изданий, был руководителем отраслевой редакции «Чувашской энциклопедии» и «Краткой чувашской энциклопедии». Входил в состав редакционного совета журнала «Дружба народов», редакционной коллегии международного журнала чувашской культуры «ЛИК Чувашии», позднее – журналов «Новый ЛИК» и «КИЛ». Являлся членом редакционной коллегии биографической серии «Замечательные люди Чувашии», книжных серий «Библиотека Президента Чувашской Республики», «Чувашской антологии выстаивания и преображения».

Свидетельством авторитета Агнера Петровича в научной среде служит также включение его в состав бюро Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

А.П. Хузангай – лауреат премий Союза журналистов Латвии (1987), журнала «Дружба народов» (1987), Чувашского комсомола им. М. Сеспеля (1989), премии им. Васyleя Митта (награжден также медалью его имени) (1998), премии им. И.Я. Яковлева (2002), Международной отметины им. Давида Бурлюка (2010). Награжден Почетной грамотой Чувашской Республики (1998) и Почетной грамотой Государственного совета ЧР (1994, 2012).

Основные научные труды

Об односоставных предложениях в современных арабских диалектах // Исследования по структуре языков Азии и Африки. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1975. С. 224–239.

Типология простого предложения в арабском диалектном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 22 с.

К изучению арабско-персидских элементов в чувашском языке // Актуальные вопросы чувашского языкознания: тезисы докл. и сообщ. на науч. сессии, посвящ. 100-летию со дня рождения В.Г. Егорова (12–13 февраля 1980 г., Чебоксары) / [коллектив авт.]; Науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики; Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова; [отв. за вып. М.Ф. Чернов]. Чебоксары, 1980. С. 27.

Значение культурно-исторического контекста при этимологизации чувашских теонимов (Киреметь) // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 56–70.

На языке Данте и Петрарки: (о кн.: «I CANTI dei Popoli del Volga. I. Gennadij Ajgi. Antologia Ciuvascia. Edizione italiana a cura di Gianroberto Scarcia e Alessandra Trevisan // «Quaderni di Iranistica, Uralo-Altistica e Caucasologia dell' Università degli Studi di Venezia», 23. Arti Grafiche Scalia Editrice. Roma» (1988): [Антология чувашской поэзии / сост. Г. Айги. Рим, Скалиа, 1986]) // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 244–251.

Содержание университетского курса «Введение в тюркологию» и проблемы чувашского глотто- и топонемеза // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. Чебоксары, 1986. С. 77–82.

К определению этапов развития хунно-булгаро-чувашского ономастикона // Межъязыковые взаимодействия в Волго-Камье: межвузовский сб. науч. трудов. Чебоксары: ЧГУ, 1988. С. 49–59.

Право на наследство: Молодая финно-угорская поэзия Поволжья и Приуралья // Дружба народов. 1988. № 9. С. 215–230.

Судьба поэта: критико-биографический очерк [Васьлей Митта] // Взгляд за горизонт. Чебоксары, 1989. С. 158–210.

Имянаречение в булгаро-чувашской традиции: (функция имени и культурно-исторический контекст) // Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1993. № 1. С. 83–91.

Опыт семантической интерпретации некоторых характеристик частотного словаря поэтических текстов М. Сеспеля // Чувашский язык: история и современность / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1994. С. 29–42.

Языковое и культурное измерения в концепции государственной программы «Возрождение и развитие чувашского народа» // Вестник Чувашской национальной академии. Чебоксары, 1994. № 2. С. 40–48.

Об арабо-мусульманских терминах в чувашской сакральной лексике // Чăваш терминологи аталанăвĕн хальхи ыйтăвĕсем: наука конференцийĕн докладĕсем, хыпарсемпе тезисĕсем. Шупашкар, 1995. С. 36–38.

Проблемы языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 88–106.

К понятию поэтического языка (Сеспель и Айги) // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля: Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта (18 октября 1999 г., Чебоксары): в 2 кн. / коллектив авт.; редкол.: А.А. Трофимов [и др.]. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 2. / сост. библиогр. Т.М. Баймушкина. С. 91–101.

Урхи Наумĕ как чувашский филолог, лингвист, стилист-автодидакт // Наум Андреевич Андреев – Урхи Наумĕ: сб. статей к 110-летию со дня рождения. Чебоксары, 2002. С. 16–24.

Шведский «прибавочный элемент» в чувашской компаративистике // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура: Материалы Международной конференции, посвященной 325-летию со дня рождения Филиппа Йохана Табберт фон Страленберга (1676–1747) и 175-летию Августа Энгельбрехта Альквиста (1826–1889) (4–6 октября 2001 г., Чебоксары) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; ред.-сост. А.П. Хузангай. Чебоксары, 2003. С. 3–14.

Пролегомена к философии языка Н.И. Ашмарина // Ашмаринские чтения: материалы межрегиональной научной конференции. Чебоксары, 2004. С. 59–68.

Опыт анализа футуристического текста чувашской словесности («Хула» Андрея Петтоки) // Андрей Петтоки: поэт кун-сӹлӹпе пултаруӹӹхне сӹнӹлӹле ӹнланни / [пӹхса хатӹрлекенӹ, кӹртӹм стагьяпа ӹнлантарусене сыраканӹ, кӹтартмӹшсене хатӹрлекенӹ Г.А. Дегтярӹв]. Шупашкар, 2005. С. 208–217.

Вопрошание о Боге: [к 70-летию со дня рождения Г. Айги] // Новое литературное обозрение. 2006. № 79. С. 217–222.

Скандинавия – Поволжье = Скандинави – Атӓлси = Skandinavien – Atӓl̥si: альманах Международного поэтического фестиваля им. К.М. Бельмана / ред., предисл. А.П. Хузангая; [пер. А. Бэкстрем и др.]. Чебоксары: Чувашия, 2006. 310 с.: ил., портр.

Посвящается 100-летию поэта: [Педэр Хузангай: жизнь и творчество] / [авт.-сост. А.П. Хузангай]; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. 14 с.: ил., портр.

Социокультурная значимость чувашских переводов Евангелия (1820, 1911, 2007 гг.) // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: материалы конференции / [Ин-т перевода Библии, Ин-т языкознания РАН]. М., 2008. С. 102–106.

Тайна «Нарспи» и чувашская культура XX века // Нарспи: поэма / Константин Иванов; пер. с чуваш. П. Хузангая; худож.-ил. А. Миттов, П. Витти. Чебоксары, 2008. С. 203–253. (Литературные памятники = Литература палӓкӓсем).

Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения народного поэта Чувашии Геннадия Айги, 17-18 сентября 2009 г., Чебоксары / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; [ред.-сост. А.П. Хузангай]. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. 171 с.

Лирический космос Васyleя Митты // Слово-2009 = Сӓмах-2009: материалы конференций, исследования, из архивных материалов / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; [науч. ред. В.А. Ендеров]. Чебоксары, 2010. С. 111–119.

Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук; [ред.-сост., предисл. А.П. Хузангай]. [Репр. воспроизведение изд.: Санкт-Петербург, 1769]. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. XII + 68 + XX с.

Чувашское языкознание XX века (предыстория, идеи и проблемы) // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: Материалы Международной тюркологической конференции, 16–18 сентября 2010 г., Чебоксары / [ред.-сост. А.В. Кузнецов; предисл. Ю.Н. Исаева]. Чебоксары, 2011. С. 122–134.

Михаил Сеспель как чувашский культурный герой XX века // Сеспель М. Мильном стих мой повторен = Эп пин чӓваш... : стихи, фрагменты из дневника и писем / М. Сеспель; [сост. А.П. Хузангай; предисл. Г. Айги]; худож. Г. Фомиряков. Чебоксары, 2012. С. 175–232.

Без иллюзий: мой современник: литературно-критические статьи / [худож. А.Б. Фомиряков]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 255 с.: ил., портр.

Перевод как вакцина против этнопровинциализма (чувашский опыт): [выступление на IV Международном конгрессе переводчиков художественной литературы, Москва, 8–11 сентября 2016 г.] // Миры литературного перевода: в 2 т. Т. 2. Переводчик: тонкости ремесла: материалы тематических семинаров IV Международного конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 8–11 сентября 2016 г.). М., 2018. С. 223–231.

Г.А. Дегтярёв.

СИДОРОВА ЕФРОСИНИЯ СЕРГЕЕВНА
(1930–2018)

30 июля 2018 г. ушла из жизни известный чувашский ученый, кандидат филологических наук, доцент Ефросиния Сергеевна Сидорова.

Ефросиния Сергеевна родилась 16 февраля 1930 г. в д. Верхние Ирх-Сирмы Мариинско-Посадского района Чувашской АССР. Трудовой путь начала в качестве учителя русского языка и литературы в Яншиховской семилетней школе Батыревского района. Под ее руководством в школе работал литературный кружок, был организован сельский молодежный хор. Педагогическую деятельность сочетала со сбором фольклора. Собранные материалы молодая учительница отправляла в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ЧНИИ; ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН).

В 1957 г. семья Сидоровых переехала в г. Чебоксары. В поисках работы Ефросиния Сергеевна обратилась в ЧНИИ и была принята на работу в научный архив. Работая в нем, Е.С. Сидорова воочию убедилась в богатстве фольклора родного народа. С 1958 г. Сидорова стала вести активную работу по сбору произведений устной поэзии чувашей в составе экспедиций 1960 и 1969 гг. под руководством сотрудника Ленинградского этнографического музея Т.А. Крюковой. Обследованием были охвачены села Марпосадского, Козловского и Красночетайского районов. Побывав в них, Ефросиния Сергеевна освоила методику работы с населением по анкетированию и сбору произведений устного народного творчества.

С 1970 г. Сидорова энергично включается в работу по сбору фольклора. Всего ею проведено 25 экспедиций, которые проходили в чувашских селениях как родной республики, так и за ее пределами.

Большое внимание Е.С. Сидорова уделяла прозаическим жанрам чувашского фольклора. В 1979 г. в соавторстве с русским писателем С.И. Шуртаковым выпустила книгу «Чувашские легенды и сказки», куда вошли собранные ею тексты. Нельзя не отметить и пристрастие Е.С. Сидоровой к народной песне. Она глубоко запала ей в душу еще с детства. В семье, где росла Ефросиния Сергеевна, всегда звучала песня. В архиве ЧГИГН хранятся записи гостевых, пирушечных, обрядовых песен, баллад и частушек. Многие песни, записанные ею с музыковедом М.Г. Кондратьевым, вошли в 2-томный сборник «Песни низовых чувашей», «Песни средненизовых чувашей».

Сбор фольклорных произведений пробудил в Ефросинии Сергеевне исследовательский интерес. Она пишет статьи, обобщающие научную ценность собранных в экспедиции материалов: «Фольклорная экспедиция 1975 г.» (1976), «Фольклор Чебоксарского района» (1975), «Современное состояние фольклора чувашей Поволжья» (1970) и др. Большой интерес представляет и статья «Песенный фольклор сихтерминских чувашей» (1977). В 1973 г. Е.С. Сидорова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук и стала первым ученым из чувашей, получившим специальную научную подготовку по фольклористике. Идеи и выводы, сделанные ею, получили высокую оценку как местных, так и московских специалистов. По проблемам чувашского фольклора и литературы Сидоровой написано около 100 трудов: «Чувашская бытовая сказка», «Чувашский фольклор периода Великой Отечественной войны», «Пословицы, поговорки, приметы», «Влияние взаимосвязей и взаимопроникновения национальных культур на тематику бытовых сказок», «Чувашский такмак и русская частушка» и др.

Е.С. Сидорова не только исследователь, но и прекрасный педагог. С 1978 г. работала доцентом кафедры чувашской литературы Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Е.С. Сидорова при помощи студентов собрала огромное количество образцов чувашской народной словесности, музыки, которые хранятся в научном архиве ЧГИГН и библиотеке ЧГУ. Все, что собрано Е.С. Сидоровой за период ее трудовой деятельности на ниве просвещения и науки, является ценным материалом для дальнейшего исследования проблем не только сугубо фольклористической, но также этнографической, исторической, лингвистической и музыковедческой наук. Ефросиния Сергеевна весь свой колоссальный опыт, знания, личное время и энергию отдавала своим воспитанникам. С ее помощью приобщились целые поколения к творческой работе.

Талант и труды Е.Ф. Сидоровой были отмечены высокими государственными наградами. За многолетний труд награждена медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». За подготовку и издание шеститомника «Чăваш халăх сăмахлăхĕ» (Чувашское устное народное творчество) (1973–1987) вместе с коллективом авторов удостоена Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова (1988). В 1996 г. ей присуждено звание «Заслуженный работник образования Чувашской Республики».

Ефросиния Сергеевна всегда будет для нас примером безграничной преданности своей профессии. Светлая память о ней навсегда сохранится в наших сердцах.

Г.Г. Ильина.

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ
(1942–2018)

17 октября 2018 г. на 76-м году жизни после продолжительной болезни скончался известный исследователь чувашского языка, доктор филологических наук, профессор Виталий Иванович Сергеев.

В.И. Сергеев родился 20 января 1942 г. в д. Мартынкино Красноармейского (ныне в составе Аликовского) района Чувашской АССР. Его детство пришлось на трудные и голодные военные годы. Своего отца, Ивана Сергеевича, он никогда не видел, так как тот был призван на фронт в 1941 г. и пропал без вести во время боев за г. Ленинград. С детства у Виталия проявилась тяга к изучению языков. Как писал он сам, его первое слово в жизни – русское слово «как», в котором, возможно, выразалось стремление мальчика к познанию мира. Любимыми предметами в школе были немецкий язык, история, русский язык и зоология.

В 1960 г. В.И. Сергеев поступил на учебу в Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева, на отделение английского и чувашского языков. Знание немецкого языка, который он успешно осваивал в школьные годы, помогло в изучении английского. Наблюдая за успехами студента, преподаватели удивлялись и не верили, что до поступления в вуз он не знал ни одного слова на английском языке. После окончания института в 1965 г. Виталий Иванович несколько лет работал учителем немецкого и английского языков, а также заместителем директора по воспитательной работе в разных школах Красночетайского и Красноармейского районов.

Первым опытом научных изысканий будущего профессора, вне сомнения, можно считать его курсовую работу «Значения и функции слова *вара*», написанную под руководством известного исследователя чувашской грамматики И.П. Павлова. Работы молодого лингвиста не остались незамеченными в научной среде. В конце 1968 г. крупный знаток и исследователь чувашского языка И.А. Андреев напишет письмо в деревню к его матери с предложением В.И. Сергееву устроиться на работу в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) в г. Чебоксары. Виталий Иванович сначала не принял это приглашение, но по настоятельной рекомендации И.А. Андреева все же сдал вступительные экзамены в аспирантуру. Именно с этого момента начинается его долгий и плодотворный путь на поприще науки.

С 1970 по 1973 г. В.И. Сергеев обучается в аспирантуре сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР в Москве под руководством видного тюрколога, профессора Э.Р. Тенишева. Эти годы для Виталия Ивановича стали настоящей школой научного творчества. Здесь он подготовил, а в 1974 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Способы выражения

множественности в чувашском языке» (на заседании специализированного совета Д 002.17.02 при Институте языкознания АН СССР 30 июня 1974 г.; г. Москва). По окончании аспирантуры В.И. Сергеев перешел на работу в Чувашский научно-исследовательский институт на должность старшего научного сотрудника, где проработал до 1982 г.

С 1982 г. Виталий Иванович начинает трудовую деятельность в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), в котором работает до конца своих дней. Являясь сначала старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры чувашского языкознания историко-филологического факультета ЧГУ, В.И. Сергеев ведет занятия по морфологии чувашского языка, изучает проблемы морфемики. Результатом его напряженной работы стал выход в свет таких учебных пособий для студентов, как «Морфемика: конспекты лекций» (1987), «Имя существительное в чувашском языке» (1987), «Современный чувашский язык: морфология» (1992) и др. В 1992 г. Виталием Ивановичем успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Основные тенденции развития лексической семантики чувашского языка» (на заседании специализированного совета Д 069.15.02 Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова 26 июня 1992 г.; г. Чебоксары). Надо отметить, что тема его диссертационного исследования до сих пор остается одним из слабоизученных разделов тюркского языкознания.

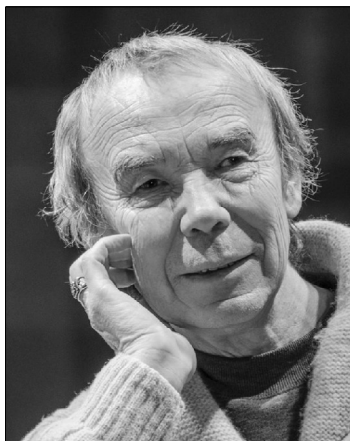
90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. стали для В.И. Сергеева одним из самых плодотворных в научном плане периодов жизни. В 1993 г. он назначается заведующим кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы и деканом факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ, в 1994 г. ему присвоено ученое звание профессора по кафедре методики преподавания чувашского языка и литературы, а с 1996 по 2003 г. Виталий Иванович занимает должность директора Института чувашской филологии и культуры ЧГУ. С 2008 г. практически до конца своих дней он – заведующий кафедрой чувашского языкознания и востоковедения ЧГУ. В это время В.И. Сергеев издает новые учебные пособия и научные работы. Среди них – «Развитие лексической семантики чувашского языка» (1991), «Полный морфологический анализ» (1993), «Именные части речи» (1994), «Морфологические категории чувашского языка» (1994, 1997), «Словообразование. Развитие семантики. Номинация» (1998), «Морфология и морфонология» (2001), «Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели» (2001), «Морфологические категориальные и некатегориальные формы чувашского языка» (2002), «Общее языкознание: учебное пособие» (2008) и др.

С 2012 по 2017 г. В.И. Сергеев работал по совместительству в Чувашском государственном институте гуманитарных наук ведущим научным сотрудником филологического направления. В эти годы ученый занимается проблемами антропологической лингвистики. Сам Виталий Иванович называл это направление «лингвочеловекологией». Но действительно фундаментальным трудом, можно сказать, трудом всей его жизни стала монография «Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование», изданная в ЧГИГН в 2017 г. в серии «Строй чувашского языка».

В.С. Сергеев долгое время был членом специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.301.03 по специальности «10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» (ЧГУ), а также объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций ДМ 212.301.05 по специальности «07.00.02 – отечественная история» (ЧГУ). Неоднократно награждался Почетными грамотами Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, Министерства образования Российской Федерации, Государственного совета Чувашской Республики, Чувашского государственного университета. В 1997 г. получил премию им. Н.И. Ашмарина Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. В том же году был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики», а в 2014 г. – звания «Заслуженный работник высшего образования Российской Федерации».

В повседневной жизни доброжелательный и отзывчивый человек, в науке Виталий Иванович проявил себя как вдумчивый и кропотливый исследователь. Всю свою жизнь он посвятил изучению родного чувашского языка и зажег своей энергией и энтузиазмом многих своих учеников. Коллеги и близкие В.И. Сергеева скорбят по поводу его безвременной кончины. Мы всегда будем хранить в сердцах память о нем, как о настоящем ученом и прекрасном человеке.

Э.Е. Лебедев.

ДМИТРИЕВ ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ
(1947–2018)

20 ноября 2018 г. не стало Иосифа Александровича Дмитриева – заслуженного деятеля искусств Чувашской Республики, заслуженного деятеля культуры Республики Казахстан. Талантливый, многогранный человек, он ярко проявил себя как актер, драматург, театральный режиссер, театровед, поэт, переводчик и общественный деятель. Один из плеяды преобразователей (реформаторов) культурного пространства Чувашии постсоветского времени.

Иосиф Александрович родился 27 июня 1947 г. в д. Юськасы Цивильского района Чувашской АССР. Окончил музыкальное отделение Канашского педагогического училища, затем поступил в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии на актерский факультет (курс А. Кацмана). Творческий путь его начался рано. Будучи студентом, он вошел в «большое кино» главной ролью в художественном фильме «Сеспель», созданном в 1970 г. в Киевской киностудии им. А. Довженко. Глубокое проникновение в образ молодого поэта, понимание его трагической судьбы, по-юношески искренняя и эмоциональная игра принесли Иосифу Дмитриеву успех и признание.

Окончив в 1972 г. институт, Дмитриев вернулся в Чебоксары и стал актером Чувашского академического драматического театра им. К. Иванова. Очень скоро его разносторонний талант проявился во многих сферах культуры. По окончании Московского государственного института театрального искусства им. А.В. Луначарского (ГИТИС) в 1980 г. он поставил на сцене родного театра пьесу «Хула камичёсем» («Провинциальные анекдоты») А. Вампилова, затем – «Кёре кёрсен» («Осенний сад») – психологическую драму американской писательницы Л. Хеллман в собственном переводе с английского на чувашский язык.

Работа Иосифа Александровича в качестве режиссёра-постановщика была продолжена в Чувашском театре юного зрителя (ТЮЗ) (1980–1984, 1987–1989 гг.). Его спектакли «Ялта» (В деревне) по пьесе Ф.П. Павлова (1982), «Хёрёме калам – кинём, илт» (Намек снохе) по пьесе Н. Терентьева, «Гәләхә юлнисем» (перевод «Чайки» А. Чехова), «Гелейлэ сұл пултәр» («В добрый час» В. Розова) и др. всегда получали высокую оценку зрителей и оставались в репертуаре театра много сезонов. Режиссуре мастера присущи глубина замысла и реализация его в безошибочно найденных образах и выразительных формах. Особенно выделяются его спектакли по пьесам национальной драматургии. В них И.А. Дмитриев пытался донести до зрителя красоту и богатство родного языка, дать почувствовать особое очарование чувашской поэзии, национальных обрядов, и, как он сам говорил, вызвать желание сохранить его для потомков. Этой идее – сохранению самобытной чувашской культуры – он служил до последних дней.

В 1996 г. Иосиф Александрович был приглашен для работы в Русский драматический театр им. М. Горького в столице Казахстана – г. Астана. Будучи главным режиссером театра, также вел курс актерского мастерства и сценической речи в музыкальном училище. Вернувшись в Чебоксары в 1999 г., Дмитриев погрузился в исследовательскую работу в качестве научного сотрудника отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук. Но последовало очередное приглашение в Казахстан, и данный отъезд растянулся на 9 лет: в 2002–2011 гг. он работал режиссёром Акмолинского областного русского драматического театра и одновременно был руководителем актерского отделения в Кокшетауском колледже культуры им. Акана Серэ и режиссером-постановщиком в Русском драматическом театре г. Кокшетау. Несмотря на востребованность и высокую оценку его профессиональной деятельности правительством Казахстана (ему были присвоены звания заслуженного работника культуры Республики Казахстан и лауреата Международного театрального фестиваля в г. Алматы за спектакль «Хан Кене» М. Ауэзова), Иосиф Александрович возвращается в родную республику.

Значимы научные разработки И.А. Дмитриева в области этнотеатроведения – новой темы в чувашском искусствоведении. За время работы научным сотрудником в ЧГИГН (1989–1996, 1999–2002) им опубликовано более десятка статей, в которых, погружаясь в чувашские народные обрядовые формы и тексты, он находил элементы театральности и материал для профессионального сценического творчества. Результатом этих изысканий стала монография «Этнотеатральные формы в чувашском обряде» (1998). Последняя его опубликованная статья – «Идея театра в истории Чувашии» – датирована 2018 г.: несмотря на неизлечимую болезнь, Иосиф Александрович продолжал активно работать.

Весомым было мнение И.А. Дмитриева как театрального критика, умеющего проанализировать и расставить существенные акценты в происходящем художественном процессе. Велика его заслуга в просвещении и воспитании нового поколения национальной творческой элиты. Для молодых актеров, литераторов, поэтов он был непререкаемым авторитетом. Всегда оригинальный в суждениях, он привлекал своей открытостью, широтой знаний, глубочайшей любовью к народной культуре. Многочисленные встречи с широкой аудиторией, выступления в СМИ, организация всевозможных семинаров, конкурсов, лекций, поэтических фестивалей, творческих лабораторий позволяли Дмитриеву продвигать идеи сохранения и развития чувашского языка, культуры, искусства. Акцент на своеобразии и богатстве художественных традиций был для него главным в творческой деятельности.

При этом И.А. Дмитриев, избравший звучный псевдоним Трер, был открыт и миру. «Чтобы наш мир стал немного лучше, мы должны участвовать в этом мире. Познавая свою культуру, мы обязаны развивать ее далее», – сказал он в одном интервью. Замечательный переводчик, он сделал доступными для чувашей многие произведения шведских и норвежских поэтов и писателей, его собственные стихи переводились на русский и шведский языки. Замечательный актер и прекрасный чтец, Иосиф Александрович был участником Международного поэтического фестиваля и ежегодных семинаров по художественному переводу в Швеции.

С 2011 г. Иосиф Александрович Дмитриев служил театру в качестве режиссера, а с 2014 г. – главного режиссера Чувашского государственного театра юного зрителя им. М. Сеспеля, создав спектакли по пьесам чувашских авторов, а также по произведениям русской и зарубежной классики, не раз получал призы престижного театрального конкурса «Узорчатый занавес» за режиссуру. В последние годы был доцентом Чувашского государственного института культуры и искусств.

Деятельность И.А. Дмитриева несла в себе новаторские качества, расширяла горизонты театрального искусства, театроведения и литературы, во многом способствовала росту интереса в обществе к традиционной самобытной чувашской культуре. Его образ навсегда останется в наших сердцах.

А.И. Мордвинова.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом. Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 страницы) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 страницы) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают примечания и краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь предисловие, примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

Археология

- Березин А.Ю.* Культ коня и мирового древа в традиционных верованиях тюркских народов Поволжья (по материалам археологических памятников) 3

История

- Мухаммадеев А.Р.* Способы и нормы бракосочетания волжских болгар доисламского периода 19
- Егоров Д.В.* Волостное судопроизводство чувашей во второй половине XIX – начале XX века: этноправовые и процессуальные особенности . . . 26
- Исхаков Р.Р.* Деятельность Переводческой комиссии Православного миссионерского общества по переводу и изданию книг на чувашском языке 57
- Касимов Е.В.* Чувашский комплексный научно-исследовательский институт: от создания до реорганизации (1930–1933 гг.) 77

Этнология

- Матвеев Г.Б.* Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: мифы о возникновении мира 107

Историография

- Сараев А.С.* Происхождение и этническая история чувашского народа в трудах Л.Н. Гумилёва 141

Искусствоведение

- Мордвинова А.И.* Художник Анатолий Иванович Миттов: становление мастера 166

Филология

- Лебедев Э.Е.* Формы настоящего и будущего времени глагола в чувашском и турецком языках 182

Новая зарубежная литература

- Сараев А.С.* Аннотация кн.: Roux J.-P. L'Asie Centrale: histoire et civilisations [Ру Ж.-П. Центральная Азия: история и цивилизации]. – Paris: Fayard, 2003. – 528 p. 199
- Лебедев Э.Е.* Аннотация статьи: Ersoy Feyzi. Çuvaş Türkçesinde yeterlilik kategorisi // Dil Araştırmalar [Эрсой Фейзи. Категория возможности в чувашском языке // Исследования по языкознанию]. X. Bahar 2016/18. – S. 85–102 206

Рецензии

- Клементьев В.Н.* Рец. на: Плечов Г.Н. Основные вехи и социально-просветительное содержание деятельности инспектора чувашских школ И.Я. Яковлева: хронологически-документальное исследование / Г.Н. Плечов. – Чебоксары: Чувашия, 2016. – 799 с. 212
- Сараев А.С.* Рец. на: Салмин А.К. История чувашского народа / А.К. Салмин. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 128 с. 214
- Мустафина Д.А.* Рец. на: Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1: Документы Ядринской приказной избы второй половины XVI – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары: ЧГИГН, 2017. – 640 с. 220
- Софронова И.В.* Рец. на: Никифорова В.В. Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX–XXI веков / В.В. Никифорова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2018. – 48 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 25) 226
- Ахвандерова А.Д.* Рец. на: Кузнецов А.В. Чувашская диалектология: итоги и задачи изучения / А.В. Кузнецов; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2018. – 56 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 26) 227

Наши юбиляры

- Ягафова Екатерина Андреевна (к 50-летию со дня рождения) 231
- Кондратьев Михаил Григорьевич (к 70-летию со дня рождения) 237
- Хузангай Атнер Петрович (к 70-летию со дня рождения) 244

Памяти коллег

- Сидорова Ефросиния Сергеевна (1930–2018) 249
- Сергеев Виталий Иванович (1942–2018) 251
- Дмитриев Иосиф Александрович (1947–2018) 253
- Правила для авторов 255

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 13. 2018

Научный журнал

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Выпускающий редактор *И.П. Семёнова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Вёрстка *Э.В. Кирилловой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 12.12.2018. Дата выхода в свет 27.12.2018. Формат 70×100^{1/16}.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 21,12. Уч.-изд. л. 20,98. Тираж 100. Заказ № 18.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 5 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
E-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
E-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 27.12.2018
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1